DOI: 10.21209/1996-7853
DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4

ISSN 1996-7853
ISSN 2542-0038 (Online)

ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕКТОР

Humanitarian Vector

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»

672039, Россия, Забайкальский край, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30

АДРЕС РЕДАКЦИИ

672007, Россия, г. Чита, ул. Бабушкина, 129
Телефон: 8 (3022) 35-24-79
Факс: 8 (3022) 41-64-44

FOUNDER AND PUBLISHER

FSBEI HE "Transbaikal State University"

30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, Transbaikal Territory, Russia, 672039

EDITORIAL OFFICE ADDRESS

129 Babushkina st., Chita, Russia, 672007
Phone: 8 (3022) 35-24-79
Fax: 8 (3022) 41-64-44

E-mail: zab-nauka@mail. ru

http://www. zabvektor.com

Том 13, № 4
2018

Vol. 13, No. 4
2018

Гуманитарный вектор

Издаётся с 1997 г.
Выходит пять раз в год

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-71267 от 10.10.2017

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук: *философские, филологические, исторические науки и археология*

Направление номера журнала
Исторические науки и археология

Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях; высказываемые взгляды могут не отражать точку зрения редакции

Редакция журнала руководствуется положением Гражданского кодекса РФ по авторскому праву, международным стандартом редакционной этики, лицензией Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0 Всемирная

Подписной индекс журнала в «Пресса России» ***42407***

Размещение и индексация журнала
CrossRef, ERIHPLUS, Index Copernicus, Ulrich'sPeriodicals Directory, Citefactor, JIFACTOR, Journal Factor, Google Scholar, WorldCat, НЭБ, Соционет, Znanium, БиблиоРоссика, Арбикон, ИВИС, КиберЛенинка, Университетская библиотека онлайн, IPRbooks

Редакционная коллегия

Главный редактор
И. В. Ерофеева, доктор филологических наук, доцент

Выпускающий редактор
А. В. Константинов, доктор исторических наук, профессор

Б. В. Базаров, доктор исторических наук, профессор (Улан-Удэ, Россия);
Батмаз Вейзель, доктор наук, профессор (Стамбул, Турция);
Т. В. Бернюкевич, доктор философских наук, доцент (Москва, Россия);
Андре Буржо, доктор социальных наук (Париж, Франция);
Бэрон Келли, доктор наук, профессор университета Луисвилл (Штат Кентукки, США)
Т. В. Воронченко, доктор филологических наук, профессор (Чита, Россия);
Мариан Геруля, доктор филологических наук, профессор (Катовица, Польша);
М. И. Гомбоева, доктор культурологии, профессор (Чита, Россия);
З. К. Дербишева, доктор филологических наук, профессор (Бишкек, Киргизская Республика);
В. С. Диев, доктор философских наук, профессор (Новосибирск, Россия);
Жамбалын Цэцэгма, доктор исторических наук, профессор (Монголия);
Н. Л. Жуковская, доктор исторических наук (Москва, Россия);
Е. Ю. Захарова, доктор философских наук, доцент (Чита, Россия);
В. К. Зубарева, доктор филологических наук, профессор (Филадельфия, США);
Т. Ю. Игнатович, доктор филологических наук, доцент (Чита, Россия);
Изухо Масами, доцент (Токио, Япония);
А. А. Камалова, доктор филологических наук, профессор (Ольштын, Польша);
В. И. Карасик, доктор филологических наук, профессор (Волгоград, Россия);
В. В. Колесов, доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия);
М. В. Константинов, доктор исторических наук, профессор (Чита, Россия);
В. А. Маслова, доктор филологических наук, профессор (Витебск, Белоруссия);
Б. Я. Мисонжников, доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия);
А. Н. Новиков, доктор географических наук, доцент (Чита, Россия);
Н. С. Розов, доктор философских наук, профессор (Новосибирск, Россия);
Грег Саймонс, доктор наук, доцент (Уппсала, Швеция);
Д. В. Сергеев, доктор философских наук, доцент (Чита, Россия);
Д. Л. Стровский, доктор политических наук, профессор (Ариэль, Израиль);
Д. В. Трубицын, доктор философских наук, доцент (Чита, Россия);
М. Н. Фомина, доктор философских наук, профессор (Чита, Россия);
Фуми Иизука, доктор антропологии (Калифорния, США);
Граля Хероним, доктор исторических наук (Варшава, Польша);
И. В. Черникова, доктор философских наук, профессор (Томск, Россия);
Чжао Сяобин, доктор литературы, доцент (Баодин, КНР)

Ответственный секретарь
Е. В. Седина, кандидат культурологии

Редактор О. Ю. Гапченко,
редактор перевода В. М. Ерёмина,
вёрстка Г. А. Зенковой

Подписано в печать 15.07.2018.
Дата выхода в свет 20.07.2018.
Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура "Arial".
Способ печати оперативный. Заказ № 18098.
Усл. печ. л. 21,4. Уч.-изд. л. 19,1.
Тираж 1000 экз. (1-й з-д 1–100 экз.).
Цена свободная

Отпечатано в ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30

Тематика журнала связана с *ключевыми смыслами, ценностями и артефактами культуры*. Идейная канва контента журнала становится основанием для осмысления широкого круга социокультурных проблем в рамках таких наук, как философия, филология и история.

Данный выпуск представляет собой сборник оригинальных и обзорных научных статей российских и зарубежных авторов по отечественной и всемирной истории, археологии, источниковедению и историографии.

Материалы журнала будут интересны широкой научной общественности, преподавателям вузов, аспирантам, студентам, деятелям культуры и образования.

© Забайкальский государственный университет, 2018

Humanitarian Vector

Founded in 1997
Published five times a year

Gumanitarnyi Vektor

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor)

Registration certificate
ПИ № ФС 77-71267 of 10.10.2017

The journal is in the list of the leading refereed scientific journals and editions which publish the main results of dissertations for academic degrees of doctors and candidates of sciences: *Philosophical Sciences, Philologial Sciences, Historical Sciences and Archeology*

Journal Issue direction
Historical Sciences and Archeology

The authors are fully responsible for the selection and presentation of the facts contained in their articles; the views expressed by them may not necessarily reflect the views of the editorial board

The editorial board is guided by the provisions of the Civil Code of the Russian Federation on Copyright, International Editorial Ethics Standards, Creative Commons license "Attribution" ("Attribution") 4.0 universal

Subscription index of the journal in “Press of Russia” ***42407***

Journal placement and indexing
CrossRef, ERIHPLUS, IndexCopernicus, Ulrich'sPeriodicalsDirectory, Citefactor, JIFACTOR, Journal Factor, Google Scholar, WorldCat, RSC, Sotsionet, Znanium, BiblioRossika, Arbikon, IVIS, KiberLeninka, Universitetskaya biblioteka onlain, IPRbooks

Editorial Board

Editor-in-Chief
I. V. Erofeeva, Doctor of Philology, Associate Professor

Main Handling Editor
F. V. Konstantinov, Doctor of History, Professor

B. V. Bazarov, Doctor of History, Professor (Ulan-Ude, Russia);
V. Batmaz, Doctor of Sciences, Professor (İstanbul ,Turkey);
T. V. Bernyukevich, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Moscow, Russia);
Andre Bourget, Doctor of Sociology (Paris, France);
Baron Kelly, Doctor of Sciences, Associate Professor (University of Louisville Kentucky, USA)
T. V. Voronchenko, Doctor of Philology, Professor (Chita, Russia);
Marian Gerula, Doctor of Philology, Professor (Katowice, Poland);
M. I. Gomboeva, Doctor of Culturology, Professor (Chita, Russia);
Z. K. Derbisheva, Doctor of Philology, Professor (Bishkek, Kyrgyz Republic);
V. S. Diev, Doctor of Philosophy, Professor (Novosibirsk, Russia);
Zhambalyn Tsetsegma, Doctor of History, Professor (Mongolia);
N. L. Zhukovskaya, Doctor of History (Moscow, Russia);
E. Yu. Zakharova, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Chita, Russia);
V. K. Zubareva, Doctor of Philology, Professor (Philadelphia, PA, USA);
T. Yu. Ignatovich, Doctor of Philology, Associate Professor (Chita, Russia);
Masami Izuho, Associate Professor (Tokyo, Japan);
A. A. Kamalova, Doctor of Philology, Professor (Olsztyn, Poland);
V. I. Karasik, Doctor of Philology, Professor (Volgograd, Russia);
V. V. Kolesov, Doctor of Philology, Professor (St. Petersburg, Russia);
M. V. Konstantinov, Doctor of History, Professor (Chita, Russia);
V. A. Maslova, Doctor of Philology, Professor (Vitebsk, Belarus);
B. Ya. Misonzhnikov, Doctor of Philology, Professor (St. Petersburg, Russia);
A. N. Novikov, Doctor of Geography, Associate Professor (Chita, Russia);
N. S. Rozov, Doctor of Philosophy, Professor (Novosibirsk, Russia),
G. Simons, Doctor of Sciences, Associate Professor (Uppsala, Sweden);
D. V. Sergeev, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Chita, Russia);
D. L. Strovsky, Doctor of Political Science, Professor (Ariel, Israel);
D. V. Trubitsin, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Chita, Russia);
M. N. Fomina, Doctor of Philosophy, Professor (Chita, Russia);
Fumie Iizuka, Doctor of History, Anthropology (California State University, USA);
Hieronim Grala, Doctor of History (Warsaw, Poland);
I. V. Chernikova, Doctor of Philosophy, Professor (Tomsk, Russia);
Zhao Xiaobing, Doctor of Literature, Associate Professor (Baoding, People’s Republic of China)

Executive Secretary
E. V. Sedina, Candidate of Culturology

Corrector O. Yu. Gapchenko,
Editor of the English Translation V. M. Eremina,
Make-up G. A. Zenkova

Signed to print 15.07.2018.
Date of publication 20.07.2018.
Format 60×84 1/8. Offset paper. Headset “Arial”.
Operative printing. Order No. 18091.
Conv. quires 21,4. Ed.-print quires 19,1.
Circulation 1000 copies. (first impression 1–100 copies).
Free price

Printed by FSBEI HE “Transbaikal State University”
30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, Russia, 672039

The dominant subject matter of the journal is connected with *key meanings, values and artifacts of culture*. This ideological outline of the journal’s content becomes the basis for understanding of a wide range of sociocultural problems within philosophy, philology and history.

The issue is a collection of original and review scientific papers of Russian and foreign authors on the national and world history, archeology, source studies and historiography.

Materials will be interesting to the wide scientific community, university lecturers, postgraduates, students, workers in culture and education.

© Transbaikal State University, 2018

ГУМАНИТАРНЫЙ вектор

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ

Субботина Н. Д. Проблема периодизации истории: единичное, особенное и общее 6
Шагиахметов М. Р. Системная теория развития государства и общества 17
Чистанов М. Н. Блеск и нищета географического детерминизма (размышления об этнокультурной идентичности в контексте проблемы исторического субъекта) 28
Даренский В. Ю. Анализ парадоксов украинской национальной идентичности в концепции П. М. Бицилли 34
Мерцалов В. И. Атаман Семёнов как политик 43
Филянов Н. А. Социально-политический аспект законопроектов Ливия Друза Младшего 53

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Байкалов Н. С. Зарубежная историография советского БАМа: тематические доминанты и ключевые сюжеты 62
Беспалько Д. Н. История становления и развития ондатрового промыслового хозяйства на севере Читинской области в 1932–1950 годах 70
Кискидосова Т. А. Енисейск конца XIX – начала XX века глазами местных жителей: дневник М. П. Миндаровского 79
Плотникова М. М. Развитие городского самоуправления в Восточной Сибири в первой половине XIX века 85
Семёнов Е. В. Участие польских ссыльных в развитии гостиничного дела в Восточном Забайкалье во второй половине XIX века 95

ИСТОРИЯ РЕЛИГИИ

Юрганова И. И. «До царя далеко, до бога высоко…» (из истории взаимоотношений светской власти и духовенства в Якутском крае) 102
Смирнова И. Ю. Британский миссионерский проект в Забайкалье (1817–1840) 110
Косых В. И. Террористические акты против духовенства Забайкальской епархии (1921–1922) 119

ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ

Аюшеева М. В., Ванчикова Ц. П., Ринчинова О. С. Архивные документы по истории Бурят-Монгольского учёного комитета (1922–1929) 125
Мамкина И. Н. Деятельность добровольной общественной организации учителей Забайкальской области в начале XX века 132
Яремчук О. А. Организация внеучебной деятельности школьников г. Читы в конце 1930-х – начале 1940-х годов 140

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

Ванчикова Ц. П. , Аюшеева М. В. К истории монастыря Бадгар 149
Намсараева С. Б. «Договор мира и родства»: о типах альянсных брачных союзов Цинского двора с монголами и китайцами 158
Санжиева Е. Г. Изобразительное искусство в культуре Бурятии второй половины 1940-х и 1950-х годов 166

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ВРЕМЯ

Полянская О. Н. История и культура монгольских народов в трудах востоковеда В. П. Васильева (1818–1900) 171
Занданова Л. В., Кулакова Я. В. Совершенный учитель: к 90-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора Виктора Григорьевича Тюкавкина 177

HUMANITARIAN Vector

CONTENTS

PHILOSOPHY OF HISTORY

Subbotina N. D. The Problem of Periodization of History: Single, Special and General 6
Shagiakhmetov M. R. System Theory of State and Society Development 17
Chistanov M. N. The Splendors and Miseries of Geographical Determinism (Reflections about Ethnocultural Identity in the Context of the Historical Subject Problem) 28
Darenskiy V. Yu. Analysis of Paradoxes of Ukrainian National Identity in P. Bitsilli's Conception 34
Mertsalov V. I. Cossack Ataman Semenov as a Politician 43
Filyanov N. A. The Social-Political Aspect of the Bills of Livius Drusus The Younger 53

REGIONAL HISTORY

Baikalov N. S. Foreign Historiography of the Soviet BAM: Thematic Dominants and Main Narratives 62
Bespal'ko D. N. The History of the Formation and Development of Muskrat Farming in the North of the Chita Region in 1932–1950 70
Kiskidosova T. A. Yeniseisk in the End of the 19th – Early 20th Centuries through the Eyes of the Local Residences: the Diary of M. P. Mindarovsky 79
Plotnikova M. M. Development of Municipal Self-Government in Eastern Siberia in the First Half of the XIXth century 85
Semenov E. V. Participation of the Polish Political Exiles in Development of Hotel Business in the Eastern Transbaikalia in the Second Half of the 19th Century 95

HISTORY OF RELIGION

Yurganova I. I. "The Tsar Is Far Away, and God Is High Above…" (from the History of Interrelations of Secular Power and the Clergy in the Yakutsk Region) 102
Smirnova I. Yu. The British Missionary Project in Transbaikalia (1817–1840) 110
Kosykh V. I. Terrorist Acts against the Clergy of the Transbaikal Diocese (1921–1922) 119

HISTORY OF EDUCATION AND SCIENCE

Ayusheeva M. V., Vanchikova T. P., Rinchinova O. S. The Archival Documents on the History of Buryat-Mongolian Scientific Committee (1922–1929)..... 125
Mamkina I. N. Activity of the Teachers' Voluntary Social Organization in the Transbaikal Region in the Beginning of the XXth Century 132
Yaremchuk O. A. Organization of Extracurricular Activities of Schoolchildren in Chita in the Late 1930s – Early 1940s 140

ORIENTAL STUDIES

Vanchikova T. P., Ayusheeva M. V. To the History of the Badgar Monastery 149
Namsaraeva S. B. Typology of Heqin Marriage Alliances: Manchu-Chinese and Manchu-Mongol Marriages during the Qing Dynasty 158
Sanzhieva E. G. Fine Art in Culture of Buryatia of the Second Half of the 1940s and the 1950s 166

PEOPLE. EVENTS. TIME

Polyanskaya O. N. History and Culture of the Mongolic Peoples in the Works of the Russian Orientalist V. P. Vasilyev (1818–1900) 171
Zandanova L. V., Kulakova Ya. V. A Perfect Teacher: to the 90th Anniversary of the Birth of Doctor of History, Professor Viktor Grigorievich Tyukavkin 177

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ

PHILOSOPHY OF HISTORY

УДК 101.8.167
DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-6-16

Надежда Дмитриевна Субботина,
доктор философских наук, профессор,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),
e-mail: dialectica@yandex.ru

Проблема периодизации истории: единичное, особенное и общее

В статье анализируются проблемы периодизации истории. Утверждается, что в работах К. Маркса помимо формационной периодизации присутствуют, по крайней мере, три периодизации, описывающие историю общества как целостной системы. В статье говорится, что в исследовании структуры истории (периодизации) возможны разные по степени абстрактности подходы в зависимости от объекта исследования. В разнообразии периодизаций прослеживается диалектика единичного, особенного и общего. Если объект – история человечества в целом, то создаётся самая абстрактная периодизация (общее), если объект – мир-системы, то периодизация менее абстрактная (особенное), если же объект – составные мир-систем – то их периодизация ещё менее абстрактная (единичное). Хотя любая периодизация имеет в своей основе общие черты, проявляющиеся в выделяемых ею этапах. Периодизация истории всякого объекта имеет право на существование. Уменьшение абстрактности и расширение конкретности есть переход от философии истории к конкретной истории, и границы разделения этих наук не всегда точно различимы. Периодизация развития общества как целостной системы – социальная эволюция – является самой общей. Однако, если речь идёт о глобальной эволюции, то эволюция общества будет уже частным её этапом. В статье также предлагается, как один из вариантов общей, авторская периодизация истории по специфике предпосылок развития: развитие общества на основе внешних естественных предпосылок и развитие общества на основе созданных самим обществом социальных предпосылок.

Ключевые слова: периодизация истории, общественно-экономическая формация, мир-система, единичное, особенное, общее

Введение. Факт того, что изучение структуры истории – сложнейшая проблема, признаётся всеми. На создание периодизации истории тем или иным автором оказывает воздействие множество факторов, приводящих к тому, что трудно, или даже невозможно сформулировать периодизацию, удовлетворяющую всех. Это такие факторы, как время создания периодизации, господствующая на данный момент идеология, принадлежность автора к тому, или иному философскому направлению, богатство или нехватка исторического материала и т. д.

А. С. Пронин показывает крайности двух борющихся между собой подходов к периодизации истории, которые он обозначает как «формационный» и «цивилизационный»: «Первый – образец монизма, иногда специфического “экономического детерминизма”. Второй – плюрализма, доходящего порой до абсурда (когда цивилизации идентифицируются на базе географии, религии, государственности). Оба метода типологизации истории ведут в методологический тупик ещё на уровне выделения таксономических единиц, при попытке “подогнать” конкретное образование под абстрактную мыслительную универсалию» [9, с. 8].

Уточним, что первый подход, который Пронин называет «формационным», лучше

© Субботина Н. Д., 2018

обозначать, как «линейный», так как и другие проявления линейного подхода (теория «осевого времени» К. Ясперса, многочисленные теории традиционного, индустриального и постиндустриального общества, учение о трёх волнах О. Тоффлера и др.) обладают теми же недостатками, которые Пронин обнаружил у формационного. В таком случае, используя тот же «геометрический» подход в названии, второй подход определяется как «циклический» (Н. Я. Данилевский, А. Тойнби, Л. Н. Гумилёв, П. А. Сорокин и многие другие). Данная классификация является устоявшейся в философии истории.

Проблемы, связанные с периодизацией – это не только выбор линейного или циклического подхода. Это также выбор таксономических единиц периодизации (эпоха, формация, этап, эра и т. п.), которые одни философы и истории разделяют, а другие понимают как синонимы. Учёные спорят и о критериях периодизации. Главный же вопрос: можно ли создать единую периодизацию, которая охватывала бы всё общее, присутствующее во всех культурах и удовлетворяла бы всех, не противоречила бы ни гуманитарным, ни естественнонаучным взглядам, соответствовала мировоззрению всех народов? А. С. Пронин, к примеру, оптимистично смотрит на возможность создания универсальной периодизации, для чего, по его мнению, «необходимо творческое взаимодействие позиций гуманитарных и естественных наук, базирующееся на достижениях каждой сферы знания» [Там же].

Методология и методы исследования. В статье используются диалектический метод, исторический анализ, логический анализ, собственные методологические подходы: принцип исследования соотношения социального с внешним естественным и с внутренним естественным и анализ развития общества на основе естественных и социальных предпосылок.

Результаты исследования и их обсуждение.

К. Маркс и советские марксисты о периодизации истории

Отрицательную роль в понимании периодизации общества в советское время сыграла из учебника в учебник, из словаря в словарь повторяющаяся фраза с небольшими вариациями про общественно-экономическую формацию: «Выработка этой категории основоположниками исторического материализма дала возможность поставить на место абстрактных рассуждений об обществе вообще, характерных для предшествовавших философов и экономистов, конкретный анализ различных типов общества, развитие которых подчиняется присущим им специфическим законам»[1]. Это неправда. Во-первых, даже определение, данное общественно-экономической формации основоположниками марксизма, говорит о том, что общественные отношения образуют «общество, находящееся на определённой ступени исторического развития, общество с своеобразным отличительным характером»[2]. То есть, эта фраза говорит о том, что «общество вообще» развивается, проходит в своём развитии ряд этапов, каждый из которых имеет свою специфику. Во-вторых, во многих своих работах классики марксизма постоянно анализировали «общество вообще», понимая его как целостную систему, что дало им возможность дать ещё несколько периодизаций помимо формационной (об этом чуть ниже).

В 1984 году в Казани было опубликовано учебное пособие «Периодизация всемирной истории», в котором с марксистских позиций анализировались разные подходы к периодизации истории и исследовались такие элементы структуры общества, как этап, период, эра, эпоха и другие. Один из авторов пособия А. С. Шофман ставил задачу «разоблачить попытки наших идеологических противников приписать марксистской историографии искусственную нивелировку многообразия исторического процесса»[3]. На наш взгляд, претензии наших тогдашних «идеологических противников» были совершенно обоснованы: нельзя подогнать историю всех, без исключения, стран под формационную периодизацию. Но виноват в этом был не Маркс, а российские марксисты, которые одну из предлагаемых Марксом периодизаций возвели на пьедестал и ввели запрет на всякое сомнение в её истинности. В то время как Маркс лишь размышлял, какая периодизация более точно отражает историю, применяя при этом разные и по качеству, и по абстрактности критерии.

Во-первых, в «Экономических рукописях 1857–1869 годов» Маркс предлагал периодизацию по форме общественных отношений, выделяя этапы отношений личной за-

[1] Глезерман Г. Е. Общественно-экономическая формация // Философский энциклопедический словарь / Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. – М.: Сов. Энциклопедия, 1983. – С. 745–747.

[2] Маркс К. Наёмный труд и капитал // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс: в 39 т. Т. 6. – Изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1955. – С. 442.

[3] Периодизация всемирной истории: учеб. пособие / В. Д. Жигунин [и др.]; науч. ред. А. С. Шофман. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1984. – С. 76–85.

висимости, отношений вещной зависимости и будущий этап, основанный на свободной индивидуальности [6, с. 103]. Ещё одна периодизация Маркса была создана по критерию предпосылок развития. В «Немецкой идеологии», написанной совместно с Энгельсом, выделяется период развития общества на основе «естественно возникших орудий труда и форм собственности» и этап развития на основе «созданных цивилизацией орудий производства и форм собственности» [7, с. 65]. Вариант третьей периодизации Маркс изложил в наброске письма Вере Засулич, где он говорил о двух общественных формациях – «первичной» и «вторичной». Первичная, или «архаическая», была основана на общей собственности, а вторичная – на частной. Между ними Маркс видит переходный период – период земледельческой общины. Он писал: «…период земледельческой общины является переходным периодом от общей собственности к частной собственности, от первичной формации к вторичной» [5, с. 404]. Точно так же позднее он говорил о переходном периоде между буржуазной частной собственностью и коммунистической общественной, обозначая этот период как диктатуру пролетариата. Поэтому можно сказать, что коммунистическая формация в данной периодизации Маркса является третичной. Следовательно, данная марксистская периодизация содержит три периода, и между ними – два переходных периода.

На исходе периода советской власти проблему периодизации истории ставила в своей диссертации Л. С. Чурочкина. Универсальность формационной периодизации, создававшая много сложностей для исследователей, особенно для историков, уже подвергалась сомнению. Правда, её критика разрешалась только путём обращения к другим работам Маркса и Энгельса. Л. С. Чурочкина описывает дискуссию, развернувшуюся вокруг проблемы формационной периодизации. «В ходе обсуждения отмечалось, что сложившаяся к тому времени [имеются в виду 60–80-е гг. XX в. – *Н. С.*] в философской науке трактовка многих категорий и положений формационного учения… осложняет осмысление фактического материала, в частности, затрудняет различение этапов докапиталистического периода истории» [16, с. 11].

Изучая историю различных стран, учёные обнаруживали множество фактов, не укладывавшихся в признанную формационную периодизацию, что приводило к сомнению в единстве всемирной истории. Чурочкина пишет, что такие авторы, как Л. С. Васильев, И. А. Стучевский, Ю. М. Кобищанов, А. Я. Гуревич, Л. В. Данилова и другие обосновывали «необходимость выделения единого докапиталистического этапа истории» [Там же, с. 11]. При этом она отмечает, что каждый из этих авторов абсолютизировал какую-либо одну сторону общественного развития до возникновения капитализма. Это могут быть общинные отношения, внеэкономическое принуждение, «слитность» личных и экономических отношений [Там же, с. 11–12]. Однако, как пишет Чурочкина, защитники «пятичленной» периодизации истории упрекали своих оппонентов в абсолютизации особенных черт докапиталистических обществ. В свою очередь, эти защитники не могли объяснить наличие специфики в разных регионах, так как понимали соотношение производительных сил и производственных отношений как неизменное в любых формациях. Автор видит причины сложности в создании периодизации истории в «индуктивистском понимании общих закономерностей развития как результате сравнения развития отдельных “социальных организмов”» [Там же, с. 8].

Она отмечает, что «общая тенденция исследований общественного развития в советской науке, в частности вопросов периодизации, состоит в постепенном преодолении эмпирико-индуктивной методологии и переходу к теоретическому анализу» [Там же].

Западные философы и историки о периодизации истории

В настоящее время в западной философии истории существует огромное многообразие предлагаемых периодизаций истории, отличие которых объясняется не только принадлежностью к той или иной философской/исторической школе, стране, но и внутри одной страны или школы предлагаются периодизации, отличные друг от друга. Однако на многие периодизации продолжают оказывать влияние работы классиков философии, в том числе К. Маркса. В качестве примера можно привести обзор современной историографии Франции, сделанный Е. А. Шелиной. Она пишет: «Начиная статью в 1986 г., О. Дюмулен писал о пяти периодах: “Античность, Средние века, Ренессанс, Новое время, Новейшее время”, …в сборнике 1991 г. тот же О. Дюмулен совместно с Р. Валери пишет о “четырёх стариках”-периодах (“quatre vieilles”): Античность, Средневековье, Новое время и Новейшее время. Ж. Ледюк выделяет те же четыре периода, называя их “каноническими”, но в главе, посвящённой этому типу периодов, он

рассматривает также “доисторический период” и “протоисторический” (поздний период доисторического времени, длящийся приблизительно до 3000 г. до н. э. для Месопотамии и Египта и до I тысячелетия в Европе), исключённые, однако, им самим из числа канонических периодов» [17, с. 12].

Интересно замечание Шелиной о том, что «…в основе отделения “канонических периодов” от периодов другого типа …то, что на их выделении строится система университетских кафедр и других учебных подразделений, в рамках которых происходит профессиональное становление историков» [Там же]. Получается, что возникшая в результате научного анализа прошлого периодизация истории оказала воздействие на структуру научных подразделений. Теперь же эта устоявшаяся структура является препятствием для создания каких-либо иных периодизаций.

Во второй половине XX века в западной философии разрабатывались и новые подходы к исследованию общества, в которых объединялись изучение структуры общества и структуры истории. Пожалуй, наиболее известными стали исследования Ф. Броделя и И. Валлерстайна. Оба они основное внимание отдают не всей истории, а лишь эпохе капитализма. Классик школы «Анналов» Фернан Бродель сформулировал категорию «мир-экономика» под которой понимал часть мировой экономической системы, которая сама является системой взаимосвязанных элементов и обладает особенностями. Мир-экономика, по Броделю, это «экономически самостоятельный кусок планеты, способный в основном быть самодостаточным, такой, которому его внутренние связи и обмены придают определённое органическое единство» [1, с. 2]. Мир-экономика находится на территории, имеющей географические очертания; у неё есть некий центр – крупный город, и от этого центра расходятся зоны: ближе к центру – срединная, затем промежуточная и на окраине – периферия. Уровень жизни в мир-экономике падает с удалением от центра к периферии. Последняя используется уже как поставщик ресурсов.

Таким образом, в теории Броделя основой структуризации общества является, как и у Маркса, экономика. А. С. Пронин считает, что «первичность экономических отношений – наследие формационного подхода» [9, с. 14]. Однако Бродель не подражал Марксу, а так же, как и последний, учитывал огромную роль экономики в жизни общества. Он писал: «Из всех видов овладения пространством освоение экономическое… легче всего вычленяется и шире всего распространено» [1, с. 2].

В данной статье нас интересует не пространство, а время, которое, как отмечал Бродель, тоже может делиться. Он упоминает открытые до него «бесконечно возобновляющиеся периодические движения». «Совокупность таких движений образует… конъюнктуры», ритмы которых Бродель исследует. Он говорит, что таких конъюнктур множество, но анализирует только экономические (сезонные движения, циклы разной продолжительности, называемые по именам их создателей). Бродель называет множество исторических периодов (конъюнктур) разной степени длительности, которые существуют параллельно друг другу и смешиваются между собой. «Но посредством технически простых приёмов можно разделить глобальное движение на движения частные, пренебречь теми или иными из них ради единственного преимущества выделить избранное движение, на которое вы хотите пролить свет» [Там же, с. 54–55]. Бродель анализирует разные конъюнктуры и кризисы между ними, вначале логически, а затем примеряет их к конкретной истории уже не мир-экономик, а мир-систем. Указывая на сложность сведения всех этих временных процессов, учёный вынужден упрощать историю. Он утверждает, что кризисы «…отмечают начало распада структуры: связный мир-система, который спокойно развивался, приходит в упадок, или завершает свой упадок, и со многими отсрочками и промедлениями рождается другая система» [1, с. 68]. Бродель при этом анализирует не всю историю, а «*экономическую* историю мира с XV по XVIII век» [Там же, с. 17].

Близкую периодизацию истории современного мира (Модерна) создал И. Валлерстайн. Так же, как и Бродель, он обосновывал её системой общества, которую называл мир-системой: «…в исследовании процесса “развития” нельзя просто исследовать одну страну за другой, – напротив, рассматривать отдельные страны можно лишь в рамках более широкой категории, которую я назвал мир-системой. Слово “мир” здесь не является синонимом слова “универсум” – как сказал бы Фернан Бродель, это не мир в смысле мироздания (the world), а некий отдельный мир (a world)» [3, с. 18].

Когда Валлерстайн обращается к истории, то обращает внимание на несколько «великих водоразделов», то есть переходных периодов. В их числе неолитическая, или

сельскохозяйственная революция и «создание современного мира». Этот последний «водораздел» – создание, движущие силы и временные рамки эпохи Модерна порождает постоянные споры между специалистами.

Валлерстайн выделяет четыре этапа истории мир-системы эпохи Модерна. Первый – истоки и раннее состояние. Второй – консолидация системы «примерно между 1640 и 1815 годами». Третий – превращение «мира-экономики в глобальное предприятие, которое стало возможным благодаря технологической трансформации современного индустриализма» (1815–1917). Четвёртый – консолидация «капиталистического мира-экономики, начиная с 1917 года и до настоящего времени»[1] [3, с. 11].

Необходимо также упомянуть ещё двух авторов, написавших совместную работу о мир-системах. Это К. Чейз-Данн и Т. Холл. В отечественном сборнике «Время мира» опубликован перевод их статьи «Две, три, много миросистем» [15]. Оставаясь в том же экономическом направлении, они заменили понятие «способ производства» на понятие «способ накопления», считая его более точным. Описав три типа способов накопления, они выделили соответствующие им три типа мир-систем. Накопление, использующее родственные связи, создаёт мир-систему, основанную на родстве и состоящую из охотников, собирателей, рыболовов, а также классовые, но ещё безгосударственные вождества. Накопление, осуществляемое при помощи дани, создаёт первичные государства, империи. Рыночные накопления создают капиталистические мир-системы. Эти три типа, сменяя друг друга, образуют три периода.

Отечественные исследователи о периодизации истории

Значительный вклад в решение данной проблемы внесли современные отечественные авторы Н. С. Розов и И. В. Пантин. Н. С. Розов выделяет три вида динамики: социальную, историческую и социальную эволюцию. «Социальная динамика включает существенные изменения конкретных социальных структур (групп, сообществ, организаций, институтов и т. д.). <…> Историческая динамика – это обобщённая социальная динамика, рассмотренная при отвлечении от конкретных социальных структур с фокусом внимания на изменениях охватывающей целостности (например, общества или цивилизации) в более продолжительном отрезке времени. Социальная эволюция представляет собой результат следующей ступени абстрагирования: здесь мы уже отвлекаемся от конкретных обществ» [10, с. 41].

В работе «Философия и теория истории» Розов анализирует проблемы формирования периодизации, выделяя среди них проблемы философских предпосылок периодизации, гносеологические, онтологические, аксиологические проблемы, проблемы единства всемирной истории и глобальной периодизации, проблемы принципа и критериев выделения частей и границ периодизации, полноты и целостности периодизации, проверки периодизации, проблемы исследования макроисторической динамики в связи с периодизацией [11].

Разрабатывая теорию модернизации, Розов исходит из признания четырёх основных экономических стадий: общества с присваивающим хозяйством, общества с аграрно-ремесленными технологиями, индустриальные общества и постиндустриальные общества с сервисными технологиями. В соответствии с экономическими стадиями он выделяет шесть фаз общественного развития: первобытные общества, варварские общества, общества ранней государственности, общества зрелой государственности, общества сквозной государственности и сензитивные общества [Там же]. Сензитивность автор понимает как чувствительность общества «по отношению к внутренним и внешним проблемам, достигаемую за счёт эффективного научного анализа и выработки гибких комплексных стратегий решения проблем» [Там же].

В. И. Пантин представил свой вариант структуры истории. Он предлагает различать понятия «замкнутый цикл» и «эволюционный цикл». «Под замкнутым циклом понимается повторяющаяся во времени часть траектории движения социальной или природной системы, в начальной и конечной точках которой система оказывается в одном и том же (тождественном) состоянии. Под эволюционным циклом, или витком… понимается часть траектории движения социальной или природной системы, в начальной или конечной точках которой система оказывается в подобных по ряду важных характеристик, но принципиально различных в эволюционном отношении состояниях» [Там же, с. 22–23]. Волна отличается от цикла тем, что она распространяется в пространстве. Поэтому циклы и волны – явления взаимосвязанные, но несут разную нагрузку. И то и другое понятие обозначает изменения в состоянии системы, но понятие «цикл» показывает последовательность,

[1] И. Валлерстайн создавал свою теорию в 60-х годах прошлого века.

логику и взаимосвязь таких изменений, а понятие «волна» обозначает распространение изменений в пространстве. В своей теории Пантин использует теорию кондратьевских циклов конъюнктуры и показывает, что кондратьевские циклы могут быть использованы для анализа и прогноза мирового экономического, политического и социального развития.

Циклически-волновая теория объединяет лучшие стороны циклического и линейного подходов. «Исторический цикл оказывается незамкнутым, он не исключает наличия поступательной составляющей общего культурного, технологического, политического движения человечества в целом или отдельного суперэтноса» [8, с. 23]. В своей теории Пантин прогнозирует грядущие экономические кризисы.

Если подходить к периодизации с позиций философии истории, то можно полностью согласиться с Л. С. Чурочкиной в том, что «критерием периодизации должно быть понимание общества как целого, как диалектического взаимодействия его сторон. Выбор односторонних критериев периодизации, т. е. абсолютизация той или иной стороны жизни общества (как бы не было велико её значение) приводит к искажённым представлениям о сущности отдельных этапов истории, и обо всём историческом процессе в целом» [16, с. 9]. В данном пассаже можно обнаружить намёк на формационную периодизацию Маркса, с его гипертрофированной ролью способа производства, а если более точно, то составного элемента способа производства – производительных сил. В то же время не стоит забывать, что в работах Маркса есть и другие периодизации, «чисто» логические, философско-исторические, три из которых описаны выше.

Отметим, что, защищая кандидатскую диссертацию на 8 лет ранее Чурочкиной, в 1982 году, Н. Д. Субботина предлагала один из вариантов такой логической периодизации истории. Данная периодизация была согласована с предложенной нами формулировкой двух типов развития – развития на основе внешних предпосылок и развития на основе собственных, внутренних предпосылок [12]. Обоснование данных типов развития было дано на основе диалектического учения о развитии, разработанного Г. В. Ф. Гегелем, который в «Энциклопедии философских наук» показал, что всякое новое возникает в недрах старого («нечто имеет своё бытие в некоем другом»), содержащего в себе условия (предпосылки, как он их называет) для возникновения нового («непосредственная действительность содержит в себе зародыш чего-то совершенно другого»). Затем, в ходе становления нового, эти предпосылки диалектически снимаются, по словам Гегеля, они уходят в основание («условия, которые жертвуют собой, идут к основанию и поглощаются, сливаются в другой действительности лишь с самими собой»), и новое обретает собственную основу развития [4, с. 280, 320].

Положения Гегеля о возникновении нового позволяют выделить два этапа: развитие на основе внешних предпосылок (становление предмета или явления, когда существует большая зависимость формирующегося предмета от этих предпосылок) и развитие на основе созданных собственных предпосылок (совершенствование). На этом этапе предмет или явление обладает подлинным саморазвитием с ускорением.

Данные этапы развития настолько качественно отличаются друг от друга, что их можно определить как типы. На мой взгляд, развитие любого предмета или явления, в том числе общества, включает в себя эти два этапа-типа.

Если применить эту типологию развития к *обществу в целом*, то можно выделить два этапа, среди них: 1) антропосоциогенез – становление общества и 2) вся последующая история. Во время длительного периода антропосоциогенеза становящееся человечество постепенно выделялось из природы и в своём социальном становлении использовало естественные предпосылки: внешние (камни, шкуры, кости и т. д.) и внутренние (зачатки мышления, животные инстинкты, память, групповую иерархию). Всё это обусловливало большую зависимость от природы.

Если анализировать историю цивилизации *в целом*, то можно выделить 1) доцивилизованное общество и 2) цивилизованное общество. Доцивилизованное общество, развивавшееся преимущественно на основе внешних, природных предпосылок и зависевшее от них, постепенно накапливало собственные предпосылки дальнейшего развития – орошаемое земледелие, письменность, города, обработку металлов, социальную структуру и прочее. Все эти предпосылки в совокупности привели к возникновению цивилизации – этапа совершенствования и саморазвития общества. Поэтому *человеческая цивилизация*[1], на наш взгляд, – это *общество, развивающееся на основе собственных предпосылок*. На этом этапе общество получает относитель-

[1] Имеется в виду вся человеческая цивилизация, а не отдельные культуры-цивилизации.

ную изоляцию от природы и меньше зависит от неё. Однако полностью освободиться от власти природы оно не может, во-первых, потому, что природа больше и мощнее и, во-вторых, потому что природное, естественное находится не только вне, но и внутри человека и общества, оказывая воздействие на производство и быт, на поведение человека и форму общественных отношений [12; 13].

На 6 лет позднее, в 1988 году, была опубликована работа В. А. Вазюлина «Логика истории. Вопросы теории и методологии», на которую ссылается Л. С. Чурочкина и в которой излагаются положения, сходные с нашими. Чурочкина считает, что В. А. Вазюлиным «задача систематического воссоздания общества и его исторического развития» решена наиболее последовательно. «В его концепции исторический процесс предстаёт как процесс выделения общества из мира природы, как процесс возникновения и становления общественной формы движения материи, как процесс формирования общественной целостности. <…> Содержание этих этапов представляет собой качественные изменения во взаимодействии людей с природой и друг с другом…» [16, с. 23]. Сам Вазюлин в послесловии к своей работе отмечает, что при анализе «Капитала» К. Маркса он выявил «…членение процесса развития на стадию предпосылок (начала), стадию первоначального возникновения, стадию формирования и стадию зрелости (если иметь в виду только прогрессивное развитие). <…> Оказалось возможным рассмотреть человеческое общество как органическое целое, а его историю – как историю его начала (предпосылок), первоначального возникновения сущности, формирования и зрелости» [2, с. 346].

То есть, Вазюлин использует такую же, как у Н. Д. Субботиной, логику при анализе развития общества: сначала выявляет этапы любого процесса развития, а затем применяет результат этого анализа к развитию общества. Вазюлин отмечает, что его подход позволяет преодолеть недостатки традиционных подходов к периодизации истории: «…до сих пор общее в истории человечества рассматривается как выделенная путём сравнения различных стадий некая неизменная одинаковость. Так понимаются производство вообще, распределение вообще, потребление вообще. <…> Наш подход заключается в том, чтобы впервые признать изменение, развитие в истории не только отдельного, единичного, особенного, но и общего. Отсюда следует, что периодизация истории должна осуществляться в соответствии с изменяющимся, развивающимся основанием периодизации» [Там же, с. 346–347].

Полностью согласимся с утверждениями Вазюлина, подобные которым Н. Д. Субботина высказывала ранее его: «…периодизация истории должна происходить на основе единства внутреннего и внешнего, существенного и несущественного и т. д., то есть по стадиям процесса развития, как единство природного (в том числе биологического) и социального, как процесс возникновения социального из природного и преобразования природного социальным» [Там же, с. 348].

Итак, согласимся с Л. С. Чурочкиной в том, что, с точки зрения философии истории, следует выделять этапы становления общества как целого. Однако с другим положением, высказанным в диссертации Чурочкиной, не согласимся. Она утверждает, что критерии периодизации изменчивы, а «трудности в решении вопросов периодизации истории были связаны как раз с представлением о неизменности критериев периодизации». На наш взгляд, периодизация не может быть основана на изменяющихся критериях. С другими критериями будет уже другая периодизация. Да, общество развивается, становится более сложным, возникает потребность в новой периодизации. Однако это не отменяет старую периодизацию (периодизации), если они были верны. Если же старые периодизации опровергаются новыми, значит, они были ошибочны изначально, но их ошибочность была обнаружена позднее.

На наш взгляд, в исследовании структуры истории (периодизации) возможны разные по степени абстрактности подходы: для истории человечества в целом – самая абстрактная периодизация (из двух-трёх этапов), для разных цивилизаций – более конкретная, а для более мелких образований (стран, регионов) – ещё менее абстрактная. Причём конкретные временные рамки следует применять только к последним и только при обозначении прошедших этапов.

Особенно часто ошибочность периодизации проявляется тогда, когда её создатель анализирует не только прошлое и настоящее, но и пытается экстраполировать существующие тенденции в будущее. Однако будущее нам не известно. Именно это случилось и с формационной периодизацией Маркса. Он считал, что общественная собственность в скором времени заменит частную, поскольку производство становится всё более общественным. Здесь он, по всей вероятности,

опирался на сформулированный Гегелем закон отрицания отрицания, проявляющийся в виде триады «тезис – антитезис – синтез». Он зафиксировал смену общественной собственности частной (переход от тезиса к антитезису, или первое отрицание) и считал, что в будущем коммунистическом обществе произойдёт обратный процесс смены частной собственности общественной (переход от антитезиса к синтезу, или отрицание отрицания). В результате должны были возникнуть коммунистические производственные отношения, основанные на коммунистических производительных силах. Однако этого не произошло в том виде, который предполагал Маркс[1]. Воплотятся ли идеи Маркса в близком или отдалённом будущем, мы не знаем.

В разнообразии периодизаций прослеживается диалектика единичного, особенного и общего. Мы можем брать в качестве объекта человечество и его историю в целом и формулировать самую абстрактную периодизацию (общее), можем брать в качестве объекта мир-системы и создавать менее абстрактную периодизацию (особенное) или составные элементы мир-систем, вплоть до периодизации отдельных регионов (единичное). Хотя любая периодизация имеет в своей основе общие черты, проявляющиеся в выделяемых ею этапах. Периодизация истории всякого объекта имеет право на существование.

При этом степень достоверности периодизации для человечества в целом уменьшается с уменьшением её абстрактности. Хотя, казалось бы, должно быть наоборот: более конкретные периодизации используют больше конкретных фактов. Тем не менее, ещё большее количество фактов нам неизвестно и их обнаружение может разрушить устоявшуюся теорию. Уменьшение абстрактности и расширение конкретности есть переход от философии истории к конкретной истории, и границы разделения этих наук не всегда точно различимы.

Заметим, что обозначение периодизации как единичной или особенной условно. Та или иная периодизация по отношению к некоторой другой может выступать как общая, особенная или единичная. При этом исследователи могут создавать периодизации, основанные на различных критериях, в роли которых могут выступать не только разные по масштабу целостные объекты, но их отдельные стороны (к примеру, изменение в политике, экономике, образовании, искусстве и т. д.). Периодизация развития общества как целостной системы – социальная эволюция – является самой общей. Однако если речь идёт о глобальной эволюции, то эволюция общества будет уже частным её этапом [см. подробнее: 18].

Если Л. С. Чурочкина считает недостатком в построении периодизации конкретику, то А. С. Пронин – наоборот – абстрактность[2]. Оценивая теорию Броделя, он пишет: «“мир-экономика” – категория, более адаптированная к комплексному изучению минувшего, чем “формация”… Во-первых, основанием мира-экономики служит не абстрактный способ производства, а конкретный город» [9, с. 14–15]. Однако, что же плохого в абстрактности? Именно она – основная черта философии истории. Просто надо признать, что возможны более и менее абстрактные подходы, и каждый выполняет свою роль. Подход Броделя – более конкретный, ближе к реальной истории, но именно абстрактный подход даёт возможность лучше познать логику истории. Пронин продолжает: «Во-вторых, имеет место разделение каждого этапа исторического процесса на особые “зоны”, располагающиеся по направлению от центра к периферии. Тем самым вводится дифференциация входящих в мир-экономику государств. Этого тоже не было в формационном подходе, который стремился найти в конкретном случае лишь повторяющиеся, типичные признаки того или иного способа производства» [Там же, с. 15]. Однако следует уточнить, что, когда Бродель говорит о зонах, он уже выходит за пределы периодизации, добавляет к вертикальному (время – по его терминологии) срезу истории горизонтальный (пространство) срез[3], и поэтому выделение зон нельзя считать достоинством периодизации Броделя.

В целом же, на наш взгляд, эти претензии к марксистской периодизации не обоснованы. Именно общие черты должны быть положены в основу любой периодизации. И хотя формационная периодизация менее абстрактна, чем другие его периодизации, она более абстрактна, чем периодизации Броделя, Валлерстайна, Чейз-Данна и Хол-

[1] При этом нельзя утверждать, что диалектический закон отрицания отрицания не действует. Период безраздельно господствующей частной собственности сменяется сочетанием частной и другими формами. Например, Гражданский кодекс Российской Федерации закрепляет четыре формы собственности, среди которых значится общественная, проявляющаяся, в свою очередь, в трёх формах: коллективной, государственной и общенародной.

[2] Странно, что Пронин считает такой подход недостатком, защищая диссертацию по социальной философии и её разделу – философии истории.

[3] Точнее, Бродель начинает с пространства и только затем переходит ко времени.

ла, охватывает не часть истории, а всю её, и поэтому более «философична». Хотя она не объясняет историю всех, без исключения, государств, при всех своих недостатках она сыграла большую роль в становлении философии истории.

Объясняя преимущества концепции Чейз-Данна и Холла, Пронин называет в качестве одного из достоинств то, что в этой концепции: «…задано разделение мир-систем на группы. <…> В методологическом плане намечен переход с абстрактного уровня анализа и описания социальной действительности на конкретный. В типологии присутствуют не только “общие этапы”, фазы истории, но и конкретные государства (первичные государственные мир-системы – Китай, Мексика, Перу; империи – Аккад, Египет Старого царства, Чжоу, Уари)» [9, с. 17]. Соглашаясь с важностью, полезностью подхода Чейз-Данна и Холла, не согласимся, что это однозначное «преимущество». Указанные авторы используют другой масштаб объекта исследования.

Заключение. Итак, можно ли создать единую периодизацию в рамках философии истории, которая охватывала бы всё общее, присутствующее во всех культурах и удовлетворяла бы всех, не противоречила бы ни гуманитарным, ни естественнонаучным взглядам, соответствовала мировоззрению всех народов? Считаем, что можно, но при двух условиях: во-первых, это будет самая абстрактная периодизация, выделяющая всего 2–3 этапа, во-вторых, это будет периодизация прошлого, намечающая лишь возможные перспективы будущего, но не настаивающая на них.

Список литературы

1. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика, капитализм, XV–XVIII вв.: в 3 т. Т. 3. Время мира / пер. с фр. Л. Е. Куббеля. 2-е изд. М.: Весь мир, 2007. 752 с.
2. Вазюлин В. А. Логика истории. Вопросы теории и методологии. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Изд-во СГУ, 2005. 432 с.
3. Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Т. 1. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке / предисл. Г. М. Дерлугьяна, пер. с англ., коммент. Н. Проценко, А. Черняева. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. 552 с.
4. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М.: Мысль, 1974. 452 с.
5. Маркс К. Наброски ответа на письмо В. И. Засулич. М.: Политиздат, 1961. Т. 19. С. 400–421.
6. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1869 годов (первоначальный вариант «Капитала»): в 2 ч. Ч. 1. М.: Политиздат, 1980. 564 с.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс: в 50 т. Т. 3. 2-е изд. М.: Политиздат, 1955. 650 с.
8. Пантин В. И. Волны и циклы социального развития. М.: Наука, 2004. 246 с.
9. Пронин А. С. Философско-методологические парадигмы периодизации истории: автореф. дис. … канд. филос. наук: 09.00.11. М., 2013. 19 с.
10. Розов Н. С. Универсальная модель исторической динамики // История и современность. 2011. № 1. С. 41–63.
11. Розов Н. С. Философия и теория истории Кн. 1. Пролегомены [Электронный ресурс]. М.: Логос, 2002. Режим доступа: http://www.nsu.ru/filf/rozov/publ (дата обращения 05.01.2018).
12. Субботина Н. Д. Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке: дис. … д-ра филос. наук: 09.00.11. Улан-Удэ, 2002. 400 с.
13. Субботина Н. Д. Развитие общества на основе естественно возникших средств производства и форм собственности: дис. … канд. филос. наук: 09.00.11. Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1982. 140 с.
14. Субботина Н. Д. Трёхчленная и двучленная периодизации истории К. Маркса в обществоведческом образовании // Тенденции развития инновационного потенциала науки и современного образования: Всерос. (национальная) науч. конф. / отв. ред. Е. С. Крапивина. Чита: ЗабГУ, 2016. С. 193–197.
15. Чейз-Данн К., Холл Т. Одна, две, много миросистем // Время мира. Новосибирск, 2001. Вып. 2. С. 424–448.
16. Чурочкина Л. С. Методологические проблемы периодизации исторического процесса в советской философской и исторической литературе 60–80-х годов: автореф. дис. … канд. филос. наук: 09.00.03. М., 1990. 24 с.
17. Шелина Е. А. Проблема «деления» «исторического времени» в современной историографии Франции (аналитический обзор) // Периодизация истории и «переходные периоды» в современной зарубежной историографии / отв. ред. З. Ю. Метлицкая. М.: РАН. ИНИОН, 2012. С. 8–33.
18. Subbotina N. D. Preservation and development within the natural and social evolution // Innovation, Technology transfer and Education (February 3–5, 2014). Prague: CBU International Conference Proceedings, 2014. Pp. 184–191.

Статья поступила в редакцию 28.04.2018; принята к публикации 25.05.2018

Библиографическое описание статьи

Субботина Н. Д. Проблема периодизации истории: единичное, особенное и общее // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 4. С. 6–16. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-6-16.

Nadezhda D. Subbotina,
Doctor of Philosophy, Professor,
Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
e-mail: dialectica@yandex.ru

The Problem of Periodization of History: Single, Special and General

In the article, history periodization problems are analyzed. We state that K. Marx's works have not only a formational periodization, but also at least three periodizations describing history of society as a complete system. The article studies that in a research of the structure of history (periodization), there are different approaches with different abstractness degree depending on a research object. In a variety of periodizations, there is dialectics of single, special and general. If an object is mankind history in general, the most abstract periodization (general) is created, if an object is the world system, a periodization is less abstract (special), if an object is compound world systems, their periodization is less abstract (single). Any periodization has common features. The periodization of history of any object has the right for existence. Reduction of abstractness and expansion of concreteness is transition from history philosophy to concrete history and borders of division of these sciences are not always precisely distinguishable. The periodization of development of society as a complete system, as social evolution is the most general. However, if it is about global evolution, then evolution of society will be its private stage. We also offer as one of options of general, our periodization of history depending on the specifics of prerequisites in development: development of society based on external natural prerequisites and development of society based on the social prerequisites created by society.

Keywords: history periodization, socioeconomic formation, world-system, single, special, the general

References

1. Brodel, F. Material civilization, economy, capitalism, the 15–18th centuries. In 3 v. V. 3. Vremya mira. Translated from French by L. E. Kubbel'. M: Ves' mir, 2007. (In Rus.)
2. Vazyulin, V. A. Logic of history. Questions of the theory and methodology. M: SGU, 2005. (In Rus.)
3. Vallerstain, I. World system of the Modernist style. Volume I. Capitalist agricultural industry and sources of the European world economy in the 16th century. Preface by G. M. Derlug'yan, translated from English, edited by Protsenko, N., Chernyaeva, A. M: Russkij fond sodejstviya obrazovaniyu i nauke, 2015. (In Rus.)
4. Hegel, G. W. F. Encyclopedia of philosophical sciences. V. 1. Logic science. M: Mysl', 1974. (In Rus.)
5. Marx, K. Sketches of the answer to the letter by V. I. Zasulich. T. 19. M: Politizdat. 1961: 400–421. (In Rus.)
6. Marx, K. Economic manuscripts of 1857–1869 (Initial version of "Capital"). In 2 parts. P. 1. M: Politizdat, 1980. (In Rus.)
7. Marx, K., Engels, F. German ideology. In 50 v. V. 3. 2-e izd. M: Politizdat, 1955. (In Rus.)
8. Pantin, V. I. Waves and cycles of social development. M: Nauka, 2004. (In Rus.)
9. Pronin, A. S. Philosophical and methodological paradigms of a periodization of history. Cand. sci. diss. abstr. M., 2013. (In Rus.)
10. Rozov, N. S. Universal model of historical dynamics. History and present, no.1, pp. 41–63. 2011. (In Rus.)
11. Rozov, N. S. Philosophy and theory of the history. Book the first. Prolegomena. Web. 05.01.2018. http://www.nsu.ru/filf/rozov/publ (In Rus.)
12. Subbotina, N. D. The problem of the relationship between natural and social in society and man. Dr. sci. diss. Ulan-Udeh, 2002. (In Rus.)
13. Subbotina, N. D. Development of society on the basis of naturally arisen means of production and forms of ownership. Cand. sci. diss. Leningrad, 1982. (In Rus.)
14. Subbotina, N. D. Tripartite and binomial periodizations of history of K. Marx in social science education. Tendencies of development of innovative potential of science and modern education. Proceedings of the All-Russian (national) scientific conference. Chita: 8–9 December 2016. 193–197. (In Rus.)
15. Chase-Dunn, K., Holl, T. One, two, much world system. World time. Novosibirsk, 2001, no. 2, pp. 424–448. (In Rus.)
16. Churochkina, L. S. Methodological problems of a periodization of historical process in the Soviet philosophical and historical literature of the 60–80s. Cand. sci. diss. abstr. M., 1990. (In Rus.)
17. Shelina, E. A. Problem of "division" of "historical time" in a modern historiography of France (State-of-the-art review). In Metlitskaya, Z. Yu. Editor. Periodization of history and "transition periods" in a modern foreign historiography. M: RAN. INION: 8–33. (In Rus.)

18. Subbotina, N. D. Preservation and development within the natural and social evolution. Innovation. Technology transfer and Education. Proceedings of the International Conference. Prague: 3–5 February 2014: 184–191. (In Engl.)

Received: April 28, 2018; accepted for publication May 25, 2018

Reference to the article

Subbotina N. D. The Problem of Periodization of History: Single, Special and General // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 4. PP. 6–16. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-6-16.

http://www.zabvektor.com ISSN 2542-0038 (Online) ISSN 1996-7853

УДК 930.1, 930.2
DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-17-27

Марат Равгатович Шагиахметов,
кандидат юридических наук,
Центр историко-культурного наследия
(454091, Россия, г. Челябинск, ул. Коммуны,69),
e-mail: maratchel@mail.ru

Системная теория развития государства и общества

В данной работе использован системный подход, рассматривающий процесс исторического развития как процесс формирования системы «человек и природа», взаимодействие которых опосредуется системой «общественное сознание и общественная практика». Такое системное рассмотрение определяет методологию, в соответствии с которой государство рассмотрено как элемент общественной практики в контексте процесса исторического развития с анализом развития индивида в системе общества, общественного сознания и общественной практики. Главная выявленная тенденция процесса исторического развития – постепенное преодоление противоречий и сближение элементов этих систем с достижением диалектического единства на этапе завершения формирования системы «человек и природа». Этот этап связан с преодолением противоречий: в общественном сознании – между личными и общественными интересами, в общественной практике – между объективизмом государства и субъективизмом индивидуализма, преодоление которого смещается в область воспитания и образования, которые должны стать главной функцией государства.

Ключевые слова: объективное, субъективное, государство, индивидуализм, мировоззрение, дуализм, система

Общий подход к проблеме, особенности методологии. Общепризнанной является мировоззренческая основа процесса познания, как его фундаментальный методологический уровень. Как указывает В. С. Степин, «категориальные структуры мировоззрения определяют способ осмысления и понимания мира человеком» [10, с.194]. Системный подход, рассматривающий в системном единстве взаимодействие мышления и представлений, вносит важное дополнение. Фундаментальный методологический уровень процесса познания – это система взаимодействия мировоззрения и связанного с ним характера мышления, как первичная структура общественного сознания. Мышление формирует и развивает мировоззренческие представления, опирается на них как на достигнутый уровень, обратное влияние мировоззрения проявляется в устойчивой конструкции мышления, в его характере: направленности и логике. Такое системное единство мышления и представлений позволяет понять механизм влияния мировоззрения на процесс познания и их обратной связи. Каждый единичный акт познания может не соотноситься с мировоззрением, но в нём всегда присутствует мышление, характер которого связан с ним. С другой стороны, мышление развивается в процессе познания и на определённом этапе становится объектом переосмысления и мировоззренческие представления.

Такое понимание фундаментальной методологической основы позволяет сделать вывод о том, что современные представления о государстве сформированы линейным характером мышления, связанным с дуалистическим мировоззрением, которое затем трансформировалось в дуализм двух противоположных форм мировоззрений: идеализма и материализма. Проявлением этого характера мышления является субстанциональный подход с его редукционизмом, стремящимся свести понимание исследуемого объекта к одной из субстанций: духовной или материальной. К примеру, государство идеализм понимает как «нравственный дух, как очевидную, самой себе ясную, субстанциональную волю» (Г. В. Ф. Гегель) [3, с. 279]; материализм – как результат действия материальных факторов, которые приводят к нарастанию противоречий в обществе: «государство есть признание, что это общество запуталось в неразрешимом противоречии с самим собой» (Ф. Энгельс) [8, с. 171]. Линейный характер мышления в процессе познания проявляется в направленности на выявление истины объекта как его сущности. В качестве такой сущности государства западные исследователи выделяют функцию регулирования социальных отношений, к примеру, Х. Классен государством считает «социально-политическую организацию для регулирования социальных отношений» [12, с. 125], а последователи марксизма – функцию осуществления классового господства, как «машину для угнетения одного класса другим» (В. И. Ленин) [7, с. 75].

© Шагиахметов М. Р., 2018

Идеалистическое понимание государства как «субстанциональной воли» подчёркивает его объективность и непознаваемость для человека. Материалистический подход ближе к реальности, и наиболее содержательной с научной точки зрения является теория возникновения государства, изложенная Ф. Энгельсом в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» [8]. Главной предпосылкой возникновения государства, по его мнению, является разделение и рост производительности труда, появление излишков производимых продуктов, что приводит к интенсификации обмена, к возникновению частной собственности и товарного производства. Ф. Энгельс убедительно показал связь этих материальных факторов, порождённых ими противоречий: имущественного расслоения, возникновения рабства с возникновением государства, которое носит классовый характер: «Связующей силой цивилизованного общества служит государство, которое во все типичные периоды является государством исключительно господствующего класса и во всех случаях остаётся по существу машиной для подавления угнетённого, эксплуатируемого класса» [Там же, с. 177]. Но в соответствии с линейным характером мышления эта связь выявлена как внешняя и односторонняя, а сами материальные факторы рассматриваются в отрыве от человека, от уровня его развития, с этим связаны неразрешённые материалистическим подходом вопросы. Ведь трудно отрицать, что есть и обратная связь: влияние со стороны государства на общество, сознания людей на уровень общественных отношений и, конечно, уровня развития разума – на эффективность труда, на повышение его производительности.

Качественно новую методологическую основу формирует системный подход. Сформированная системным подходом картина процесса исторического развития, как процесса формирования системы «человек и природа», как единого цикла из четырёх этапов: от единства первобытного человека и природы, через этапы противоречий (зависимости и господства над ней), к этапу диалектического единства – является фундаментальным мировоззренческим представлением, с которым связан системный характер мышления, направленный на осмысление любого явления в единстве составляющих его элементов и взаимосвязей. С учётом того, что взаимодействие человека и природы опосредуется системой «общественное сознание – общественная практика», процесс исторического развития неразрывно связан с процессом познания, и каждый новый этап, как новый уровень взаимодействия человека с окружающей его действительностью, связан с новым уровнем сознания человека, с повышением адекватности мышления и представлений об окружающей его действительности и месте в ней человека. Эта самая общая картина процесса исторического развития определяет методологию рассмотрения государства в контексте развития человека во взаимодействии с окружающей действительностью, с анализом взаимосвязанных систем: индивида в системе общества, общественного сознания и общественной практики.

Догосударственный уровень развития. Общепризнанные черты первобытного общества, такие как состояние равновесия с природой, традиционный характер общества, регулируемого обычаями и традициями, отсутствие противоречий личного и общественного, системный подход дополняет уровнем развития индивида, который также можно охарактеризовать как состояние единства. Появившийся разум в системе индивида ещё не противоречит телесной организации, формируя представления на основе инстинктов и рефлексов. В системе разума неразвитость индивидуального мышления обусловливает определяющую роль в детерминации поведения индивида его представлений: обычаев и традиций. С неразвитостью индивидуального мышления связано то, что представления индивида полностью соответствуют обычаям и традициям, т. е. он ещё не сформировался как индивидуальность, с этим связано единство индивида и общества, отсутствие противоречий личного и общественного. К. Леви-Стросс в работе «Первобытное мышление» пишет: «Будучи членами общности, люди не действуют соответственно своим индивидуальным ощущениям: каждый человек ощущает и действует так, как ему позволяется или предписывается» [6]. К. Леви-Стросс описывает случаи, когда человек умирал, если случайно съедал мясо священного для данного племени тотемного животного, что хорошо иллюстрирует господство обычаев и традиций, которое не столько внешнее, сколько внутреннее, связанное с неразвитостью индивидуального мышления. С состоянием единства первобытного общества связано отсутствие стоящей над ним государственной власти.

Возникновение государства. Системная методология, рассматривая государство

как систему и как элемент общественной практики, направлена не на выявление причины его возникновения, а на выявление процесса, проявлением которого является возникновение государства. С этой точки зрения сам факт появления государства является не только следствием и результатом, но и проявлением изменений в системе индивида и общественного сознания.

Описанные Ф. Энгельсом материальные факторы: повышение производительности труда, развитие товарного производства, возникновение частной собственности, имущественное и классовое расслоение – являются проявлением развития индивида. Развитие индивидуального мышления ослабляет власть обычаев и традиций, индивид становится свободнее и активнее, формируется как индивидуальность, осознавая себя как обособленного индивида, имеющего свои личные интересы. В системе индивида разум усиливается, его возросшая автономность проявляется в формировании представлений, которые уже не следуют только инстинктам и рефлексам: с одной стороны, формируются субъективные представления индивидуализма о личных интересах, с другой – представления об объективности богов: общественное сознание приобретает дуалистический характер с разрывом субъективного и объективного. Разум, выделившись в автономный элемент взаимодействия с телесной организацией, первоначально находится на этапе зависимости от неё, такая иерархия «тела» над «душой» проявляется в господстве утилитарных интересов, в стремлении к наживе, к телесным наслаждениям, к власти и богатству, в утилитарном индивидуализме страстей, который разрушает единство первобытного общества. Конкуренция субъективизма утилитарного индивидуализма в борьбе за власть закономерно приводит к формированию государства, которое приобретает вид объективной силы, стоящей над индивидами и ограничивающей их индивидуализм.

В оценке государства, как силы, стоящей над обществом, практически все исследователи единодушны, к примеру, Э. Геллнер рассматривает государство как «специализированные органы поддержания порядка» [4, с. 28]. С. С. Алексеев рассматривает государство как «особую организацию политической власти экономически господствующего класса» [2, с. 38]. Разрушение единства первобытного общества связано с разрывом субъективного и объективного в общественном сознании, с противопоставлением личного и общественного. Соответственно общественная практика формируется как проявления нарастающего утилитарного индивидуализма страстей с сопутствующим нарастанием противоречий и объективизма государственной власти, ограничивающей индивидуализм и обеспечивающей единство общества. *Объективизм государственной власти и субъективизм индивидуализма взаимозависимы и взаимообусловлены, т. е. находятся в системном единстве.*

Но объективизм – лишь одна сторона государственной власти, другой является субъективизм правителя или лиц, образующих органы управления. Единоличный авторитарный правитель или члены выборного органа управления принадлежат к правящему классу, к высшему сословию общества, соответственно, являются в значительной степени выразителями и защитниками их интересов. Появление государства является и процессом формирования его как системы субъективного и объективного. Такое понимание государства позволяет преодолеть существующие противоречия, охватывает его понимание как регулятора отношений в обществе в качестве объективной силы, стоящей над индивидами, и как орудия классового господства в силу субъективизма индивидов, его составляющих.

Государство на этапе формирования системы «душа и тело». На первоначальном этапе формирования человека в качестве субъекта мышления, преобразующего окружающую его действительность в объект осмысления, возникший разрыв субъективного и объективного имеет максимальное значение, что вполне закономерно на начальном этапе процесса познания. Формирующаяся при этом система «общественное сознание и общественная практика», опосредующая взаимодействие человека и природы, также определяется противоречиями между элементами, вследствие неадекватности мифологических представлений и связанного с ними циклического характера мышления. При доминировании в общественном сознании субъективизма утилитарного индивидуализма страстей над общественными интересами общественная практика формируется как противоположная иерархия: объективизма государственной власти над субъективизмом индивидов. Системное единство общественного сознания и общественной практики проявляется в противоположных иерархиях, которые стабилизируют друг друга.

На первоначальном этапе системное единство объективизма государства и субъ-

ективизма индивидов проявляется в их противоречивом взаимодействии: в нарастании индивидуализма и в тенденции формирующихся государств к абсолютизму. Иррациональный характер утилитарного индивидуализма страстей связан с репрессивным характером государственной власти, при котором главным средством подавления и подчинения является страх жестокого наказания. При абсолютизме крайний объективизм государства сочетается с крайним субъективизмом правителя, с его неограниченной личной властью. Доминирование в общественном сознании представлений утилитарного индивидуализма страстей проявляется на данном этапе в нестабильности общества и формирующегося государства, раздираемых постоянной борьбой за власть, междоусобными войнами. Если правителю удаётся, хотя бы относительно, стабилизировать собственную власть, подчинив и объединив подданных, активность индивидуализма проявляется во внешней агрессивности государства, в стремлении к завоеваниям новых богатств и территорий. Это приводит к появлению крупных империй, постоянно стремящихся к расширению собственных владений и ведущих захватнические войны.

Дальнейшее развитие общественного сознания и общественной практики также связано с развитием системы индивида. Усиление значения разума в системе индивида проявляется в постепенном преодолении иерархии телесной организации над разумом, в установлении противоположной иерархии: «души» над «телом». В общественном сознании это происходит в распространении представлений о неискоренимой порочности жизни, наполненной страстями и страданиями, о необходимости полного подавления утилитарного индивидуализма страстей, опираясь на объективность бога. В общественной практике эти представления жизнеотрицания проявляются в уходе от реальной действительности, в монашестве и монастырском существовании. Сложившийся дуализм общественного сознания и общественной практики можно охарактеризовать как дуалистический тупик, основанный на противопоставлении субъективного и объективного, в котором дилемма представляется неразрешимой: либо субъективизм, либо объективизм, либо безнравственная жизнь, либо жизнеотрицание и уход от реальности: «Когда человек живёт по человеку, а не по богу, он подобен дьяволу», – считает А. Августин [1, с. 601]. В этом тупике оказались некоторые цивилизации (Индия, Китай, Монголия, Тибет), в которых преодоление утилитарного индивидуализма страстей привело к господству представлений жизнеотрицания (буддизм), упадку и длительному застою в развитии. На этом этапе общество стабилизируется не только объективной ролью государства, но и пассивностью и отстранённостью от реальности большинства индивидов.

Древнегреческое государство. Древнегреческое общество является примером начавшегося преодоления противопоставления субъективного и объективного, связанного с тем, что в общественной практике тенденция к абсолютизму была сравнительно быстро преодолена, государство формировалось путём развития органов родо-племенной демократии.

При такой форме общества доля субъективизма в государстве снижается, объективизм государственной власти сближается с субъективизмом представителей класса рабовладельцев и свободных граждан, тогда на первый план выходит функция регулирования, оставаясь внешней и объективной силой по отношению к эксплуатируемому классу рабов, в отношении которых на первом плане – функция обеспечения господства. С этим процессом связано формирование представлений о связи государства с обществом, о необходимости государственной власти, как условия единства общества, целью государства, по мнению Платона, становятся справедливость и общее благо «тех, кто подвластен и опекаем властью» [9, с. 86]. В общественном сознании утверждается иерархия объективного над субъективным, общего блага над эгоизмом отдельных индивидов, совпадающая с иерархией государства над индивидами в общественной практике. Благодаря сближению объективного и субъективного утилитарный индивидуализм страстей преодолевается, не переходя в объективизм жизнеотрицания. Даже такое частичное усиление взаимодействия субъективного и объективного привело к ускорению развития индивидов и древнегреческого общества, которое проявилось в развитии общественного сознания, в котором уже на закате античного общества сформировалось учение неоплатонизма и связанного с ним христианского монизма, объединяющих субъективное и объективное в единой иерархии, преодолевающих их противопоставление.

Античное общество, в общественном сознании которого в начале первого тысячелетия распространились представления хри-

стианства, утверждавшего равенство всех перед богом, не смогло перестроить общественную практику, основанную на рабовладении. Кризис античного общества связан с нарастающим противоречием общественного сознания и общественной практики. Но другие европейские народы, у которых элементы рабства ещё не стали основой общественной практики, восприняв христианство, уже не смогли скатиться к общественным отношениям, основанным на рабовладении.

В системе представлений христианства понятие бога носит всеобъемлющий характер, охватывающий противоположности, объединяющий их в единой иерархии, что приводит к усилению взаимодействия субъективного и объективного. С единством христианской иерархии представлений связано изменение характера мышления, который, утрачивая циклический характер, становится линейным, устремлённым к истине. Христианским монизмом утверждалось позитивное отношение к реальной жизни, как благу, дарованному богом, а страдания и мучения представлялись как путь к спасению. Благодаря единству иерархии этап господства разума над телесной организацией в системе индивида не стал господством представлений жизнеотрицания, а стал основой для дальнейшего развития индивида и общества.

Достижение большинством индивидов западноевропейского общества этапа господства разума над телесной организацией под влиянием представлений христианского монизма произошло в VIII–X веках, об этом свидетельствует стабилизация общества в рамках феодальных государств, формирование в их границах народов. Иерархии представлений христианского монизма полностью соответствует иерархическая структура сословного общества и монархическая форма государственной власти, – это этап единства линейного характера мышления, господствующей системы представлений и общественной практики. Общественное сознание и общественная практика сближаются, усиливая воздействие на индивида. Внешнее ограничение утилитарного индивидуализма страстей со стороны государства дополняется ограничением внутренним: единством христианской иерархии объективного над субъективным. Это приводит к подавлению индивидуализма страстей и ускорению развития системы индивида. Разум усилился и научился контролировать страсти, которые при этом постепенно утратили характер порочности, приобретая вид контролируемых эмоций. Разум в этом случае переходит от иерархического взаимодействия с телесной организацией к диалектическому единству, – формирование системы индивида «душа и тело» завершилось, на этой основе появляется разум нового уровня качества – рациональный разум, который, вступая во взаимодействие с ранее сформированной системой «душа и тело», начинает новый цикл формирования системы индивида.

Переход от иерархического взаимодействия на диалектическое в системе индивида связан с разрушением единства религиозной иерархии представлений в общественном сознании. Рациональный разум отодвигает представление о боге в сферу потустороннего, трансцендентального, предоставляя большую свободу индивиду в практической деятельности. Развитие рационального разума вновь приводит к повышению активности индивида, которая проявляется в нарастании индивидуализма. При этом человек формируется в качестве субъекта активной познавательной и преобразующей деятельности, преодолевая зависимость от природы и переходя к этапу господства над ней, преобразуя её в объект всё более нещадной эксплуатации. Зависимое положение в системе индивида рационального разума от системы «душа и тела» проявляется в сочетании представлений о трансцендентальной религиозности и представлений утилитарного индивидуализма, которым движет иррациональная в своей неутолимости жажда наживы, осуществляемая рациональными средствами. С ростом индивидуализма и с разрушением единства иерархии представлений связано разрушение феодальных монархий и сословного общества в ходе буржуазных революций.

Государство на этапе появления рационального разума. Рациональный разум опирается на более адекватные представления – знания, но на данном этапе сфера рационального разума ограничена, он взаимодействует с мистицизмом и иррационализмом системы «душа и тело», соответственно в общественном сознании рациональные представления сочетаются с иррационализмом страсти к наживе и религиозным мистицизмом представлений об абсолютной истине, находящейся вне природы. В формируемой рациональным разумом системе представлений о разделении и противопоставлении субстанций (духовной и материальной) понятие бога утратило значение обоснования единства мира, совпадая с духовной субстанцией, при этом рациональный разум ещё не в

состоянии выработать рациональное обоснование единства. Складывающееся мировоззрение носит ярко выраженный дуалистический характер: объективность и оторванность от реальности трансцендентальной истины или бога сочетается с доминированием представлений субъективизма утилитарного индивидуализма в практической деятельности. Рациональный разум на данном этапе позволяет сделать шаг к преодолению разрыва субъективного и объективного, сблизить их, но не решает этой задачи.

В происходящих при этом изменениях форм государственной власти, формирующихся в процессе буржуазных революций, также проявляется частичное сближение субъективного и объективного. Это проявляется в формировании представлений о необходимости государства, его связи с обществом. К примеру, Т. Гоббс обосновал необходимость общей власти, без которой общество находится в «состоянии войны всех против всех», государство обеспечивает безопасность и единство общества [5, с. 132]. Философы эпохи Просвещения утверждают понимание государства как результата общественного договора, носителем суверенитета провозглашается народ, высшей ценностью провозглашаются права и свободы личности, их защита провозглашается обязанностью государства. Объективизм и субъективизм государства снижаются, государственная власть дробится на законодательную, исполнительную и судебную, при этом, становясь выборной, приближается к обществу. Однако в условиях классового разделения общества вполне закономерно, что преодоление разрыва объективного и субъективного происходит фрагментарно, как сближение государственной власти с господствующим классом, интересы которого оно обслуживает. По отношению к подчинённым и эксплуатируемым классам государственная власть по-прежнему носит оторванный от них объективный характер.

Растущий утилитарный индивидуализм с его узостью сознания и жаждой наживы порождает противоречия между индивидами, между богатыми и бедными, между классами, между нациями и государствами. С ростом индивидуализма связано усиление объективизма государственной власти, которая, обслуживая интересы господствующего класса, носит ярко выраженный классовый характер, подавляя протесты, проводя агрессивную внешнюю политику. Возникают мощные мировые державы, выстраивающие отношения с другими странами и народами на основе доминирования и подчинения, соперничающие и конкурирующие друг с другом в борьбе за рынки сбыта, источники сырья и колонии. Этот этап в истории иногда называют периодом «дикого капитализма», когда противоречия как внутренние, так и внешние нарастали, приведя к колониальным войнам, перерастающим в мировые, к социальным потрясениям.

Государство в период господства рационального разума. Усиление рационального разума в системе индивида, переход к этапу его господства над системой «душа и тело» связан с выработкой и распространением двух противоположных форм рационального мировоззрения: идеализма и материализма. Решая вопрос единства мира в противоположных иерархиях: духа над природой или материи над сознанием, идеализм и материализм закономерно становятся взаимоотрицающими и взаимозависимыми противоположностями. Усиление рационального разума проявляется в дальнейшем сближении общественного сознания и общественной практики. С одной стороны, с распространением этих форм мировоззрений общественная практика формируется в виде двух противоположных социальных систем: западного общества и социализма, развивающихся в противоречивом взаимодействии. С другой – возрастает активность государства по поддержанию и культивированию характера мышления и представлений, на которые оно опирается. Линейно-иерархический характер мышления воспринимает идеализм и материализм и связанные с ним социальные системы как антагонистические противоположности, с этим связана общественная практика идеологической борьбы и противостояния двух социальных систем.

Государство в западном обществе. Идеализм сохранил дуалистически разорванную структуру мировоззренческих представлений о трансцендентальной истине, «абсолютном духе» (Г. В. Ф. Гегель) или боге, стоящем над природой, с противопоставлением объективного и субъективного. Абсолютизируя права и свободы личности, культивируя индивидуализм, общественное сознание с его иерархией субъективного над объективным противоречит иерархии объективизма государственной власти над индивидами в общественной практике. Логика противопоставления, свойственная линейно-иерархическому характеру мышления, ставит перед выбором: либо субъективизм утилитарного

индивидуализма с его жаждой наживы, либо объективизм трансцендентальной истины, т. е. уход от реальности, при этом формы ухода от реальности могут быть разнообразны: трансцендентальная религиозность, алкоголизм и наркомания, профессиональная замкнутость, погоня за телесными наслаждениями и т. д. Это состояние дуалистического тупика, в котором взаимодействие субъективного и объективного сведено к минимуму.

С дуализмом идеалистического мировоззрения связан процесс развития западного общества, которое бурно развивалось в период господства утилитарного индивидуализма с нарастанием порождённых им противоречий, но, преодолевая с усилением рационального разума эти противоречия, всё более погружается в застой и упадок. Усиление значения рационального разума в системе индивида проявилось в способности к реформированию государства, которое в странах Запада в значительной степени стало социально ориентированным при сохранении олигархического характера обслуживания интересов крупного капитала. Усилилась роль государства и в экономике, как регулятора рынка, устанавливающего ограничения, а также принимающего меры, направленные на его сбалансированность, на стимулирование деловой активности. Благодаря усилению роли государства как регулятора социальных и рыночных отношений, снижена острота социальных противоречий, которые уже не грозят революцией. Снижена острота межгосударственных и межнациональных противоречий, идут интеграционные процессы.

Доминирование представлений утилитарного индивидуализма, к примеру в США, проявляется в более высоком уровне предпринимательской активности, а также преступности и коррупции и, что вполне закономерно, в более жёсткой иерархии объективизма государства над обществом, в выстраивании отношений доминирования и подчинения. В странах, где доминирующим становится индивид на этапе господства рационального разума, к примеру в Западной Европе, с одной стороны, повышается способность к компромиссу, снижается агрессивность, развиваются интеграционные процессы, с другой, – всё более проявляется неспособность адекватно реагировать на возникающие проблемы, нарастает пассивность и отстранённость от реальной действительности индивидов, усиливается застой и упадок общества. Утилитарный индивидуализм воспринимает объективность государства и общественных интересов в качестве чуждых, противостоящих его личным интересам. И даже если государство берёт на себя часть его проблем, снижая протестный потенциал в обществе, это лишь снижает мотивацию к активности, способствует пассивности и уходу от реальности.

Социалистическое государство. И идеализм, и материализм объединяет один уровень линейно-иерархического мышления, однако в материализме объективная истина, в качестве которой представляется рационально разработанное учение марксизма-ленинизма, максимально приближается к реальности, как руководство к практической деятельности, к преобразованию действительности. С другой стороны, сам рациональный характер этого учения, его направленность на разрешение самых острых противоречий капиталистического общества вызывают большее доверие и интенсивность веры как в объективную истину. Материалистическое мировоззрение отличается от идеалистического большим единством иерархии объективного над субъективным. Поэтому идеализм осуждает утилитарный индивидуализм декларативно, а материализм подавляет его практически. Единство иерархии объективного над субъективным в идеологии и в общественной практике усиливает воздействие на индивидов, функция воспитания, образования, формирования материалистического мировоззрения у индивидов становится одной из важнейших в деятельности государства.

Общественное сознание России после Октябрьской революции сложилось как двухуровневое, с этим связаны противоречия в общественной практике. Марксизм, как результат развития западного общества, связан с этапом господства рационального разума в системе индивида. Руководствуясь марксизмом, большевики провели социалистические преобразования, ликвидировали сословное общество, передали всю власть Советам народных депутатов, национализировали фабрики и заводы, передали землю крестьянам, установили социальные гарантии в виде пенсий, бесплатного образования и медицинского обслуживания. Авторитет трудящихся был поднят на высшую ступень общественной иерархии. А религиозное мышление большинства народа, сменившего веру в бога и царя на веру в вождей революции, стало основой сталинской диктатуры.

Социалистическое государство в соответствии с марксизмом-ленинизмом выстраивалось как диктатура пролетариата и бедней-

шего крестьянства, как орудие подавления эксплуататорских классов в интересах большинства народа. С этим связан репрессивный характер государственной власти, особенно в первые годы утверждения советской власти. Господствующая идеология установила иерархию объективной истины, в качестве которой представлялся марксизм-ленинизм, над субъективизмом утилитарного индивидуализма, а религиозное мышление большинства народа преобразовало её в иерархию непогрешимого вождя над партией и народом. Наблюдался высокий уровень субъективизма в государственной власти, связанного с культом личности Сталина, обеспокоенного не только строительством социализма, но и обеспечением личной власти. Сталинские репрессии не могли остановить процесс, запущенный социалистическими преобразованиями, – процесс развития человека, важнейшими условиями для которого были: подавление государством и господствующей идеологией утилитарного индивидуализма, стимулирование активности в познании и практической деятельности, – при этом господствующее мировоззрение предоставляло готовые формы осмысления реальности во взаимосвязи и развитии. Нужно было только время, чтобы догматическое отношение к мировоззрению, характерное для религиозного мышления, сменилось на творческое.

Следующий этап в развитии общества наступил в 60-е годы, когда доминирующей в общества стала система индивида на этапе господства рационального разума. Это проявлялось в переходе от религиозной веры в вождя к вере в мировоззрение, преобразуемой в личные убеждения, в линейно-иерархическом характере мышления. Доля субъективизма в государстве снижена, с подавлением утилитарного индивидуализма также снижается объективизм государственной власти, полностью сливаясь с партийным руководством, при сохранении социальной иерархии партии над народом. Со снижением репрессивного характера государственной власти усиливается функция регулирования и воспитания. Это этап единства иерархии рационального разума над системой «душа и тело» в системе индивида, иерархии материалистического мировоззрения в общественном сознании и иерархии партии, сливающейся с государственной властью, над народом.

Но уже в 70-х годах прошлого века ускоренное развитие системы индивида привело к кризису идеологии. Развитие рационального разума, вытесняющего мистицизм веры, входит в противоречие с иерархией объективной истины, которая хоть и приближена к реальности, но ставится над ней. Это закономерно приводит к кризису идеологии, к нарастанию разрыва субъективного и объективного в общественном сознании и общественной практике. Цель коммунизма стала рассматриваться как возможное, но отдалённое будущее, – объективная истина стала отдаляться от реальности, приобретая черты трансцендентальной. Отношение к мировоззрению становится более критическим и творческим. Нарастает недовольство, являющееся проявлением нарастающего разрыва между руководством партии и государства и народом. Государственная власть становится более объективной с усилением функции подавления нарастающего недовольства.

С разрывом единства иерархии представлений связано изменение характера мышления, которое ранее строилось на противопоставлении и отрицании противоположного. Люди перестали противопоставлять коллектив – индивидуальности, общественные интересы – частным, видя возможность их совмещения, западное общество перестало восприниматься как враждебное, привлекало качеством товаров, правами и свободами. Это изменение характера мышления свидетельствует о трансформации элементов системы индивида и об изменении характера их взаимодействия. Стремление к материальным благам утратило иррациональный характер неутолимой жажды наживы, приобретя характер рационального стремления жить обеспеченно и достойно. Религиозные представления приобрели характер элемента культуры, не угрожающего развитию рационального мышления. Рациональный разум, уже не видя необходимости в их подавлении, переходит от иерархических отношений к диалектическому взаимодействию с системой «душа и тело». Цикл формирования рациональной системы индивида завершается диалектическим единством элементов с появлением разума нового уровня качества, свободного от отрицания и антагонизма, способного совмещать то, что ранее представлялось антагонистически несовместимым. Преодоление иерархии в системе индивида и в господствующей системе представлений закономерно привело к разрушению иерархического политического режима и его радикальной перестройке в начале 90-х годов.

Российское общество и государство после распада СССР. В системе индивида достигнутое диалектическое единство раци-

онального разума и системы «душа и тело» сопровождается появлением разума нового уровня качества – системного разума, который на данном этапе, постепенно формируясь в качестве автономного элемента системы индивида, находится в зависимости от ранее сформированной рациональной системы. Это проявляется в доминировании представлений предшествующего этапа развития и связанного с ними линейно-иерархического характера мышления. Влияние системного разума при этом проявляется в изменении отношения к представлениям идеализма и материализма, которые уже не воспринимаются в качестве истины, в отсутствии догматизма, противопоставления и взаимного отрицания. Появление нового качества разума вновь приводит к усилению индивидуализма, который приобретает на данном этапе характер индивидуализма мышления, проявляемого в творческом отношении ко всем формам мировоззрений, в стремлении выработать собственное понимание окружающей действительности и месте в ней человека.

Смешанный характер общественного сознания проявляется в противоречиях общественной практики. Новое качество системного характера мышления привело к разрушению иерархии представлений и иерархического политического режима, а линейно-иерархический характер мышления сформировал представление об историческом поражении материализма и необходимости следовать противоположности – примеру западного общества. Доминирование на этом этапе дуализма идеалистической идеологии проявляется в абсолютизации прав и свобод личности, принципов «свободного рынка», в ограничении роли государства во всех сферах жизни общества. Вполне закономерно это привело к усилению утилитарного индивидуализма. Маргинальные элементы общества, благодаря хищнической приватизации госсобственности, вышли на первые роли в обществе. Произошло резкое имущественное расслоение общества с нарастанием социальных противоречий, ростом преступности и коррупции. В общественном сознании с внедрением заимствованных в западном обществе представлений формируется состояние дуалистического тупика, обусловленного противопоставлением субъективного и объективного, между жаждой наживы утилитарного индивидуализма и объективизмом трансцендентальной истины или бога. С ростом утилитарного индивидуализма усиливается объективизм государственной власти, которая приобретает олигархический характер, обслуживая интересы крупного капитала. В 90-х годах прошлого века российское общество окунулось в «дикий капитализм» со всеми присущими данному этапу противоречиями.

О появлении следующего этапа в начале 2000-х годов свидетельствует начавшийся обратный процесс: снижена роль и влияние крупного бизнеса в управлении страной, политика стала более социально ориентированной, снижена острота социальных противоречий, усилена борьба с преступностью, коррупцией, государство стало активнее вмешиваться в экономику, как регулятор рынка, развиваются демократические институты и структуры гражданского общества. Всё это свидетельствует о преодолении этапа «дикого капитализма», о начавшемся процессе сближения объективного и субъективного: утилитарный индивидуализм более эффективно ограничивается государством, а объективизм государства снижается с одновременным усилением контроля за его деятельностью со стороны общества.

Российское общество примерно за 20 лет прошло путь, пройденный западным обществом за 200 лет, от этапа «дикого капитализма» до социального государства ориентированного на рыночную экономику. Этот период был одновременно периодом осмысления в единстве опыта западного общества и нашего социалистического прошлого, которые больше не воспринимаются как антагонистически несовместимые.

Выводы. Следующий этап развития. Системное рассмотрение процесса исторического развития, как процесса формирования системы «человек и природа», взаимодействие которых опосредуется системой «общественное сознание – общественная практика», позволяет в качестве основной тенденции выделить постепенное преодоление разрыва субъективного и объективного и сближение элементов этих систем. Исходя из оценки современного этапа, как переходного к состоянию диалектического единства человека и природы с преодолением разрыва субъективного и объективного, можно сделать прогноз дальнейшего развития государства.

В системе индивида преодоление разрыва субъективного и объективного связано с доминированием системного разума, который проявляется в стремлении к гармоничному сочетанию личных и общественных интересов. В общественном сознании прео-

доление разрыва субъективного и объективного связано с доминированием адекватного реальности системного мировоззрения, опирающегося на представление о системном единстве мира, рассматривающего взаимодействие личности и общества в качестве движущей силы развития.

В общественной практике преодоление разрыва субъективного и объективного означает преодоление противоречий личного и общественного, единство государства и общества. Объективность государственной власти сохраняется постольку, поскольку сохраняются маргинальные проявления индивидуализма. Однако задача преодоления индивидуализма остаётся актуальной для растущего поколения, смещаясь в область воспитания и образования, обеспечение которого должно стать главной функцией государства.

Список литературы

1. Августин А. Антология мировой философии в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1969. Ч. 2. 936 с.
2. Алексеев С. С. Теория государства и права. М.: Юрид. лит., 1985. 480 с.
3. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.
4. Геллнер Э. Нации и национализм: пер. с англ. М.: Прогресс. 1991. 126 с.
5. Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1989–1991. 254 с.
6. Леви-Стросс К. Первобытное мышление. М.: Республика, 1994. 384 с.
7. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Изд-во полит. лит., 1970. Т. 39. 623 с.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М.: Изд-во полит. лит., 1961. Т. 21. 745 с.
9. Платон. Диалоги: пер. с древнегр. Харьков: Фолио, 1999. 383 с.
10. Степин В. С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 744 с.
11. Шагиахметов М. Р. Системная антропология // Вопросы философии и психологии. 2016. Т. 10, № 4. С. 195–207.
12. Claessen H. J. M. State // Encyclopedia of Cultural Anthropology. New York, 1996. Vol. 4. P. 1255.

Статья поступила в редакцию 10.04.2018; принята к публикации 29.04.2018

Библиографическое описание статьи

Шагиахметов М. Р. Системная теория развития государства и общества // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 4. С. 17–27. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-17-27.

Marat R. Shagiakhmetov,
Candidate of Law,
Center of Historical and Cultural Heritage
(69 Kommuny st., Chelyabinsk, 454091, Russia),
e-mail: maratchel@mail.ru

System Theory of State and Society Development

In this paper, a systematic approach is used considering the process of historical development as the process of formation of the system “man and nature”, the interaction of which is mediated by the system “public consciousness and public practice”. Such a systematic review determines the methodology according to which the state and its development are considered as an element of social practice in the context of the process of historical development with an analysis of the development of the individual in the system of society, public consciousness and public practice. The main tendency of the historical development process revealed is gradual overcoming of contradictions and rapprochement of elements of these systems with achievement of dialectical unity at the stage of completion of formation of the system “man and nature”. This stage is connected with overcoming of contradictions: in public consciousness – between personal and public interests, in public practice – between the objectivity of the state and the subjectivism of individualism, overcoming of which is shifted to the sphere of upbringing and education, which should become the main function of the state.

Keywords: objective, subjective, state, individualism, worldview, dualism, system

References

1. Avgustin, A. Anthology of world philosophy in four volumes. V.1, M: Mysl`. 1969. (In Rus.)
2. Alekseev, S. S, and others. Theory of state and law. M: Yurid.lit-ra, 1985 (In Rus.)
3. Gegel, G. W. F. Philosophy of law. M: Mysl`, 1990. (In Rus.)

4. Gellner, A. Nations and nationalism. M: Progress, 1991. (In Rus.)
5. Gobbs, T. Essays in two volumes. M: Mysl`. 1989–1991, V. 2. (In Rus.)
6. Levi-Stross, K. Primitive thinking. M: Respublika, 1994. (In Rus.)
7. Lenin, V. I. Complete works. 5 ed., v. 39. M: Izd-vo polit.lit-ry, 1970.
8. Marks, K, Angels, F. Collected Works, M: Izd-vo polit.lit-ry, 1961. V. 21. (In Rus.)
9. Platon. Dialogue. Translated from the ancient Greek. Kharkov: Folio, 1999. (In Rus.)
10. Stepin, V. S. Theoretical knowledge. M: Progress-Traditsiya, 2000. (In Rus.)
11. Shagiakhmetov, M. R. System anthropology. Questions of philosophy and psychology, vol. 10, no. 4, pp. 195–207, 2016. (In Rus.)
12. Claessen, H. J. M. State. Encyclopedia of Cultural Anthropology. Vol. IV. New York, 1996: 1255.

Received: April 10, 2018; accepted for publication April 29, 2018

Reference to the article

Shagiakhmetov M. R. System Theory of State and Society Development // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 4. PP. 17–27. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-17-27.

http://www.zabvektor.com ISSN 2542-0038 (Online) ISSN 1996-7853

УДК: 930.1: 130.2
DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-28-33

Марат Николаевич Чистанов,
доктор философских наук, доцент,
Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова
(655017, Россия, г. Абакан, ул. Ленина, 90),
e-mail: maratc@mail.ru

Блеск и нищета географического детерминизма (размышления об этнокультурной идентичности в контексте проблемы исторического субъекта)

В период возникновения философии истории проблема субъектности исторического процесса традиционно решалась методом географического детерминизма (или какой-либо его разновидности). В XIX веке под влиянием гегелевской философии понятие исторического субъекта претерпело изменения и стало устойчиво связываться с этническими группами – носителями народного духа. Отсюда вытекает политический тезис о праве наций на самоопределение, необходимость практики построения национальных государств сначала в Европе, а далее во всём мире. В неолиберальных концепциях XX века субъектом истории объявляется человеческий индивид, и этот поворот делает традиционную философию истории, концентрирующуюся на этнокультурных и этнополитических процессах, крайне уязвимой. Автор пытается показать теоретические и методологические ограничения этноцентристской модели истории. Указывается также, что считавшаяся безнадёжно устаревшей концепция географического детерминизма в современных условиях получает неожиданную новую поддержку в глобальном проекте Евразийского сухопутного моста, или Нового Шёлкового пути. Практическая реализация данного проекта приведёт к изменению расстановки сил на континенте и неизбежно скажется на характере межэтнических взаимодействий в Евразии. При этом место скомпрометировавшей себя модели мультикультурализма может занять китаецентристская модель межкультурного взаимодействия, оставляющая этническую часть культуры вне сферы внимания. В этих условиях традиционная для европейской философской традиции увязка гражданского согласия и благоденствия с построением диалога этнических культур рискует оказаться неактуальной в условиях вызовов XXI века.

Ключевые слова: субъект истории, мультикультурализм, глобализация, этническая и культурная идентичность, межкультурное взаимодействие, географический детерминизм, культурный ландшафт

Введение. Презентация проекта «Один пояс – один путь» состоялась осенью 2013 года в ходе визита Председателя КНР Си Цзиньпина в Индонезию. Данный проект более известен как Евразийский сухопутный мост, или Новый Шёлковый путь – масштабный инфраструктурный проект, который свяжет страны Южной и Юго-Восточной Азии с Европой через сеть сухопутных транспортных коридоров. Причины, побудившие Китай к реализации данного проекта, очевидны: развитие экономически отсталых провинций на западе страны, диверсификация торговых путей, независимость в торговле от не всегда стабильной политической ситуации в арабском мире и на территории бывшего Советского Союза.

Китай, безусловно, является основным бенефициаром проекта, но сходная мотивация присутствует и у многих стран Западной Европы и Юго-Восточной Азии: экспортёры смогут выйти на новые для себя рынки, не вкладывая больших денег в создание инфраструктуры, а импортёры получат возможность ускорить доставку грузов, минуя процедуры погрузки-разгрузки в морских портах.

Мотивы стран-транзитёров, в первую очередь России, Казахстана и постсоветских республик Центральной Азии, оказываются более сложными, поскольку наряду с очевидными плюсами реализация проекта сулит для них не менее очевидные риски. Существует весьма серьёзная опасность, что транзитные пошлины далеко не покроют убытки местных производителей от конкуренции со стороны более дешёвых товаров от производителей из Восточной и Юго-Восточной Азии.

Впрочем, нас интересуют не столько экономические дивиденды от реализации проекта, сколько социальные и духовные последствия столь масштабного и неоднозначного начинания. Существует высокая вероятность того, что данные последствия будут на самом деле глобальны: ведь речь идёт о проекте, который напрямую свяжет регионы, до этого не имевшие близких контактов. Это приведёт к тесному взаимодействию совершенно чужих, не имеющих опыта длительного соседства народов и культур. Отсюда высокая вероятность межэтнических и межконфессиональных конфликтов, кризис в самоидентификации людей, оказавшихся в фокусе кросс-культурного взаимодействия.

Поразительным образом появление идеи «Один пояс – один путь» совпадает по вре-

© Чистанов М. Н., 2018

мени со значительными трудностями в реализации ещё одного глобального проекта: идеи мультикультурализма, которая появилась в международной политике в середине XX века, но обязана своим происхождением двухсотлетнему развитию европейской философско-исторической и политической мысли.

Методология и методы исследования. Автор в работе критически оценивает традиционные, субстанционалистские и современные конструктивистские подходы к анализу субъекта истории. Используются методы герменевтики и социальной феноменологии. Изучены и критически анализируются известные достижения и теоретические положения отечественных и зарубежных философов по вопросам социальной философии, исторического сознания и этнического самосознания.

Результаты исследования и их обсуждение. Мультикультурализм подразумевает признание одинаковой ценности культур (в частном случае, этнических) и необходимости их сохранения и защиты, в том числе в полиэтническом сообществе, а также призывает к диалогу культур как признанию автономии различных культур и признанию их естественного права на самостоятельное развитие. Данный подход в своё время стал великим достижением цивилизации, однако современное состояние этой методологии и практики вызывает серьёзные опасения. Многочисленные нарушения принципов сосуществования различных культур, как в беднейших, так и в самых богатых странах, международный терроризм, политика двойных стандартов в отношении различных социальных и этнических групп, множество личных трагедий простых людей в современном мире незаметны, разве что только очень наивному человеку или ханже.

Тем более удивительно, что столь актуальная сегодня проблема этнической и культурной идентичности и тесно с ней связанная проблема межкультурного взаимодействия и диалога в философской традиции до Нового времени почти не обсуждалась. Впрочем, в трудах французских просветителей проблема культурных отличий отмечалась, но до некоторого времени решалась довольно просто: специфика любой культуры определялась через её соответствие месту и условиям возникновения и последующего функционирования. То есть никакой особой тайны в отличиях народов нет, все народы и культуры являются продуктами окружающей среды и действуют в истории согласно влиянию этой среды. Описанное правило может применяться напрямую, когда внешность и физиология представителей этнических групп выводятся из действия жары или холода, как в работах Г. Болингброка [2] и Ш. Монтескьё [10], а может в более сложной форме как у И. Г. Гердера, связывавшего условия существования с национальным духом и характером [3]. Этот принцип, собственно, и получил название географического детерминизма, который в основных своих чертах поддерживался в тренде европейской интеллектуальной традиции вплоть до середины XIX века.

О необходимости установления прямого диалога культур впервые заявляется в трудах европейских философов и социологов конца XIX – начала XX века. Этому есть разумное объяснение: концепция исторического прогресса, возникшая ещё в работах просветителей и впоследствии породившая великие социально-исторические системы Г. Гегеля и К. Маркса, утверждавшие поступательный ход мировой истории, на заре эпохи модерна оказалась сильно скомпрометированной. Она выглядит откровенно архаичной на фоне всеобщего нигилизма и релятивизма исследователей. В основе же новой методологии лежит идея культуры как уникальной комбинации множества факторов, своеобразной органической целостности. Истоки подхода были заложены ещё немецкими романтиками и противостояли примитивным представлениям о неизбежности общемирового прогресса. Разные культуры и цивилизации не только имеют различную природу, но даже не могут быть объектом сравнения, поскольку каждая культура является безусловной ценностью сама для себя. Постижение же сущности культуры возможно через особую процедуру понимания, которая противостоит тривиальному логическому объяснению, характерному для просветительского мышления. Вместе с тем, культуроцентризм как методологический принцип потребовал от авторов указания на его конкретный носитель, некоторый атом или субъект исторического процесса. Такой единицей в итоге была провозглашена нация как специфическая общность, сущность которой весьма туманна, поскольку не может быть сведена к «крови и почве», но проявляется в традициях, обычаях, политических деяниях, национальном характере, а главное, с легкой руки В. фон Гумбольдта, – в языке [5]. Наряду с продекларированным правом наций на самоопределение, утверждением автономности культур и необходимостью понимания как особой познавательной процедуры для постижения сущности иной цивилизации це-

лью данной стратегии стал подрыв гегемонии старых колониальных империй: Испании, Англии и Франции и выход новых политических сил (в первую очередь Германии и Италии) на мировую политическую арену.

Нужно отметить, что уже первый этап развития мультикультурной доктрины привёл к весьма неоднозначным социальным последствиям: двум мировым войнам, а после их окончания – к краху мировой колониальной системы. Невозможность адекватной оценки последствий данных событий породила новую волну споров о мультикультурализме и привела к формулировке вопроса о межкультурной коммуникации в его современной форме. Сам термин «межкультурная коммуникация» был введён американским антропологом Эдвардом Холлом для обоснования стратегий поведения американской дипломатии в условиях постколониальной действительности нового послевоенного мира. Десятки новых посольств в новых независимых странах требовали призыва сотен и тысяч людей без дипломатического опыта в обычно закрытую сферу международной политики, а сами принципы старой европейской и американской дипломатии оказались неэффективными при работе в бывших колониях [9]. С возникновением неолиберализма границы применения терминов «мультикультурализм» и «межкультурная коммуникация» в очередной раз предельно расширились и стали обозначать в целом возможность установления взаимопонимания между людьми различных рас, национальностей, конфессий, социальных групп и интеллектуальных традиций [4].

Стоит ещё раз отметить, что если на первом этапе развития мультикультурализма в качестве субъекта коммуникации рассматриваются культуры и цивилизации (в форме национальных государств), то на втором этапе в качестве таких субъектов в центре внимания уже сами конкретные люди, которые в своей обычной жизни, чаще всего в результате добровольной или насильственной миграции, сталкиваются с проявлениями иного языка, поведения, хозяйственной деятельности. Именно такая трансформация проблемы таила в себе ростки последующего кризиса мультикультурализма: внутреннее неустранимое противоречие между политическим устройством современного мира в форме национальных государств и индивидуальным характером межкультурной коммуникации в современном глобализирующемся мире. Поскольку моноэтнические общности в современных условиях – скорее исключение, нежели правило, мультикультурализм в очередной раз наступает на уже знакомые грабли: осуществление права этнических групп на автономию в полной мере неосуществимо, и драматический опыт бывшей Югославии тому подтверждение, а отрицание этого принципа ведёт к дискриминации и ущемлению прав различных меньшинств.

Несмотря на указанный нами системный кризис, идеи мультикультурализма далеко не утратили своих позиций, поскольку на сегодняшний день являются частью естественной установки «среднего» человека в глобализированном сообществе. Этими установками пропитаны основополагающие документы ООН и ЮНЕСКО, поэтому говорить о полном преодолении мультикультурализма пока ещё нельзя.

Вместе с тем, многочисленные инциденты с мигрантами в Европе, война на Ближнем Востоке и неуклюжие попытки сохранить видимость гражданского согласия в большинстве «цивилизованных» стран заставляют нас в очередной раз задуматься о внутренних основаниях этнической культуры и глубинных причинах межэтнических конфликтов. Вся проблема в том, что власти, осуществляя действия, направленные на поддержание относительной стабильности в сфере отношений между разными этническими и религиозными группами, оказываются заложниками однобокого понимания самой сущности таких конфликтов. Расхожее представление о том, что в основе конфликтной ситуации лежит проявление экстремистских настроений отдельных личностей или социальных групп создаёт иллюзию того, что данную проблему можно решить хирургическим путём, применяя жёсткие полицейские меры или методы антитеррористических войсковых операций. Однако религиозный и этнический экстремизм – всего лишь верхушка айсберга, а увеличение количества актов жестокости и вандализма в межэтнических и межкультурных отношениях ясно указывает на системность самого заболевания.

Как представляется, основным ограничением существующих моделей межкультурной коммуникации является слишком абстрактный, общий подход к культурам, являющимся субъектами взаимодействия. Необходимо отдавать себе отчёт в том, что поле межкультурного взаимодействия всегда носит конкретный характер, поэтому выбор стратегии должен зависеть от условий формирования этого поля, и говорить об единых законах формирования культурной идентичности мы

не можем. Так, в условиях Северной и Южной Америки, а также Австралии заселение территорий происходит практически одновременно различными этническими группами, коренное население большей частью физически уничтожено или ассимилировано. В этой связи все этнические группировки находятся в относительно равном положении. Отказ от идеи нации как «плавильного котла» приводит к тому, что сосуществование крупных диаспор становится предметом некоторого неявного договора, где общие интересы государства объявляются преобладающими над частными интересами общин. Такая расстановка приоритетов позволяет поддерживать необходимую стабильность в обществе, по возможности не ущемляя интересов отдельных культур. Некоторую проблему в рамках данной модели представляет инкорпорация в общество социальных групп, ранее занимавших подчинённое положение: афроамериканцев, индейцев, сохранивших традиционный уклад, латиноамериканцев. Однако данная проблема постепенно решается, хотя и не так быстро, как хотелось бы.

В условиях современной Европы отчасти сосуществование культур регулируется политическими границами, сложившимися в XIX–XX веках (за исключением Балкан). С другой стороны, после крушения мировой колониальной системы жители колоний начинают переселяться на территорию бывших метрополий. Очевидно, что первоначально переселенцы занимают узкие социальные ниши, занимаясь тяжёлым физическим трудом и иными малопрестижными видами деятельности. Понятно, что подобное разделение труда отражает объективные тенденции, но то, что это явно противоречит принципам равенства культур, ясно даже дилетанту. Волна гражданского неповиновения последних лет, прокатившаяся по Европе, – чёткий указатель того, что некоторая критическая точка в этом направлении уже пройдена [6; 7].

Формирование российской культурной идентичности сначала напоминает американский путь за тем исключением, что заселение Кавказа, Средней Азии и Сибири осуществлялось одной этнической группой, то есть русскими, но при этом местный этнический субстрат оставался практически неизменным и даже пользовался определённой культурной автономией. Объясняется это не столько особой духовностью русского народа, как иногда любят заявлять славянофилы, сколько отсутствием достаточного человеческого ресурса для заселения столь обширных территорий. Подобная внутренняя практика характерна как для периода Российской империи, так и для советской, и постсоветской России [11–13]. Однако в постсоветский период на этот уже традиционный для России фон накладываются элементы европейской постколониальной стратегии: когда в Россию хлынул сначала поток русских репатриантов из бывших республик Советского Союза, а затем и гастарбайтеров, недавних наших соотечественников, бегущих от экономических и политических проблем своих независимых государств в бывшую метрополию [1; 8].

Заключение. Появление проектов, подобных Евразийскому сухопутному мосту, сигнализирует нам о том, что традиционное понимание сферы истории как сферы столкновения этнических интересов уже устарело. В китаецентристской модели мира этническая проблематика возможна лишь как проблематика обочины, окраины и является всего лишь уступкой самолюбию младших партнёров. Здесь китайцы действуют в своей излюбленной манере «слабого руководства варварами», демонстрируя сугубо прагматический подход к решению проблем межнационального и межкультурного взаимодействия. Китайскому мироощущению, вообще говоря, любая форма этнического эссенциализма не присуща. Собственно китайская идентичность – даже не надэтническое, а внеэтническое понятие, китаец – существо географическое, центристское. В то же время сами китайцы весьма снисходительны к проявлениям этнического самосознания у представителей национальных меньшинств, при условии сохранения лояльности по отношению к ханьскому гегемону [14]. Трудно ожидать, что в случае реализации трансконтинентального проекта отношение Китая к партнёрам будет принципиально отличаться от их же тысячелетнего архетипа. Символизируя возвращение Поднебесной на позиции если не мирового, то континентального лидера Евразийский сухопутный мост одновременно указывает на переход от философии индивидуального человеческого духа к философии культурного ландшафта, от внутреннего пространства – к пространству внешнему.

Парадоксальным образом поиск этнической и культурной идентичности исторического субъекта, который в XVIII веке в Европе начинается с географического детерминизма, заканчивается новым географическим детерминизмом далеко на Востоке.

Список литературы

1. Аксютин Ю. М., Тышта Е. В. Трансформации надэтнической идентичности в условиях становления российского федерализма: региональный аспект // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: вопросы теории и практики. 2013. № 1–2. С. 16–20.
2. Болингброк Г. С.-Дж. Письма об изучении и пользе истории. М.: Наука, 1978. 360 с.
3. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977. 704 с.
4. Головко Н. В. Неолиберальная концепция науки и эпистемическая модернизация // Сибирский философский журнал. 2013. Т. 11, № 2. С. 24–29.
5. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода // Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. С. 37–297.
6. Житин Д. В., Краснов В. И., Шендрик А. В. Географические особенности миграционных связей Европы // Балтийский регион. 2016. Т. 8, № 3. С. 75–92. DOI: 10.5922/2074-9848-2016-3-5.
7. Излученко Т. В., Кудашов В. И. Негативное проявление диалогичности в экстремистском религиозном сознании // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2016. № 5. С.130–143.
8. Крестьянова Л. С. Межэтнические отношения и миграционные процессы на региональном уровне: проблемы и основные тенденции развития // Экономика региона. 2016. Т. 12, вып. 3. С. 815–825. DOI: 10.17059/2016-3-17.
9. Куропятник А. И. Мультикультурализм: идеология и политика социальной стабильности полиэтнических обществ. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. 332 с.
10. Монтескьё Ш. О духе законов. М.: Мысль, 1999. 674 с.
11. Anzhiganova L., Asochakova V., Topoeva M. Ethno-confessional neotraditionalism in a globalized world: Search for basis of identification // Revista de Humanidades. 2017. Vol. 30. Pp. 141–151.
12. Dagbaev E. D., Dagbaeva N. Zh., Dashinimayeva P. P., Zandeeva S. K. Buryat Ethnic Mentality and National Broadcasting // SHS Web of Conferences. 2016. No. 28. Pp. 1–6.
13. Safronov, S. Russian population ethnic structure: trends and transformations // Baltic region. 2015. No. 3. Pp. 106–120. DOI: 10.5922/2079-8555-2015-3-9.
14. Yang X-l, Liu L Shi, Y-y Li Y-s, Tan X, Hu Xm [et al.]. The Relationship between Cultural Anxiety and Ethnic Essentialism: The Mediating Role of an Endorsement of Multicultural Ideology // PLoS ONE. 2015. No. 10.

Статья поступила в редакцию 12.03.2018; принята к публикации 25.04.2018

Библиографическое описание статьи

Чистанов М. Н. Блеск и нищета географического детерминизма (размышления об этнокультурной идентичности в контексте проблемы исторического субъекта) // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 4. С. 28–33. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-28-33.

Marat N. Chistanov,
Doctor of Philosophy, Associate Professor,
Katanov Khakass State University
(90 Lenina st., Abakan, 655017, Russia),
e-mail: maratc@mail.ru

The Splendors and Miseries of Geographical Determinism (Reflections about Ethnocultural Identity in the Context of the Historical Subject Problem)

During emergence of philosophy of history, the problem of historical subject and driving force was traditionally solved by method of geographical determinism. In the nineteenth century under the influence of Hegelian philosophy, the concept of the historical subject changed and began to be associated with ethnic groups – carriers of national spirit. It led to the emergence of a political thesis about the right of the nations for self-determination and practice of creation of the national states at first in Europe, and further around the world. In the neoliberal concepts of the twentieth century, the human individual becomes the subject of history, and this turn does traditional philosophy of history extremely vulnerable. The author tries to show theoretical and methodological restrictions of ethnocentric model of history. It is interesting but the concept of geographical determinism was out of date for a long time, this concept revives in modern conditions. In practical sense, the geographical determinism finds expression in the global project of the Eurasian Land Bridge or the New Silk Road. The author's point is that implementation of this project leads to change of alignment of forces on the continent and would influence the nature of ethnic interactions in Eurasia. In this case, the China-centrist model of cross-cultural interaction could take the place of the model of multiculturalism, which has compromised itself. This new model leaves an ethnic component of culture out of the sphere of its attention.

***Keywords*:** historical subject, multiculturalism, globalization, ethnic and cultural identity, cross-cultural interaction, geographical determinism, cultural landscape

References

1. Aksyutin, Yu. M., Tyshta, E. V. Transformation of a supra-ethnic identity in the formation of Russian federalism: the regional dimension. Historical, philosophical, political and law Sciences, Culturology and art criticism: issues of theory and practice, no. 1–2, pp. 16–20. 2013. (In Rus.)
2. Bolingbrok, G. S.-Dzh. Letters on the study and use of history. M: Nauka, 1978. (In Rus.)
3. Gerder, I. G. Ideas for the philosophy of human history. M: Nauka, 1977. (In Rus.)
4. Golovko, N. V. Neoliberal concept of science and epistemic modernization. Siberian philosophical journal, vol. 11, no. 2, pp. 24–29, 2013. (In Rus.)
5. Gumboldt, V. On the difference in the structure of human languages and its influence on the spiritual development of the human race // Selected works on linguistics. M: Progress, 1984: 37–297. (In Rus.)
6. Zhitin, D. V., Krasnov, V. I., Shendrik, A. V. Shendrik, V. A. Geographical characteristics of migration linkages in Europe. Baltic region, vol. 8, no. 3, pp. 75–92, 2016. DOI: 10.5922/2074-9848-2016-3-5 (In Rus.)
7. Izluchenko, T. V., Kudashov, V. I. The negative manifestation of the dialogicality of extremist religious consciousness. Bulletin of the Novosibirsk State Pedagogical University, no. 5, pp. 130–143, 2016. (In Rus.)
8. Krest'yanova, L. S. Interethnic relations and migration processes at the regional level: problems and main development trends. Economics of the region, v.12, vol. 3, pp. 815–825, 2016. DOI: 10.17059/2016-3-17 (In Rus.)
9. Kuropyatnik, A. I. Multiculturalism: ideology and policy of social stability of multiethnic societies. SPb: Izd-vo SPbGU, 2000. (In Rus.)
10. Montesk'e Sh. The spirit of laws. M: Mysl', 1999. (In Rus.)
11. Anzhiganova, L., Asochakova, V., Topoeva M. Ethno-confessional neotraditionalism in a globalized world: Search for basis of identification. Revista de Humanidades, vol. 30, pp. 141–151, 2017. (In Engl.)
12. Dagbaev, E. D., Dagbaeva, N. Zh., Dashinimayeva, P. P., Zandeeva, S. K. Buryat Ethnic Mentality and National Broadcasting. SHS Web of Conferences. 28, 01023, pp. 1–6, 2016. (In Engl.)
13. Safronov, S. Russian population ethnic structure: trends and transformations. Baltic region, no.3, pp. 106–120, 2015. DOI: 10.5922/2079-8555-2015-3-9 (In Engl.)
14. Yang X-l, Liu, L Shi, Y-y, Li Y-s, Tan X, Hu Xm, et al. The Relationship between Cultural Anxiety and Ethnic Essentialism: The Mediating Role of an Endorsement of Multicultural Ideology.2015. PLoS ONE 10. (In Engl.)

Received: March 12, 2018; accepted for publication April 25, 2018

Reference to the article

Chistanov M. N. The Splendors and Miseries of Geographical Determinism (Reflections about Ethnocultural Identity in the Context of the Historical Subject Problem) // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 4. PP. 28–33. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-28-33.

http://www.zabvektor.com ISSN 2542-0038 (Online) ISSN 1996-7853

УДК 21: 930(47+57)
DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-34-42

Виталий Юрьевич Даренский,
кандидат философских наук, доцент,
Луганский национальный аграрный университет
(91008, г. Луганск, городок ЛНАУ),
e-mail: darenskiy1972@mail.ru

Анализ парадоксов украинской национальной идентичности в концепции П. М. Бицилли

В статье анализируются основные парадоксы украинской национальной идентичности в концепции П. М. Бицилли на основе рассмотрения его статьи «Проблема русско-украинских отношений в свете истории». Реконструируется общая логика работы П. М. Бицилли, выделяется его аргументация по ключевым проблемам. Путём привлечения различных исторических данных показана их истинность и концептуальная значимость для современного анализа данной проблематики, которая актуализировалась в результате политических событий последних лет. Целью статьи является исследование концепции П. М. Бицилли, предложенной им для понимания Украины как специфического культурно-исторического феномена, в контексте современных реалий становления её национально-государственной идентичности. Показана принципиальная важность следующих тезисов П. М. Бицилли: 1) об ошибочности самого принципа искусственного «построения» наций на основе одной лишь политической целесообразности; 2) о деструктивности построения политических наций для культуры и языка, нарушающих их естественное развитие и создающих лишь иллюзии, а не подлинную культуру и язык; 3) о решающей роли универсальных, а не партикулярных ценностей в естественном формировании наций; 4) о корыстном характере искусственного «построения» наций, всегда имеющем целью выдвижение посредственностей и подавление более высокой культурной традиции путём искусственной «самостийности».

Ключевые слова: П. М. Бицилли, Украина, национальная идентичность, парадоксы

Трагедия национального деятеля,
строящего нацию как самоцель, состоит в том,
что он трактует культуру как политику и потому
в состоянии создать подобие нации,
но не – подлинную нацию.
П. М. Бицилли [2, с. 119]

Введение. Исследование П. М. Бицилли «Проблема русско-украинских отношений в свете истории», впервые напечатанная отдельной брошюрой в издательстве общества «Единство» в 1930 году в Праге, в настоящее время стала едва ли не ещё более актуальной, чем в период своего написания. Сам факт, что автор этой работы в своё время обратился к такой теме, достаточно далёкой от его основных научных интересов, свидетельствует о его удивительной культурно-исторической прозорливости – на фоне того, какую масштабность приобрела эта тема в наше время. Более того, в наше время ещё ни один автор не поднялся до такого уровня интеллектуальной культуры в её обсуждении, какую в данной работе продемонстрировал П. М. Бицилли. Научное наследие П. М. Бицилли стало предметом многостороннего исследования, даже появился специальный термин «бициллиеведение» [6], однако именно этот его аспект сегодня ещё не стал предметом специального анализа. В России в 2004 году вышла монография, специально посвящённая П. М. Бицилли, но в ней также его работа только лишь упоминается [1]. В целом же следует отметить, что с 1990-х годов в России были изданы несколько его важнейших работ, в частности «Очерки теории исторической науки», «Элементы средневековой культуры», «Место Ренессанса в истории культуры», «Трагедия русской культуры», «Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад». Вхождение работ этого классика русской исторической науки, культурологии и философии истории в кругозор современных учёных является совершенно необходимым.

Основные постулаты украинской идеологии, о которых пишет П. М. Бицилли, получившие простор для своего бурного развития и влияния на общественное сознание в период государственной независимости Украины, до сих пор остаются малоизвестными и малоинтересными в России. Такую ситуацию нельзя признать нормальной по целому ряду причин, среди которых назовём лишь некоторые наиболее важные. Во-первых, эта идеология по сути своей претендует на опровержение и «переворачивание» традиционных представлений о тысячелетней истории восточного славянства, сложившихся в русской исторической науке. Это «переворачивание» чаще всего касается «святая святых» русского исторического сознания, начиная с истории Киевской Руси (этот период трактуется как период «древнеукраинской держа-

© Даренский В. Ю., 2018

вы», якобы не имеющий никакого отношения к истории России) до истории Великой Отечественной войны (трактуемой как «советско-немецкая» война, в которой обе стороны якобы выступали по отношению к украинцам как захватчики и поработители) и т. д. Поэтому когда российские историки сталкиваются с проявлениями этих идеологических установок со стороны своих украинских коллег, то это чаще всего приводит к острому взаимному непониманию и даже враждебности. Типичны случаи, когда они бывают настолько удивлены и обескуражены суждениями украинцев, что вообще отказываются вести с ними какие-либо дискуссии, квалифицируя высказывания своих оппонентов просто как «националистический маразм». И хотя в ряде случаев такая оценка действительно является адекватной, тем не менее отказываться от диалога нельзя, поскольку налаживание взаимопонимания невозможно без разрушения бытующих русофобских идеологических мифов.

Но если в России вообще очень мало интересуются идеологическими концепциями украинской историографии и не привыкли с ними всерьёз полемизировать, то в Украине, наоборот, критика традиционных концепций русской историографии отечественной истории (квалифицируемых здесь как «имперские» и «шовинистические»), составляет едва ли не главное занятие в области исторической идеологии, в котором упражняются почти все, кто пишет на исторические темы. Очень трудно найти даже статью по истории Украины или России (не говоря уже о диссертациях и монографиях), в которой бы не было такой критики. Впрочем, обычно здесь имеет место вовсе не «критика» в строго научном смысле слова, а именно борьба идеологем и ценностей, – волюнтаристическое утверждение одних и отвержение других, как правило, не обременяющее себя сколько-нибудь серьёзной аргументацией.

Обзор литературы. Близкой по тематике и по концептуальным выводам к работе П. М. Бицилли была статья Н. С. Трубецкого «К украинской проблеме» (1927), написанная в тот же самый период [8]. К сожалению, большинство современных авторов, пишущих на эту тему, являются либо публицистами, либо работают в рамках весьма жёстких идеологических установок, особенно в Украине. Из современных работ примером строго академизма может служить, например, статья Д. Я. Бондаренко [3], а из публицистических работ высоким концептуальным уровнем отличается книга С. Н. Сидоренко «Украина – Россия: преодоление распада» (2006) [7]. Тем самым, данная работа П. М. Бицилли является классическим культурологическим исследованием феномена Украины и именно в этом качестве подлежит самому вдумчивому анализу.

Методология исследования состоит в реконструкции общей логики работы П. М. Бицилли, выделении его аргументации по ключевым проблемам и привлечении различного исторического материала для проверки их истинности.

Целью данной статьи является исследование концепции П. М. Бицилли, предложенной им для понимания Украины как специфического культурно-исторического феномена, в контексте современных реалий становления её национально-государственной идентичности, посредством анализа парадоксов украинской национальной идентичности, раскрытых в работе П. М. Бицилли.

Предложенный подход точно соответствует взглядам П. М. Бицилли на «украинский вопрос» в указанной работе. Как отмечал сам автор, «этот вопрос является культурно-исторической проблемой, а не только и просто очередным заданием “реальной” политики» [2, с. 107]. Учёный понимал свою задачу не как вмешательство в споры тогдашних «самостийников» и их противников, но как культурологический анализ проблемы sine ire et studio. Поэтому он обращался к тем «русским и к тем украинцам, которые ещё не потеряли надежды на возможность сговориться друг с другом и которые не думают, что то, что их разъединяет, есть исключительно результат злой воли, нежелания понять противника, взглянуть на вещи с его, противника, точки зрения» [Там же]. Как видим, у автора, при всей его научной непредвзятости, есть изначальное чёткое убеждение в том, что разъединение украинцев и русских «есть исключительно результат злой воли». Можно ли это считать субъективизмом? С формальной точки зрения – можно. Но никак нельзя, по крайней мере, в двух сущностных контекстах: во-первых, с точки зрения христианской морали, поскольку всякое разъединение христианских народов есть грех и зло – а уж тем более раскол Руси как твердыни Православия; во-вторых, с точки зрения жизненного опыта, который о людях, усердно делящих Русь по этническому признаку, неизменно оставляет самое неблагоприятное впечатление. Оба эти контекста не всегда явно, но постоянно присутствуют в исследовании П. М. Бицилли.

С самого начала П. М. Бицилли указывает, что суть рассматриваемого вопроса принципиально неразрешима в рамках идеологических споров, так как украинская идея изначально основана на разрушении русского самосознания. Например, «идейные» украинцы утверждают, что продолжением истории Древней Руси является только история Западной Руси, а не Московской. Для этого украинцы настаивают на древности самого имени «Украина», тогда как русские доказывают, что этот термин в качестве самоназвания очень новый, и что сам народ соответствующих территорий всегда назвал себя только русским; украинцы утверждают, что украинский язык – отдельный язык, а русские, что это диалект русского языка. «Нельзя отрицать большой плодотворности этих споров для исторической науки», – отмечает П. М. Бицилли, – но, утверждает он, суть нашего вопроса лежит совсем в иной плоскости [2, с. 108]. «Суть вопроса», в отличие от эмоционально окрашенных чисто идеологических спекуляций вокруг него, учёный определяет следующим образом: «Проблема украинского возрождения вовсе не какой-либо вздорный вымысел политиканов и праздномыслящих романтиков. Ей нельзя отказать в жизненности, и отмахнуться от неё было бы преступно и глупо. Но её надо правильно поставить» [Там же, с. 110]. Прежде всего, по П. М. Бицилли, обычное рассуждение в пользу «само собой разумеющейся» необходимости конструирования особой украинской нации на базе этнических особенностей населения Юго-Западной Руси «грешит в одном весьма важном отношении: оно *основано на смешении понятий признака наличия национальности и условия возникновения национальной жизни*» [выделено нами – *авт.*] [Там же, с. 115].

Под «признаком наличия национальности» здесь понимается именно наличие упомянутых этнических особенностей, которые действительно имеют место, – но «условия возникновения национальной жизни» предполагают нечто большее. Тот факт, что это различение почти никто не проводит, говорит о крайне низком уровне подобных дискуссий. Здесь П. М. Бицилли позволяет себе едкую иронию: «Есть люди, придающие значение тому, что великоросс зовёт малоросса “хохлом”, а малоросс великоросса – “кацапом” или “москалём”, и тому подобным мелочам. Я пойду дальше и признаю, что антагонизм между Севером и Югом в России, несомненно, есть. Это общий факт. Он существует и в Германии, и во Франции, и в Италии, и в Испании, и в Американской республике. Но этот факт – не одно и то же, что антагонизм национальный, и не о нём поэтому идёт сейчас речь. И если украинизаторы ссылаются на него и пытаются на нём базироваться, то это значит или то, что они не знакомы с историей, или обманывают самих себя, или же, наконец, обманывают других. Для меня, в настоящей связи, имеет значение только один, сейчас отмеченный, факт – морального, внутреннего отчуждения украинизаторов от России, факт, делающий сам по себе то, что из двух людей одинакового происхождения, одинаковой культуры, одной крови (оба Шульгины), один – несомненный, бесспорный украинец, потому что он хочет им быть, другой – столь же несомненный, столь же бесспорный русский – по той же причине» [2, с. 118].

Тот из братьев Шульгиных, упомянутых здесь, который выбрал русскую идентичность (Василий), в статье «Украинствующие и мы» (1938) так писал о своём брате Александре, который стал «сознательным» украинцем: «Если взорвать их идеологию бомбами несомненных фактов, они восклицают “тем хуже для фактов” и сейчас же выдумывают в подкрепление своей мании новую аргументацию. Впрочем, всякие доказательства для них только линия второстепенных окопов. Цитадель же их в утверждении: *хотим быть украинцами.* Хотим быть и больше ничего. Пусть для этого нет никаких оснований вовне; основание – внутри нас» [9, с. 54]. Подобное же отчуждение было, например, и у Николая Бердяева с его родным братом; а в наше время таких примеров – многие тысячи, если не миллионы. Поистине «и встанет брат на брата». Неужели существует настолько извращённая «мораль», которая могла бы это оправдать? Однако объяснение этому П. М. Бицилли даёт очень простое и точное – это изначальная отчуждённость украинизаторов от России. Его современник, наблюдавший за событиями 1918–1920 годов, будущий академик Н. К. Гудзий фактически подтверждает этот вывод: «Самостийники и количественно и качественно… незначительны и вербовались они или среди галичан, или среди тех, кто на всякой политической идеологии способен был делать себе карьеру… Для кого большая духовная культура России была пустым звуком, о тех можно сказать, что за душой ничего у них не было и, отказываясь от России, им терять было нечего» [4, с. 186].

Само слово «Украина» приобрело свой современный национально-государственный смысл только в первой половине XX века,

причём не в результате какого-то спонтанного возникновения национального самосознания широких народных масс, а в результате идеологических манипуляций – сначала со стороны маргинальных, но очень активных групп интеллигенции, а затем была взята на вооружение сначала австрийским правительством, а потом большевиками для своих особых целей. Этот процесс, сам по себе весьма естественный и характерный для XX века – века идеологий par excellence, – достаточно подробно и документировано рассмотрен в классических работах Н. Ульянова, А. Царинного (Стороженко) и др. Ещё более характерно, что и серьёзные украинские историки этого факта нисколько не отрицают, хотя и не любят (по вполне понятной причине) о нём распространяться. Так, например, едва ли не самый авторитетный из современных украинских авторов, пишущих на тему теории и истории нации, Г. Касьянов прямо утверждает: «Термин “национальное возрождение”, очевидно, нужно брать в кавычки… поскольку *и по содержанию, и по форме украинское* “*национальное возрождение*” *было именно созданием нации, и субъективный фактор имел решающее значение для* “*инициирования*” *этого процесса.* В данном контексте новое значение приобретает предложенный Р. Шпорлюком термин “украинский проект” …Нация сначала должна была возникнуть в воображении деятелей “национального возрождения” как умозрительная конструкция, и только со временем эта действительно “воображаемая” общность, этот проект были связаны в единое целое, согласованы с “объективными” социально-политическими, культурными, геополитическими и другими реалиями» [11, с. 296]. Другой автор, М. Рябчук, отличающийся явной русофобией, тем не менее пишет практически то же самое: его главная монография называется «От Малороссии к Украине: парадоксы запоздалого нациотворения» (1999) [12], и в ней он прямо говорит об искусственности и «запоздалости» создания украинской нации, которая, по его мнению, так и не возникла и существует лишь в смелых проектах. (Уникальный неологизм «нациотворение», кстати говоря, не имеет аналогов ни в одном из европейских языков).

Каковы были цели и смысл «украинского проекта», на что (и против чего) в конечном счёте было направлено буйство воображения упомянутых деятелей, мы рассмотрим чуть ниже. А пока отметим следующее. Во-первых, несмотря на бесспорное наличие определённых «объективных» предпосылок в виде некоторых языковых и культурно-психологических особенностей населения Юго-Западной России, существовавших к началу XX века, тем не менее, главным и решающим для «создания» отдельного народа был именно субъективный фактор, который, впрочем, далеко не сводился к игре чьего-то воображения, но был результатом проявления вполне определённых интересов определённых сил, использовавших это «воображение» в своих целях.

Естественно, нельзя отрицать сам факт существования украинского народа, к чему имеют склонность некоторые не в меру радикальные российские авторы, или же рассматривать возникновение украинской национальной идентичности исключительно как результат некой антинародной аферы. Действительно, такая афера имела место, однако и она, как оказалось, отвечала устремлениям весьма широких масс населения Юго-Западной Руси.

Дело в том, что те нравственно-религиозные основания, на которых держалась Русь в исторической форме Российской Империи как не просто национально-государственный, но именно сакральный, основанный на признании определенных ценностей-святынь феномен исторического бытия, к началу XX века оказались весьма поколебленными. И те же самые идейные импульсы, которые привели в Центральной России к победе большевиков, – они же в Юго-Западной Руси привели к возбуждению этноцентрического эгоизма, вынося на поверхность исторических событий деятелей, которые были абсолютно ничтожны сами по себе в нормальных культурных условиях. Таким образом, большевизм и «украинский сепаратизм» (термин начала XX века) являются результатом одного и того же разрушения тысячелетней традиции русской православной идентичности. Разница состоит лишь в том, что большевизм представлял собой результат воздействия наиболее радикального типа антихристианского и вообще антитрадиционного западноевропейского сознания (навербовавшего себе в и России соответствующий контингент), а украинский сепаратизм есть «филиал» более мягкого, хотя, в конечном счёте, и не менее разрушительного типа антирусского сознания, направленного на уничтожение священных основ православного народного бытия. Разница между ними состоит лишь в идеологическом «оформлении», а не по существу, поэтому и отношение к ним должно быть однотипным. В этом отношении весь-

ма показателен своеобразный «симбиоз» радикальных революционных устремлений с антирусским сепаратизмом, наблюдаемый у большинства украинских идеологов: от ортодоксального марксизма В. Винниченко, Н. Хвылевого, Н. Скрипника и многих тысяч «украинизаторов» 1920–1930-х годов до социализма С. Петлюры, И. Франко, Л. Украинки, М. Драгоманова, Ю. Бачинского, М. Грушевского (как и абсолютного большинства деятелей «Центральной Рады») и до анархического бунтарства самого Т. Шевченко.

Как бы то ни было, П. М. Бицилли признаёт большую жизнеспособность идеи создания украинской нации, поскольку «обработка народа в течение ряда поколений путём пропаганды и школы… политическая и экономическая изоляция могут, в конце концов, перевоспитать народы. Украинскую нацию создать можно. В этом украинизаторы вполне правы» [2, с. 119]. Однако, – задаётся справедливым вопросом П. М. Бицилли, – а зачем, собственно?

Дело в том, что в истории нигде и никогда нации не возникали и не создавались только ради сохранения этнического своеобразия населения определённых территорий. Возможно, что украинская нация стала бы первым таким случаем – но такое исключение вряд ли можно было бы признать чем-то ценным с общечеловеческой точки зрения. И вот почему. «Восстановление Империи и Рима, – пишет П. М. Бицилли, – мыслится Дантом и Петраркой как долг Италии перед Богом и человечеством, как её призвание, не как её право… Создание великих исторических наций никогда не было самоцелью для их создателей. Они метили дальше и выше… Так проявляет себя непреложный исторический закон перерождения целей. Творя наднациональные, сверхнациональные ценности, герои человечества творят нации. Последние – косвенный, но необходимый результат их творческих устремлений» [2, с. 122]. Однако сохранение этнического своеобразия хотя и является благородным побуждением, но само по себе *полноценную* нацию создать никогда не сможет, поскольку не несёт в себе никакой сверхнациональной ценности, безусловно, важной и даже незаменимой для всего человечества.

В частности, такую сверхнациональную ценность реализовала единая Русь и созданный ею Русский мир. Позднее созданный Русью *нравственный тип человека* в силу своих особых качеств смог создать и одну из величайших в мире культур, особо проникнутую христианским духом смирения. Этот же тип человека создал и великое государство, спасшее от гибели и ассимиляции агрессивными соседями множество народов, открыв им историческое будущее. В частности, уже само *существование* южнорусского этноса, впоследствии названного «украинцами», есть результат самоотверженной политики Русского государства, вынужденного вести невыгодные для себя тяжёлые войны с Польшей и Турцией ради спасения предков современных украинцев от прямого геноцида. Территория, контролировавшаяся войсками Б. Хмельницкого на момент их Переяславской присяги царю, составляет менее 1/10 территории современной Украины, – всё остальное было отвоёвано для неё русской армией в течение нескольких веков, причём около половины её современной территории вообще до этого не было заселено славянами.

Но может ли предложить миру сверхнациональную ценность какой-нибудь «строитель» этнической нации? «“Строитель” нации, – пишет П. М. Бицилли, – обязан приложить все усилия к тому, чтобы показать внешнему миру, что нация, которую он “строит”, есть подлинно нация, что она обладает всеми атрибутами таковой – национальным языком, национальным искусством, национальной наукой и т. д. Он будет “национализировать” все эти сферы деятельности Духа. Что бы и о чём бы он ни писал, он будет добиваться прежде всего невозможно более точной передачи своей мысли, а возможно большей “чистоты” языка. Он пожертвует самыми необходимыми, давно вошедшими в общенародный обиход словами, лишь бы только они не явились для кого-нибудь аргументом в пользу недостаточной “самобытности” его языка. Украинец добровольно исказит свою речь в своём увлечении борьбой с “российскими” словами, румын – со славянизмами, которыми полон словарь живой румынской речи. Обеднение культуры, оскудение духа, застои, косность – непременное следствие национального “строительства” ради него самого» [2, с. 123]. Все описанные процессы нетрудно видеть на примере современного строительства украинской нации. Особенно ярко это проявляется в сфере языка. Как замечает современный исследователь «украинского вопроса» С. Н. Сидоренко, «удивительно красив и мелодичен народный украинский язык… и в то же время нет ничего гаже его “канцелярского” варианта… на котором изъясняется украинская политическая элита… на котором дублируют иностранные фильмы и пишут-

ся школьные учебники» [7, с. 255]. Поэтому нисколько не удивительно упорное нежелание пользоваться этим языком большинства населения современной Украины, несмотря на все усилия государственной «украинизации»: русскоязычное население составляет здесь, по самым новым социологическим данным (даже после потери Крыма и Донбасса), не менее 60 %, а с потерянными регионами доходит до 70 %. Если переход на общерусский язык был в своё время не только объективным и естественным процессом, шедшим «снизу», без всякого принуждения, но и имел огромное культурное значение, приобщая народ сразу же к достижениям самой мощной в мире в XIX–XX веках русской культуры, – то теперь наоборот, происходящая искусственная «украинизация» обычно прямо сопряжена с провинциализацией мышления и культуры, с возрождением самых диких проявлений национализма и хуторянского шовинизма. Тем самым, общий культурно-деструктивный характер этого процесса совершенно очевиден.

К ещё более деструктивным результатам такое «строительство ради него самого» приводит в сфере исторической памяти, подменяя её откровенной мифологией. В частности, именно П. М. Бицилли едва ли самым не первым из профессиональных историков имел смелость заметить, что украинизаторы без всяких на то объективных оснований «присваивают Украине козачество, истолковывая козаческое, явно областническое движение, как “национальное”» [2, с. 129]. Действительно, фактом является то, что история запорожского казачества – это часть истории Новороссии, не имеющая к «украинской» истории никакого отношения и фактически узурпированная последней. Так, во времена существования Запорожья единственным носителем «украинской» идеи – т. е. идеи отрыва южнорусского этноса от единства Русского мира – было только униатство, временно почти уничтоженное теми же запорожцами во время войны Хмельницкого. Сами запорожцы, как известно, именовали себя исключительно «русскими», а слово «украинец» им было так же абсолютно неизвестно, как оно было неизвестно и всему населению Юго-Западной Руси вплоть до большевистской украинизации 1920–1930-х годов (его никогда не употреблял и Т. Шевченко). Как известно, сама «украинская» идентичность в качестве *феномена массового сознания* является специфическим продуктом советского периода истории, поэтому «именно победа большевиков и их национальной политики обеспечила формирование отдельной украинской национальной идентичности и закрепила раскол русской нации» [3, с. 73].

Вплоть до большевистской «украинизации» 1920–1930-х годов классическое понимание русской нации как состоящей из трёх основных этносов – великорусского, малорусского и белорусского – чётко соответствовало самому народному самосознанию, прямо опираясь на последнее. Это и обусловило полный провал украинского сепаратистского движения в ходе Гражданской войны 1918–1920 годов. Характерно в этом отношении свидетельство одного из лидеров этого движения В. Винниченко: «Я ехал восемь дней, – пишет этот автор об одной из своих поездок по Украине в период Гражданской войны, – среди солдат, крестьян и рабочих, меняя своих соседей на многочисленных пересадках. Тем самым, я имел возможность увидеть на протяжении этих дней словно в разрезе народных слоёв их настроения... Я к тому времени уже не верил в особую приверженность народа к Центральной Раде. Но я никогда не думал, что могла быть в нём такая ненависть. Особенно среди солдат. И особенно среди тех, которые не могли даже говорить по-русски, а только по-украински, которые были не латышами и не русскими, а своими, украинцами. С каким презрением, злобой, с каким мстительным глумлением они говорили о Центральной Раде, о генеральных секретарях, об их политике. Но что было в этом действительно тяжёлым и страшным, то это то, что они вместе с этим высмеивали и всё украинское: язык, песню, школу, газету, книжку украинскую... *И это была не случайная сценка, а всеобщее явление от одного конца Украины до другого*» [выделено нами – *авт.*] [10, с. 261]. Кроме В. Винниченко и многие другие авторы в своих мемуарах с растерянностью отмечают, что идея самостийной Украины в период, официально именуемой ныне на Украине «национально-освободительной борьбой 1917–1920 годов», в подавляющем большинстве случаев встречала агрессивное неприятие среди украинского крестьянства, не говоря уже о жителях городов. Исторические свидетельства участников этого процесса однозначно говорят о том, что носители этой идеи в то время «боролись» в первую очередь с собственным народом, отнимая у него естественное право быть полноправным наследником полиэтнической, но единой русской культуры и истории. Об этом важном обстоятельстве пишет и С. Н. Сидоренко: «Исторические обстоятельства на

Украине сложились таким образом, что подавляющее число украинцев развивались не в одной, а в двух параллельно влияющих культурах – и в этом факте следует видеть не недостаток, а скорее достоинство. Поэтому по меньшей мере неразумно формально подходить к этому вопросу и оставлять украинца с одной составляющей его культурного облика, отбросив другую, которая являлась и в обозримой перспективе будет являться для украинцев единственным каналом, через который возможен доступ к богатствам мировой культуры» [7, с. 48].

Рассуждения этого современного автора, основанные уже на анализе новейших процессов, происходящих в Украине, в полной мере подтверждают тезис П. М. Бицилли: «Кто чувствует себя “украинцем”, тот сможет тогда свободно, не подчиняя своей деятельности политическим по существу соображениям, творить “украинскую” культуру. Пусть эта культура будет областная, провинциальная, зато она будет – подлинная, не псевдо-культура. Не забудем, что культура Вальтера фон дер Фогельвейде, Данте и Петрарки, Чосера и автора песни о Роланде – были тоже провинциальными культурами, когда единственной мировой культурой была латинская» [2, с. 132].

Однако, отмечает П. М. Бицилли, «украинцы потому ведь и настаивают на принудительном насаждении украинской культуры – псевдо-культуры, – что они не верят в возможность развития этой культуры в условиях свободного соревнования с русской» [Там же]. С другой стороны, «Украина, если в ней разовьётся свободно своя, местная, украинская культура, будет, с точки зрения общерусского единства, представлять неизмеримо меньшую опасность, нежели Украина, принудительно украинизированная» [Там же, с. 134]. И действительно, принудительно «украинизированная» Украина, как в этом легко убедиться из новейшей истории, всегда создаётся как слабое и маргинальное антирусское образование, чья самобытность никому не интересна. Наоборот, в пространстве Русского мира она всегда была и будет интересна, сильна и востребована.

П. М. Бицилли также совершенно точно предвидел и тот процесс, который явно наблюдается в период становления независимости Украины: «Новое государство – это множество новых возможностей: депутатских кресел, дипломатических постов, министерских портфелей. Скромный гимназический учитель в новой столице может рассчитывать на звание академика, ротный командир – на место начальника генерального штаба. *Искусственная выделка нации, при неизбежном на первых порах безлюдье, всегда на руку слабым, неудачникам, в масштабе прежнего большого государства не преуспевавшим*. Малым кораблям свойственно искать мелкой воды для плавания… “Лучшим” же свойственно стремиться к возможно большему расширению сферы приложения своих сил» [Там же]. Действительно, как неизменно показывает исторический опыт (и не только украинский, но и мировой), в результате заполнения такого искусственно созданного «безлюдья» и «мелкой воды» происходит лишь отрыв от великой культурно-исторической традиции и резкое снижение культурного стандарта, выгодное для карьеристов, а не для народа. Этот психологический тип в своё время был описан великим русским учёным Н. С. Трубецким. По его наблюдениям, которые подтверждаются и в наше время, людям этого типа свойственны «печать мелкого провинциального тщеславия, торжествующей посредственности, трафаретности, дух постоянной подозрительности, вечного страха перед конкуренцией» [8, с. 373].

В связи с этим стоит привести интересное суждение всемирно известного киевского философа профессора С. Б. Крымского (1930–2010), которого трудно заподозрить в особой «русофилии» (об этом свидетельствуют многие другие его высказывания). По его формулировке из энциклопедической статьи, «русское сообщество Украины» ныне «представляет собой примерно половину граждан Украины и демонстрирует при этом не вынужденное русскоязычие, а культурную потребность, выработанную историей, духовно-культурной традицией, работать, общаться на русском языке, жить в соответствии с ценностными установками русской культуры. Категорически невозможно применить в определении “русского сообщества” критерии, которые обычно применяются при классификации какой-либо определённой социальной группы людей, например, национального меньшинства. Если же исходить из подобного отождествления “русского сообщества” и “национального русского меньшинства”, то мы столкнёмся с элементарной логической ошибкой “подмены понятий”. В ситуации же, когда под русским сообществом Украины понимают носителей русской культуры, тем более нельзя говорить о какой-то части украинского населения, потому что в этом случае *русское сообщество будет составлять ос-*

новную цивилизационную составляющую украинской нации в современном политическом смысле данного понятия» [5, с. 150].

Выводы. Формулировка С. Б. Крымского, обобщающая современное состояние украинской идентичности и культуры в контексте того большого цивилизационного пространства, к которому она изначально принадлежит, – Русского мира, – в полной мере подтверждает правоту выводов П. М. Бицилли. Остаётся надеяться, что проведённый им анализ этой остроактуальной темы полноправно войдёт в современное гуманитарное и историческое сознание. Принципиальную важность имеют следующие тезисы П. М. Бицилли: 1) об ошибочности самого принципа искусственного «построения» наций на основе одной лишь политической целесообразности; 2) о деструктивности построения политических наций для культуры и языка, нарушающих их естественное развитие и создающих лишь иллюзии, а не подлинную культуру и язык; 3) о решающей роли универсальных, а не партикулярных ценностей в естественном формировании наций; 4) о корыстном характере искусственного «построения» наций, всегда имеющем целью выдвижение посредственностей и подавление более высокой культурной традиции путём искусственной «самостийности».

Список литературы

1. Ашурова Н. И. Петр Михайлович Бицилли. Томск: Печатная мануфактура, 2004. 144 с.
2. Бицилли П. М. Проблема русско-украинских отношений в свете истории // Избранные труды по филологии / П. М. Бицилли; отв. ред. В. Н. Ярцева. М.: Наследие, 1996. С.107–134.
3. Бондаренко Д. Я. Украинский национальный проект: история становления // Социогуманитарная ситуация в России в свете глобализационных процессов. М.: Изд-во МГУ, 2008. С. 69–74.
4. Гудзий Н. К. Конец украинской самостийности // Интеллигенция в Крыму (1917–1920): поиски и находки источниковеда / С. Б. Филимонов. Симферополь: ЧероморПРЕСС, 2006. С. 185–187.
5. Крымский С. Б. Русское сообщество Украины (РСУ) // Русский мир Украины: энцикл. слов. Киев: Радуга, 2008. С. 150–152.
6. Попова Т. Н. Бициллиеведение: проблемы институнационализации // Curriculim Vitae: сб. науч. тр. Одесса: Фридман А. С., 2010. Вып. 2. С. 15–26.
7. Сидоренко С. Н. Украина – Россия: преодоление распада. Киев: МиП, 2006. 354 с.
8. Трубецкой Н. С. К украинской проблеме // История. Культура. Язык. / Н. С. Трубецкой. М.: Наука, 1995. С. 362–380.
9. Шульгин В. В. Украинствующие и мы // Украина – это Русь: лит.-публ. сб. / под ред. М. И. Туряницы. СПб.: Редактор, 2000. С. 54–81.
10. Винниченко В. Відродження нації. Київ: Політвидав, 1990. Ч. 2. 312 с.
11. Касьянов Г. Теорії нації та націоналізму. Київ: Либідь, 1999. 352 с.
12. Рябчук М. Від Малоросії до України: парадокси запізнілого націєтворення. Київ: Критика, 2000. 272 с.

Статья поступила в редакцию 13.02.2018; принята к публикации 10.03.2018

Библиографическое описание статьи

Даренский В. Ю. Анализ парадоксов украинской национальной идентичности в концепции П. М. Бицилли // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 4. С. 34–42. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-34-42.

Vitaliy Yu. Darenskiy,
Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Lugansk National Agrarian University
(LNAU campus, Lugansk, 91008),
e-mail: darenskiy1972@mail.ru

Analysis of Paradoxes of Ukrainian National Identity in P. Bitsilli's Conception

The article analyzes the main paradoxes of Ukrainian national identity in the concept of P. Bitsilli based on the consideration of his article "The Problem of Russian-Ukrainian relations in the light of history". The general logic of P. M. Bitsilli' work is reconstructed, the key issues are analyzed here. By means of attraction of various historical data, their truthfulness and conceptual significance for the modern analysis of the given problems which was actualized as a result of political events of the last years is shown. The purpose of this article is to study the concept of P. Bitsilli proposed by him to understand Ukraine as a specific cultural and historical phenomenon, in the context of modern realities of the formation of its national-state identity. The following abstracts of P. Bitsilli are very important: 1) about the fallacy of the principle of artificial "constructing" of nations on the basis of only one of political expedi-

ency; 2) the destructiveness of building a political nation for culture and language that violate their natural development and create only an illusion, not a genuine culture and language; 3) on the decisive role of universal, not particularistic values in the natural formation of nations; 4) about the mercenary nature of the artificial "constructing" of nations, always with the aim of advancement of mediocrity and the suppression of the higher cultural traditions through artificial independence.

Keywords: P. Bitsilli, Ukraine, national identity, paradoxes

References

1. Ashurova, N. Peter M. Bitsilli. Tomsk: The print factory, 2004. (In Rus.)
2. Bitsilli, P. M. The Problem of Russian-Ukrainian relations in the light of history. In: Bitsilli P. M. Selected works on Philology / Yartseva, V. N. editor. M: Publishing House "Heritage", 1996: 107–134. (In Rus.)
3. Bondarenko, D. Ya. Ukrainian national project: history of formation // Social and humanitarian situation in Russia in the light of globalization processes. M: Publishing House MSU, 2008. pp: 69–74. (In Rus.)
4. Gudziy, N. To the end of Ukrainian independence. In: Filimonov, S. B. Intelligentsia in the Crimea (1917–1920): searches and discoveries of source studies. Simferopol: "ChernjmorPRESS", 2006: 185–187. (In Rus.)
5. Krymskiy, S. B. Russian community of Ukraine. In: Russian world of Ukraine. Encyclopaedic dictionary. Kiev: "Raduga", 2008: 150–152. (In Rus.)
6. Popova, T. N. Bicili-studies: problems of institunionalizarii. Curriculim Vitae. Collection of proceedings. Vol. 2. Odessa: "Friedman A.S.", 2010: 5–26. (In Rus.)
7. Sidorenko, S. Ukraine – Russia: overcoming of decay. Kiev: "MIP", 2006. (In Rus.)
8. Trubetskoy, N. To the Ukrainian issue. In: Trubetskoy N. History. Culture. Language. – Moscow: "Science", 1995: 362–380. (In Rus.)
9. Shulgin, V. V. The Ukrainians and we. Ukraine – Rus': the Literary-journalistic collection. Under the editorship of Turjanytsa, M. I. SPb: "Editor", 2000: 54–81. (In Rus.)
10. Vinnichenko, V. The revival of the nation. Part II. Kyiv: Polit. press, 1990. (In Ukr.)
11. Kas'yanov, G. V. Theories of nation and nationalism. Kyiv: Lybid, 1999. (In Ukr.)
12. Ryabchuk, M. From little Russia to Ukraine: paradoxes of late Genesis. Kyiv: Krytyka, 2000. (In Ukr.)

Received: February 13, 2018; accepted for publication March 10, 2018

Reference to the article

Darenskiy V. Yu. Analysis of Paradoxes of Ukrainian National Identity in P. Bitsilli's Conception // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 4. PP. 34–42. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-34-42.

http://www.zabvektor.com ISSN 2542-0038 (Online) ISSN 1996-7853

УДК 94(47+57):323
DOI: 10/21209/1996-7853-2018-13-4-43-52

Виктор Иванович Мерцалов,
доктор исторических наук, профессор,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),
e-mail: mercalov47@mail.ru

Атаман Семёнов как политик

В статье на основе мемуаров Г. М. Семёнова с использованием принципа историзма и политологического подхода прослеживается эволюция его политических взглядов и особенности политической позиции. Будучи убеждённым сторонником монархии, он в течение Первой мировой войны под влиянием военных неудач и пропаганды либералов склонялся к установлению в России конституционной монархии либо путём добровольного отречения Николая II от престола, либо путём дворцового переворота. После полного крушения самодержавия он стал твёрдым сторонником установления в России военной диктатуры. Политическая позиция Г. М. Семёнова характеризуется в статье как правый радикализм с чертами «революционного стиля» в отличие от консервативного радикализма А. В. Колчака. Его индивидуальным почерком в политике являлось устойчивое использование тактической хитрости нередко с оттенком авантюризма. Одновременно он понимал ограниченность консервативного радикализма А. В. Колчака, пытался действовать самостоятельно, используя в политике геополитический фактор. Им учитывался и в меру возможности использовался политический опыт большевиков. Главной чертой его политики был антикоммунизм, превратившийся после Гражданской войны в исчерпывающий мотив всей его деятельности и приведший его в стан нацистской Германии с её союзниками. Ослеплённый антикоммунизмом, он так и не понял, что, борясь против СССР, он боролся против России. Политический финал, обернувшийся для него личной трагедией, оказался неизбежным, а исторический акт возмездия – законным.

Ключевые слова: атаман Семёнов, Д. Л. Хорват, А. В. Колчак, политический радикализм, геополитический фактор, политическая концепция «Россизм»

Введение. За постсоветский период историография истории революции и Гражданской войны в Забайкалье отмечена появлением рядом новых монографических работ [2; 3; 6; 19]. В них на конкретно-историческом материале освещается и деятельность атамана Семёнова с заметным разбросом в её оценках. Появился целый цикл статей, посвящённых специально политической деятельности Г. М. Семёнова, написанных на архивных материалах ФСБ [11; 12]. Имеются публикации, освещающие такие важные исторические сюжеты, как попытки создания панмонгольского государства [10; 13; 20] и возникновение русского фашизма среди эмигрантов в Маньчжурии [9]. Историки всё активнее включаются в обсуждение проблемы политической реабилитации деятелей белого движения, указывая на проблемы в изучении их политических взглядов [21].

Постановка проблемы об эволюции политических взглядов Г. М. Семёнова впервые сделана в статьях профессора Л. В. Кураса. На основе реконструкции событийной истории его военно-политической деятельности автором выделены три её этапа или «три жизни» [11; 12]. Нам представляется важным проследить и внутреннюю эволюцию его политической позиции. Для этого в статье автора «Особенности политического радикализма атамана Семёнова» предложено использовать политологический подход [18]. Данная статья является её продолжением.

Методология и методы исследования. Новая исследовательская литература и доступность мемуаров Г. М. Семёнова открывают при условии критического отношения к ним возможность дать более полную и развёрнутую характеристику атаману Семёнову как политику [1]. Использование политологического подхода позволяет выделить основные его политические черты и сравнить их с политическими характеристиками адмирала Колчака и большевиков.

Атаман Семёнов в исторической литературе расценивается преимущественно как политический деятель авантюристического склада. Нам представляется, что ограничиваться такой оценкой было бы упрощением. Нельзя отрицать, что он в своей деятельности выходил и на уровень стратегического осмысления политики, определявшего его политическую деятельность. Не случайно название его мемуаров содержит характерное для них дополнение – «…мысли и выводы». Цель предлагаемой статьи – проследить, не ограничиваясь событийной историей, внутреннюю эволюцию политической позиции

© Мерцалов В. И., 2018

Г. М. Семёнова и на основе этого дать по возможности целостную характеристику ему как политическому деятелю.

Результаты исследования и их обсуждение. Впервые устойчивый интерес к политике у Г. М. Семёнова возник в возрасте 14–15 лет под влиянием неудачной для России Русско-японской войны. Он писал: «Я болезненно переживал боевые события, складывавшиеся на фронте не в нашу пользу» [Там же, с. 11]. Одновременно у него проявилось и отрицательное отношение к каким-либо революционным проявлениям в общественной жизни, тем более к революции 1905–1907 годов.

Но первый опыт вхождения в политику он приобретал именно в условиях революционных изменений, правда, в Монголии, где он, владевший монгольским языком, оказался в 1911 году в «командировке для производства маршрутных съёмок», а затем был оставлен в казачьей сотне, охранявшей русское консульство в Урге. Знание монгольского языка позволило ему быть в центре происходивших событий. Он читал лекции по военному делу кандидату на пост военного министра Монголии и перевёл на монгольский язык русский устав строевой казачьей службы. Одновременно Г. М. Семёнов принял и активное участие в развернувшихся событиях в Урге. Командуя взводом, по распоряжению русского консула, он не только обеспечил охрану китайского резидента, но, действуя преимущественно по обстоятельствам и в меру складывавшейся ситуации, проявлял инициативу, решительность и находчивость. Ему удалось, в частности, предотвратить со своим взводом нападение на Дайцинский банк в Маймачене. В результате он уезжал в Россию с благодарностью администрации банка, щедро одаренный ею, но в то же время отозванный по настоянию Министерства иностранных дел, опасавшегося, что Россия может быть обвинена в нарушении нейтралитета из-за активности Семёнова [1, с. 19].

В целом Г. М. Семёнов уже в Монголии проявил себя как человек, обладавший даровитой и активной натурой, генерирующей общественную энергию, достаточную, чтобы оказывать преобладающее влияние на окружающих и удерживать своё лидерство [18, с. 35]. В его первом политическом опыте угадывается матрица его индивидуальной манеры политического действия, связанная с устойчивой склонностью к использованию тактической хитрости, усвоенной им со школьной скамьи, – «успех манёвра в очень большой степени зависит от того, насколько тонко противник будет введён в заблуждение относительно истинной цели предпринятой операции» [1, с. 165].

При выяснении его исходных политических взглядов в глаза бросается буквально единичное использование в мемуарах слов «монархия» или «самодержавие», свидетельствующее об умолчании им своего отношения к этому институту государственной власти в России. Но это не было обычной формулой умолчания или «непредрешения», характерной для офицерского корпуса [7, с. 226]. Представляется, что его отношение к монархии приобрело в процессе его политической эволюции более сложный характер. Однако, на наш взгляд, не стоит сомневаться в том, что он начинал своё участие в Первой мировой войне убеждённым монархистом. Это было заложено в нём и традицией, и воспитанием, закрепившись в его твёрдой уверенности в непоколебимом величии России, поддерживаемой ожиданием её скорой победы. Об этом свидетельствует и текст его воспоминаний, когда он подвергает критике революционеров за их выступления «против веками сложившегося государственного порядка» [1, с. 11].

Но после года войны его стали обуревать сомнения. Он видел несопоставимость понесённых тяжёлых жертв, особенно в офицерском корпусе, с отсутствием решающих успехов на фронте. По этому поводу он писал, что «на войну 1914 года мы вышли с армией достаточно подготовленной и надлежаще воспитанной. Это было наше единственное преимущество, принимая во внимание нашу отсталость в техническом отношении, и это преимущество было утрачено нами чуть ли не в первые полгода войны…» [Там же, с. 53].

Последующие события только усиливали его разочарования и сомнения. В 1915 году русская армия отступала, оставив противнику большую часть западной территории империи. Дивизия генерала А. М. Крымова, в составе которой в это время воевал Г. М. Семёнов, участвовала в прикрытии отступления пехоты на стыке Западного и Северного фронтов [Там же, с. 42]. В конце 1916 года их дивизия была снята с фронта и направлена в тыл для охраны в Бессарабии объектов инфраструктуры и борьбы с дезертирством [Там же, с. 57]. Численность дезертиров угрожающе росла. «Мы ловили на станции Узловая, – вспоминал он, – до тысячи человек в сутки» [Там же, с. 54].

Растущий масштаб дезертирства не мог не вызывать у него как минимум предчув-

ствия грядущего развала армии. Но не в той степени, чтобы побуждать его к какому-либо активному противодействию. И отречение императора он принял достаточно спокойно [1, с. 58]. «Причиной этому, – объяснял он, – помимо моей молодости, мне было в то время всего 26 лет, послужила также, без всякого сомнения, и та работа, которую проделали в армии многочисленные агитаторы не только из революционного лагеря, но и со стороны вполне, казалось бы, лояльных правительству кругов. Нам, строевым офицерам, усиленно стремились привить взгляд на необходимость отречения Императора, добровольно или насильственно, путём дворцового переворота. Ввиду того, что со стороны высшего командования не принималось ровно никаких мер для пресечения этих слухов, мы как бы приучались считать отречение Государя Императора и передачу им верховной власти Вел. князю Николаю Николаевичу чуть ли не одним из обязательных условий в лучшую сторону» [Там же], что означало для него в это время учреждение в России как максимум конституционной монархии.

Приведённый отрывок также важен для понимания того, что до Февральской революции 1917 года решающую роль в разложении русской армии играли либеральные деятели, объединившиеся в 1915 году в «Прогрессивный блок» IV Государственной Думы. Именно внутри него, как известно, вынашивалась идея дворцового переворота и велась его подготовка, на что молчаливо смотрело руководство русской армии. «Ходили глухие слухи о готовящемся дворцовом перевороте, – вспоминал Г. М. Семёнов, – который связывался с именем Великого князя Николая Николаевича, пускались грязные сплетни о царской семье. Дискредитировался престиж императора, и совершенно открыто говорилось об измене и предательстве в непосредственном окружении трона» [Там же, с. 54].

Политическое пробуждение Семёнова пришло с отказом Великого князя Михаила Александровича вступить на престол, а появление революционного приказа № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов и отставка с поста Верховного главнокомандующего Николая Николаевича «окончательно подорвали…[его] веру в то, что переворот обойдётся без особых потрясений» [1, с. 59]. Скорее всего, с этого времени он начинает склоняться к пониманию необходимости установления в России военной диктатуры, постепенно остывая к идее реставрации в России монархии.

Он втягивался в политику всем ходом событий, причём входил в неё, что говорится, «снизу» в меру проявления своей инициативы и активности. Переведённый по собственной просьбе из тыла в Бессарабии на Персидский фронт, где находились забайкальские полки, он более месяца исполнял обязанности командира полка. Его политическая работа с казаками сохранила их боеспособность. Он не без внутреннего удовлетворения передал вернувшемуся из отпуска командиру полка полковнику П. П. Оглоблину вверенную ему часть в полном порядке. Он писал: «…я держал полк без революционных нововведений, т. е. дисциплинарную власть командного состав сохранил в полном объёме устава, комитетов не вводил, отдание чести не отменял и в таком виде представил полк его командиру» [Там же, с. 60].

Однако под давлением приказов сверху в соответствии с политикой Временного правительства демократизацию полка впоследствии провели. Г. М. Семёнов был избран в Комитет 2-го Кавказского корпуса с наказом, указывающим по его настоянию на вред для армии приказа № 1 и введённых комитетов, на недопустимость дальнейшего существования Советов рабочих и солдатских депутатов [Там же]. В Союзе офицеров он заявил о необходимости «предъявить правительству требование подчинить армию в порядке дисциплины её командованию или принять меры к насильственному удалению Временного правительства», что было расценено как «бунт против законной революционной власти» [1, с. 63].

Но по-настоящему реальным шагом в политику, когда впервые проявилась его политическая самостоятельность, стало обращение к А. Ф. Керенскому, в то время военному министру, с идеей создания добровольческих национальных боевых отрядов. Степень распада управления армией летом 1917 года уже была такова, что он отправил в столицу доклад с его предложениями, минуя своё непосредственное военное начальство.

Его предложения получили поддержку. Вызванный в Петроград, он получил не только мандат на формирование добровольческого отряда на станции Берёзовка под Верхнеудинском, но был назначен «военным комиссаром Дальнего Востока» с полномочиями, распространявшимися «на всю… Дальневосточную окраину, включая полосу отчуждения КВЖД и Иркутский военный округ» [Там же, с. 74].

Кроме этого в ходе неоднократных бесед со своим куратором в аппарате военного ми-

нистерства М. А. Муравьёвым он однажды высказался за немедленный арест руководства Петроградского Совета, пользуясь, как он считал, его слабостью. Он предложил Муравьёву «ротой юнкеров занять здание Таврического дворца, арестовать весь “совдеп” и немедленно судить всех его членов военно-полевым судом, как агентов вражеской страны [Германии – прим. *В. М.*]. …Приговор суда, – утверждал он, – необходимо привести в исполнение тут же на месте, чтобы не дать опомниться революционному гарнизону столицы и поставить его перед совершившимся фактом уничтожения совдепа. Одновременно, – писал Семёнов – я предлагал объявить столицу на военном положении и, если потребуется, арестовать Временное правительство, после чего от имени народа просить Верховного Главнокомандующего генерала от кавалерии Брусилова принять на себя диктатуру над страной. Мой план заинтересовал Муравьёва…» [1, с. 72–73].

В приведённом свидетельстве Г. М. Семёнова важно выделить три аспекта. Во-первых, оно отразило один из основных трендов политической борьбы в стране – тенденцию, которую проталкивали правые политические силы, боровшиеся против революции, – установление военной диктатуры. По существу предложение Семёнова предвосхищало в главных чертах Корниловский мятеж конца августа 1917 года, потерпевший полный провал и обернувшийся в конечном итоге победой советской власти сначала в Петрограде, а затем и в России. Во-вторых, сторонники военной диктатуры были не только противниками Советов, но по умолчанию и противниками Временного правительства. Они понимали – белогвардейская власть могла приобрести устойчивость и эффективность только при военной диктатуре. В-третьих, позиция Семёнова отразила и его индивидуальные черты, как политика, у которого подчас военно-тактические решения брали верх над политическими соображениями, что перечёркивало для него возможность осмыслить все последствия его политических шагов.

Рельефно в его предложении проявился и стиль его политических действий. Создать ситуацию неожиданности, сопровождаемой эффектом устрашения, поставить своих неустойчивых сторонников и особенно противников перед свершившимся фактом – таков отличительный политический почерк Г. М. Семёнова.

Его инициатива арестовать «совдеп» завершилась в то время только репликой Муравьёва – «подождём лучше, пока большевики не повесят всё Временное правительство, а мы с вами потом будем вешать большевиков» [Там же, с. 73].

Но его политический стиль вполне проявился в период деятельности Г. М. Семёнова в Забайкалье. Получив необходимые полномочия, он спешил в Забайкалье, где в августе должен был собраться Второй съезд забайкальских казаков, чтобы восстановить упразднённое первым съездом казачье сословие.

Приступить к реализации полученных в Петрограде полномочий ему удалось не сразу. Революция прогрессировала буквально по пятам его возвращения в Забайкалье. В Берёзовке он не закрепился и создавал Особый Маньчжурский отряд (ОМО) на станции Маньчжурия КВЖД.

Отряд был создан исключительно в стиле самого Семёнова – без согласования с русскими и китайскими властями, без какой-либо поддержки с их стороны и даже вопреки им. Сначала он подчинил Даурский гарнизон, состоявший из ополченской дружины, полностью утратившей сознание собственного предназначения. Её функции он передал надёжной команде из военнопленных «германцев и турок» [1, с. 94]. На ст. Маньчжурия в условиях полного разложения воинской дисциплины солдат он разоружил с помощью шести своих сподвижников местный гарнизон численностью 1500 чел., объявил им демобилизацию и отпустил по домам, посадив их в эшелон следованием до Борзи. Маньчжурский Совет распустил [Там же, с. 104–106]. О разоружении гарнизона он телеграммой сообщил управляющему КВЖД, комиссару Временного правительства, генерал-лейтенанту Д. Л. Хорвату. На что получил его ответ: «Прошу не препятствовать населению устраивать свою жизнь путями, предвозвещёнными Временным всероссийским правительством» [Там же, с. 107]. Содержание телеграммы свидетельствовало о том, что Д. Л. Хорват был не готов даже в декабре 1917 года выйти за пределы постфевральской политической системы [14–17].

Но Семёнов не смутился и вскоре фактически перехватил инициативу у Хорвата во взаимоотношениях с китайскими военными. В результате хитрого хода Семёнова китайцы вместо разоружения его отряда подписали «приказ о дружбе и союзе» с ним [1, с. 124]. Таким образом, стиль его военно-политических действий заметно отличался от общепринятых норм, которые ещё сохранялись

от старого времени в окружении Хорвата. По степени радикализма он был близок к революционному политическому стилю, исходящему из принципа политической целесообразности [18, с. 37]. В этом отношении Семёнову помогала военно-тактическая хитрость, только уже применённая к политике.

Д. Л. Хорват чувствовал со стороны Г. М. Семёнова больше реальных и потенциальных помех для своей политики. Его активность ломала отношения Хорвата с китайцами. Это нарушало сложившуюся стабильность и тревожило «харбинское общество», окружавшее Хорвата [Там же, с. 38]. В целом Семёнов вспоминал о Д. Л. Хорвате и реакции «харбинского общества», как об отношениях, сопровождаемых сплошными недоразумениями [1, с. 111], включая неудавшуюся попытку его ареста [Там же, с. 131].

Одновременно Г. М. Семёнов не забывал, что он имел полномочия комиссара Дальнего Востока. Свою борьбу против Советов он с самого начала рассматривал в международной плоскости, стремясь создать в Сибири «противогерманский фронт». Свои соображения он изложил в Харбине (январь 1918 г.) главам консульств Великобритании, Франции и Японии ещё до появления А. В. Колчака [Там же, с. 132]. Более того, он получил и материальную поддержку Великобритании и Франции, при ОМО появились представители этих стран, включая представителя Японии. Но в марте 1918 года Великобритания твёрдо определилась в пользу А. В. Колчака [8, с. 28–29]. Намечавшаяся лидирующая роль Г. М. Семёнова была им утрачена. Однако нельзя исключать, что его статус комиссара Дальнего Востока с самого начала мешал установлению нормальных отношений с А. В. Колчаком, пробуждая политическую конкуренцию между ними и сказываясь на их внешнеполитической ориентации. При этом следует учитывать, что политические устремления Г. М. Семёнова, поддерживаемого японцами, были направлены на «Запад от Маньчжурии», а у Колчака первоначально – на Владивосток, который располагал запасами вооружения и мог служить базой для создания вооружённых сил. По мнению А. В. Колчака, «в полосе отчуждения ничего серьёзного создать было нельзя» [Там же, с. 31].

Теперь Г. М. Семёнов особого доверия к Великобритании и Франции не испытывал, все его симпатии принадлежали Японии. Это изменило направление его геополитических размышлений в пользу стран Востока. Теперь он стал обдумывать идею создания «Великой Азии», которую неоднократно обсуждал с главой специальной миссии при ОМО японским офицером Куроки, отмечая полное совпадение своих и его взглядов [1, с. 133].

Эта идея у него возникла не в результате отвлечённых размышлений, а как результат поиска способов борьбы с ростом международного влияния коммунизма в странах Востока и, прежде всего, в Китае и Монголии [Там же, с. 132–133]. Но на первом плане, естественно, стояла борьба с советской властью в России.

Отношения с А. В. Колчаком складывались сложно. Будущий Верховный правитель увидел в самостоятельности Г. М. Семёнова не только грубое неподчинение Хорвату, но и политического противника, который в борьбе с большевиками вместо союза с Англией и Францией выбрал союз с Японией. Г. М. Семёнов утверждал, что военная поддержка Японии не оговаривалась какими-либо её условиями [Там же, с.159–161]. Он не смог оценить серьёзной потенциальной опасности политической измены, которая таилась в этом взаимодействии, о чём свидетельствует множество фактов [5, с. 30; 6, с. 257–269]. Встретившись с А. В. Колчаком в Харбине, Г. М. Семёнов отказался ему подчиняться. На критику адмирала он твёрдо заявил, что «в своих действиях, как и в своей ориентации, буду давать отчёт только законному и общепризнанному Всероссийскому правительству» [1, с. 160]. Он сопротивлялся выдвижению А. В. Колчака на пост Верховного правителя [Там же, с. 182–183], хотя позже обострившаяся ситуация была урегулирована.

А. В. Колчака и Г. М. Семёнова разделяли не только возникшие личные антипатии и политические расхождения, но и стиль их политической деятельности. А. В. Колчак был радикалом правого толка, как и Г. М. Семёнов, но его радикализм отличался большим политическим консерватизмом, и он не был склонен к политическому маневрированию. О таком типе политиков Г. М. Семёнов писал: «Они решительно отметали революцию, которая их ничему не научила, и являлись апологетами чистой реставрации старого строя, не допуская никаких отклонений от его принципов…» [Там же, с. 210]. Он критиковал А. В. Колчака за проводимую им национальную политику и «настаивал на немедленном признании новообразовавшихся на западе государств» [Там же, с. 193], территория которых до распада Российской империи входила в её состав. Кроме того, в рекомендациях А. В. Колчаку в октябре 1919 года он писал

о необходимости «демобилизации ненадёжных частей» [Там же]. Как видим, Семёнов всё-таки учился у революции, неосознанно действуя в большевистском стиле.

Одновременно он обращал внимание Верховного правителя на настроения масс, которые, как он писал, были «неутешительными для нас…» [Там же, с. 191]. «Народ, – отмечал Г. М. Семёнов, – верил не нам, а им [большевикам], и …нас …считал за смутьянов, преследовавших свои эгоистические цели» [Там же, с. 192]. Он «предлагал, учитывая неблагоприятное в отношении нас настроение в стране, дать населению возможность изжить большевизм естественным путём, испытать его на собственном опыте» [Там же, с. 193].

Но это было сильно запоздавшее предложение. Чтобы изжить большевизм, нужно было бывшим господствующим классам и в первую очередь дворянству найти в себе нравственную силу и политическую волю решить земельный вопрос, как этого требовали крестьяне. Не затягивать с его решением до последнего, чтобы после не бросаться с головой в омут Гражданской войны.

Исходя преимущественно исключительно из оценки политического настроения населения, он полагался на насильственные, военные меры, беспощадно борясь с большевиками и их сторонниками, взяв курс на физическое их уничтожение. Свой принципиальный подход он формулировал следующим образом: «Всероссийский бунт, поднятый Лениным, требовал решительных мер для своего усмирения, и *беспощадное уничтожение* [выделено нами – *В. М.*] предателей и большевиков являлось единственным средством воздействия на потерявший голову, опьяневший от революции народ» [1, с. 131].

Он выделял три категории большевиков. Первая – принципиальные большевики – подлежала беспощадному уничтожению, как и вторая, состоявшая из партийцев, ставших таковыми «в силу личного благополучия и выгоды». Прощения удостаивались только отнесённые к третьей категории, примкнувшие к большевикам по своей «неспособности разобраться в сути большевизма», при условии, «если искренне сознают своё заблуждение» [Там же, с. 106]. Это была самая крупная социальная группа, формально не принадлежавшая партии большевиков, но близкая к ней. Главными фигурами в ней были партизаны и крестьяне, как минимум симпатизирующие большевистской политике. Она численно росла, и Г. М. Семёнов был вынужден бороться с ней путём репрессий и физических расправ. В своих воспоминаниях он попытался смягчить в глазах зарубежной общественности тяжёлое впечатление от проводимых репрессий, но, несмотря на его старания, смыть тянувшийся за ним кровавый след ему не удалось. Масштаб этой борьбы известен [6, с. 255]. Люди об этом не забыли.

В современных публикациях нередко пишут, что его личная вина за гибель людей преувеличена, что прямая вина лежит на непосредственных руководителях и исполнителях. Суть не в этом. Г. М. Семёнов был идеологом репрессивной политики и нёс ответственность за террор власти, которую он возглавлял.

В целом он смотрел на народ «сверху» как господин, в глазах которого пришедшую в неповиновение массу людей нужно было хорошенько проучить. Главная причина их неповиновения в это время им виделась в разрушительном влиянии большевистской агитации и пропаганды. Атаман Семёнов глубоко не вникал в положение крестьянства, не проникался их чаяньем, отстаивая только привилегии казачества, сыграв, пожалуй, главную роль на втором съезде забайкальских казаков в восстановлении казацкого сословия, упраздненного первым казачьим съездом. Как политик, сформировавшийся, словно по рецепту социальной теории марксизма, он представлял интересы сугубо своего класса и своего сословия.

В начале 1919 года в характерной своей манере Г. М. Семёнов попытался воспользоваться оживлением освободительного движения монголов и бурят, чтобы возглавить процесс создания панмонгольского государства. В Чите был проведён съезд и сформировано правительство, названное Даурским. Оно претендовало на территорию Внешней и Внутренней Монголии, Барги и забайкальских бурят [13, с. 76]. Это был первый политический проект, который подводил Семёнова к опасной грани государственной измены. Проект не состоялся из-за недостаточно созревших объективных условий для его осуществления. Панмонгольское движение было только в завязи, проявившее себя преимущественно лишь в идее, которую поспешили оформить в качестве политической претензии на власть.

Хотя было сформировано правительство и стали создаваться вооружённые силы, но международного признания государство не получило. Активно сопротивлялся его созданию А. В. Колчак. Самое главное – Япония проявила неготовность твёрдо поддержать

сторонников создания нового государства. Оно просуществовало недолго – с февраля по сентябрь 1919 года. Единственное, что мог в этих условиях сделать Г. М. Семёнов, – использовать созданные из бурят воинские части в борьбе против забайкальских партизан [13, с. 77, 78].

В 1920 году, уже изгнанный из Забайкалья, он снова пытался использовать территории Монголии и Маньчжурии, но теперь для создания базы борьбы против советской России, которая в это время успешно осуществляла свой геополитический проект – ДВР. Однако и эта попытка использовать геополитический фактор оказалась нежизнеспособной. Ему не только не хватало военных и общественно-политических ресурсов, которые на этот раз резко сократились с исходом белых и интервентов из Забайкалья. Главное – стало быстро распадаться белое движение, во главе которого он оказался после поражения Колчака. От Г. М. Семёнова ушли остатки сибирской армии, возглавляемые в это время генерал-лейтенантом Вержбицким, и он был вынужден временно отказаться от «немедленного» переворота во Владивостоке для воссоздания «противокоммунистического» фронта в Приморье [1, с. 220–221]. В начале декабря 1920 года из-за внутренних противоречий белого движения он вместе со своим штабом оказался в Порт-Артуре, где находился до мая 1921 года, готовя вместе с братьями Меркуловыми задуманный переворот во Владивостоке.

Именно в это время, используя возникшую в его деятельности порт-артуровскую паузу, атаман Семёнов обосновал новую политику в разработанном им «Плане мировой борьбы с большевизмом» (1921). При всей преемственности с прежними политическими взглядами его позиция оказалась принципиально новой. В годы революции и Гражданской войны он боролся с большевиками и революционным народом за Россию. После их победы провозгласил борьбу уже против России, хотя и советской.

Отмеченная смена вех, если рассматривать её с позиции эволюции его политических взглядов, объясняется тем, что его правый радикализм освободился от балласта радикализма консервативного характера большинства участников белого движения, с которым он ещё недавно вынужденно считался. О радикальном обновлении его взглядов свидетельствует вывод, сделанный в разработанном им «Плане мировой борьбы с большевизмом», словно списанный с большевистского текста: «Власть должна быть революционной и должна идти впереди, угадывая справедливые потребности масс, а не откладывать все больные вопросы “до Учредительного собрания”» [4, с. 314].

В новой ситуации он попытался консолидировать распадавшееся белое движение на двух принципах – идее мировой борьбы с коммунизмом и исключительно военном способе ликвидации советской России с решающим военным участием международных сил. Провозглашение этих принципов чётко обозначило переход атамана Семёнова от белогвардейской политической платформы к твёрдой антироссийской позиции. Формулой этого перехода стал его тезис «Там, где большевики, – нет России» [Там же, с. 306].

Таким образом, поражение белого движения не привело к пересмотру отношения Г. М. Семёнова к советской власти. Он только перенёс своё отношение к большевикам на всю Россию и ещё основательнее продумывал проводимый им антикоммунизм, разработав в 1930-е годы концепцию «Россизм» – от слова «Россия» [1, с. 295]. В неё он вкладывал патриотический смысл. Однако предлагаемый способ её реализации полностью оказался в лоне, явившем на свет фашистскую и национал-социалистическую идеологии. Он брал их за нешаблонный образец [Там же, с. 294–295] и не скрывал своих политических симпатий к фашизму и нацизму, надеясь на появление новых «Муссолини, Гитлеров и Франко» [Там же, с. 277]. Япония оставалась для него естественным союзником. Всё это полностью перечёркивало его былой патриотизм. Ослеплённый антикоммунизмом, он так и не понял, что, борясь против СССР, он боролся против России, потому что другой России просто не было. Политический финал, обернувшийся для него личной трагедией, оказался неизбежным, а акт исторического возмездия – законным.

Заключение. Сравнивая атамана Семёнова как политика с адмиралом Колчаком отметим, что Г. М. Семёнов оказался носителем в определённой мере модернизированных взглядов. При сохранении твёрдых убеждений он проявлял себя более гибким, манёвренным политиком, способным извлекать уроки из борьбы с революцией. Но для политики А. В. Колчака и Г. М. Семёнова характерна постоянно сужавшаяся социальная база белого движения и опора на иностранную интервенцию. Последнее в глазах народа, естественно, рассматривалось как антипатриотическая позиция. После поражения в

Гражданской войне антикоммунизм Г. М. Семёнова стал исчерпывающим мотивом его политической деятельности, которая превратилась в прямое сотрудничество с милитаристской Японией, сочеталась с активной политической поддержкой нацистской Германии, развязавшей войну против СССР и нёсшей смертельную опасность не только советскому государству, но и национальному бытию России.

Список литературы

1. Атаман Семёнов. О себе (воспоминания, мысли, выводы). Приложения. М.: АСТ: Гея итэрум, 1999. 320 с.
2. Василевский В. И. Забайкальская белая государственность в 1918–1920 гг.: краткие очерки истории. Чита: Поиск, 2000. 182 с.
3. Василевский В. И. Забайкальское казачество в годы революции и гражданской войны. Чита: Управление судебного департамента в Чит. обл., 2007. 174 с.
4. Выдержки из «Плана мировой борьбы с большевизмом», выработанного генерал-лейтенантом атаманом Г. М. Семёновым в 1921 г. // Атаман Семёнов. О себе (воспоминания, мысли, выводы). Приложение 1. М.: АСТ: Гея итэрум, 1999. С. 301–314.
5. Забайкалье – КНР. Приграничье и межрегиональные отношения. 1945–2007 / под ред. Н. В. Гордеева. Чита: Экспресс-изд-во, 2009. 232 с.
6. Иванов А. А., Кальмина Л. В., Курас Л. В. Забайкальская периферия на переломе эпох (1880–1920-е гг.) / отв. ред. Б. В. Базаров. Иркутск: Оттиск, 2012. 300 с.
7. Иоффе Г. З. Крах российской монархической контрреволюции / отв. ред. И. И. Минц. М.: Наука, 1977. 320 с.
8. Иоффе Г. З. Колчаковская авантюра и её крах. М.: Мысль, 1983. 295 с.
9. Курас Л. В. Русские фашисты в Маньчжурии в 20–40-е годы XX века // Сибирь в межвоенный период. Монгольская политика. Системная перестройка общества: 1917–1941 гг. Тохоку: Ун-т Тохоку: Сэндай, 2009. С. 129–147.
10. Курас Л. В. Геополитические амбиции атамана Семёнова: политика создания федеративного «Велико-монгольского государства» // Гуманитарный вектор. 2011. № 4. С. 255–262.
11. Курас Л. В. «Три жизни» атамана Г. М. Семёнова: любовь и предательство (к вопросу о фронтире) // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. 2014. Т. 7. С. 94–113.
12. Курас Л. В. Атаман Семёнов: любовь, переросшая в предательство // Власть. 2014. № 2. С.184–188.
13. Курас Л. В. Панмонголизм в транснациональной истории монгольского мира первой четверти XX века // Вестник БНЦ СО РАН. 2016. № 3. С. 71–81.
14. Мерцалов В. И. Постфевральская политическая система и её кризис в Забайкалье (1917–1918 гг.) // Кулагинские чтения: X Междунар. науч.-практ. конф. Чита: ЧитГУ, 2010. Ч. 3. С. 27–30.
15. Мерцалов В. И. Революционная буря // Чита. Страницы истории / отв. ред. М. В. Константинов. Чита: ЗабГГПУ, 2011. С. 164–177.
16. Мерцалов В. И. Постфевральская политическая система. 1917 г. // Малая энциклопедия Забайкалья: власть и общество: в 2 ч. Ч. 2. М–Я / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2013. С. 187–189.
17. Мерцалов В. И. Революционная власть 1917 // Энциклопедия Забайкалья: Чита / гл. ред. К. К. Ильковский, А. Д. Михалев. Новосибирск: Наука, 2014. С. 445–448.
18. Мерцалов В. И. Особенности политического радикализма атамана Семёнова // Забайкалье историческое: материалы VI Межрегион. науч.-практ. конф. / отв. ред. А. И. Мороз. Чита: ЗабГУ, 2017. С. 35–42.
19. Романов А. М. Особый Маньчжурский отряд атамана Семёнова / науч. ред. И. В. Наумов. Иркутск: Оттиск, 2013. 324 с.
20. Рубанов Е. А. «Великая Монголия»: несостоявшийся японский проект буферного государства в Восточной Азии в 1919 году // Вестник Пермского университета. Сер. История. 2014. № 3. С. 149–154.
21. Шалак А. В. К вопросу о политической и правовой реабилитации А. В. Колчака: историко-геополитический контекст [Электронный ресурс] // Baikal Research Journal: электрон. науч. журн. Байкальского государственного университета. 2017. Т. 8, № 2. Режим доступа: https://www.cyberleninka.ru (дата обращения: 10.03.2018).

Статья поступила в редакцию 24.03.2018; принята к публикации 20.05.2018

Библиографическое описание статьи

Мерцалов В. И. Атаман Семёнов как политик // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 4. С. 43–52. DOI: 10/21209/1996-7853-2018-13-4-43-52.

Viktor I. Mertsalov,
Doctor of History, Professor,
Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
e-mail: mercalov47@mail.ru

Cossack Ataman Semenov as a Politician

Evolution of a Cossack ataman G. M. Semenov's views and peculiar features of his political attitudes has been revealed in the article based on his memoirs, principle historical methods and political approach were used. During World War I, Grigory Semenov being a staunch monarchist influenced by military setbacks and liberal propaganda lent himself to constitutional monarchy to be established either through self-imposed abdication of Nickolas II or by taking power in a palace coup. After Russian monarchy had collapsed, he became a strong supporter of military dictatorship establishment in Russia. Political activities of Cossack ataman Semenov are described as right-wing radicalism with characteristic features of so-called "revolutionary style" in comparison with A. V. Kolchak's conservative radicalism. Constant use of tactical ruse often with touch of political adventurism was an individual feature of his political activities. He was aware of A.V. Kolchak's conservative radicalism limits at the same time and tried to go his own way using geopolitical factor in his activities. He also took into account Bolsheviks' political experience and used it to the extent possible. Anti-communism being specific feature of his activities after the civil war in Russia has become his comprehensive motive, thus, he defected to Nazi Germany and its allies. Being blinded by anti-communism, he failed to understand that his fight against the USSR was actually against Russia. His political failure resulting in his personal tragedy was inevitable, and historic act of revenge was legal.

Keywords: Cossack ataman Semenov, D. L. Horvat, A. V. Kolchak, political radicalism, geopolitical factor, political concept of "Rossism"

References

1. Ataman Semenov. About Myself (Memoirs, Ideas, Summing-Up). Appendices. M: "Firm "Publishing house AST", "Gaea Iterum" Ltd., 1999. (In Rus.)

2. Vasilevskiy, V. I. Statehood of the Whites in Transbaikalia in 1918–1920: History Essays. Chita: Poisk, 2000. (In Rus.)

3. Vasilevskiy, V. I. Transbaikalian Cossacks during the Period of Revolution and the Civil War. Chita: Printing and Publications Center, Press Service of Justice Department Administration of Chita's oblast, 2007. (In Rus.)

4. Extract from the "Global Struggle Plan against the Bolsheviks" worked out by Lieutenant General Ataman Semenov in 1921. In: Ataman Semenov. About Myself. (Memoirs, Ideas, Summing-Up). Appendix I. M: "Firm "Publishing house AST", "Gaea Iterum" Ltd., 1999: 301–314. (In Rus.)

5. Transbaikalia – PRC. The Borderland and Trans-Regional Relations. 1945–2007. Edited by Gordeyev, N. V. Chita: Express Publishing House, 2009. (In Rus.)

6. Ivanov, A. A., Kalmina, L. V., Kuras, L. V. Transbaikalian Periphery on the Turning Point of Epochs (1880–1920). Bazarov, B. V., main editor. Irkutsk: Ottisk, 2012. (In Rus.)

7. Ioffe, G. Z. Monarchist Counterrevolution Collapse in Russia. Mints, I. I., main editor. M: Nauka, 1977. (In Rus.)

8. Ioffe, G. Z. Admiral Kolchak's Venture and Its Collapse. M: Mysl, 1983. (In Rus.)

9. Kuras, L. V. Russian Fascists in Manchuria in the 1920s – 1940s. In: Siberia during Inter-War Period, Mongolian Policy. System Reorganization of the Society: 191–1941. Tohoku: Tohoku University, Asian Research Centre, Sendai (Japan):129–147. (In Rus.)

10. Kuras, L. V. Ataman Semenov's Geopolitical Ambitions: Efforts to Establish "Great Mongolia" Federal State. Humane Vector, no. 4, pp. 255 – 262, 2011. (In Rus.)

11. Kuras, L. V. "Three lives" of Ataman Semenov: Love and Betrayal (On Frontier). Review of Irkutsk State University. Series History, vol. 7, pp. 94–113, 2014. (In Rus.)

12. Kuras, L. V. Ataman Semenov: Love Turned Into Betrayal. Vlast, no. 2, pp. 184–188, 2014. (In Rus.)

13. Kuras, L. V. Pan-Mongolism in Transnational History of the Mongolian World in the First Quarter of the XXth Century. Bulletin of BSC SB RAS, no. 3(23), pp. 71–81, 2016. (In Rus.)

14. Mertsalov, V. I. Post-February Political System and Its Crisis in Transbaikalia (1917 -1918). X International Kulagin Scientific Conference. Chita: Transbaikal State University, 2010. Part 3: 27–30. (In Rus.)

15. Mertsalov, V. I. Revolutionary Storm. In: Chita: Chapters of History. Konstantinov, M. V., main editor. Transbaikal State Humanitarian-Pedagogical University. Chita, 2011: 164–177. (In Rus.)

16. Mertsalov, V. I. Post-February Political System in 1917. In: Small Encyclopedia of Transbaikalia: Power and Society: in 2 parts. Geniatulin, R. F., main editor. Novosibirsk: Nauka, 2013. Part 2: M – Z: 187–189. (In Rus.)

17. Mertsalov, V. I. Revolutionary power in 1917. In: Encyclopedia of Transbaikalia: Chita. Ilkovskii, K. K., Mikhalev, A. D., main editors. Novosibirsk: Nauka, 2014: 445–448. (In Rus.)

18. Mertsalov, V. I. Characteristic features of Ataman Semenov's Political Radicalism. Historical Transbaikalia. Proceedings of the VI Trans-regional Conference. November, 24, 2017. Moroz, A. I., main editor. Chita: Transbaikal State University, 2017: 35–42. (In Rus.)

19. Romanov, A. M. Special Manchurian Squad of Cossack Ataman Semenov. Naumov, I. V., Science editor. Irkutsk: Ottisk, 2013. (In Rus.)

20. Rubanov, E. A. "Great Mongolia": Failed Japanese Project to Establish a Buffer State in Eastern Asia in 1919. Bulletin of Perm State University. Series History, no. 3 (26), pp. 149–154, 2014. (In Rus.)

21. Shalak, A. V. On Political and Legal Rehabilitation of Admiral A. V. Kolchak: Historical and Geopolitical Framework. Baikal Research Journal, t. 8, no. 2, 2017. DOI: 10.17150/2411- 6262.2017.8(2).2. Web. 10. 03. 2018. https://www.cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-politicheskoy-i-pravovoy-reabilitatsii-a-v-kolchaka-istoriko-geo-politicheskiy-kontekst (In Rus.)

Received: March 24, 2018; accepted for publication May 20, 2018

Reference to the article

Mertsalov V. I. Cossack Ataman Semenov as a Politician // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 4. PP. 43–52. DOI: 10/21209/1996-7853-2018-13-4-43-52.

http://www.zabvektor.com ISSN 2542-0038 (Online) ISSN 1996-7853

УДК 94
DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-53-61

Никита Андреевич Филянов,
аспирант,
Российский государственный гуманитарный университет
(125993, Россия, г. Москва, Миусская площадь, 6),
e-mail: nikitafilyanov@gmail.com

Социально-политический аспект законопроектов Ливия Друза Младшего

Статья посвящена законодательной деятельности плебейского трибуна 91 года до н. э. М. Ливия Друза Младшего (аграрный закон и рогация о предоставлении союзникам прав римского гражданства). Актуальность исследования обусловлена тем, что деятельность и смерть Ливия Друза привели, согласно античной нарративной традиции, к кровопролитной Союзнической войне, которая, в свою очередь, сказалась на восприятии политических реформ Ливия Друза в исторической традиции. Поэтому данное исследование претендует на то, чтобы рассмотреть законодательную деятельность Ливия Друза в рамках исторического контекста 91 года до н. э. Методологической основой исследования послужил принцип историзма и научной объективности, в соответствии с чем явления и события, относящиеся к данному периоду, рассматриваются в связи с конкретными историческими условиями. Это позволяет учесть социально-политическую обстановку, сложившуюся в Риме и Италии к 91 году до н. э. Результатом данного исследования является проведённый анализ социально-политического аспекта в римской политике 91 года до н. э. сквозь призму аграрного законопроекта Друза и его рогации о предоставлении союзникам прав римского гражданства. Социальный аспект рассматриваемых инициатив Друза заключался, прежде всего, в выведении ветеранских колоний римского права, в котором должны были участвовать римские и союзнические ветераны. Поэтому Ливий Друз предусматривал для союзников римское гражданство. Политический аспект данных законов, в свою очередь, связан с усилением позиций реформаторской группировки в сенате и укреплением авторитета сената в целом.

Ключевые слова: Ливий Друз, Л. Лициний Красс, Помпедий Силон, сенат, римское гражданство, латины, италики

Введение. Данная работа посвящена рассмотрению социально-политической обстановки вокруг реформаторской деятельности плебейского трибуна Ливия Друза в 91 году до н. э. Актуальность темы нашего исследования обусловлена, главным образом, серьёзным масштабом и последствиями, которые имела, согласно античным источникам, деятельность Ливия Друза. Так, его политическая деятельность и смерть, согласно античной нарративной традиции, привели к такому судьбоносному событию в истории Рима, как Союзническая война, которая, в свою очередь, сказалась на восприятии политических реформ Ливия Друза в исторической традиции. По этой причине многие исследования, начиная с конца XIX века, посвящённые реформам Ливия Друза, рассматривали их, главным образом, в контексте Союзнической войны. На наш взгляд, представляется необходимым обратить особое внимание непосредственно на социально-политические предпосылки реформаторской деятельности Ливия Друза, а также на внутренние проблемы римского общества в 91 году до н. э. Таким образом, основная цель исследования заключается в подробном рассмотрении и интерпретации социально-политического контекста реформаторской деятельности Ливия Друза. Основная проблема исследования, в свою очередь, заключается в том, чтобы рассмотреть, какое место занимали латины и италики в реформаторской деятельности Ливия Друза. В данном исследовании будут освещены земельный закон (lex Livia agraria), который включал в себя выведение колоний на территории Италии, а также предложение о предоставлении союзникам прав римского гражданства (rogatio Livia de sociis civitate danda). Основными задачами исследования являются подробное рассмотрение и реконструкция указанных законов в контексте политической программы Ливия Друза, попытка определить место союзников и италийского вопроса в реформаторской деятельности Друза, а также рассмотрение обоих законов Друза через призму деятельности предыдущих реформаторов.

В отношении интерпретации трибуната Друза и реконструкции его законодательной программы важные исследования были проведены Х. Ластом [20], Э. Бадианом [4], а также Э. Габбой [17] и П. Брантом [9, с. 91–109]. В отношении земельного закона Друза, прежде всего, стоит отметить работы П. Бранта (1971) [10], Э. Габбы (1976) [16] и Ф. К. Твиди

© Филянов Н. А., 2018

[25]. В их работах были сделаны глубокие выводы о цели и содержании аграрного закона, а также политических обстоятельствах вокруг него. Данные авторы сопоставили закон Друза с предшествующим ему аграрным законом Сатурнина (100 г. до н.э.) и последующим аграрным законом Суллы. Что касается вопроса о предоставлении союзникам прав римского гражданства, то серьёзный вклад в этой области был сделан Э. Бадианом в его статье 1970 года [6] и в монографиях Х. Моуритсена [21] и А. Н Шервина-Уайта [24]. В этих работах, в свою очередь, были сформулированы важные выводы в отношении предпосылок, хронологии, цели и содержания рогации Ливия о предоставлении союзникам прав римского гражданства. Рогация Друза в этих работах была рассмотрена через призму схожих рогаций Фульвия Флакка (125 г. до н. э.) и Г. Гракха (122 г. до н. э.), а также были проведены важные параллели с законом Юлия 90 г. до н. э.

Методология и методы исследования. Для того чтобы определить место италийского вопроса в политической программе М. Ливия Друза, следует обратиться, прежде всего, к содержанию земельного закона. Наиболее подробные и важные для нас сведения о содержании аграрного законопроекта Друза мы имеем у Аппиана: «Ливий Друз… пообещал италикам снова внести закон о предоставлении им гражданских прав, ведь они надеялись, что таким образом они сразу же из подчинённых станут господами. Он расположил к этому народ выведением многих колоний в Италии и Сицилии, которые давно были намечены, но так никогда и не выведены»[1]. В приведённом пассаже Аппиана мы можем выделить два интересующих нас аспекта. Во-первых, Аппиан напрямую связывает выдвижение аграрного закона Друза с rogatio de sociis civitate danda, во-вторых, тот факт, что обещанные колонии так и не были выведены, отсылает нас к аграрному законопроекту его отца Ливия Друза Старшего – плебейского трибуна 122 года до н. э.

Говоря о первом аспекте, важно отметить, что историографическая дискуссия касательно хронологии, содержания, целей и обстоятельств выдвижения законопроектов Ливия Друза была сосредоточена на противоречии повествования Аппиана сведениям эпитоматора Ливия (*Liv*. Per. 71), Аннея Флора (*Flor*. II. 5, 6), псевдо-Аврелия Виктора (Vir. Ill. 66. 4, 10), псевдо-Саллюстия (*Sall*. Ad Caes. I. 6. 3–6), Веллея Патеркула (*Vell. Pat*. XIII. 2; XIV. 1) и Цицерона (*Cic*. De Or. I. 24–25; Mil. 16; Dom. 50; Cluent. 153; Rab. Post.16), [4, с. 216–219; 15, с. 20–25; 18; 19, с. 200; 22, с. 860]. Последние называют главным законопроектом Друза судебный закон (возвращение судебных полномочий сенаторам и численное увеличение сената путём включения в него трехсот всадников). Поэтому исследователи относятся к сведениям Аппиана с разной степенью доверия. Так, например, итальянские антиковеды Ф. Де Мартино [13, с. 46] и Л. Перелли [23, с. 46] в своих работах касательно трибуна Ливия Друза 91 года до н. э. предпочитали, главным образом, сведения Аппиана. Х. Моуритсен, в свою очередь, относится к ним крайне скептически [21, с. 125–126]. На наш взгляд, сведения Аппиана о законодательстве Друза следует принимать с осторожностью, ведь наиболее спорным моментом в повествовании Аппиана является именно италийский вопрос. Так как борьба союзников за римское гражданство является центральной линией повествования Аппиана, неудивительно, что александрийский историк пытался представить Ливия Друза как «друга италиков» и связать всю законодательную деятельность реформатора с предоставлением им прав римского гражданства. Тем не менее, несмотря на противоречивость аппиановской традиции, при реконструкции социально-политических обстоятельств вокруг аграрного законопроекта и рогации о предоставлении италикам гражданских прав мы будем вынуждены основываться, главным образом, на сведениях Аппиана.

Результаты исследования и их обсуждение. Связь земельного закона Ливия Друза Младшего с законопроектом его отца, очевидно, вытекает из того, что, как сообщает Аппиан, колонии, которые были намечены ещё в 122 году до н. э., в итоге не были выведены (*App*. BC. I. 35). Согласно сведениям Аппиана и Плутарха в 122 г. до н. э. по закону Ливия Друза Старшего были обещаны двенадцать колоний (*App*. BC. I. 23; *Plut*. CG. 9. 2). Плутарх также добавляет, что по закону Друза Старшего в каждую колонию должно было быть направлено 3000 малоимущих граждан (*Plut*. CG. 9. 2). В свою очередь, данные источников о lex agraria 91 года до н. э. единодушны в том, что закон был предпринят в ин-

[1] App. BC. I. 35: «Λίβιος Δροῦσος… δεηθεῖσι τοῖς Ἰταλιώταις νόμον αὖθις ἐσενεγκεῖν περὶ τῆς πολιτείας ὑπέσχετο: τούτου γὰρ δὴ μάλιστα ἐπεθύμουν ὡς ἑνὶ τῷδε αὐτίκα ἡγεμόνες ἀντὶ ὑπηκόων ἐσόμενοι. ὁ δὲ τὸν δῆμον ἐς τοῦτο προθεραπεύων ὑπήγετο ἀποικίαις πολλαῖς ἔς τε τὴν Ἰταλίαν καὶ Σικελίαν ἐψηφισμέναις μὲν ἐκ πολλοῦ, γεγονυίαις δὲ οὔπω».

тересах плебса[1]. Несмотря на то, что эти законы имели разные цели (в частности, закон Друза Старшего должен был отвлечь римских граждан от законов Г. Гракха) [1, с. 212–213; 14, с. 82], общим моментом является то, что они пользовались поддержкой сената[2]. Таким образом, связь аграрных законов 122 и 91 годов до н. э. позволяет нам говорить о том, что содержание законопроекта 91 года до н. э. во многом было схоже с содержанием закона 122 года до н. э.

Рогация Ливия Друза Старшего так и не была принята и, скорее всего, не прошла дальше обсуждения в сенате (*App*. BC. I. 23; *Plut*. CG. 9. 2). Судя по всему, в 122 году до н. э. никто всерьёз не предполагал возможности выведения двенадцати колоний на территории Италии. Если рогация Друза Старшего была политически мотивирована, то логично предположить, что реализация на практике lex agraria 91 года до н. э. также должна была иметь политические предпосылки. Так, например, Ф. К. Твиди видела политические предпосылки аграрного закона 91 года до н. э. в поддержке законов Друза консуляром Л. Лицинием Крассом (*Cic*. Dom. 50), ставшим в 91 году до н. э. одним из децемвиров по закону Друза (CIL. X. 44. P. 1003) и защищавшим его на суде от обвинений консула Л. Марция Филиппа (*Cic*. De Or. III. 1–6; *Val. Max*. VI. 2. 2; *Quint*. VIII. 3. 89). По мнению Твиди, Красс лично поддерживал выведение новых колоний, так как после своей победы над лузитанами в Испании в 97 году до н. э. был заинтересован в наделении испанских ветеранов (согласно Ф. К. Твиди, около 25 000 чел.) землёй в Италии [25, с. 577]. Это предположение выглядит логичным и объясняет конечную цель законопроекта, которая заключалась в выведении, главным образом, ветеранских колоний. Заинтересованными в основании ветеранских колоний могли быть не только явные сторонники Друза, но также и политики, которые открыто не поддерживали, но и не выступали против реформатора, например, Гай Марий. Таким образом, lex Livia agraria является продолжением попыток законодательной деятельности упомянутого Л. Марция Филиппа в 104 году до н. э. (*Cic*. Off. 2. 73) и Апулея Сатурнина в 103 и 100 годах до н. э. (Vir. Ill. 73. 1), целью чего, в частности, было наделение землёй ветеранов Мария. Помимо этого аграрная программа Друза имела продолжение в политических реформах Суллы во время его диктатуры (lex Cornelia agraria) [16, с. 136]. Следовательно, мы можем утверждать, что реформаторское крыло сената, которое представлял Л. Лициний Красс, было лично заинтересовано в реализации lex Livia agraria с целью наделения землёй собственных ветеранов.

В связи с этим следует ответить на вопрос, каким образом Ливий Друз Младший в 91 году до н. э. планировал реализовать столь амбициозный законопроект. Вывод новых многочисленных колоний на уже обжитых территориях Италии требовал согласования с сенатом, но даже с его поддержкой основание новых колоний римского права неизбежно затронуло бы интересы италийских союзников Рима, которые занимали значительную часть общественной земли. Ведь Ливий Друз, взяв за образец законопроект своего отца 122 года до н. э., должен был принять во внимание неудачный опыт предшествующих реформаторов и, главным образом, неудачу аграрной комиссии Тиберия Гракха. Тогда не были учтены интересы италийских посессоров, что позволило сенату в 129 году до н. э. приостановить её деятельность путём лишения триумвиров agris iudicandis adsignandis судебных полномочий (*App*. BC. I. 19).

По замыслу Ливия Друза реализацией земельного закона должны были заниматься, вероятно, две аграрные комиссии: децемвиры по закону Друза и, предположительно, квинквевиры по закону Сауфея с аббревиатурой *agris dandis adsignandis*. Обе комиссии упомянуты в погребальной надписи I века н. э., обнаруженной в Риме: «Марк Ливий… Друз… децемвир по передаче и закреплению в собственность земельных участков согласно своему закону и в этом же году квинквевир по передаче и закреплению в собственность земельных участков по закону Сауфея»[3].

Аналогичную аббревиатуру имели также гракханские триумвиры после 129 года до н. э. [12, с. 65–67]. Как нам известно, одним из аспектов аграрного законодательства Гая Гракха являлся вывод трёх колоний на территорию Тарента, Капуи и Сколация, которые были выведены в его первый трибунат в 123 году до н. э. [8, с. 514]. Касательно упоминания Друза в числе квинквевиров по закону Сауфея стоит сказать, что, на наш взгляд, закон Сауфея должен рассматриваться в рамках единого закона Друза так же, как закон Рубрия 122 года до н. э. принято считать про-

[1] Liv. Per. 71; Vell. Pat. II 13, 2; Flor. II 5, 6; Vir. Ill. 66, 4, 10; App. BC. I. 35–36.

[2] App. BC. I. 23, 35; Plut. CG. 9. 2; Flor. II. 5. 6; Liv. Per. 71; Vell. Pat. II. 13, 2.

[3] Elogium Inscr. Ital. XIII. 3. 74: «M(arcus) Livius… Drusus… Xvir a(gris) d(andis) a(dsignandis) lege sua / et eodem anno Vvir a(gris) d(andis) a(dsignandis) lege Saufeia».

должением аграрного закона Г. Гракха. Исходя из этого, можно допустить, что реализация аграрного закона 91 года до н. э. была схожа с реализацией аграрного закона Гая Гракха 123 года до н. э. Ведь в обоих случаях речь шла о выводе колоний на территории Италии при поддержке сената, без которой вывести новые колонии было бы невозможно. Помимо этого, общим между обоими законопроектами является то, что реформаторы должны были обращать внимание на интересы союзных Риму италийских общин, что также объясняет отсутствие в аббревиатуре у гракханских триумвиров и децемвиров Ливия Друза обозначения судебных функций (iudicandis).

Переходим к основной обозначенной нами проблеме – о месте италийских союзников в реформаторской деятельности Друза. Из всех наших источников только Аппиан напрямую заявляет о том, что предоставление союзникам гражданских прав было главным замыслом Ливия Друза, рассматривая rogatio Livia de sociis civitate danda в контексте предшествующих аналогичных рогаций Фульвия Флакка в 125 году до н. э. и Гая Гракха в 122 году до н. э. (*App*. BC. I. 35). Версию Аппиана можно принять, только если предположить, что Друз начал продвигать идею о предоставлении союзникам римского гражданства весной 91 года до н. э., т. е. после того, как ему стало известно о заговоре союзников против консулов Марция Филиппа и С. Юлия Цезаря на Альбанской горе (Vir. III. 66; *Flor*. II. 6. 8). В таком случае можно допустить, что Друз, узнав о заговоре, решил, что обещание союзникам римского гражданства станет для них реальной альтернативой выступлению против Рима. По этой же причине он дал им клятву сдержать данное обещание (*Diod. Sic*. XXXVII. 11).

Версия об осведомлённости Друза о заговоре союзников на Альбанской горе была поставлена под сомнение Хью Ластом ещё в 1932 году [20, с. 181]. На наш взгляд, данная версия возникла после смерти Друза в декабре 91 года до н. э. в результате действия специальной комиссии сената по закону Кв. Вария Гибриды, созданной с целью поиска виновных в том, что союзники подняли оружие против Рима (*Ascon*. 22; *Val. Max*. 8. 6. 4; *App*. BC. I. 37). Эта комиссия пыталась выставить деятельность Друза в интересах союзников в невыгодном свете, а самого Друза и его сторонников – участниками антиримского заговора. Это можно аргументировать тем, что сведения об осведомлённости Друза о планах союзников (Vir. III. 66; *Flor*. 2. 6. 8), а также сведения о «клятве» Друза, которую он дал союзникам (*Diod. Sic*. XXXVII. 11), возникли предположительно после переговоров Друза с лидером марсов Помпедием Силоном, которые проходили в Риме. Логично предположить, что всё это было подведено впоследствии под закон Вария [21, с. 125][1].

Э. Габба допускает, что инициатива Друза о предоставлении союзникам прав римского гражданства была предложена после смерти главного сторонника реформатора Л. Лициния Красса в сентябре 91 года до н. э. (*Cic*. De Or. III. 1–6) [15, с. 133]. На наш взгляд, предположение Э. Габбы вполне резонно, поскольку Красс в 95 году до н. э. вместе со своим коллегой Кв. Муцием Сцеволой был автором законопроекта (*Cic*. Off. III. 47; Balb. 48, 54), лишившего их прав римского гражданства, полученного незаконным путём и фактически уничтожившего практику получения гражданских прав per migrationem et censum [24, с. 111]. Таким образом, Друз, очевидно, не мог изначально продвигать идею о предоставлении гражданских прав союзникам, ведь в противном случае он не имел бы поддержки таких консервативно настроенных нобилей, как тот же Л. Лициний Красс или многолетний принцепс сената М. Эмилий Скавр (*Cic*. Dom. 50; *Ascon*. 21). Следовательно, рогация о предоставлении союзникам гражданских прав, скорее всего, должна быть датирована началом октября 91 года до н. э., т. е. после смерти Л. Лициния Красса.

Ввиду вышесказанного можно предположить, что убеждение о необходимости предоставления союзникам прав римского гражданства пришло Друзу в ходе проведения закона о выводе колоний, когда реформатор столкнулся с недовольством некоторой части союзников. В их числе были Этрурия и Умбрия, делегация от которых, по словам Аппиана, отправилась в Рим с целью убийства Друза под предлогом выступления против его аграрного законопроекта (*App*. BC. I. 36).

Исходя из сведений Аппиана, мы можем согласиться с тем, что у италиков был повод опасаться нового закона. Термины, которые использует Аппиан, рассказывая об опасениях союзников (βία и λανθάνω), предположительно являются греческими эквивалентами латинских vis и clam, которые, в свою очередь, являются основаниями для лишения посессоров прав на их possessiones (*Gaius*. Inst. 4. 151). На основании этого Ф. К. Твиди делает

[1] Согласно Х. Моуритсену, сведения о переговорах Помпедия и Друза могли быть сознательно искажёнными или полностью выдуманными для того, чтобы подвести их под закон Вария.

вывод, что Аппиан пользовался латинскими источниками, в которых были сведения об опасениях италиков за их земельные участки на общественной земле в случае реализации lex Livia agraria [25, с. 581]. Но, как справедливо отмечает Питер Брант, для италиков не было никакого резона активно выступать против аграрного закона Ливия Друза, ведь в случае его отмены они ничего бы не потеряли, но и не выиграли бы от этого [9, с. 95][1]. С другой стороны, перспектива получения римского гражданства открывала перед ними законные возможности в непосредственном участии в распределении земли. Возможно, именно с этим и связан визит в Рим делегации из Этрурии и Умбрии незадолго до смерти Ливия Друза в октябре 91 года до н. э. Скорее всего, причина их визита заключается не в выступлении против аграрного законопроекта и не в покушении на его автора, а в возможном предоставлении союзникам римского гражданства. Это подтверждается сведениями Диодора Сицилийского (*Diod. Sic*. XXXVII. 13), Плутарха (*Plut*. Cat. Min. 2. 1–5), Валерия Максима (*Val. Max*. 3. 1. 2) и псевдо-Аврелия Виктора (Vir. Ill. 80. 1) о нахождении в Риме предводителя марсов Помпедия Силона и его переговорах с Ливием Друзом. Прибытие союзнической делегации в Рим, вероятно, должно было состояться перед промульгацией законопроекта.

При этом стоит отметить, что датировка нахождения в Риме Помпедия Силона достаточно спорна, особенно, принимая во внимание фрагмент из Диодора Сицилийского, в котором предводитель марсов на пути в Рим с 10 000 сторонниками вёл переговоры не с Ливием Друзом, а с неким Гн. Домицием. М. Банкалари [7, с. 428–429], П. Брант [11, с. 101] и Ф. М. Нечай [2, с. 144], доверяя сведениям Диодора о переговорах Помпедия Силона, датировали их октябрём–ноябрём 91 года до н.э., т. е. после смерти Ливия Друза [9, с. 94–95][2]. Э. Габба, напротив, датирует сведения Диодора и Аппиана более ранним периодом [17, с. 114]. Мы же предполагаем, что визит предводителя марсов имел место ещё при жизни Друза, так как, согласно Плутарху, Валерию Максиму и псевдо-Аврелию Виктору, Помпедий пребывал в доме Друза и там же вёл с ним переговоры о римском гражданстве, тогда как к фрагменту Диодора следует относиться скептически по причине фрагментарности его сведений и спорной последовательности фрагментов.

Визит в Рим Помпедия Силона и его сторонников в сентябре–октябре 91 года до н. э., на наш взгляд, был связан с конечной целью рогации Ливия – с успешным выведением новых колоний на территории Италии. Это предположение можно подтвердить логикой переговоров между Друзом и Помпедием. Ведь если датировать визит Помпедия и делегации из Этрурии и Умбрии сентябрём-октябрём 91 года до н.э., то вполне возможно, что инициатива данного визита исходила не от союзников, а от Друза, который рассчитывал на поддержку Помпедия Силона в выведении новых колоний римского права и предлагал Помпедию в качестве компенсации проведение законопроекта о предоставлении гражданских прав. Что касается союзников, которые прибыли в Рим в составе делегации из Этрурии и Умбрии (*App*. BC. I. 36), то возможно, что, как и Помпедий, это были представители союзнической элиты (domi nobiles), которых Друз так же, как и Помпедия, пытался привлечь на свою сторону.

Помимо этого мы предполагаем, что вместе с Помпедием и другими представителями domi nobiles у Аппиана, Диодора, Плутарха, Валерия Максима и псевдо-Аврелия Виктора речь идёт также о латинских и италийских ветеранах [10, с. 677–678][3], которые были заинтересованы как в lex Livia agraria, так и в rogatio Livia de sociis civitate danda. Ведь, как уже отмечалось выше, предполагаемой целью аграрного закона было выведение ветеранских колоний, большинство из которых предположительно должны были быть выведены в центральной Италии. Ещё до рогации Ливия аграрный закон Сатурнина в 100 году до н. э. вместе с основанием ветеранских колоний предполагал римское гражданство трём колонистам из числа союзников в каждой новой колонии (Vir. Ill. 73. 5; *Cic*. Balb. 48) [4, с. 206][4]. Скорее всего, в данном случае Сатурнин планировал участие союзников, воевавших под началом Мария, в основании новых колоний (*App*. BC. I. 29) [6, с. 403; 15,

[1] То есть италики могли сохранить свои земельные участки в том виде, в котором они ими владели до lex Livia agraria. Если бы земельный закон был аннулирован, то Друз имел бы мало шансов для проведения закона о предоставлении союзникам римского гражданства. При этом П. Брант отмечает, что нельзя точно сказать, ставили ли этруски и умбры сохранение своих земельных участков выше, чем возможность получения римского гражданства.

[2] П. Брант к этому же времени относит приезд в Рим делегации из Этрурии и Умбрии.

[3] Согласно П. Бранту, после реформы Мария соотношение римских и союзнических войск было 1:1 или 2:1.

[4] Э. Бадиан полагает, что в тексте Цицерона речь идёт о трёхстах колонистах.

с. 105][1]. Таким образом, как в случае с законом Сатурнина, так и в случае с рогацией Друза предоставление союзническим ветеранам римского гражданства давало им законное право на участие в переделе земли. Для самого Друза это было бы вполне разумным ходом, так как он смог бы без препятствий со стороны италийских посессоров реализовать закон о выводе колоний. Успешное проведение аграрного законопроекта, в свою очередь, должно было укрепить политические позиции реформаторской группировки сената, к которой принадлежал Друз и авторитет сената в целом. То есть lex lex Livia agraria и rogatio Livia de sociis civitate danda наряду с lex Livia iudicaria преследовали конкретные политические цели.

Для самого Друза, в свою очередь, политическая обстановка в сентябре–октябре 91 года до н. э. была не столь благоприятна, как в первые дни его трибуната. Ведь после ухода с политической арены Л. Лициния Красса и М. Эмилия Скавра Ливий Друз стал стремительно терять популярность. Согласно Цицерону, популярность реформатора уже стала падать к моменту начала в сентябре Римских игр (*Cic*. De or. I. 7. 24). Это связано с тем, что сенат постепенно «охладел» к реформаторской деятельности плебейского трибуна. Доказательством тому является факт, что все законы Друза были отменены сразу же после его смерти (*Cic*. Dom. 41, 50; Leg. II. 14, 31; *Diod. Sic*. XXXVII. 10. 3; *Val. Max*. IX. 5. 2; *Vell. Pat*. II. 13. 2; *Ascon*. 69) [5, с. 225–226][2]. Таким образом, при возможном проведении rogatio de sociis civitate danda реформатор уже не мог рассчитывать на поддержку реформаторского крыла в сенате, как это было с lex Livia iudicaria и lex Livia agraria.

Тем не менее, наши источники не сообщают о каких-либо серьезных препятствиях Ливию Друзу со стороны сената, как это было в случаях с Фульвием Флакком в 125 году до н. э. и Г. Гракхом в 122 году до н. э. Впрочем, пассивность сената в тот момент, возможно, была связана с тем, что противники Друза не особо верили в успех его рогации, ведь к 10 декабря истекали его трибунские полномочия. По этой причине, вероятно, Друз ради успеха на комициях rogatio de sociis civitate danda решил выставить на голосование ещё один законопроект, популярный в среде городского плебса (возможно, lex frumentaria). Это противоречило закону Цецилия – Дидия 98 года до н. э., запрещавшему выставлять несколько законопроектов на голосование одним пакетом (*Cic*. Dom. 20), и впоследствии стало одним из поводов для аннулирования законов Друза. Согласно этому же закону между промульгацией законопроекта и голосованием должен был пройти промежуток в три нундины (trinundinum), что, исходя из разных трактовок, соответствует 17 или 24 дням [3]. Данное обстоятельство вынуждало Друза торопиться с организацией плебисцита, ведь его трибунские полномочия, как уже было сказано, истекали к десятому декабря. По этой же причине, скорее всего, именно в период перед промульгацией рогации о предоставлении союзникам гражданских прав состоялся визит в Рим Помпедия Силона и делегации из Этрурии и Умбрии. Также стоит отметить, что такие противники Друза в сенате, как консул Л. Марций Филипп и претор Кв. Сервилий Цепион Младший, вероятно, рассчитывали на то, что реформатор не сможет в оставшийся ему срок убедить римских граждан проголосовать за предоставление союзникам прав римского гражданства.

Рассмотрев социально-политические обстоятельства вокруг rogatio Livia de sociis civitate danda, следует перейти к реконструкции содержания данной рогации. Главная проблема заключается в том, насколько далеко должно было распространяться римское гражданство. Как считает Х. Моуритсен, по замыслу Друза римское гражданство распространялось только на латинов, то есть содержание рогации Друза было аналогично содержанию рогации Фульвия Флакка 125 года до н. э. [21, с. 117–118]. Данная точка зрения опирается, главным образом, на сведения позднеантичного автора Павла Орозия: «Ливий Друз… латинов, воодушевлённых надеждой на свободу… склонил к оружию»[3] и псевдо-Аврелия Виктора: «Плебейский трибун обещал гражданство латинам…»[4]. Помимо них Валерий Максим говорит о Помпедии Силоне как Latii principe (*Val. Max*. 3. 1. 2).

Под термином Latini в обеих цитатах в данном случае стоит понимать не socii nominisque latini, а Italici populi et Latini, просто socii, как у Флора (*Flor*. II. 5, 6) или socii et Latini (*Schol. Bob*. 118; *Val. Max*. III. 1. 2). В доказательство можно привести сведения из периохи Ливия: «М. Ливий Друз… союзников и

[1] Согласно Э. Бадиану и Э. Габбе, под πλεονεκτούντων Ἰταλιωτῶν (App. BC. I. 29) у Аппиана подразумевается предоставление прав римского гражданства союзникам из числа колонистов.

[2] Э. Бадиан доказывает, что это имело место ещё при жизни Друза.

[3] Oros. V. 1–3: «Liuius Drusus… Latinos omnes spe libertatis inlectos… in arma excitauit».

[4] Vir. III. 66. 4: «Tribunus plebis Latinis ciuitatem… permisit».

италиков вдохновил надеждой на римское гражданство»[1]. Эти сведения, на наш взгляд, являются наиболее достоверными. Так, spe libertatis у Орозия, очевидно, соответствует spe civitatis из периохи Ливия. Кроме того, такие слова как sollicitavit, excitauit или erexit, у Флора имеют схожий смысл («подстрекать», «возбуждать» или «склонять»). Исходя из этого, следует отметить, что Орозий, живший в V веке н. э., скорее всего, пытался адаптировать для современников нарративную традицию о трибунате Ливия Друза. Псевдо-Аврелий Виктор и Анней Флор, в свою очередь, адаптируют ту же самую нарративную традицию в рамках формата своих сочинений (бревиариев). Ту же самую нарративную традицию на греческом языке по-разному передают Аппиан (*App*. BC. I. 35–36) и Диодор Сицилийский (*Diod. Sic*. XXXVII. 10. 3), сведения которых следует принимать с оговорками. Наименьшее доверие, на наш взгляд, вызывают сведения Веллея Патеркула и Луция Ампелия (*Vell. Pat*. II. 14. 1; *Ampel*. 26. 4). У Веллея Ливий Друз распространял римское гражданство на всю Италию (civitatem Italiae) или, согласно Ампелию, на всех италиков (civitatem omnibus Italicis). В данном случае под «Италией» и «италиками» у Веллея Патеркула и Л. Ампелия отражаются представления об Италии эпохи принципата, когда вся Италия уже имела римское гражданство.

Исходя из вышеперечисленного, нарративная традиция о rogatio Livia de sociis civitate danda, в разном виде дошедшая до нас, сформировалась предположительно после Союзнической войны и закона Юлия 90 г. до н. э. О законе Юлия нам известно, что он был принят в результате экстремальных условий Союзнической войны и распространял римское гражданство на латинов и остальных италиков, которые были лояльны Риму (*App*. BC. I. 49; *Cic*. Balb. 21; *Gell*. IV. 4. 3). Причём римское гражданство предлагалось на добровольной основе [9, с. 94]. В этом и заключается основная проблема в реконструкции «довоенной» рогации Ливия. Потому Х. Моуритсен объединяет законы Флакка 125 года до н. э., Гая Гракха 122 года до н. э. и Ливия Друза, утверждая, что до Союзнической войны вопрос о предоставлении союзникам римского гражданства был сфокусирован только на латинах [21, с. 118].

Мы же предполагаем, что рогация Ливия Друза по своему содержанию была ближе к закону Юлия, чем к рогациям 125 и 122 годов до н. э., которые были связаны, главным образом, с решением проблемы депопуляции латинских городов из-за миграции через привилегию ius migrandi, которой могли пользоваться преимущественно латины. Но после закона Лициния – Муция 95 года до н. э. ius migrandi перестало быть актуальным для союзников [24, с. 111]. То есть они уже не могли получить римское гражданство per migrationem et censum, как они это делали во II в. до н. э. Если нам известно, что рогации 125 и 122 годов до н. э. предлагали италикам в качестве альтернативы римскому гражданству ius provocationis (*Val. Max*. 9. 5. 1), то касательно рогации 91 года до н. э. нам не известно о каких-либо альтернативах. По этой причине в ходе проведения аграрного закона, в котором были задействованы земельные участки в центральной Италии, Ливий Друз предусматривал римское гражданство не только для латинов, но и для италийских общин Центральной Италии (Умбрия и Этрурия). Можно также предположить, что Л. Юлий Цезарь в 90 году до н. э. взял за основу закон Друза.

Заключение. Подводя итоги, мы приходим к следующим выводам. Ливий Друз, опираясь на поддержку реформаторского крыла сената в лице Л. Лициния Красса, предпринял попытку реализовать аграрный законопроект своего отца, плебейского трибуна 122 года до н. э., о выводе, главным образом, ветеранских колоний в Италии и Сицилии. При проведении закона о выводе колоний плебейский трибун должен был учитывать интересы италийских посессоров. По этой причине Друз в сентябре–октябре 91 года до н. э. предпринял неудачную попытку предоставить права римского гражданства латинам и некоторым италийским общинам Центральной Италии, среди которых, предположительно, могли быть латинские и италийские ветераны, а также представители domi nobiles. Таким образом, социальный аспект lex Livia agraria и rogatio Livia de sociis civitate danda заключался в выведении ветеранских колоний римского права, в котором должны были участвовать как римские, так и союзнические ветераны. С этой целью им должно было быть предоставлено римское гражданство. С другой стороны, политический аспект данных законов заключался в усилении позиций реформаторской группировки в сенате и укреплении авторитета сената в целом.

[1] Liv. Per. 71: «M. Livius Drusus… Italicos populos spe civitatis Romanae sollicitavit».

Список литературы

1. Лапыренок Р. Наследие аграрного закона Тиберия Гракха: земельный вопрос и политическая борьба в Риме 20-х гг. II в. до н. э. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 281 с.
2. Нечай Ф. М. Рим и Италики. Минск: Изд-во М-ва высшего, среднего специального и профессионального образования БССР, 1963. 185 с.
3. Фролов Р. М. Trinundinum в эпоху Римской республики и порядок обсуждения законопроектов в contiones // Путь в науку. 2011. Вып. 15. С. 3–5.
4. Badian E. Foreign Clientelae (264–70 B.C.). Oxford: Oxford Clarendon Press, 1954. 342 p.
5. Badian E. From the Gracchi to Sulla // Historia. 1962. Vol. 11. Pp. 197–245.
6. Badian E. Roman Politics and the Italians (133–91 B.C.) // DA. 1970. Vol. 4–5. Pp. 373–409.
7. Bancalari M. A. Gli interventi degli italici nella lotta politica romana durante il tribunato di Livio Druso (91 a.C.) // Studi Classici e Orientali. 1988. Vol. 37. Pp. 407–437.
8. Broughton T. R. S. The magistrates of the Roman Republic. Atlanta: American Philological Association. 1951. Vol. 1. 578 p.
9. Brunt P. A. Italian aims at the time of the Social War // JRS. 1965. Vol. 55. Pp. 91–109.
10. Brunt P. A. Italian manpower 225 BC – AD 14. London: Oxford University Press, 1971. 788 p.
11. Brunt P. A. The Fall of the Roman Republic and Related Essays. Oxford: Oxford University Press, 1988. 545 p.
12. Crawford M. The roman statutes. London: University of California Press, 1996. Vol. 1. 553 p.
13. De Martino F. Storia delle costituzione romana. Napoli: Editore Jovene, 1975. Vol. 3. 353 p.
14. Fraccaro P. Ricerche su Caio Gracco // Athenaeum. 1925. Vol. 3. Pp. 76–97.
15. Gabba E. Appiano e la storia delle guerre civili. Florence: La Nuova Italia. 1956. 274 p.
16. Gabba E. Republican Rome, the army and the allies / transl. by P. J. Cuff. Berkeley: University of California Press, 1976. 268 p.
17. Gabba E. Rome and Italy: the Social War // Cambridge Ancient History. 1992. Vol. 9. Pp. 104–128.
18. Hackl U. Die Bedeutung der populären Methode von den Gracchen bis Sulla im Spiegel der Gesetzgebung des jüngeren Livius Drusus, Volkstribun 91 v.Chr // Gymnasium. 1987. Vol. 94. Pp. 109–127.
19. Haug J. Der römische Bundesgenossenkrieg 91–88 v. Chr. bei Titus Livius // WJA. 1947. Vol. 2. Pp. 200–258.
20. Last H. The tribunate of M. Livius Drusus the younger // Cambridge Ancient History. 1932. Vol. 9. Pp. 177–183.
21. Mouritsen H. Italian unification. A study in ancient and modern historiography. London: Institute of Classical Studies, 1998. 203 p.
22. Münzer F. M. Livius Drusus // RE. 1926. Vol. 13. Pp. 859–881.
23. Perelli L. Il movimento popolare nell' ultimo secolo della republica. Torino: Historia, Politica, Philosophica, 1982. Vol. 11. 275 p.
24. Sherwin-White A. N. The Roman citizenship. Oxford: The Clarendon Press, 1973. 486 p.
25. Tweedie F. C. M. Caenum aut caelum: Livius Drusus and the land // Mnemosyne. 2011. Vol. 64. Pp. 573–590.

Статья поступила в редакцию 02.03.2018; принята к публикации 15.04.2018

Библиографическое описание статьи

Филянов Н. А. Социально-политический аспект законопроектов Ливия Друза Младшего // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 4. С. 53–61. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-53-61.

Nikita A. Filyanov,
Postgraduate Student,
Russian State University for the Humanities
(6 Miusskaya square, Moscow, 125993, Russia),
e-mail: nikitafilyanov@gmail.com

The Social-Political Aspect of the Bills of Livius Drusus The Younger

The article examines the legislation of M. Livius Drusus The Younger, the plebeian tribune tribune of 91 BC (the agrarian law and the rogation of enfranchisement the allies). The relevance of the study is due to the fact that the activities and death of Livius Drusus led, according to the ancient narrative tradition, to the bloody social war which in its turn, affected the perception of Livius Drusus political reforms in the historical tradition. Therefore, this study claims to consider the legislative activities of Livius Drusus within the historical context of 91 BC. The methodological basis of the research is the principle of historicism and scientific objectivity in accordance with which phenomena and events relating to this period are considered in connection with specific historical conditions. It

allows taking into account the social-political situation, which was arisen in Rome and Italy by 91 BC. The result of this study is an analysis of the social-political aspect in Roman politics in 91 BC through the prism of the agrarian bill of Drusus and his rogation of granting the rights of Roman citizenship to the allies. The social aspect of Drusus' initiatives was mainly bringing out the veterans' colonies of Roman law, in which both Roman and allies veterans were to participate. Therefore, Livius Drusus provided the roman citizenship for the allies. The political aspect of these laws was the reinforcement of the positions of the reform group in the senate and the strengthening of the senate's authority in whole.

Keywords: Livius Drusus, L. Licinius Crassus, Pompedio Silo, senate, roman citizenship, Latins, Italians

References

1. Lapyrenok, R. The legacy of Tiberius Gracchus' agrarian law: the agrarian question and the political struggle in Rome of the 20s, 2nd century BC. M.: Russian Foundation for the promotion of Education and Science. 2016. (In Rus.)

2. Nechai, F. M. Rome and the Italians. Minsk: Publishing House of the Ministry of Higher, Secondary special and Professional Education of the BSSR, 1963. (In Rus.)

3. Frolov, R. M. Trinundinum in the Roman republic's era and the procedure for discussing bills in contiones. The way to science, Issue 15, pp. 3–5, 2011. (In Rus.)

4. Badian, E. Foreign Clientelae (264–70 B.C.). Oxford: Oxford Clarendon Press. 1954. (In Engl.)

5. Badian, E. From the Gracchi to Sulla. Historia. XI. 1962: 197–245. (In Engl.)

6. Badian, E. Roman Politics and the Italians (133–91 B.C.). DA. 4–5. 1970: 373–09. (In Engl.)

7. Bancalari, M. A. Gli interventi degli italici nella lotta politica romana durante il tribunato di Livio Druso (91 a. C.). Studi Classici e Orientali, vol. 37, pp. 407–437, 1988. (In Engl.)

8. Broughton, T. R. S. The magistrates of the Roman Republic. Atlanta: American Philological Association. Vol. I. 1951. (In Engl.)

9. Brunt, P. A. Italian aims at the time of the Social War. JRS. Vol. 55. pp. 91–109, 1965. (In Engl.)

10. Brunt, P. A. Italian manpower 225 BC – AD 14. London: Oxford University Press. 1971. (In Engl.)

11. Brunt, P. A. The Fall of the Roman Republic and Related Essays. Oxford: Oxford University Press. 1988. (In Engl.)

12. Crawford, M. The roman statutes. London: University of California Press. 1996. Vol. I. (In Engl.)

13. De Martino F. Storia delle costituzione romana. Napoli: Editore Jovene. 1975. Vol. III. (In Engl.)

14. Fraccaro, P. Ricerche su Caio Gracco. Athenaeum. 3. 1925: 76–97. (In Engl.)

15. Gabba, E. Appiano e la storia delle guerre civili. Florence: La Nuova Italia, 1956. (In Engl.)

16. Gabba, E. Republican Rome, the army and the allies. Cuff, P. J., translated by. Berkeley: University of California press. 1976. (In Engl.)

17. Gabba, E. Rome and Italy: the Social War. Cambridge Ancient History. Vol. IX. 1992: 104–128. (In Engl.)

18. Hackl, U. Die Bedeutung der populären Methode von den Gracchen bis Sulla im Spiegel der Gesetzgebung des jüngeren Livius Drusus, Volkstribun 91 v.Chr. Gymnasium. 94. 1987: 109–127. (In Germ.)

19. Haug, J. Der römische Bundesgenossenkrieg 91–88 v. Chr. bei Titus Livius. WJA. 2. 1947: 201–258. (In Germ.)

20. Last, H. The tribunate of M. Livius Drusus The Younger. Cambridge Ancient History. Vol. IX. 1932: 177–183. (In Engl.)

21. Mouritsen, H. Italian unification. A study in ancient and modern historiography. London: Institute of Classical Studies. 1998. (In Engl.)

22. Münzer, F. M. Livius Drusus. RE. 13. 1926: 859–881. (In Engl.)

23. Perelli, L. Il movimento popolare nell' ultimo secolo della republica. Torino: Historia, Politica, Philosophica. 1982. Vol. XI. (In Latin)

24. Sherwin-White, A. N. The Roman citizenship. Oxford: The Clarendon Press. 1973. (In Engl.)

25. Tweedie, F. C. M. Caenum aut caelum: Livius Drusus and the land. Mnemosyne, vol. 64, pp. 573–590, 2011. (In Engl.)

Received: March 2, 2018; accepted for publication April 15, 2018

Reference to the article

Filyanov N. A. The Social-Political Aspect of the Bills of Livius Drusus The Younger // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 4. PP. 53–61. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-53-61.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

REGIONAL HISTORY

УДК 930.1:94(571.5)
DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-62-69

Николай Сергеевич Байкалов,
кандидат исторических наук, доцент,
Бурятский государственный университет
(670000, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а),
e-mail: baikalov@bsu.ru

Зарубежная историография советского БАМа: тематические доминанты и ключевые сюжеты[1]

Позднесоветская модернизация Сибири и Дальнего Востока занимает одно из центральных мест в зарубежной историографии «развитого социализма». БАМ, будучи одним из самых крупных проектов данного периода, вызывал интерес иностранных авторов практически с первых лет строительства. В период «холодной войны» внимание к БАМу было продиктовано стремлением оценить эффективность социалистической системы и определить перспективы её развития. В настоящее время наблюдается новый подъём исследовательской активности зарубежных учёных, связанный с «азиатским вектором» внешнеэкономической стратегии России и интенсивным сырьевым освоением региона. Данная работа фокусируется на выявлении тематических доминант и ключевых сюжетов в зарубежных исследованиях, посвящённых советскому периоду строительства и эксплуатации БАМа. Привлекая традиционные и междисциплинарные методы историографического анализа, автор выделяет такие тематические направления исследований, как причины сооружения магистрали, мотивы приезда строителей, соотношение официального и неофициального образов стройки, общую оценку места БАМа в истории страны. В рамках каждой доминанты описываются типичные наборы интерпретаций, составляющие ключевые сюжеты исследований, производится хронологическое ранжирование данных сюжетов по трём основным периодам зарубежной историографии БАМа.

Ключевые слова: Байкало-Амурская магистраль, поздний социализм, социалистическая модернизация, социально-экономическое развитие, историография

Введение. В зарубежной историографии позднего социализма в СССР одно из центральных мест занимают вопросы индустриального освоения восточных регионов страны. Вполне закономерно, что большое количество исследований посвящено крупнейшему проекту развитого социализма – Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. БАМ, провозглашённый советской пропагандой «стройкой века», соединил в себе ожидания ревитализации советской системы («дорога в будущее») и экспозицию тупиковости советской модели развития («памятник застою»). Поэтому интерес к нему, прежде всего западных исследователей, был продиктован стремлениями оценить потенциал социалистической модели развития в целом, выявить основные структуры и траектории развития позднесоветского общества.

Зарубежная историография советского БАМа разрабатывалась, главным образом, в рамках исследований социалистической модернизации Сибири и Дальнего Востока. В 1980-е годы данной тематике была посвящена серия статей академика В. В. Алексеева и его учеников [1–3; 9]. В 2002 году под его научным руководством была защищена кандидатская диссертация К. В. Ломакина по проблемам промышленного освоения восточных районов РСФСР в западногерманской историографии [10]. Ещё одна линия в изучении историографии БАМа прослеживается

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-49-030010 р_а «Байкало-Амурская магистраль и северные районы Бурятии: от модернизационного проекта развитого социализма к постсоветской (ре)индустриализации».

© Байкалов Н. С., 2018

в работах, рассматривающих периодические и публицистические тексты о сооружении магистрали [12]. В фокусе всех работ находились западноевропейские и американские исследования. В то же время авторы азиатских стран, прежде всего, Китая, оставались без внимания. Строительство БАМа рассматривалось ими с точки зрения перспектив освоения природных богатств восточных регионов России и создания территориально-производственных комплексов [11, с. 177]. Таким образом, предметом самостоятельного исследования зарубежная историография БАМа не становилась.

Целью данной работы является выявление тематических доминант и ключевых сюжетов наиболее полемичных аспектов зарубежной историографии советского БАМа. Под тематическими доминантами понимаются центральные темы исследования, значимые для большинства авторов и нашедшие отражение в их работах. В качестве ключевых сюжетов выступают основные линии авторских интерпретаций и оценок тех или иных событий.

Методология и методы исследования. Теоретико-методологическую основу исследования составили принципы историзма, научного критицизма, плюрализма и системности. В работе были использованы как традиционные методы историографического анализа (историко-хронологический, сравнительный и типологический), так и междисциплинарные подходы (дискурсивный анализ, нарративный анализ, интеллектуальная история и «история идей»).

Эмпирическую базу исследования составляют научные работы зарубежных авторов, посвящённые истории БАМа. Было проанализировано около 100 текстов, включая 5 диссертаций, 20 монографий и более 70 публикаций в периодических и продолжающихся изданиях, сборниках статей и материалах конференций.

Из-за отсутствия официальных переводов большинство привлечённых работ анализировались на языке оригинала. Основная часть текстов принадлежит западноевропейским и американским авторам. Труды, вышедшие в странах СЭВ, не рассматривались в силу схожести их трактовок с официальной советской оценкой БАМа. Работы азиатских исследователей не привлекались к анализу в силу ограниченного доступа к ним.

По времени возникновения все тексты условно делятся на три группы: 1) работы 1970–1980-х годов, написанные одновременно со строительством магистрали, на содержание которых наложили отпечаток идеологическое противостояние с СССР и политика «железного занавеса»; 2) издания 1990-х – начала 2000-х годов, созданные в условиях максимальной открытости и доступности отечественных источниковых баз в постсоветский период; 3) тексты 2000–2010-х годов, характеризующиеся пересмотром принятых ранее оценок, расширением применения междисциплинарных подходов при анализе позднесоветского общества.

Результаты исследования и их обсуждение. Наиболее выраженной тематической доминантой, чётко выступающей практически во всех зарубежных работах о БАМе, являются причины возобновления строительства магистрали в середине 1970-х годов[1]. Новость о начале столь грандиозного проекта застала советскую и мировую общественность врасплох, поскольку БАМ не предусматривался планом IX пятилетки. В результате возникло множество предположений о причинах и факторах, вызвавших решение о прокладке «второго Транссиба». В отечественной историографии постулировались официально провозглашённые тезисы о сокращении расстояния транзитных перевозок с запада на восток на 500 км и о вовлечении в народнохозяйственный оборот малоосвоенных территорий Сибири и Дальнего Востока. Зарубежные историки предлагали более широкий набор интерпретаций. Условно их можно объединить в несколько ключевых сюжетов: транспортный (транзитный), военно-стратегический, минерально-сырьевой (неоколониальный), политический и идеологический.

Сторонники транспортной концепции часто подчёркивали связь между высокими доходами, которые приносил в 1970-е годы. Тюменский нефтегазовый комплекс, и началом строительства БАМа. Поток нефтедолларов вызвал в стране атмосферу «сибирской эйфории», подтолкнувшую политическое руководство СССР к осуществлению ряда

[1] Проект прокладки железной дороги к Тихому океану через северную оконечность Байкала обсуждался с конца XIX в. В 1932–1942 гг. строительные работы на западном и восточном участках БАМа велись БАМлагом и созданной на его базе сетью лагерей, а в 1947–1953 гг. – Амурлагом. Однако труд заключённых в условиях отсутствия необходимого технического оборудования не смог обеспечить значительные результаты. К идее БАМа как комплексного проекта развития северных территорий Сибири и Дальнего Востока руководство страны вернулось в начале 1970-х гг. В апреле 1974 г. на XVII съезде ВЛКСМ БАМ был провозглашён всесоюзной ударной комсомольской стройкой; 8 июля 1974 г. вышло постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О строительстве Байкало-Амурской железнодорожной магистрали».

крупных проектов [14; 18; 27]. Американский исследователь БАМа К. Уард отмечает, что советское руководство рассматривало магистраль как трансконтинентальный транспортный коридор, соединяющий страны СЭВ с АТР. Советские нефть и древесина должны были обеспечить потребности энергоёмких и не располагающих минеральными ресурсами тихоокеанских экономик Японии, Южной Кореи, Тайваня и других стран [25, с.13–15].

Немецкий историк Й. Грюцмахер считает, что БАМ являлся закономерным продолжением советской транспортной политики в Сибири и на Дальнем Востоке, подготовленным всем предыдущим экономическим развитием страны. Он был призван соединить локальные рудиментарные транспортные системы Якутии, Амурской области, Севера дальневосточного региона [17, с. 191–193].

Военно-стратегическая концепция БАМа наиболее интенсивно разрабатывалась в годы «холодной войны». Форсированные темпы сооружения дороги чаще всего связывались с ухудшением советско-китайских отношений в конце 1960-х – начале 1970-х годов. У. Гериг утверждала, что «в стратегическом отношении БАМ должен быть своего рода второй защитной линией, которая расположена в северном тылу Транссиба, вне досягаемости китайской артиллерии» [по: 10, с. 63]. В качестве аргументации выступал также факт вовлечения в строительство железнодорожных войск[1]. Кроме того, как справедливо заметил А. Уайтинг, такой дорогостоящий проект вряд ли мог быть реализован без согласия военных. При этом он оговаривался, что тезис о недосягаемости БАМа в случае военного конфликта с Китаем не выдерживает критики, поскольку сложные геологические условия трассы, наличие большого количества мостов и тоннелей, однопутная дорога на протяжении большей части магистрали делают объект более уязвимым в случае артиллерийской атаки, нежели Транссиб [28, с. 104]. Многие современные историки отмечают, что значение военно-стратегического фактора для строительства БАМа трудно оценить ещё и в силу полного отсутствия указывающих на это советских источников [17, с. 222].

Минерально-сырьевой фактор как основной в сооружении магистрали вызывал скептическое отношение западных историков, что было продиктовано как недоверием к официальной советской риторике, так и отсутствием практических примеров развёртывания вдоль БАМа крупных производств.

Вместе с тем в работах ряда авторов рассматривается так называемая концепция «сибирского лобби», выступающего за ускоренное развитие восточных районов РСФСР и представление народам Сибири права распоряжаться природными богатствами региона [16, с. 85].

Й. Грюцмахер рассматривает БАМ в рамках дискуссии между двумя «партиями» в советском правительстве: неоколониальной европоцентричной («Западом») и сибирской областнической («Востоком»). Первая была ориентирована на добычу минеральных ресурсов и экспорт сырья, вторая – на комплексное развитие сибирского региона. Названная дискуссия нашла отражение в дебатах между секторальным (отраслевым) и региональным планированием и завершилась победой западной партии [17, с. 200–201].

Зарубежные историки и обществоведы уделяют много внимания политико-идеологическим факторам сооружения магистрали. Немецкий экономист Б. Кнабе отмечал, что советское общество 1970-х годов устало от постоянного идеологического прессинга со стороны государства. Авторитарная система попыталась реанимировать ослабевший энтузиазм трудящихся масс и направить их энергию на внутренние новации, одной из которых стал БАМ [20]. В этом смысле строительство дороги для жителей европейских районов страны было не менее важным, чем для населения Сибири и Дальнего Востока. Еженедельник «Виртшафтсвохс» утверждал: «Если бы не было БАМа, то советские средства массовой информации должны были бы его придумать» [10, с. 90].

Активное хозяйственное продвижение государства на восток в советский период играло также роль определённого социального клапана, оттягивая с одной стороны, кризис советской системы благодаря заполнению экстенсивной экономики ресурсами Сибири и консервации сложившихся политических и хозяйственных структур, с другой – канализируя социальную энергию советского общества в русло трудовых побед. Массовое движение молодёжи на стройку века разряжало социальное напряжение в центральных районах страны, возникавшее в силу недостатка карьерных возможностей. Мобилизационный проект стремился вернуть советских граждан в общественные сферы, разбить частные, особенно семейные связи и поставить на их

[1] Железнодорожные войска возводили восточный участок БАМа (Тында – Советская Гавань). Для этих целей в структуре ЖДВ было создано два корпуса – Тындинский и Чегдомынский.

место более стандартизированные формы коллективной жизни [17, с. 227–229].

БАМ был призван отвлечь общественное внимание от советского внешнеполитического дефолта после «Пражской весны» и заглушить голоса диссидентов [25, с. 13].

Ряд зарубежных исследователей обращают внимание на имидж Л. И. Брежнева как фактор строительства дороги. БАМ был своего рода «Брежневской Целиной», его «личной импровизацией», продиктованной стремлением вписать своё имя в историю страны. После заявления своего предшественника Н. С. Хрущева о том, что Советский Союз построит коммунизм к 1980 г., генсек нуждался в масштабном символическом проекте, противопоставлявшем застою научно-техническую революцию [25, с. 13].

Другой тематической доминантой в зарубежной историографии БАМа является реакция советского общества на призыв компартии отправиться на сооружение магистрали. В 1978 году в «Нью-Йорк Таймс» была опубликована статья американского журналиста Д. Шиплера, где говорилось, что «мужественные парни в неимоверно сложных условиях пробиваются сквозь скалы, чтобы через три года лишений получить право на покупку малолитражного автомобиля» [по: 5, с. 198]. Советские СМИ немедленно отреагировали изданием серии статей передовиков магистрали, опровергавших данное утверждение. Впоследствии было выпущено несколько работ, опиравшихся на данные соцопросов 1976 и 1981 годов, согласно которым 2/3 респондентов руководствовались при приезде на БАМ нравственно-патриотическими мотивами [6; 8].

Несмотря на усилия советской пропаганды по популяризации патриотических мотивов приезда строителей, в зарубежных работах энтузиазм бамовцев ставился под сомнение. В качестве аргументации западные историки приводили высокие зарплаты, систему привилегированного снабжения дефицитными продуктами питания и промтоварами повышенного спроса, включая импортную одежду, обувь и бытовую технику, льготные условия приобретения автомобилей и т. д. Некоторые авторы ссылались на неопубликованные в СССР данные советских соцопросов. Например, в 1981 году Центральным научно-исследовательским центром Высшей комсомольской школы проводилось анкетирование, по результатам которого 35 % респондентов поехали на БАМ, потому что хотели купить автомобиль, 28,9 % руководствовались «общим материальным интересом», только 9 % приехали по патриотическим причинам [17, с. 262].

Многие исследователи выдвигали на первый план политические и идеологические мотивы приезда на БАМ. По их мнению, работающие в Сибири и на Дальнем Востоке находились под меньшим идеологическим и идейным прессингом, чем в европейской части страны. Н. Кухинке писал, что «многие хотели бы поискать в холодной и дикой Сибири приключений, которых им не хватало в строго регламентированной жизни дома» [по: 10, с. 89].

Б. Кнабе выделил несколько психологических типов строителей: «материалист» (приехал заработать денег), «карьерист» (стремится подняться по служебной лестнице), «романтик» (прибыл по зову сердца, за «запахом тайги»), «расстроенный тип» (рассматривает БАМ как возможность наладить жизнь, создать семью, разрешить свои экзистенциальные проблемы) [19, с. 78–79].

Й. Грюцмахер предложил учитывать при построении мотивационной структуры бамовцев возрастные и поколенческие различия. Временный отказ от комфортного благоустроенного быта, жизнь со сверстниками в необычных условиях севера и жизнеутверждающая атмосфера, вызванная рассказами о гитарах, кострах, комсомольских свадьбах, оказали определённое влияние, прежде всего, на молодых людей. Молодёжь привлекали возможности эмансипации от родительской опеки, самостоятельное трудоустройство и самообеспечение, стремление к самопознанию и испытанию себя. Для работников зрелых возрастов БАМ обещал второй шанс в кризисных ситуациях, включая материальные трудности или экзистенциальные проблемы. Во всех случаях БАМ воспринимался как отправная точка обновления «скучной» советской повседневности [17, с. 264–265].

Таким образом, в трудах западных историков нематериальные мотивы приезда на «стройку века» были связаны не столько с верой в социалистические идеалы и готовностью «достойно ответить на призыв компартии», сколько с решением вопросов, выраставших из индивидуального биографического опыта позднесоветского поколения.

Много возражений в западной историографии вызывал советский тезис об интернациональном единстве «стройки века», который нашёл отражение в таких лозунгах, как «БАМ – стройка дружбы» или «БАМ строит вся страна». Зарубежные исследователи БАМа подчёркивали, что шефская помощь[1],

[1] Строительством железнодорожных станций и постоянных посёлков для будущих железнодорожников на

организованная при строительстве магистрали, лишь номинально свидетельствовала об интернациональном характере стройки. Национальный состав комсомольских отрядов, прибывших из союзных республик, был преимущественно славянским [25, с. 156–186].

БАМ воспроизводил советское пространство и способствовал его гомогенизации. На социальном уровне осуществлялась этническая русификация, или «ославянивание» прилегающих к магистрали районов. Американский историк Дж. Робертс писал, что БАМ выступает частью второго этапа советской колониальной экспансии, так как представляет масштабный проект модернизации пространств Сибири. Фокусируясь на этнической сплочённости при российском доминировании, он являлся повторным утверждением советской имперской стратегии [22, с. 264].

Ещё одной темой для дискуссий зарубежных историков стала оценка БАМа как экономического, политического и социокультурного проекта. В советское время перспективы развития магистрали и экономического освоения прилегающих территорий не вызывали сомнений. Т. Шабад и В. Моут в книге «Путь к сибирским богатствам (БАМ)» писали, что «БАМ окажет, по крайней мере, большее влияние на развитие тихоокеанской Сибири... чем транссибирская магистраль оказала на Западную Сибирь в первой четверти XX века» [23].

Учитывая современное депрессивное состояние региона, большинство авторов отмечают, что экономическую программу БАМа нельзя признать успешной. Канадский исследователь Р. Норт определяет БАМ как необычное для транспортного освоения российских пространств явление в том смысле, что железная дорога была построена прежде, чем в ней возникла потребность [4, с. 528; 21].

К. Уард считает, что БАМ не достиг ни одной из поставленных задач. Проект не смог стимулировать экономическое развитие Сибири и Дальнего Востока, не укрепил веру советских граждан в коммунистические идеалы и, в конечном счёте, не помог выйти системе государственного социализма из застоя и пролонгировать своё существование. Конструируемый советской пропагандой миф диссонировал с реальной жизнью строителей. Из-за отсутствия нормальной социально-культурной инфраструктуры бамовских поселений в них получили распространение девиантные формы поведения (алкоголизм, халатность, мелкое хулиганство, хищения). Всё это не позволило бамовцам оправдать надежд и стать образцовыми «строителями коммунизма». В результате «стройка века» превратилась в антипанацею советской системы и предопределила её распад [26].

В то же время в микроисторическом аспекте БАМ оценивается в более позитивных тонах. По выражению американского исследователя Дж. Стефана, «БАМ пересёк эру застоя, как комета, оставляющая после себя светящийся поток бескорыстных подвигов» [13; 24].

Заключение. Подводя итоги, можно выделить следующие тематические доминанты в зарубежной историографии позднесоветского БАМа: причины сооружения магистрали; мотивы прибытия населения в районы строительства; официальный и неофициальный образы БАМа, их взаимодействие и противостояние; общая оценка экономических, политических, социальных и культурных эффектов, вызванных «стройкой века», её роли и места в истории позднесоциалистического советского государства.

В рамках первой темы наблюдается наиболее широкий спектр интерпретаций и сюжетных построений, включая транзитную, военную, сырьевую, политическую и идеологическую версии. Несмотря на одновременное появление большинства из них, в разные исторические периоды господствовали определённые взгляды. В период «холодной войны» наиболее выраженными были концепции, воспроизводящие милитаристский сюжет. В постсоветское время военно-стратегические и геополитические объяснения БАМа отодвигаются на второй план. Внимание исследователей перемещается на внутриполитические факторы. В современных работах чаще встречаются «неоколониальные» сюжеты, созвучные «новой имперской истории» или локальной истории.

Внутри второй доминанты существующие трактовки группируются вокруг двух линий: «материальные интересы» и «духовно-нравственные и патриотические мотивы» трудящихся. В хронологическом срезе первый сюжет реализуется практически во всех работах 1970–1980-х годов, что было связано в числе прочего с идеологическим противостоянием западной и советской систем. В 1990-е и особенно 2000-е годы «нематериальные» идеалы советских людей занимают свою нишу в структуре мотивации строителей. Эволюция наблюдается и в методиках изучения обще-

БАМе занимались сформированные в составе союзных и республиканских министерств и ведомств шефские организации. В данную систему были вовлечены 13 республик СССР и 22 автономии РСФСР.

ственного мнения: от массовых опросов к социально-антропологическим подходам, биографическому интервьюированию, изучению коллективной памяти и т. д.

В пределах третьей из выделенных доминант на протяжении всего периода прослеживается отличающийся наибольшей стабильностью сценарий «разоблачения советского». Он реализуется и при рассмотрении советской пропаганды о БАМе и освещении проекта в советских СМИ, и при изучении социально-демографического состава строителей, и при характеристике социально-бытовых условий и повседневной жизни бамовцев и т. д. Причины стойкости подобных сюжетов лежат как в идеологических разногласиях с Западом, так и во внутренней противоречивости корпуса советских источников о БАМе, в первую очередь, общественно-политических текстов, делопроизводственной статистики и свидетельств личного происхождения.

Оценка БАМа в работах зарубежных авторов также изменялась. В разгар строительства она содержала больше оптимистичных коннотаций. Сегодня значение магистрали формируется с применением ретроспективного анализа. Последний даёт основание утверждать, что проект не оправдал себя ни в экономическом (рентабельность дороги крайне низка), ни в политическом (советское государство не удалось сохранить), ни в культурно-антропологическом (рождённые БАМом жизненные миры исчезают, локальные сообщества размываются) аспектах. Основной акцент при этом переносится на анализ макроструктур. Оптика микроисторического исследования хотя и представляется перспективной, но находится на начальном этапе становления.

Список литературы

1. Алексеев В. В. Проблемы БАМа в буржуазной историографии // История строительства Байкало-Амурской магистрали: Всесоюзная науч. конф. (20–22 июня 1984 г.) / отв. ред. И. И. Комогорцев. Новосибирск, 1984. С. 111–112.
2. Алексеев В. В. Современная буржуазная историография об индустриальном освоении восточных районов страны // Актуальные проблемы исторической науки на Урале / отв. ред. А. В. Бакунин. Свердловск: Урал. науч. центр: Ин-т экономики, 1982. С. 60–64.
3. Алексеев В. В., Зубков К. И. Проблемы индустриального освоения Сибири в современной буржуазной историографии // История СССР. 1984. № 2. С. 186–198.
4. Алексеев В. В., Алексеева Е. В., Зубков К. И. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI–XX века. М.: Наука, 2004. 600 с.
5. БАМ: первое десятилетие / отв. ред. А. Г. Аганбегян, А. А. Кин. Новосибирск: Наука: СО РАН, 1984. 208 с.
6. Белкин Е. В., Шереги, Ф. Э. Формирование населения в зоне БАМ. М.: Мысль, 1985. 170 с.
7. Волковский Н. Л. Печать и строительство Байкало-Амурской железнодорожной магистрали: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.10. Л., 1989. 260 с.
8. Железко С. Н. Социально-демографические проблемы в зоне БАМ. М.: Статистика, 1980. 184 с.
9. Зубков К. И. Буржуазная историография о процессах формирования рабочего класса Сибири в условиях строительства развитого социализма // Индустриализация развития Сибири в годы послевоенных пятилеток (1946–1960 гг.). Новосибирск, 1982. С. 213–226.
10. Ломакин К. В. Проблемы промышленного освоения восточных районов РСФСР в западногерманской историографии: начало 50-х – конец 80-х гг. XX века: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. Омск, 2002. 163 с.
11. Общество и власть на российском Дальнем Востоке в 1960–1991 гг. (История Дальнего Востока России) / под общ. ред. В. Л. Ларина; отв. ред. А. С. Ващук. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2016. Т. 3, кн. 5. 940 с.
12. Панюшкина Т. С. История строительства Байкало-Амурской железнодорожной магистрали (1974–1984 гг.) в освещении англо-американской общественно-политической литературы: дис. … канд. ист. наук: 07.00.09. Владивосток, 1988. 193 с.
13. Платонова Н. М. Дальний Восток и Байкало-Амурская магистраль. Причины, цели и проблемы строительства (на примере Восточного участка): ретроспективный обзор за 1974–1984 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 4. С. 81–90.
14. Bethkenhagen J. Ost – West – Zusammenarbeit im Energie- und Umweltbereich // Osteuropa. Stuttgart. 1988. No. 7. Pp. 648.
15. Collias K. A. Heroes and patriots: The ethnic integration of youth in the Soviet Union during the Brezhnev era, 1965–1982. Columbia: Columbia University, 1987. 373 p.
16. Dellenbrandt J. Ä. Sibirien als Gegenstand der sowjetischen Regionalpolitik // Sibirien. Ein russisches und sowjetisches Entwicklungsproblem. Berlin: Berlin-Verlag Spitz, 1986. Pp. 75–88.
17. Grützmacher J. Die Baikal-Amur-Magistrale. Vom stalinistischen Lager zum Mobilisierungsprojekt unter Brežnev. München: R. Oldenbourg Verlag, 2012. 503 p.
18. Karger A. BAM–Baikal-Amur-Eisenbahnmagistralle. “Jahrhimdertwerk” im sowjetischen Osten // Geographische Rundschau. Braunschweig. 1980. No. 2. Pp. 10–18.

19. Knabe B. Aktivitäten im Gebiet der Baikalsee-Amur-Eisenbahn. Teil III. Köln: Carl Hanser Verlag, 1977. 115 p.
20. Knabe B. Die Baikal-Amur Magistrale. Ihr Bau und die Erschließung ihres Umlandes // Osteuropa. 1984. No. 34. Pp. 426–439.
21. North R. N. The Far Eastern Transport System // The Soviet Far East. Geographical Perspectives on Development / A. Rodgers. London; New York: Routledge, 1990. Pp. 184–224.
22. Roberts J. A. The Anti-Imperialist Empire: Soviet Nationality Policies under Brezhnev. Morgantown: West Virginia University, 2014. 322 p.
23. Shabad T., Mote Y. Gateway to Siberian Resources (The BAM). New York: Scripta Pub. Co., 1977. 189 p.
24. Stephan J. J. The Russian Far East: a History. Stanford: Stanford University Press, 1994. 508 p.
25. Ward Chr. J. "Path to the Future" or the Road to Nowhere? A Political and Social Examination of the Construction of the Baikal-Amur Mainline Railway (BAM), 1974–1984. Chapel Hill: University of North Carolina, 2002. 281 p.
26. Ward Chr. J. Brezhnev's Folly: The Building of BAM and Late Soviet Socialism. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2009. 256 p.
27. Wein N. Die aktuellen Strategien der Sibirienerschließung // Die Erde. Berlin. 1988. No. 3. Pp. 147–162.
28. Whiting A. Siberian Development and Fast Asia. Threat or Promise? Stanford: Stanford University Press, 1981. 276 p.

Статья поступила в редакцию 22.11.2017; принята к публикации 27.12.2017

Библиографическое описание статьи

Байкалов Н. С. Зарубежная историография советского БАМа: тематические доминанты и ключевые сюжеты // Гуманитарный вектор. 2018. Т.13, № 4 . С. 62–69. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-62-69.

Nikolay S. Baikalov,
Candidate of History, Associate Professor,
Buryat State University
(24a Smolina st., Ulan-Ude, 670000, Russia),
e-mail: baikalov@bsu.ru

Foreign Historiography of the Soviet BAM: Thematic Dominants and Main Narratives[1]

The late Soviet modernization of Siberia and the Far East occupies one of the central places in the foreign historiography of "developed socialism". The Baikal-Amur Mainline (BAM), one of the greatest projects of the period, attracted foreign authors' interests practically from the first years of construction. During the Cold War, attention to the BAM was caused to assess the effectiveness of the socialist system and determine the prospects for its development. Currently, there is a new rise in the research activity of foreign scientists, which is associated with the "Asian vector" of Russia's foreign economic strategy and intensive raw development in the region. The work focuses on identifying thematic dominants and key narratives in foreign studies on the Soviet period of the BAM. Using traditional and interdisciplinary historiographic methods the author describes such thematic areas as the reasons for the construction, the motives for the arrival of builders, the comparison of official and unofficial images of the BAM, and an assessment of the BAM role in the history of the country. Typical interpretations forming the key narratives of research within every thematic dominant are described. All the narratives are correlated with three main periods of foreign historiography of the BAM.

Keywords: Baikal-Amur Mainline, late socialism, socialist modernization, socio-economic development, historiography

References

1. Alekseev, V. V. BAM problems in bourgeois historiography. On the history of the construction of the Baikal-Amur Mainline, Abstracts of Papers of the All-Union Scientific Conference "History of the construction of the Baikal-Amur Mainline". Novosibirsk: 1984: 111–112. (In Rus.)
2. Alekseev, V. V. Contemporary bourgeois historiography on the industrial development of the eastern regions of the country. In Topical issues of historical science in the Urals. Sverdlovsk, 1982: 60–64. (In Rus.)
3. Alekseev, V. V., Zubkov, K. I. Problems of industrial development of Siberia in contemporary bourgeois historiography. History of the USSR. No. 2. pp. 186–198, 1984. (In Rus.)

[1] The research is financially supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project No. 18-49-030010 p_a "Baikal-Amur Mainline and Northern Areas of Buryatia: from the Modernization Project of Developed Socialism to Post-Soviet (re)industrialization".

4. Asian Russia in the geopolitical and civilizational dynamics of the 16th-20th century. M: Nauka, 2004. (In Rus.)
5. Aganbegyan, A. G., Kin, A. A., editors BAM: the first decade. Novosibirsk: Nauka, Siberian Branch, 1984. (In Rus.)
6. Belkin, E. V., Sheregi, F. E. Formation of the population in the BAM area. M: Mysl', 1985. (In Rus.)
7. Volkovskiy, N. L. Printing and construction of the Baikal-Amur Mainline. Cand. hist. sci. diss. L., 1989. (In Rus.)
8. Zhelezko, S. N. Socio-demographic problems in the BAM area. M: Statistika, 1980. (In Rus.)
9. Zubkov, K. I. Bourgeois historiography on the forming of the working class of Siberia in the conditions of the developed socialism construction. In Industrialization of Siberia during the postwar five-year plans (1946–1960). Novosibirsk, 1982: 213–226. (In Rus.)
10. Lomakin, K. V. Industrial development problems of the eastern regions of the RSFSR in West German historiography: the early 1950s – late 1980s. Cand. hist. sci. diss. Omsk, 2002. (In Rus.)
11. Society and power in the Russian Far East in 1960–1991 (History of the Far East of Russia). Vol. 3. Part 5. Vladivostok: IIAE FEB RAS, 2016. (In Rus.)
12. Panyushkina, T. S. History of the construction of the Baikal-Amur Mainline (1974–1984) in Anglo-American socio-political literature. Cand. hist. sci. diss. Vladivostok, 1988. (In Rus.)
13. Platonova, N. M. Far East and Baikal-Amur Mainline. Factors, goals and problems of construction (on the example of the Eastern section) retrospective review for 1974–1984. Far East Issues, no.4, pp. 81–90, 2009. (In Rus.)
14. Bethkenhagen, J. Ost – West – Zusammenarbeit im Energie- und Umweltbereich. Osteuropa, no. 7/8, pp. 648, 1988. (In Ger.)
15. Collias, K. A. Heroes and patriots: The ethnic integration of youth in the Soviet Union during the Brezhnev era, 1965–1982. PhD. Dissertation. Columbia University, 1987. (In Eng.)
16. Dellenbrandt, J. Ä. Sibirien als Gegenstand der sowjetischen Regionalpolitik. In Leptin, G. Sibirien. Ein russisches und sowjetisches Entwicklungsproblem. Berlin: Berlin-Verlag Spitz, 1986: 75–88. (In Germ.)
17. Grützmacher, J. Die Baikal-Amur-Magistrale. Vom stalinistischen Lager zum Mobilisierungsprojekt unter Brežnev. München: R. Oldenbourg Verlag, 2012. (In Germ.)
18. Karger, A. BAM–Baikal-Amur-Eisenbahnmagistralle. "Jahrhimdertwerk" im sowjetischen Osten. Geographische Rundschau, no.2, pp. 10–18, 1980. (In Germ.)
19. Knabe, B. Aktivitäten im Gebiet der Baikalsee-Amur-Eisenbahn. Teil III. Köln: Carl Hanser Verlag, 1977. (In Germ.)
20. Knabe, B. Die Baikal-Amur Magistrale. Ihr Bau und die Erschließung ihres Umlandes. Osteuropa. no. 34, s. 426–439, 1984. (In Germ.)
21. North, R. N. The Far Eastern Transport System. In Rodgers, A. The Soviet Far East. Geographical Perspectives on Development. London; New York: Routledge, 1990: 184–224. (In Eng.)
22. Roberts, J. A. The Anti-Imperialist Empire: Soviet Nationality Policies under Brezhnev. PhD Dissertation. Morgantown: West Virginia University, 2014. (In Eng.)
23. Shabad, T., Mote, Y. Gateway to Siberian Resources (The BAM). New York: Scripta Pub. Co., 1977. (In Eng.)
24. Stephan, J. J. The Russian Far East: a History. Stanford: Stanford University Press, 1994. (In Eng.)
25. Ward, Chr. J. "Path to the Future" or the Road to Nowhere? A Political and Social Examination of the Construction of the Baikal-Amur Mainline Railway (BAM), 1974 – 1984. PhD Dissertation. Chapel Hill: University of North Carolina, 2002. (In Eng.)
26. Ward, Chr. J. Brezhnev's Folly: The Building of BAM and Late Soviet Socialism. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2009. (In Eng.)
27. Wein, N. Die aktuellen Strategien der Sibirienerschließung. Die Erde. no.3, s. 147–162, 1988. (In Germ.)
28. Whiting, A. Siberian Development and Fast Asia. Threat or Promise? Stanford: Stanford University Press, 1981. (In Eng.)

Received: November 22, 2017; accepted for publication December 27, 2017

Reference to the article

Baikalov N. S. Foreign Historiography of the Soviet BAM: Thematic Dominants and Main Narratives // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 4. PP. 62–69. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-62-69.

http://www.zabvektor.com ISSN 2542-0038 (Online) ISSN 1996-7853

УДК 94
DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-70-78

Денис Николаевич Беспалько,
кандидат исторических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),
e-mail:bespalkodenis84@mail.ru

История становления и развития ондатрового промыслового хозяйства на севере Читинской области в 1932–1950 годах

История охотничье-промыслового хозяйства в Забайкалье практически не разработана, как в целом, так и по отдельным проблемам. Деятельность ондатрового хозяйства на севере Читинской области в Каларском районе занимает одно из важных мест в списке неизученных вопросов. В исследуемое время его функционирование явилось примером качественно новой формы хозяйственной практики для региона, связанной с процессом индустриализации в области. Статья написана на основе архивных документов Управления охотничьего хозяйства Читинского Облисполкома, отчётов директора хозяйства Б. А. Киршфельда, исследовательских материалов о перспективах развития пушного промысла и заготовок пушно-мехового сырья на севере, которые вводятся в научный оборот впервые. В ней представлен анализ создания, организации и состояния ондатрового хозяйства в 1932–1950 годах. История его развития имела сложный и противоречивый характер. Положительные результаты в промысловых заготовках могли быть достигнуты в кратчайшие сроки, но при условии обеспечения правильной организации труда и независимости хозяйства от заготовительной или торгующей организации. Чего, к сожалению, районные власти вовремя предоставить не смогли.

Ключевые слова: индустриализация, промысел, кадры, хозрасчет, Каларский район

Введение. Охотничье-промысловое хозяйство в экономике СССР играло достаточно важную роль. Продукция пушно-мехового сырья высоко ценилась как на внутреннем рынке советского государства, так и за его пределами. Поэтому с конца 1920-х годов проводились специальные мероприятия, направленные на организацию охотоустройства. Одной из главных отраслей определили ондатроводство, которое могло развиваться на базе рационального использования природных водоёмов при незначительности затраченных средств, что в условиях индустриализации было весьма существенным. Шкурки зверька стоили сравнительно недорого, но цена компенсировалась огромным количеством ежегодно заготовляемого сырья, массово используемого при изготовлении целых комплектов одежды и отдельных её элементов.

К акклиматизации ондатры в Советском Союзе приступили в 1927 году. Потребовалось 17 лет на изучение перспектив её разведения в различных природно-климатических условиях страны, чтобы в 1944 году на правительственном уровне принять решение об организации специальных ондатровых хозяйств [5, с. 20].

Методология и методы исследования. Изучение темы проводилось в соответствии с основными принципами исторического исследования, принципами объективности и историзма. История Каларского ондатрового хозяйства рассматривается как одно из проявлений влияния индустриализации в Читинской области. В статье проанализированы ведомственные материалы охотничьего хозяйства, документы кооперативного ондатрового хозяйства Каларского района, статистические данные заготовок за разные промысловые сезоны, изучена специализированная научная и справочная литература.

Результаты исследования и их обсуждение. В Читинской области акклиматизацией и разведением ондатры стали заниматься в начале 1930-х годов[1]. Основной причиной принятия этого решения послужило истребление и существенное снижение численности многих промысловых видов, в особенности соболя. Соответственно, доходы от охотпромысла снизились. Промышленная модернизация страны – индустриализация – требовала огромных финансовых затрат, и областные власти обратили особое внимание на вопрос проведения практических мероприятий по увеличению сырьевой базы и выхода охотпродукции. В сложившихся условиях разведение ондатры стало одним из эпизодов адаптации новых промысловых видов животных, расширяющей пушные ресурсы

[1] ГАЗК (Государственный архив Забайкальского Края). – Ф. Р-1649. – Оп. 1. – Д. 17. – Л. 2.

© Беспалько Д. Н., 2018

региона. Областное руководство охотничьего хозяйства определило наиболее перспективным для этих целей Каларский район – самую северную территорию Читинской области, где на базе огромного количества озёр, рек и болот в 1932 году создаётся Каларское кооперативное ондатровое хозяйство (КОХ).

Месторасположение ондатровых угодий находилось в узких долинах горных рек Куанда, Бахтарнак, Ниж. Джилиндра, Гуленга, а также в устье и в истоках рек Чара, Намаракит и Токсимо[1]. Всего на производственной территории КОХ имелось свыше 390 водоёмов, пригодных для хозяйственной деятельности промхоза. Однако из-за суровости природно-климатических условий и удалённости района от административного центра освоение созданных охотничьих угодий растянулось почти на 15 лет. Только во 2-й половине 1940-х годов определяются главные производственные и промысловые участки[2].

В 1932 году на территорию Витимо-Олёкминского национального округа выпускается 120 зверьков обоего пола[3]. Это поголовье и послужило базой для естественного её расселения по территории района. В 1935 году из соседнего Тунгокоченского района дополнительно переселено в водоёмы Муйской долины КОХ 40 зверьков, а в 1936 году – ещё около 100[4]. В силу благоприятных климатических и кормовых условий, наличия безопасных мест для гнездования ондатра хорошо акклиматизировалась и дала быстрый рост. При запрете на её добычу, действовавшем с 1932 по весну 1937 года, она свободно размножалась, заселив и даже перенаселив все доступные водоёмы.

С начала открытия пушного промысла на ондатру в Каларском районе заготовки, как правило, не превышали минимально допустимой для хозяйства нормы отлова и количественно укладывались в показатели до 3 тыс. шт. в год[5]. Причины недопромысла в 1937–1939 годах заключались в недостатке рабочей силы, в отсутствии практического опыта ондатроловов на промысле и специальных орудий лова. Динамика заготовок сильно зависела от степени эксплуатации промысловых участков. Поэтому при низких её темпах выход охотпродукции был незначительным. Наоборот, при увеличении темпов количественный показатель добытых шкурок доводился до 17 тыс. шт. в 1940 году[6], т. е. до максимального уровня в изучаемый период.

Качество заготовляемого сырья менялось в зависимости от сезона промысловой охоты и конкретных навыков работы ондатроловов. Осенние шкурки для пушной базы являлись объектом малой ценности. Они давали низкий качественный выход в 60–65 % зачёт на головку (для установления оценочной стоимости партии пушного сырья применяли метод определения зачёта (пересчёт) на головку – идеальное качество первого сорта равнялось 100 %). Весенние заготовки приносили совершенно иные результаты. Зачёт при приёмке составлял от 87 %, а у лучших ондатроловов – 95 % на головку[7]. В естественных условиях обитания её мех становился первосортным с 5–10 апреля, а перезревал с 15–20 мая[8]. Навыки начальной обработки шкурок – обезжиривание, правка и их сушка – долгое время оставались на среднем уровне.

С 1933 по 1939 год административное и специальное управление хозяйством практически отсутствовало и осуществлялось на кратковременной основе. За это время у областных властей постепенно сложилось понимание, что КОХ должно существовать как полноценный промхоз с профессиональным руководством и постоянным штатом рабочих-промысловиков. Однако приступить к его организации не удалось. Началась война.

В эти тяжёлые годы прямого руководства деятельностью КОХ не осуществлялось, специалиста-охотоведа и кадровых ондатроловов призвали в армию. Районные власти если и уделяли хозяйству внимание, то по остаточному принципу. Не было возможности освоения отдалённых промысловых участков из-за отсутствия транспорта, средств на завоз охотников, штатных единиц по обслуживанию промыслов, хозяйственных материалов и охотничьих избушек[9].

Резкий упадок промысловой добычи начался с 1942 года. Промысел проходил непланово, самотёком. На промерзающих водоёмах и там, где отсутствовали корма, ондатра не отлавливалась и погибала. В период 1943–1946 годов случилось сокращение ондатровых угодий из-за сильной засухи. Ущерб, нанесённый хозяйству природой и крайне ослабленной организацией промыслов, отбросил его на уровень 1937 года, когда регулярный промысел ондатры только начал-

[1] ГАЗК. – Ф. Р-1649. – Оп. 1. – Д. 36. – Л. 77–78.
[2] Там же. – Л. 78.
[3] Там же. – Д. 17. – Л. 2.
[4] Там же. – Д. 9. – Л. 57.
[5] Там же. – Д. 36. – Л. 72.
[6] Там же. – Д. 9. – Л. 4.
[7] Там же. – Д. 9. – Л. 58.
[8] Там же. – Д. 17. – Л. 13.
[9] Там же. – Л. 11–12.

ся. В военное время средний уровень добычи не превышал 2,5–3 тыс. шт. шкурок в год.

С мая 1946 года КОХ передали на баланс РайПО, которое обеспечивало содержание рабочих и дальнейший процесс завоза и расселения племенного материала. Однако самостоятельно поднять уровень его производства до промышленных масштабов не удалось. Восстановление разрушенного войной народного хозяйства ещё не позволяло перераспределить имеющиеся ресурсы на промысловую отрасль экономики и наладить её полноценное функционирование. С 1947 по 1949 год скудное финансирование работы промхоза позволяло ему оставаться на плаву, но привело к возникновению долгов перед РайПО[1].

Выход из сложившейся кризисной ситуации был предложен в 1947 году. Предлагалось перевести КОХ на хозрасчёт с правом заготовки на его промысловой территории всех видов цветной пушнины. Реализации плана предшествовала исследовательская работа по организации промысловой деятельности хозяйства в 1947–1948 годах.

На осень 1947 года инспектором-охотоведом А. Курочкиным было запланировано обследование всей промысловой территории КОХ. Составленные им акты напрямую говорили о производственных просчётах и проблемах, сопровождающих хозяйство с момента его основания: отсутствие постоянного руководства, штатных сотрудников и целенаправленной работы промхоза[2]. Изучение территориальных границ позволило выделить промысловые участки и сгруппировать их в производственные. Всего было выделено три производственных участка: Витимский с центром в пос. Догопчан, Верхний с центром в пос. Кокоревка и Чарский (Чарская долина) с центром в с. Чара. Проведённые А. Курочкиным обследования позволили получить первые сводные данные по ондатровым угодьям и поголовью в них ондатры на декабрь 1947 года[3] (табл. 1).

Как видно из приведённой таблицы, основная масса ондатры оказалась сосредоточена на Витимском производственном участке, как наиболее благоприятном в хозяйственном отношении, тем более что его плановая эксплуатация проводилась с 1940 года. Он был признан основным. Знакомство с Чарским производственным участком, наоборот, привело к заключению о его малой промысловой эффективности. На Чкаловском участке многие водоёмы оказались не пригодными для ондатроводства, т. к. несмотря на выпуски 1945–1946 годов. более 100 шт. зверьков, полноценного их размножения не произошло. На его Чарском промысловом участке рекомендовалось промышленный лов приостановить, а производить только вынужденно, в промерзающих водоёмах и там, где имелся дефицит кормовой базы. Принятие данной меры должно было привести к значительному увеличению поголовья, но не ранее конца 1949 года.

Причинами медленного размножения ондатры в Чарской долине явились с одной стороны, недостаточность проведённых биотехнических и иных подготовительных мероприятий, а с другой – повлияла засуха 1943–1946 годов, а затем сильное наводнение 1947 года, когда многие молодых зверьки просто погибли. Чтобы уменьшить отрицательное воздействие природного цикла, требовался перевод хозяйства на клеточное содержание зверька [2, с. 61; 9, с. 117]. Но это вело к дополнительным расходам на стройматериалы и содержание новых сотрудников. Лишних денег у хозяйства не было.

Техническая оснащённость хозяйства находилась на низком уровне. Орудий лова не хватало, старые ловушки и капканы приходили в негодность и требовали своевременного ремонта, которым никто не занимался. Используя плохо исправленные орудия, охотники больше калечили ценного зверька, чем добывали [7, с. 97–99].

Таблица 1

Численность ондатры на основных промысловых участках Каларского района (декабрь 1947 г.)

Производственный участок	*Промысловый участок*	*Количество водоёмов*	*Количество*	
			семей	*поголовье*
1. Витимский производственный участок. Посёлок Догопчан	Центральный	125	165	1410
	Бахтарнакский	52	45	450
2. Верхний производственный участок. Посёлок Кокоревка	Кокоревский	104	40	400
	Токсимский	50	30	300
	Намаракинский	28	20	200

[1] ГАЗК. – Ф. Р-1649. – Оп. 1. – Д. 17. – Л. 16.
[2] Там же. – Д. 9. – Л. 53.
[3] Там же. – Л. 53–53 об.

3. Чарский производственный участок. Село Чара	Чарский	24	47	470
	Чкаловский	13	18	180
Итого		396	365	3410

Тем не менее, знакомство с условиями работы производственных участков позволило инспектору предположить наличие у КОХ серьёзных заготовительных возможностей при условии соблюдения правильной организации труда ондатроводов. Учитывалось наличие материальной базы. В пос. Неляты имелись свободные жилые помещения и склады, принадлежавшие РайПО, что создавало все возможности для открытия отдела КОХ по руководству эксплуатации основных угодий на Витимских участках и по организации пушных заготовок в Нелятском сельсовете. Состояние и хранение имеющихся заготовок ондатровых шкурок на складах посёлка признавалось хорошим. Поэтому настоятельно рекомендовалась организация ондатрового хозяйства на основе хозрасчёта[1]. Дело оставалось за РайПО – пойти навстречу руководству КОХ, поддержать смелые хозяйственные решения и поступиться частью своих заготовительных возможностей.

Мероприятия по укреплению КОХ в 1947 году предлагали ежегодно проводить организационно-подготовительные работы по изучению степени заселённости водоёмов, составлять план отлова по каждому из них, проводить предпромысловую разведку, укомплектовать штаты работников хозяйства, обеспечить их орудиями лова, инвентарем, наладить отчётность производственного и научного характера[2].

Но рекомендации в своём большинстве внедрялись с трудом. Самой сложной оказалась транспортная проблема. Производственные участки находились удалёнными на 125 и 250 км от основного участка – Витимского. Между ними существовала нормальная связь только в зимний период с декабря по март[3]. Летние дороги отсутствовали в принципе. До октября 1949 года ондатровое хозяйство не было укомплектовано рабочей силой. Закрепления участков за ондатроловами не производилось. Товары целевого назначения, предназначенные облпотребсоюзом для ондатрового хозяйства, использовались РайПО не по назначению. Организация воспроизводства поголовья ондатры и её отлова в местах размножения продолжала страдать бессистемностью, как и в годы войны[4].

[1] ГАЗК. – Ф. Р-1649. – Оп. 1. – Д. 17. – Л. 53 об.

[2] Там же. – Л. 59 об. – 60.

[3] Там же. – Д. 17. – Л. 15.

[4] Там же. – Д. 36. – Л. 71.

Вместе с этим, в 1949 году областными властями были приняты решения, открывающие для промхоза выход из тяжелого положения. Сначала 15 марта 1949 года Читинский облпотребсоюз (ОПС) принял постановление «О выделении ондатрового хозяйства Каларского РайПО на самостоятельный баланс с подчинением его Читинскому ОПС». Затем Читинский облисполком принял 13 октября 1949 года постановление № 652 «О мероприятиях по укреплению Каларского ондатрового промыслового хозяйства Читинского облпотребсоюза»[5].

Руководство КОХ состояло из пяти человек: директора, охотоведа, выполнявшего одновременно обязанности зам. директора, заведующего производственным участком, старшего бухгалтера и заведующего складом. Их оклад до 1950 года составлял от 350 до 500 р., а затем с 1950 года его увеличили ещё на 100 р. В условиях товарного дефицита действовала пайковая надбавка. Характерно, что в 1950 году, несмотря на выделение трёх производственных участков, в штате имелся только один заведующий из необходимых трёх. Недостающие штатные единицы были выделены позднее.

Информация о директорах КОХ крайне незначительна. По косвенным данным, до 1946 года хозяйство возглавлял И. П. Машуков, а в 1947 году, когда развернулась подготовительная работа, определившая в 1949 году решение областных властей о создании КОХ на принципах хозрасчёта, его возглавил Б. А. Киршфельд**.** Следует отметить, что до 1946 года директор одновременно выполнял и обязанности заведующего Витимским производственным участком, так что штаты, начиная с 1946 года, в сравнении со штатами предыдущего времени приобрели развёрнутый вид (табл. 2). Планирование производственной деятельности КОХа учитывало необходимость закрепления промысловых водоёмов за постоянными ондатроловами [1, с. 231]. Отлов предлагалось производить только на закреплённых участках, где охотники хозяйства должны были осуществлять регулярный учёт зверька, проводить биотехнические мероприятия и соблюдать установленные нормы отлова, не впадая в азарт перевыполнения плана [4, с. 117; 8, с. 15; 10, с. 23]. Это обеспечивало ежегодное воспроизводство пушных запасов в пределах территории угодий на длительный период времени.

[5] Там же. – Л. 71–73.

Таблица 2

Штат КОХ и затраты на его содержание

Штат	*Кол-во единиц*	*Оклад (в рублях)*		*Пайковая надбавка*	*Итоговый оклад*	
		до 1950 г.	*с 1950 г.*		*до 1950 г.*	*с 1950 г.*
Директор	1	500	600	100	600	700
Охотовед (зам. директора)	1	450	550	100	550	650
Заведующий производственным участком	1	400	500	100	500	600
Старший бухгалтер	1	400	500	100	500	600
Заведующий складом	1	350	450	100	450	550
Конюх	1	160	270	110	270	370
Сторож-уборщица	1	120	230	110	230	330
Итого	7	2380	3100	720	3100	3800

Предполагалось, что промхоз обеспечит в среднем выход 13–14 тыс. шкурок в год, а при вступлении в нормальный производственный цикл всех участков – не менее 16–18 тыс. шкурок[1]. Б. А. Киршфельд полагал, что заготовки можно будет довести до 20 тыс. штук[2]. При средней закупочной цене за шкурку (9 р.) и надбавке пушной базы за сданную продукцию в 38 % хозяйство могло в течение 3–5 лет организовать полноценное обслуживание всей производственной территории и добиться полной финансовой независимости.

С осени 1950 года наметилось улучшение материально-технического обеспечения деятельности КОХа. В предыдущий период вплоть до конца 1949 года каларский ондатролов имел, как правило, не более 5–8 капканов. К осени 1950 года, после проведения подготовительных работ директором промхоза, обеспеченность в среднем составила 30–40 штук. Всего к началу промыслового сезона 1950 года на район выделили 3 тыс. капканов № 1, и недостаток в орудиях лова был устранён. Передовики промысла располагали даже 65–70 капканами[3]. Штатные ондатроловы имели в наличии и другие типы ловушек, т. к. после ондатрового сезона переключались на промысел цветной пушнины – колонка, горностая и лисы. Можно привести следующий пример: ондатролов якут Н. Крюков к началу осеннего промысла 1950 года имел в своём распоряжении 65 капканов № 1 (15 старых и 50 новых), 3 черкана и 32 волчьих ловушки[4].

До 1949 года промысел происходил на самодельных плотах. Во время самостоятельной хозяйственной деятельности КОХ были сделаны прочные лодки и созданы предпосылки для ведения более качественной эксплуатации промысловых участков. Однако принятые меры оказались недостаточными, особенно в условиях переходного периода, когда происходило становление хозяйства на принципах хозрасчёта. Решение облисполкома о переводе КОХа на самостоятельный баланс состоялось, когда заготовительный сезон уже начался. Хозяйство осталось без денег. Охотники района приходили к начальству КОХ заключать обязательный договор на отлов ондатры и заготовку цветной пушнины. Но хозяйство не имело средств для выплаты аванса, и охотники шли заключать тот же самый договор в РайПО.

Такого рода срывы были бы поправимы при условии решения самой острой проблемы – транспортной. Из-за её хронической нерешённости невозможно было полностью задействовать ресурсы всех производственных участков и выйти на те объёмы заготовок пушнины, на которые ориентировались при решении о переводе КОХ на самостоятельный баланс. Возникшая проблема выполнения плана обострила отношения между хозяйствующими субъектами и поставила в трудное положение управленческие структуры.

Твёрдым противником перевода КОХ на самостоятельный баланс с самого начала выступило РайПО. Его понять можно. КОХ располагал площадями в 1600 км^2, на которых получал право не только вести промысел ондатры, но и заготовку всех видов пушнины (табл. 3).

Перспектива создания хозрасчётного КОХ оборачивалась для РайПО потерей доходов от заготовок пушнины на территории промхоза. В районной потребкооперации не желали видеть существенной разницы между прежней заготовительной организацией и новой формой ведения охотничьего хозяйства, каковым мог стать КОХ. Наиболее предпочтительным для неё являлась прежняя, проверенная временем заготовительная система района, не предполагавшая столь радикальных изменений. Вместе с тем РайПО выбрало более узкий участок фронта своего сопротивления, выступив против КОХ не как против хозрасчётного хозяйства, а как против заготовительной организации.

[1] ГАЗК. – Ф. Р-1649. – Оп. 1. – Д. 17.– Л. 88.
[2] Там же. – Л. 20.
[3] Там же. – Д. 36. – Л. 84.
[4] Там же. – Л. 85.

Таблица 3

Производственно-промысловые участки КОХ Каларского района Читинской области (1949–1950)

Производственный участок и его населённый центр	*Площадь, км²*	*Удельный вес, %*	*Промысловые участки*	*Площадь, км²*
1. Витимский производственный участок. Посёлок Догопчан	680	42,5	1. Центральный	600
			2. Бахтарнакский	80
2. Верхний производственный участок. Посёлок Кокоревка	430	26,8	3. Кокоревский: а) Кокоревка, б) Амудиасы, в) Гуленга	140 120 15 5
			4. Токсимский	100
			5. Намаракинский	50
3. Чарский производственный участок. Село Чара	490	30,7	6. Чарский	200
			7. Чкаловский	290
Итого	1600	100		1600

Каларский РайПО на заседании своего правления от 2 апреля 1949 года принял решение просить Каларский РК ВКП(б) и исполком райсовета поставить вопрос перед обкомом и Облисполкомом об отмене постановления Читинского ОПС по созданию двух заготовительных организаций в районе, какими оказались РайПО и ондатровое хозяйство ОПС[1]. РайПО отстаивало право на своё существование, подкреплённое опытом многолетней хозяйственно-промысловой работы, в то время как ондатровый промхоз был ещё слишком слаб и требовал постоянной финансовой поддержки.

Райком и райисполком Каларского района, озабоченные проблемами выполнения производственного плана, склонялись к позиции РайПО. В постановлении Каларского райсовета от 18 августа 1949 года «О плане пушных заготовок в районе на сезон 1949–1950 гг.» сказано: «Запретить ондатровому хозяйству производство охотпромысла на пушного зверя, за исключением ондатры»[2]. Двух заготовительных организаций в районе не могло быть, поскольку это приводило к срыву выполнения плановых показателей заготовок пушнины и конфликту интересов.

Руководство Читинского ОПС, на бумаге поддерживая ондатровое хозяйство, на деле не торопилось с оказанием ему помощи. ОПС не обеспечил к началу промыслового сезона промхоз товарами целевого назначения. Орудия лова в необходимом количестве и вовсе были завезены только к осени 1950 года. Товары, предназначенные для КОХ, чаще всего поступали в распоряжение РайПО, задерживались к выдаче и порой использовались по их собственному усмотрению, не предусмотренному целевой статьёй расходов. Все необходимые хозяйству товары шли через Нелятскую сплавную базу. Контролем над ней располагал только Каларское РайПО [14, с. 15]. Поэтому при монопольном праве заготовок ондатры и других видов ценной пушнины, установленном для КОХ, на закреплённой за промхозом территории РайПО могло позволить себе заниматься заготовкой абсолютно всех видов пушнины, включая ондатру на территории хозяйства.

В начале сезона промысла 1949–1950 годов Б. А. Киршфельд, занимаясь оформлением документов в ОПС на получение средств для организации заготовки пушнины, начатой 1 сентября, упустил благоприятное время из-за позднего решения Читинского облисполкома об ондатровых промхозах от 13 октября 1949 года (№ 652). Договоры с охотниками на промысел не были заключены.

В конечном счёте, и Облпотребсоюз показал себя далеко не с лучшей стороны, разрешив весной 1950 года РЗК Каларского РайПО обеспечить приёмку ондатры на тех участках, где не было обслуживания КОХ[3]. Но его и быть не могло. Подобного рода разрешение на деле означало нарушение закона. Весенний промысел ондатры к тому времени не применялся повсеместно по СССР, т. к. это наносило значительный ущерб воспроизводству поголовья [3, с. 37; 6, с. 71]. Однако руководство Каларского района такие мелочи не смущали, поскольку 13 лет активных промыслов показали, что наилучший мех у ондатры бывает весной, после окончания зимней линьки. За такую шкурку заготовительная база, как правило, давала максимально установленную государством цену.

[1] ГАЗК. – Ф. Р-1649. – Оп. 1. – Д. 36. – Л. 73.

[2] Там же.

[3] Там же.– Л. 74.

Организация труда в хозяйстве находилась ещё на очень низком уровне. Руководство КОХ в период нахождения хозяйства на самостоятельном балансе не успело внедрить все планируемые новшества, которые могли привести к положительным результатам.

В конечном итоге Читинский ОПС 11 августа 1950 года рассмотрел на заседании правления вопрос «Об оказании помощи в торгово-хозяйственной деятельности Каларскому РайПО». Принятое решение перечеркнуло все усилия руководства КОХ. Заготовительному управлению ОПС предписывалось передать ондатровое хозяйство, находящееся в пос. Неляты со всеми ценностями в ведение РайПО. Это решение означало ликвидацию хозрасчётной организации. Основной его причиной послужила убыточность КОХ. Руководство хозяйства, вступив на путь экономического эксперимента, требовало финансовых вложений и времени на развёртывание настоящей производственной деятельности. Но нерешённость транспортной проблемы делала перспективу выхода КОХ на эффективную хозяйственную деятельность расплывчатой и неопределённой.

Ликвидация КОХ обернулась снижением качества заготовительного процесса. Сезонные охотники по существу негласно объявили бойкот всем прежним распоряжениям Б. А. Киршфельда. Они занимались добычей зверька там, где было им удобней, подрывая плановую эксплуатацию территории всех производственных участков. Случившаяся обезличка угодий создала отрицательные условия для воспроизводства ондатры и плановой заготовительной деятельности [13, с. 41; 15, с. 211–213].

В сезоне 1950 года почти вся продукция ондатрового хозяйства была дана одним Витимским производственным участком. Постоянные ондатроловы предупреждали о малочисленности зверька в его водоёмах, но на него обрушился весь груз промысловой эксплуатации. Почти 90 % добытой пушнины пришлось на Витимский участок, около 10 % – на Чарский и менее 1 % – на Кокоревский[1]. В результате за осенне-зимний сезон 1950 года вместо 14 тыс. шт. шкурок на территории хозяйства было заготовлено их чуть более 11 тыс.

Заключение. Каларское ондатровое хозяйство представляло собой новую индустриальную форму организации промыслового производства, но достаточные объективные экономические условия для его эффективной деятельности не сложились. Изучение хозяйственных материалов КОХ и экспедиционных отчётов охотоведческих комиссий показывает, что причиной низких доходов явилось изначально плохое финансирование и по-настоящему бедное материально-техническое обеспечение, обусловленное состоянием экономики страны тех лет. Это привело к обострению отношений между хозяйствующими субъектами. Областные и районные органы управления, на которых лежала ответственность за выполнение хозяйственных планов, в этих условиях были вынуждены вернуться к традиционным формам организации заготовительной деятельности с преобладанием в управлении административного ресурса.

Список литературы

1. Альштуль М. П. Типы ондатровых водоёмов в северо-западных областях РСФСР // Производительность и продуктивность охотничьих угодий ССС: сборник. Киров: Лесное дело, 1969. Ч. 1. 415 с.

2. Бакенов А., Лобачёв Ю. С., Лобачёва В. В. Ондатра. Алма-Ата: Кайнар, 1989. 188 с.

3. Богачёв Б. Хозяйственное использование ондатры. М.: Всесоюз. науч.-исслед. ин-т пушно-мехового и охотопромыслового хоз-ва, 1985. 190 с.

4. Герасимов Ю. А., Формозов М. Ф. Охота на пушных: биологические основы промысла. М.: Лесная промышленность, 1977. 221 с.

5. Данилов Д. Н. Основы охотоустройства. М.: Лесная промышленность, 1966. 331 с.

6. Ерин С. В. Проблемы ондатроводства. М.: Заготиздат, 1965. 98 с.

7. Игнашев Н. М. Охотничьи звери и их промысел. М.: Лесная промышленность, 1970. 174 с.

8. Корсаков Г. К. Опыт организации учёта ондатры. М.: Заготиздат, 1949. 78 с.

9. Корсаков Г. К. Продуктивность основных типов ондатровых угодий, пути и методы её повышения // Проблемы ондатроводства: сборник. М.: АН СССР, 1965. 243 с.

10. Корсаков Г. К. Количественный учет ондатры в лесостепи Западной Сибири и зависимость её численности от водного режима озёр. Ресурсы фауны промысловых зверей в СССР и их учёт. М.: АН СССР, 1963. 135 с.

11. Лавров Н. П. Акклиматизация ондатры в СССР. М.: Изд-во центросоюза, 1957. 215 с.

12. Лазарев М. Ондатра: Основы экономики и разведения. М.: Агропромиздат, 1998. 203 с.

[1] ГАЗК. – Ф. Р-1649. – Оп. 1. – Д. 36. – Л. 82.

13. Ларин Б. А., Беляев В. В., Корсакова И. Б. Инструктивные указания и рекомендации по освоению и воспроизводству запасов ондатры. Киров: Лесное дело, 1966. 123 с.

14. Мерцалов В. И. На исторических подступах к богатствам Удокана и Кодара // БАМ. Каларский район / гл. ред. К. К. Ильковский. Чита: ЗабГУ, 2014. 400 с.

15. Нагрецкий Л. Н., Стахровский Е. В. Организация и техника охоты. М.: Лесная промышленность, 1977. 390 с.

Статья поступила в редакцию 13.02.2018; принята к публикации 10.04.2018

Библиографическое описание статьи

Беспалько Д. Н. История становления и развития ондатрового промыслового хозяйства на севере Читинской области в 1932–1950 гг. // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 4. С. 70–78. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-70–78.

Denis N. Bespal'ko,
Candidate of History, Associate Professor,
Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, Russia, 672039),
e-mail:bespalkodenis84@mail.ru

The History of the Formation and Development of Muskrat Farming in the North of the Chita Region in 1932–1950

The history of hunting and fishing industry in Transbaikalia has not been practically developed, either in general or in individual problems. The activity of the muskrat farm in the north of the Chita region in the Kalarsky district is one of the important places on the list of issues that have not been studied. In the time under investigation, its functioning was an example of a qualitatively new form of economic practice for the region associated with the process of industrialization in the region. The article is written on the basis of the archival documents of the Chita Oblast Executive Committee for hunting management, the reports of the director of the farm Kirschfeld B.A., research materials on the prospects for the development of fur-bearing fur and preparations of fur and fur raw materials in the north, which are introduced into scientific circulation for the first time. It presents an analysis of the creation, organization and state of the muskrat farm in 1932 – 1950. The history of its development was complex and contradictory. Positive results in field harvesting could be achieved in the shortest possible time, provided that the correct organization of labor and the independence of the economy from the procurement or trading organization are ensured. Unfortunately, the district authorities failed to provide it in time.

Keywords: industrialization, trade, personnel, cost accounting, Kalarsky district

References

1. Al'shtul', M. P. Musquash reservoirs in the North-Western regions of the RSFSR. Performance and productivity of the hunting lands of the USSR, ch. I. Kirov: Lesnoedelo, 1969. (In Rus.)

2. Bakenov, A., Lobachyov Yu. S., Lobachyova, V. V. Muskrat. Alma-Ata: Kajnar, 1989. (In Rus.)

3. Bogachyov, B. Economic use of the muskrat. M: Vsesoyuz. nauch.-issled. in-t pushno-mekhovogo i ohoto-promyslovogo hoz-va, 1985. (In Rus.)

4. Gerasimov, Yu. A., Formozov, M. F. Hunting of fur: the biological basis of the fishery. M: Lesnaya promyshlennost', 1977. (In Rus.)

5. Danilov, D. N. The basics of game management. M: Lesnaya promyshlennost', 1966. (In Rus.)

6. Erin, S. V. Problems of androvette. M: Zagotizdat, 1965. (In Rus.)

7. Ignashev, N. M. Hunting animals and their fishing. M: Lesnaya promyshlennost', 1970. (In Rus.)

8. Korsakov, G. K. Experience of organization of accounting of the muskrat. M.: Zagotizdat, 1949. (In Rus.)

9. Korsakov, G. K. Productivity of the main types of muskrat lands, ways and methods of its increase. The collection "Problems of muskrat farming". M: AN SSSR, 1965. (In Rus.)

10. Korsakov, G. K. Quantitative accounting of the muskrat in the forest-steppe of Western Siberia and the dependence of its population on the water regime of lakes. Commercial resources of fauna of animals in the USSR and accounting. M: Izd. AN SSSR, 1963. (In Rus.)

11. Lavrov, N. P. Acclimatization of muskrat in the USSR. M: Izdatel'stvo centrosoyuza, 1957. (In Rus.)

12. Lazarev, M. Muskrat: Basics of Economics and breeding. M: Agropromizdat, 1998. (In Rus.)

13. Larin, B. A., Belyaev, V. V., Korsakova, I. B. Guidelines and recommendations for the development and reproduction of stocks of muskrats. Kirov: Lesnoedelo, 1966. (In Rus.)

14. Mertsalov, V. I. On the outskirts of the historic resources of the Udokan and Kodar. BAM. Kalarsky district / Il'kovsky, K. K., chief editor. Chita: Transbaikal State University, 2014. (In Rus.)

15. Nagreckiy, L. N., Stakhrovskiy, E. V. Organization and technique of hunting. M: Lesnaya promyshlennost', 1977. (In Rus.)

Received: February 13, 2018; accepted for publication April 10, 2018

Reference to the article

Bespal'ko D. N. The History of the Formation and Development of Muskrat Farming in the North of the Chita Region in 1932–1950 // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 4. PP. 70–78. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-70-78.

http://www.zabvektor.com ISSN 2542-0038 (Online) ISSN 1996-7853

УДК 94(47)08(571.5)
DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-79-84

Татьяна Александровна Кискидосова,
кандидат исторических наук,
Хакасский научно-исследовательский
институт языка, литературы и истории
(655017, Россия, г. Абакан, ул. Щетинкина, 23),
e-mail: tak_74@mail.ru

Енисейск конца XIX – начала XX века глазами местных жителей: дневник М. П. Миндаровского

В статье представлены воспоминания М. П. Миндаровского о городе Енисейске и его жителях в конце XIX – начале XX века. Михаил Прокопьевич Миндаровский – один из участников краеведческого движения, значительную часть своей жизни прослужил в органах городского самоуправления. В широких кругах он был известен как корреспондент сибирских газет и автор многочисленных работ по проблемам освоения сибирского края. Воспоминания М. П. Миндаровского о г. Енисейске охватили период с 1890 по 1916 год. В данном источнике переплелись автобиографические воспоминания и дневниковые записи. Основой мемуаров стали вопросы, обсуждаемые на заседаниях городской думы. Мемуарист затронул вопросы благоустройства, образования и культуры в городе. Главной проблемой для развития городской инфраструктуры являлся дефицит городского бюджета. М. П. Миндаровский обратил внимание на зависимость экономики края от развития золотопромышленности. В дневнике представлены социально-психологические портреты городских жителей. Данный источник является отражением повседневной жизни провинциального города в модернизационный период. Его использование позволит подробно рассмотреть происходившие в этот период процессы в истории сибирского общества.

Ключевые слова: М. П. Миндаровский, мемуары, Енисейск, город, благоустройство, образование

Введение. Одним из приоритетных направлений в современной исторической науке является изучение истории городов. Исследование различных сторон жизни городского населения в прошлом позволяет рассмотреть и попытаться решить многие проблемы современного города. Особый интерес представляют провинциальные города, которые являются носителями исторического наследия. Удалённые от центра страны, они становились проводниками культуры, образования, здравоохранения в провинции. К ним можно по праву отнести Енисейск – старейший город Восточной Сибири. В последние годы вышел ряд работ, посвящённых различным аспектам истории Енисейска [1–9; 15]. В то же время недостаточно изучены документы личного происхождения, помогающие воссоздать социокультурную историю города. К данной группе источников относятся воспоминания М. П. Миндаровского. Цель статьи – рассмотреть воспоминания как источник по истории г. Енисейска. Задачами работы являются: изучение мемуарного источника, выявление степени информативности и определение его значения для исследования. Научная новизна статьи состоит в том, что анализ воспоминаний М. П. Миндаровского о провинциальном городе Енисейске и его жителях ранее не проводился. Практическая значимость исследования состоит в возможности применения источника в ходе дальнейшей разработки проблем истории повседневности провинциального города в дореволюционный период. Результаты исследования могут использоваться при подготовке курсов по истории Сибири, краеведению, культурной антропологии, микроистории для учебных заведений. При цитировании источника орфография и пунктуация автора были сохранены.

Методология и методы исследования. Для современных исследователей одним из самых востребованных исторических источников являются мемуары. Во многих произведениях мемуарного характера авторы осознают свою причастность к событиям исторического значения и стремятся зафиксировать и эти события, и участие в них отдельных лиц, и собственную к ним причастность [11, с. 14]. В современной историографии существует несколько подходов к пониманию сущности источников мемуарного характера. Любая классификация источников личного происхождения требует исключений и уточнений при её практическом применении. В данной статье используется классификация, предложенная Н. П. Матхановой. Мемуары субъективны, основаны на личных впечатлениях, созданы с целью закрепления и сохранения личной информации [10, с. 6]. Автор мемуа-

© Кискидосова Т. А., 2018

ров стремился передать читателю не только и не столько объективную информацию, сколько собственные, индивидуальные оценки, наблюдения и размышления. «Понятие “сибирская мемуаристика” охватывает мемуарные произведения, созданные жителями Сибири (в первую очередь её уроженцами) и содержащие в основном личные впечатления от собственной жизни в крае, описание природы и его обитателей» [10, с. 35].

В Енисейском краеведческом музее сохранилась рукопись Михаила Прокопьевича Миндаровского (1862–1937). До наших дней дошла весьма скудная информация об авторе. О его происхождении представлены неточные и противоречивые сведения. По одним данным, он был сыном участника польского восстания 1832 года, сосланного в Енисейск. По другим сведениям, его отец был вышедший на волю дворовый человек, который переехал в Сибирь и прочно обосновался в Енисейске. Окончив в 1883 году Енисейское уездное училище, Михаил Прокопьевич стал сотрудником казначейской канцелярии. Позднее работал в делопроизводстве городской управы, в течение почти 20 лет был городским секретарём. В свободное от работы время он занимался общественной деятельностью, являлся активным участником краеведческого движения. Несмотря на то, что Михаил Прокопьевич не получил среднего образования, он достаточно хорошо разбирался в экономических вопросах. М. П. Миндаровский писал статьи, доклады и выступления по вопросам хозяйственного и финансового положения города, народного образования, строительства железной дороги и т. д. [12–14]. Он сотрудничал с такими известными сибирскими газетами, как «Восточное обозрение» и «Сибирская жизнь», «Сибирские вопросы». По роду деятельности его можно отнести к представителям местной интеллигенции[1].

Свои мемуары автор назвал «Мои записки и воспоминания г. Енисейска». О данном труде он писал: «…без предварительной обработки в том самом виде, как диктовала их моя мысль, и предназначались они совсем не для издания, а как материал для истории города, место которому в книгохранилище местного музея»[2]. По всей вероятности, мемуарист хотел отразить наиболее яркие и злободневные вопросы из истории родного города. В мемуарном источнике представлена история Енисейска с 1891 по 1916 год. Этот период был наиболее активный в биографии мемуариста. В документе переплелись автобиографические воспоминания и дневниковые записи. Автор рассмотрел такие вопросы, как благоустройство, развитие культуры и образования в городе. Некоторые выдержки или идеи мемуариста можно найти в его статьях, очерках, фельетонах или заметках в периодике, а также в изданных книгах.

Проработав значительное время в городском делопроизводстве, М. П. Миндаровский был хорошо знаком с финансовыми и хозяйственными проблемами города. По долгу службы он постоянно присутствовал на заседаниях городской думы. Острой проблемой был дефицит городского бюджета. Падение золотопромышленности во второй половине XIX века способствовало тому, что «городские власти стали сводить концы с концами». Мемуарист отмечал, что наиболее часто и с «особой нервозностью» на заседаниях городской думы обсуждался «хлебный вопрос». Главной особенностью хлебной торговли в Сибири была сильная неравномерность цен на хлеб в разных районах края. Неравномерность цен объяснялась следующими факторами: значительное расстояние между населёнными пунктами, плохое состояние дорог, дороговизна перевозки грузов, слабое развитие кредитной системы и др. В Енисейске цены на хлеб зависели от времени года. М. П. Миндаровский отмечал: «В летний период сплав хлеба на плотах и барках определял цены и обеспечивал город хлебом на зиму. Малейшее повышение цен вызывало рост недовольства горожан. В городе наблюдались скачки хлебных цен «зимой – от 100 до 500 % против летнего времени»[3].

Заседания городской думы могли проводиться в экстренном порядке в случаях, требовавших срочного решения: стихийного бедствия или криминальной ситуации. Пожары в Енисейске были часты как в любом провинциальном городе того времени. Причины пожаров были самые разнообразные: от неправильного обращения с огнём до умышленных поджогов. М. П. Миндаровский отметил, что после серии крупных пожаров в городе состоялось «экстренное заседание городской думы, на котором был учреждён междудворный подесяточный караул и избраны квартальные наблюдатели»[4]. Подтверждением дневниковых записей стала заметка в «Справочном листке Енисейской губернии» за 1890 год: «На каждые 7–10 домов прихо-

[1] Кардаш Д. Взгляд из прошлого в будущее [Электронный ресурс]. – Режим доступа: httpp://www.urokiistorii.ru>arcticle/307 (дата обращения: 03.04.2018).

[2] Миндаровский М. П. Мои записки и воспоминания с 1891 по 1916 гг. – Енисейск: ЕКМ. – Л. 1.

[3] Там же. – Л. 12.

[4] Там же. – Л. 24.

дился один караульный, сменяемый через каждые 6 часов. По инициативе А. В. Тарасова в Енисейске учредили вольное пожарное общество, оно насчитывало 70 членов, преимущественно из местной интеллигенции[1]. По поводу деятельности созданного пожарного общества Михаил Прокопьевич выразился: «Оно то умирало, то возрождалось и снова энергично работало»[2]. Настоящим бедствием для города стало наводнение 1906 года, принёсшее значительный урон енисейцам. Все улицы и переулки города были затоплены водой. Городская казна смогла выделить только 2 тыс. р. для оказания помощи городской бедноте[3].

В своих мемуарах М. П. Миндаровский затронул проблему санитарного состояния города, он писал: «В 1898 г. был неблагоприятный год для населения. С весны свирепствовала скарлатина, летом – большая детская смертность от дизентерии, осенью – тиф, который едва не унёс в могилу и меня». Далее мемуарист упомянул, что последствиями этой тяжёлой болезни стали воспаление лёгких и бронхит. Болезненное состояние у него приняло затяжной характер. В то время во многих российских городах и сёлах были часты эпидемии инфекционных заболеваний, которые нередко приводили к росту смертности. Причинами роста численности больных являлись крайне неблагоприятные условия жизни, примитивное медицинское обслуживание, несоблюдение санитарных норм населением и т. д. Нередко заболевания приводили к летальному исходу. Горожане умирали от таких болезней, как дизентерия, тиф, горячка, чахотка, простуда, скарлатина, венерические заболевания, водянка, порок сердца, рак желудка и паралич[4]. Экологическая обстановка в некоторых городах способствовала распространению различных заболеваний. В расположенном на болотистом месте Енисейске был сырой климат. Местным жителям приходилось употреблять ржавую воду. Подобные условия приводили к тому, что в городе не прекращались заболевания малярией[5]. Мемуарист назвал эту болезнь «болотной лихорадкой», он заметил, что «мириады комаров и мошек досаждали в летнее время»[6].

[1] Справочный листок Енисейской губернии. – 1890. – 10 июня.

[2] Миндаровский М. П. Мои записки и воспоминания с 1891 по 1916 гг. – Енисейск: ЕКМ. – Л. 24.

[3] Там же. – Л. 148.

[4] Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 797. – Оп. 72. – Д. 391. – Л. 135.

[5] Красноярский краевой краеведческий музей (КККМ). – О/ф. 7886/233. – Л. 15.

[6] Миндаровский М. П. Мои записки и воспоминания с 1891 по 1916 гг. – Енисейск: ЕКМ. – Л. 39.

М. П. Миндаровский уделял значительное внимание проблемам городской инфраструктуры. Он считал, что неблагоприятное местоположение Енисейска и нерешительность городских властей тормозили работы по благоустройству. По мнению мемуариста, «жители тонули в грязи и болотах, вечерами ходили ощупью, в темноте натыкались на стены и заборы своих дворов…» [14, с. 3]. Он вспоминал, что в период «золотого бума», когда на развлечения тратились огромные средства, городское хозяйство, «как круглая сирота находилось в первобытном состоянии». Он замечал, что «хищники енисейской золотопромышленности, обогатившись, предпочитали вывозить капиталы и вкладывать их на другие нужды» [Там же, с. 4]. М. П. Миндаровский неоднократно возмущался недальновидностью золотопромышленников, стремившихся к личному обогащению и не заботившихся о благоустройстве города [Там же, с. 18]. В некоторых случаях городские власти оказывали противодействие инициативным предпринимателям. Мемуарист писал: «Болота, окружавшие Енисейск, – одна из существенных язв в деле благоустройства города». При этом он отмечал желание некоторых предпринимателей провести работы по осушке болот. Однако подобные предложения не нашли поддержки со стороны местных властей[7].

Автор в своём сочинении не обошёл вниманием тему городского образования. Он справедливо замечал, что енисейцы осознавали пользу просвещения и оказывали содействие. Благодаря усилиям местных жителей в городе открылись начальные училища, женская и мужская гимназии. Ни в одном сибирском городе не была так активна общественность, выступавшая за развитие образования. Острой проблемой была нехватка средств на содержание учебных заведений. Городские власти неоднократно обращались в вышестоящие инстанции с ходатайством об увеличении ассигнования на содержание женской гимназии. М. П. Миндаровский заметил, что на ходатайства городской думы генерал-губернатор всегда сочувственно отзывался. По мнению мемуариста, «центральное правительство смотрело на женское образование с каким-то особым предубеждением». Небольшая поддержка оказывалась лишь мужским учебным заведениям, тогда как женское образование было обделено. По этому поводу Михаил Прокопьевич отмечал: «Если не осо-

[7] Там же.

бенно поощрялось просвещение юношества, то уж о женщинах и говорить нечего»[1].

Особый интерес представляют воспоминания М. П. Миндаровского о современниках, которые сыграли значимую роль в жизни города. Сведения о горожанах существенно дополняют социально-психологический портрет сибирского жителя. Мемуарист выразил собственное мнение в отношении некоторых общественных деятелей, выявил их достоинства и недостатки. Однако Михаил Прокопьевич опирался не только на собственные оценки, но и на общественное отношение к тем или иным лицам. Некоторым горожанам он давал краткие, но ёмкие характеристики. Например, мемуарист высказался о купце В. М. Харченко следующим образом: «Он не любил размениваться по мелочам и задуманное доводил до конца». Вольнопрактикующий врач А. В. Цветков характеризовался как «прекрасный врач и приятный собеседник, загубленный пороками алкоголизма». М. П. Миндаровский отозвался о чиновнике И. П. Лалетине как о типичном представителе бюрократии, который «верил только в бумаги и букву закона, что не мешало ему оставаться порядочным человеком»[2].

Автор положительно отозвался о протоиерее Дмитрии Ивановиче Евтихиеве. Он восхищался его умением держаться с достоинством, подобающим его сану. В то же время мемуарист заметил, что «городское духовенство его заметно недолюбливало». Причиной такого отношения была «требовательность протоиерея к исполнению служебных обязанностей духовенством». В то же время протоиерей пользовался популярностью среди именитого купечества. Ему удавалось убедить и собрать значительные пожертвования у богатых горожан. В доказательство мемуарист привёл примеры, когда Д. И. Евтихиеву удавалось склонить купцов на благотворительную помощь. М. П. Миндаровский являлся бывшим учеником Д. И. Евтихиева и считал, что именно на его уроках Закона Божьего получил «добрые семена нравственности». Далее автор писал: «Несмотря на то, что взгляды на устройство жизни у меня с ним не сходились, мы всё-таки были старыми и близкими друзьями и даже без взаимной откровенности понимали друг друга»[3].

Негативное отношение у мемуариста вызывал журналист Замощин, критиковавший представителей местной власти и стремившийся к дешёвой популярности. В своих статьях он особенно глумился в отношении избранных должностных лиц. Доходило до того, что в сезон маскарадов Замощин являлся в костюме с ослиной головой с надписью «Наша голова». «Он как будто открыл стоячее болото, – писал М. П. Миндаровский, – заполненное тьмой, невежеством, рутиной, и в этом открытии он забил тревогу, удовлетворяя своё больное воображение». При этом мемуарист не считал необходимым вступать в полемику с журналистом и писать опровержения[4].

В дневнике М. П. Миндаровский отводил значительное место описанию повседневной жизни горожан. В мемуарах прослежен быт и уклад обычных людей. Автор подробно описывал занятия, привычки и пристрастия енисейцев. Он заметил, что практически все приказчики и служащие торговых контор в городе были выходцами из центральной части России, преимущественно из Владимирской губернии. Все они ещё в малолетнем возрасте были привезены своими родителями на городскую ярмарку, где за ними специально приезжали торговцы. М. П. Миндаровский заметил, что все приказчики прошли школу посыльных или лакеев. На эту же особенность обратил внимание С. Я. Елпатьевский. Он заметил, что «владимирцы – яркое и оригинальное явление сибирской торговли» [4, с. 174]. В Енисейске сложилась традиция празднования именин. Особой популярностью пользовалась специально изданная книга «Список именинников и именинниц г. Енисейска». Горожане широко праздновали именины в течение дня. Все именинники накрывали неоднократно столы и принимали гостей [Там же, с. 173]. М. П. Миндаровский заметил стремление енисейцев к чревоугодию. В дневниковых записях он писал об «умении настроиться под енисейский манер, обильный именинными пирогами, завтраками и обедами, сопровождавшийся всегда обильным возлиянием»[5].

Выводы. В целом дневник М. П. Миндаровского является ценным и интересным источником по исследованию истории сибирского города в дореволюционный период. Автор на основе многочисленных примеров осветил различные стороны жизни Енисейска и его жителей. Привлечение данного источника позволит детально изучить социокультурное развитие города в эпоху модернизации.

[1] Миндаровский М. П. Мои записки и воспоминания с 1891 по 1916 гг. – Енисейск: ЕКМ. – Л. 41.

[2] Там же. – Л. 36.

[3] Там же. – Л. 35.

[4] Там же. – Л. 106.

[5] Там же – Л. 34.

Список литературы

1. Аксенова А. В. Метрические книги градоенисейских церквей как исторический источник по изучению малого сибирского города конца XIX – начала XX в. // Известия АГУ. 2016. № 4. С. 17–21.

2. Аксенова А. В. Особенности образовательной среды Енисейска в конце XIX – начале XX в. // Вестник КемГУ. № 2. С. 5–13.

3. Аксенова А. В., Гонина Н. В. Енисейск в последней трети XIX – начале XX века. Очерки социокультурного развития провинциального города. Красноярск: КГАУ, 2017. 279 с.

4. Елпатьевский С. Я. В Сибири. Новосибирск: Новосибгиз, 1938. 183 с.

5. Кискидосова Т. А. «Блеск и нищета» города Енисейска во второй половине XIX – начале XX в. // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2017. № 4. С. 17–25.

6. Кискидосова Т. А. Воспоминания А. Л. Яворского о повседневной жизни Красноярска и Енисейска в конце XIX – начале XX в. (по материалам Государственного архива Красноярского края) // Социокультурное освоение Сибири: материалы Сиб. ист. форума. Красноярск, 2014. С. 193–196.

7. Кискидосова Т. А. «Есть город золотой…»: повседневная жизнь Енисейска на страницах сибирских газет во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник ТГУ. 2017. № 421. С. 109–113.

8. Комлева Е. В. Енисейское купечество второй половины XIX века глазами современников: дневник Н. В. Скорнякова // Вестник НГУ. 2012. Т. 11, № 1. С. 55–59.

9. Комлева Е. В. Купцы Скорняковы в истории Енисейска (XVIII – XIX вв.) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2016. № 3. С. 80–92.

10. Матханова Н. П. Сибирская мемуаристика XIX века. Новосибирск: Изд-во Сиб. отд-ния РАН, 2010. 551 с.

11. Матханова Н. П. Сибирская мемуаристика первой половины XIX века как социокультурный феномен // Гуманитарные науки в Сибири. 2005. №. 3. С. 11–15.

12. Миндаровский М. П. Енисейск (город-банкрот) // Сибирские записки. Красноярск, 1916. № 4. С. 96–104.

13. Миндаровский М. П. Естественно-исторический и историко-культурный музей в г. Енисейске. Енисейск: Тип. Горсовета, 1929. 50 с.

14. Миндаровский М. П. Томск-Енисейская дорога и Северопуть как мера к экономическому развитию края. Енисейск: Тип. Горсовета, 1929. 50 с.

15. Очерки истории г. Енисейска и Енисейского уезда (XVII – XIX вв.). Енисейск: Енисейская тип., 2009. 160 с.

Статья поступила в редакцию 27.04.2018; принята к публикации 25.05.2018

Библиографическое описание статьи

Кискидосова Т. А. Енисейск конца XIX – начала XX века глазами местных жителей: дневник М. П. Миндаровского // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 4. С. 79–84. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-79-84.

Tatiana A. Kiskidosova,
Candidate of History,
Khakass Research
Institute of Language, Literature and History
(23 Schetinkina st., Abakan, 655017, Russia),
e-mail: tak_74@mail.ru

Yeniseisk in the End of the 19th – Early 20th Centuries through the Eyes of the Local Residences: the Diary of M. P. Mindarovsky

The article presents M. P. Mindarovsky's memoirs about the city of Yeniseisk and its inhabitants in the late 19th and early 20th centuries. Mikhail Prokopievich Mindarovsky was one of the participants of the local history movement, who served a significant part of his life in the city government. In broad circles, he was known as a correspondent of Siberian newspapers and the author of numerous works on the problems of developing the Siberian region. M. P. Mindarovsky's memories about the city of Yeniseisk covered the period from 1890 to 1916. This source intertwined autobiographical memories and diary entries. The bases of the memoirs were the issues discussed at the meetings of the City Duma. The memoirist touched upon the issues of improvement, education and culture in the city. The main problem for the development of urban infrastructure was the deficit of the city budget. M. P. Mindarovsky drew attention to the dependence of the economy of the region on the development of the gold industry. The diary presents the social and psychological portraits of urban residents. This source is a reflection of the daily life of the provincial city in the modernization period. Its use will allow us to examine in detail the processes that took place in this period in the history of Siberian society.

Keywords: M. P. Mindarovsky, memoirs, Yeniseisk, city, improvement, education

References

1. Aksenova, A. V. Metric Books of the Yeniseisk Churches as a Historical Source to Study small Siberian Towns of the Late XIXth – Early XXth Centuries. News ASU, no. 4, pp. 17–21, 2016. (In Rus.)

2. Aksenova, A. V. Characteristics of the Educational environment of Yeniseisk in the Late XIXth – Early XXth century. Herald of KemSU, no. 2, pp. 5–13, 2017. (In Rus.)

3. Aksenova, A. V., Gonina, N. V. Yeniseisk in the Last Third of the XIXth – Early of the XXth Centuries. Essays on the socio-cultural development of a provincial city. Krasnoyarsk: KUAI, 2017. (In Rus.)

4. Elpatievsky, S. Ya. In Siberia. Novosibirsk: Novosibgiz, 1938. (In Rus.)

5. Kiskidosova, T. A. “Brilliance and the Poverty” of the Town of Yeniseisk in the Second Half of the XIXth – Early of the XXth Centuries. Sayan-Altay Scientific Review, no.4 (20), pp. 17–25, 2017. (In Rus.)

6. Kiskidosova, T. A. Memories of A. L. Yavorsky about the daily life of Krasnoyarsk and Yeniseisk at the End of the 19th and Beginning of the 20th Century (based on the materials of the State Archives of the Krasnoyarsk Territory). Socio-cultural development of Siberia. Krasnoyarsk, 2014: 193–196. (In Rus.)

7. Kiskidosova, T. A. “There is a golden city ...”: Everyday life of the Yeniseisk on Pages of Siberian Newspapers in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries. Bulletin of TSU, no. 421, pp. 109–113, 2017. (In Rus.)

8. Komleva, E. V. The Yenisei merchantry in the Second Part of the XIXth Century Through the eyes of Contemporaries: The Diary of N. V. Skornyakov. Bulletin of NSU, t. 11, no. 1, pp. 55–59, 2012. (In Rus.)

9. Komleva, E. V. Merchants Skornyakovs in the History of Yeniseisk (18th – 20th Centuries.). Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University, no. 3 (19), pp. 80–92, 2016. (In Rus.)

10. Mathanova, N. P. Siberian memoirs of the XIXth Century. Novosibirsk: Publishing house of Sib. B. RAS, 2010.

11. Mathanova, N. P. Siberian memoirs of the First Half of the XIXth Century as a socio-cultural Phenomenon. Humanitarian Sciences in Siberia, no. 3, pp. 11–15, 2005. (In Rus.)

12. Mindarovsky, M. P. Yeniseisk (city-bankrupt). Siberian notes. Krasnoyarsk, no. 4, pp. 96–104, 1916.

13. Mindarovsky, M. P. Natural history, Historical, and Cultural Museum in the Town of Yeniseisk. Yeniseisk, 1929. (In Rus.)

14. Mindarovsky, M. P. Tomsk-Yenisei road and North Way as a measure to the economic development of the region. Yeniseysk, 1929. (In Rus.)

15. Essays on the history of the Town of Yeniseisk and the Yenisei District (XVII – XIX Centuries.). Yeniseisk: OOO “Yenisei printing house”, 2009. (In Rus.)

Received: April 27, 2018; accepted for publication May 25, 2018

Reference to the article

Kiskidosova T. A. Yeniseisk in the End of the 19th – Early 20th Centuries through the Eyes of the Local Residences: the Diary of M. P. Mindarovsky // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 4. PP. 79–84. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-79-84.

http://www.zabvektor.com ISSN 2542-0038 (Online) ISSN 1996-7853

УДК 352.075.2(571.5)(091)
DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-85-94

Мария Михайловна Плотникова,
кандидат исторических наук, доцент,
Иркутский государственный университет
(664003, Россия, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1),
e-mail:someforme@yandex.ru

Развитие городского самоуправления в Восточной Сибири в первой половине XIX века

Актуальность данной работы обусловливается и тем, что современные историки обошли вниманием развитие городского самоуправления в восточносибирских городах в первой половине XIX века, и тем, что именно в тот период начинают формироваться особенности региональной политики Российской империи. Метод историзма и компаративный подход позволяют отследить динамику развития и региональную специфику. Отличительной чертой развития городского самоуправления в тот период в Восточной Сибири являлось то, что оно проходило не только по Городовому положению 1785 года, но и в соответствии с административно-территориальными реформами, реализуемыми в регионе. В 1804 году после выделения Томской губернии из Тобольской Красноярск становится её уездным городом, и открывается Красноярская «градская дума». В 1851 году Якутская область была отделена от Иркутской губернии, а в 1856 году Главное управление Восточной Сибири переименовывает Якутскую ратушу в Якутскую городскую думу. Целью сибирской реформы М. М. Сперанского 1822 года было изменение управления Сибирью в целом. Однако это повлекло за собой и реформирование городского самоуправления сибирских городов, сформированного в соответствии с Городовым положением 1785 года. Была отменена общая дума и оптимизировано количество гласных, которое стало зависеть от размера города. Согласно Штату, в многолюдных городах следовало избрать думу из 4 гласных, городского головы и канцелярии, в средних городах оставались ратуши, в малолюдных городах староста занимался городскими делами. Автор считает, что можно утверждать, что к середине XIX века сложился региональный подход к городскому самоуправлению в Российской империи.

Ключевые слова: городское самоуправление, Восточная Сибирь, административно-территориальное развитие, «сибирская» реформа М. М. Сперанского, первая половина XIX века

Введение. На территории Российской империи исторически сложились несколько типов управления окраинами, которые формировались и развивались в соответствии с процессом складывания территории государства. В XIX веке в числе существенных особенностей России следует отметить её гигантскую территорию, объединяющую два континента – Европу и Азию. Административная инфраструктура государства выстраивалась в соответствии с целями и задачами, которые решало царское правительство. Сибирь, являвшаяся восточной окраиной Российской империи, в 1822 году получила «особое» управление благодаря реформе М. М. Сперанского, которую современные исследователи называют первым опытом российского регионального законотворчества. «Отличительной чертой М. М. Сперанского-реформатора является то, что он рассматривал проблему улучшения управления Сибирью в комплексе с административно-территориальным устройством, развитием экономики, промышленности и сельского хозяйства. Впервые в Сибири реформа соединила административно-территориальное устройство с организацией местного самоуправления» [3, с. 123].

Согласно реформе М. М. Сперанского в городском самоуправлении сибирских городов произошли изменения, отразившие их местную специфику. К середине XIX века Министерство внутренних дел уже считало, что «невозможно составить общего для всех городов положения, а потребуется, вероятно, установление особых правил для нескольких разрядов городов, состоящих под одинаковыми условиями и, быть может, даже для отдельных городов»[1]. Другими словами, за 40 лет в Российской империи сформировался региональный подход к городскому самоуправлению.

В исторической науке существует пробел в изучении городского самоуправления периода первой половины XIX века, который затмили впоследствии Великие реформы 1860–1870-х годов. Подчеркнём, что даже современный немецкий исследователь М. Хильдермайер высказывает удивление в отношении того, что «практически весь период между реформами Екатерины и реформами её правнука Александра II остаётся и

[1] Программа для составления соображений относительно улучшения общественного управления в городах // Иркутские губернские ведомости. – 1862. – № 27. – 7 июля. – Отд. 2-й. – С. 11.

© Плотникова М. М., 2018

по сей день за рамками научного интереса» [16, с. 96]. Современные исследователи, изучающие городское самоуправление, предпочитают вторую половину XIX века, потому что переход к рыночной экономике и последовавшие реформы в современной России обусловили интерес к модернизации, в ходе которой традиционное общество становится прогрессивным. Данная статья в некоторой мере способствует восполнению пробела в изучении городского самоуправления в Восточной Сибири в первой половине XIX века.

Методология и методы исследования. В современных исторических исследованиях ключевым методом считается междисциплинарный подход к проблеме. Тема городского самоуправления является междисциплинарной по своей сути, она находится на стыке истории, права и политологии. Важным методом в данной работе становится и принцип историзма, который предполагает рассмотрение исторических событий в их взаимосвязи с учётом конкретно-исторических условий и в хронологической последовательности, что позволяет автору проследить динамику исторического процесса и выявить существующие закономерности. В качестве метода данного исследования был использован и компаративный анализ, при помощи которого выявлялись индивидуальные черты городского самоуправления, особенности местной специфики и общие тенденции развития.

Результаты исследования и их обсуждение. Отметим, что понятие «Восточная Сибирь» появилось после реформы М. М. Сперанского 1822 года, в результате которой Сибирь была разделена на западную и восточную части. С 1822 года к восточносибирским городам стали относится Енисейск и Красноярск, которые с 1804 года являлись уездными городами Томской губернии. Томская же губерния появилась в 1804 году после разделения Тобольской губернии на собственно Тобольскую и Томскую. В 1805 году была образована Якутская область Иркутской губернии. В 1852 году Якутская область была выделена из состава Иркутской губернии и стала самостоятельной административной единицей в составе Восточно-Сибирского генерал-губернаторства. В 1856 году из Иркутской губернии была выделена и Забайкальская область. В данной статье впервые в сибирской историографии будет рассмотрена динамика развития городского самоуправления на территории Восточной Сибири в первой половине XIX века в связи с административно-территориальным развитием региона.

Жалованная грамота городам в 1785 году вводила в российскую практику новую модель городского самоуправления «градскую думу». Многие исследователи как дореволюционные, так и современные отмечают разрыв между принятым законодательством и практикой городского самоуправления в конце XVIII – начале XIX века. Это выразилось в существовании различных форм городского самоуправления в городах в этот период.

После введения Городового положения 1785 года только в двух городах Восточной Сибири были сформированы городские думы – в Иркутске в 1787 году и в Енисейске в 1789 году. Подчеркнём, что в сибирских городах малочисленность «посадского населения» не позволила сформировать шестигласную и общую думы, как это было прописано в законодательстве, поэтому в итоге получилась одна, но с большим количеством гласных, чем шесть [11, с. 21]. Новосибирская исследовательница В. В. Рабцевич отмечает, что «анализ состава городских органов 80–90-х гг. XVIII в. даёт возможность представить тот разнобой, который царил на местах в истолковании смысла Городового положения» [14, с. 142].

В восточносибирских городах в этот период самоуправление кроме городских дум было представлено мещанским старостой, подотчётным градской думе губернского города (Нижнеудинск); городским головой, подотчётным «коронной администрации» (Красноярск); ратушей (Киренск, Якутск); городским головой и магистратом, управляющим городским хозяйством (Верхнеудинск, Нерчинск) [5, с. 118].

Московская исследовательница Л. Ф. Писарькова придерживается точки зрения, что основные начала «Жалованной грамоты городам» остались в значительной степени бумажной декларацией [10, с. 48]. Автор статьи считает, что деятельность екатерининских дум положила начало институциональному развитию органов городского самоуправления. Подчеркнём, что немецкие исследователи по-другому оценивают городскую реформу Екатерины II, они считают, что это был шаг вперёд на пути к проекту современного государства. Например, балтийский исследователь немецкого происхождения Генрих Лаакманн пишет, что при городском порядке Екатерины II под строгим разделением юстиции и управления города получают сравнительно широкое самоуправление [17, с. 5]. Немецкий исследователь Ральф Тухтенхаген отмечает, что Екатерина II сломала старые жёсткие

сословные перегородки и ввела значительно менее чёткое определение гражданства [18, с. 245].

В 1862 году Министерство внутренних дел при подготовке нового Городового положения отметило, что «одною из главнейших причин, по которым изданное в 1785 г. постановление об общественном устройстве городов (Городовая грамота) не имело надлежащего успеха, было то, что постановление сие содержало в себе лишь общие начала общественного устройства, без подробнейшего их развития и применения к различным местностям обширной империи»[1]. Таким образом, уже Министерство внутренних дел имперской России признало, что законодательство определило лишь общие рамки городского самоуправления. Каким же оно было на самом деле, показывают только архивные документы каждого конкретного города.

В Государственном архиве Иркутской области сохранился документ, в котором отражены все формы городского самоуправления, существовавшие на территории обширной Иркутской губернии в начале XIX века. К приезду нового сибирского генерал-губернатора М. М. Сперанского иркутский гражданский губернатор Н. И. Трескин в июне 1819 года запросил все присутственные места, в том числе и Иркутскую градскую думу, предоставить сведения для представления ему. Сведения должны были «показывать в точности состояние каждой части и сам образ управления»[2]. Составленные документы М. М. Сперанского не устроили, и он в ноябре 1819 года запросил данные о городских доходах и расходах по городам Иркутской губернии, начиная с 1814 по 1819 год, за каждый отдельно, по формам, представляемым в Комитет для уравнения земских повинностей при Правительствующем сенате. Ведомости нужно было представить как можно скорее. Губернское правительство предписало Иркутской градской думе, нижнеудинскому городничему, верхнеудинскому и нерчинскому магистратам, селенгинской, кяхтинской, киренской и якутским ратушам, начальникам Охотского порта и Камчатки, чтобы они в самом скорейшем времени прислали сведения за 1817, 1818 и 1819 годы[3]. Из этого документа следует, что перед реформой М. М. Сперанского в обширной Иркутской губернии была только одна городская дума в губернском Иркутске. В Верхнеудинске и Нерчинске магистраты отвечали за городские доходы и расходы; в Селенгинске, Кяхте, Киренске и Якутске были ратуши; в Нижнеудинске такие сведения мог предоставить городничий; в Охотском порту и Камчатке – начальники.

Городская дума в Красноярске в 1804 году появилась благодаря тому, что в этом году была проведена административно-территориальная реформа, в результате которой Тобольская губерния была разделена на две части и появилась Томская губерния. Именно в состав Томской губернии вошёл г. Красноярск, став уездным городом. Был составлен штат для новой губернии, в результате чего и была сформирована Красноярская градская дума.

Обратим внимание, что поскольку «красноярское мещанское общество было большею частью расположенное жительством по округе»,[4] а купечество было малочисленным (в 1799 г. общая сумма объявленных капиталов составила всего 17 000 р.) [2, с. 9], то красноярское градское общество не стало выбирать гласных в Красноярскую думу. Кроме городского головы в Думу выбирались два депутата к составлению городского обывательского списка, нотариус для протеста векселей, маклер, сборщик денег за перевоз и для сбора подушной и всех повинностей[5]. С 1809 года выбирался депутат в квартирную комиссию.

Необходимо отметить, что при образовании новой Тобольской губернии купеческое и мещанское общество г. Берёзова отказались от назначенной им ратуши, согласно высочайше конфирмованному 26 февраля 1804 года штату на Тобольскую губернию[6]. Берёзовское общество объяснило это тем, что содержать ратушу не может по недостатку городских доходов, состоящих только из одной однопроцентной суммы питейного откупа и небольшому количеству записанных в Берёзове купцов, мещан и цеховых, из которых действительных плательщиков податей было только 65 человек.

Тобольское губернское правление, способствуя березовскому обществу, назначило к городу Берёзову приписать упраздненного города Сургута купцов и мещан, которых было там 49 душ; но и они сделали такой же отзыв, добавив к тому, что приписка их к Берёзову

[1] Программа для составления соображений относительно улучшения общественного управления в городах // Иркутские губернские ведомости. – 1862. – № 27. – 7 июля. – Отд. 2-й. – С. 9.

[2] ГАИО (Государственный архив Иркутской области). – Ф. 70. – Оп. 1. – Д. 948. – Л. 6.

[3] Там же. – Д. 1031. – Л. 3.

[4] ГАКК (Государственный архив Красноярского края). – Ф. 173. – Оп. 1. – Д. 22. – Л. 29.

[5] Там же. – Л. 49–50.

[6] ПСЗ-I. – Т. 29, № 22217.

по отдалённости неудобна, и просили приписать их к Тобольскому магистрату. Губернское правление представило это на рассмотрение бывшему сибирскому генерал-губернатору И. О. Селифонтову. Он предложил внушить берёзовскому обществу, что учреждение ратуши в Берёзове назначено для собственной его пользы, чтобы «каждый гражданин по своим делам имел ближайшее и безволокитное удовлетворение, нежели чем быть приписанным к Тобольску»[1]. Но если и тогда общество будет отказываться от открытия ратуши, то оставить уже его по-прежнему в ведении Тобольского магистрата, что и было объявлено сургутскому и берёзовскому обществам, но они от учреждения ратуши отказались. В результате открытие берёзовской ратуши было оставлено до того времени, пока не увеличится там число купцов и мещан, и не востребует того сама необходимость. Правительственному сенату было дозволено самому там, где подобное обстоятельство встретится, и по другим губерниям в рассуждении ратуш по рассмотрению разрешать и делать нужные распоряжения[2].

Был подобный случай и среди городов европейской части Российской империи. В 1808 году по представлению Санкт-Петербургского гражданского губернатора, в уважение малого числа жителей города Царского Села и недостаточного их состояния, градскую тамошнюю думу соединили с ратушей, которой и было поручено отправлять дела, Думой «заведываемые»[3]. Таким образом, в практике российского законодательства XIX века были случаи, когда «градские общества» просили изменить форму самоуправления, установленную им по закону, и среди сибирских городов, и среди городов европейской части Российской империи. Однако восточносибирские города с подобными просьбами не обращались.

Следующие изменения в городском самоуправлении сибирских городов произошли в результате реформы М. М. Сперанского 1822 года.ы Подчеркнём, что сибирская реформа М. М. Сперанского не ставила перед собой задачу изменить именно городское самоуправление сибирских городов. М. М. Сперанский предполагал дать для Сибири особое управление. Сибирский исследователь А. В. Ремнев обращает внимание на тот факт, что реформа управления Сибирью была проведена в контексте поиска самодержавием модели управления своими окраинами (в 1809 г. принятие конституции Великого княжества Финляндского, в 1815 г. – Царства Польского, введение автономного управления в Бессарабии в 1812–1828 гг.) [13]. Изменение управления Сибирью изменило и городское самоуправление сибирских городов.

Согласно таблице IV примерного Штата сибирского управления, а также согласно «Учреждению для управления сибирских губерний» 1822 года хозяйственное управление в многолюдных городах стало состоять из присутствия Думы, в которое входили городской голова и 4 гласных, и канцелярии с секретарём, 2 столоначальниками и бухгалтером. Хозяйственное управление в средних городах осталось в ратушах, а в малолюдных городах хозяйственное управление вверялось старостам[4].

Хозяйственное управление городом полностью вверялось думе. Она должна была управлять городскими доходами, раскладывать, взыскивать и отсылать в казну положенные подати и процентные деньги, составлять ежегодные расписания о суммах, нужных на содержание канцелярии думы и на наём людей, которые будут собирать доходы и управлять ими. В эти же расписания должны были входить предварительные счета, доставляемые думе от городской полиции обо всех полицейских денежных потребностях.

По реформе М. М. Сперанского расписания доходов и расходов дума должна была ежегодно по рассмотрению их городничим представлять на утверждение высшего начальства, а также ежегодно в январе делать в публичном собрании отчёт городскому обществу о городских доходах и расходах. В обязанность думы входил надзор за маклерами, нотариусами, оценщиками, городовыми старостами, цеховой управой, сиротским судом и опекой; составление ведомостей о торговых ценах разных жизненных припасов; срочное увольнение по паспортам граждан по торговле и промыслам; содержание и исправление общественных зданий, мостов, каналов и т. п. в городе и на градском выгоне, а также рекрутский набор.

По реформе 1822 года в Иркутскую градскую думу сначала было избрано 4 гласных. Иркутская градская дума написала гражданскому губернатору И. Б. Цейдлеру о том, что «по известному вашему превосходительству обширному здесь управлению Градской думы

[1] ПСЗ-I. – Т. 29, № 22217.

[2] Там же.

[3] Там же. – Т. 30, № 23426.

[4] ПСЗ-I. – Т. 44. Книга штатов. Ч. 2. Штаты по духовной и гражданской части. Штаты по гражданской части (1813-1825). – С. 48–49.

избраны обществом в гласные вместо четырёх – пять человек»[1]. Губернатор ответил, что теперь он ничего сделать не может, но предоставил думе возможность, «когда на самом опыте в течение времени встретится какое-либо затруднение по ходу дел, выйти к нему с представлением по сему предмету»[2].

Городской голова К. М. Сибиряков и градское общество решили, что для Иркутской градской думы четырёх человек гласных считается недостаточным, и иркутское градское общество нашло нужным просить гражданского губернатора утвердить в должности гласного пятого цехового Власова. В январе 1823 года Иркутская градская дума получила согласие генерал-губернатора Восточной Сибири на избрание ещё одного гласного[3].

М. М. Сперанский обратил внимание на специфику сибирского градского общества, которое часто бывало в разъездах по торговым делам. Например, в Иркутске отлучались из города не только купцы, но также мещане и цеховые. М. М. Сперанский предусмотрел на случай таких отлучек выбор кандидатов, которые должны были избираться на каждое звание и по усмотрению губернского начальства занимать места на определённое время, но не более четырёх месяцев. Теперь кандидатов утверждали в должности вместе с гласными. Кандидаты должны были находиться в городе безотлучно, как и гласные, или пользоваться свободой по очереди по общему согласию. Для городского головы К. М. Сибирякова было выбрано сразу 2 кандидата.

Вместе с тем практика иркутского городского самоуправления показывает, что служение в качестве кандидата и городского головы и гласных даже не отмечалось в «Книге о службе иркутских купцов» и соответственно не засчитывалось градским обществом за общественную службу.

Красноярск после разделения М. М. Сперанским Сибири на западную и восточную стал губернским центром новой Енисейской губернии. «Местность его более подходила против положения других городов к заключению в нём Губернского правления» [15, с. 5]. Енисейская губерния была учреждена из частей Томской и Иркутской губернии, и с 1823 года начался раздел границ между этими губерниями.

Необходимо отметить такой факт: обычно своё название губерния получала от главного губернского города. Например, губернский город Иркутск – Иркутская губерния, губернский город Томск – Томская губерния, а Енисейская губерния получила своё название не от губернского города Красноярска, а от реки Енисея, может быть, М. М. Сперанский действительно предполагал сделать главным городом губернии Енисейск, хотя красноярский исследователь В. В. Буланков считает, что этот вариант всерьёз даже не рассматривался [1, с. 25]. С другой стороны, если в Красноярске было всего 15 купцов, 1 000 мещан и 550 домов, а в Енисейске 64 купца, 1 991 мещанин и больше 1 000 домов [8, с. 208], то почему не рассмотреть Енисейск в качестве губернского центра. Это с современной точки зрения экономическое положение Енисейска менялось в худшую сторону в указанный период. С точки зрения же XIX века, на фоне уездного Красноярска, похожего на деревню, где в начале XIX века торговля проходила в деревянных балаганах, Енисейск был даже очень экономически благополучным городом со своим двухэтажным каменным Гостиным двором. Торговый оборот Енисейска составлял 170 500 р., торговый же оборот Красноярска был равен 44 000 р. [Там же, с. 209].

Назначенный енисейским гражданским губернатором А. П. Степанов в своём обращении к гражданам Красноярска отметил, что «государю императору было угодно озарить своим вниманием город ваш, возведя его на степень губернского. Вместе с тем получили вы преимущественные, открытые знаки его милости. Знаки сии заключаются в правах, предоставленных единственно городам управляющим. Посреди вас заключаются ныне места и лица, которые имеют силу ходатайствовать непосредственно о благе вашем»[4]. В Красноярске разместились губернские учреждения, гарнизонный батальон и жандармская команда, две сотни Енисейского казачьего полка [2, с. 6].

С 1823 года Красноярская градская дума стала избираться согласно «Сибирскому учреждению», т. е. стала состоять из городского головы и кандидата в городские головы, двух гласных и двух кандидатов к ним.

Если в Иркутске после реформы М. М. Сперанского просто перераспределились обязанности между Иркутской градской думой и Городовым магистратом, то Красноярску в связи со сменой административного статуса пришлось провести значительно больший объём работ: разделить город на части, ввести городскую полицию, открыть Приказ общественного призрения, утвердить план губернского города. Енисейский граж-

[1] ГАИО. – Ф. 70. – Оп. 1. – Д. 1150. – Л. 183 об.–184.

[2] Там же. – Л. 176 об.

[3] Там же. – Л. 308–308 об.

[4] ГАКК. – Ф. 173. – Оп. 1. – Д. 63. – Л. 2.

данский губернатор А. С. Степанов отметил, что пока Красноярск был уездным городом, и доходов его для уездного города было достаточно, став же губернским, почувствовал тягость до такой степени, что каждый год для совершенно необходимых требований должен делать по раскладке сбор до 4000 р. к пополнению недостающего дохода [15, с. 6].

В 1829 г. енисейский гражданский губернатор А. С. Степанов в своём отчёте написал, что в Красноярске полицейские обязанности исполнялись общественниками по очереди, будочников здесь было 23 человека, также «под начальством городничего находились 10 казаков городового Енисейского казачьего полка с урядником, которые объезжали по ночам город, употреблялись по разным полицейским поручениям и сменялись через неделю»[1]. «Пожарная часть Красноярска находится совершенно в дурном состоянии. Две старых и одна новая машины, все малые и с дурным устроением, совершенно недостаточные для распространенного города. С ними сообразны и все прочие инструменты, и все принадлежности»[2]. Управление Восточной Сибири и местное начальство делали со своей стороны, что могли для облегчения городского общества: казармы построены на счёт земских повинностей, вместо трёх частей по учреждению об управлении Сибири находится в губернском городе только одна, остановлен предмет построения моста через речку Качу, самые необходимые предметы только вносятся в смету. Но недостаток сих доходов губернского города есть главная причина того, что полиция лишена возможности иметь надлежащий надзор и способы к сохранению спокойствия и отвращению вреда в городе, значительно увеличенном, как через народонаселение, так и через прибавление более семи кварталов[3].

Енисейск согласно реформе М. М. Сперанского стал многолюдным уездным городом. В нём было введено общее и частное управление. Общее окружное управление составляли: окружной начальник и окружной совет, состоящий из городничего, окружного судьи, исправника, казначея, стряпчего и городского головы. В Енисейске как в многолюдном городе было введено полное городское управление – городничий и приставы [8, с. 199].

Исходя из сметы Енисейской градской думы 1832 года, представленной в Енисейскую казенную палату, из городских доходов получали жалование 2 частных пристава, два квартирных надзирателя, а также содержались 2 частные управы, включая отопление, освещение и канцелярские расходы[4]. Таким образом, получается, что в 1822 году были сформированы в Енисейске 2 частные управы с двумя частными приставами и двумя квартирными надзирателями, содержание которых обеспечивала Енисейская градская дума. Несмотря на то, что Енисейск был уездным городом, ему принадлежала лучшая пожарная часть в Енисейской губернии, которая состояла из 3 больших заливных машин с кожаными рукавами и 17 ручных, с достаточным количеством пожарных инструментов[5]. В 1830 году Енисейская дума тратила на содержание пожарных лошадей с упряжью и при них служителей 560 р. и на поправку пожарных инструментов – 275 р.[6]

Не сохранились сведения и о том, каким именно образом произошли изменения в городском самоуправлении Енисейска благодаря сибирской реформе. Известно, что выборы в Енисейскую градскую думу состоялись в конце 1821 года на трёхлетие (1822–1824), а Сибирское учреждение было введено в начале 1822 года. К сожалению, в енисейской летописи А. И. Кытманова не упоминается, состоялись ли перевыборы по новым правилам или уже выбранный состав продолжил свою работу. Однако из отчёта о денежных суммах, поступивших в Енисейскую казённую палату в 1825–1826 годах, становится известно, что было взыскание с бывших гласных Козьмина, Цихилева, Коренева и Павленкова в число положенного на них начальством для пополнения растраченной общественной суммы бывшим мещанским старостой Козьминым[7].

Таким образом, в 1822–1824 годах гласными были избраны Козьмин, Цихилев, Коренев и Павленков, а согласно сибирской реформе М. М. Сперанского в городские думы нужно было избирать 2, 3 или 4 гласных, смотря по положению города, и кандидатов к ним. Известно, что Енисейская градская дума до реформы М. М. Сперанского совмещалась с общей думой и состояла из 8 гласных, а взыскание наложили на четверых человек, соответственно, столько и было гласных в Енисейской градской думе избрано на тот момент. Получается, что четверо гласных со-

[1] Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1281. – Оп. 11. – Д. 43. – Л. 4 об. – 5.

[2] Там же. – Л. 6.

[3] Там же. – Л. 10.

[4] ГАКК. – Ф. 160. – Оп. 1. – Д. 44. – Л. 13.

[5] РГИА. – Ф. 1281. – Оп. 11. – Д. 43. – Л. 4–5 об.

[6] ГАКК. – Ф. 160. – Оп. 1. – Д. 55. – Л. 8.

[7] Там же. – Д. 18. – Л. 53 об.

стояло в Енисейской градской думе в составе 1822–1824 годов. Исходя из анализа более поздних документов Енисейской градской думы, получается, что в Енисейске после реформы М. М. Сперанского стали избираться городской голова и кандидат в городские головы, 3 гласных и кандидат по гласным.

К концу 30-х годов XIX века сформировался круг обязанностей городского головы и гласных думы. В 1837 году городской голова Иркутска Никанор Петрович Трапезников перечислил предметы, входящие в состав занятий членов Иркутской градской думы. К ним он отнёс: присутствие в Градской думе; в Общем присутствии по справочным ценам на жизненные припасы, фураж и перевозку (Общее присутствие было переведено из Иркутского земского суда в Градскую думу в 1835 г.); присутствие при установлении таксы на припасы для продовольствия в городе; присутствие в Иркутском сиротском суде; во временной комиссии по предмету освидетельствования берегового укрепления[1]. Кроме этого лично городской голова без участия прочих членов Думы имел занятия в Иркутском приказе общественного призрения, в Комитете об уравнении городских повинностей, в комитете оспопрививания, в статистическом комитете, в совете управления Сиропитательного дома Елизаветы Медведниковой, в комитете по устройству в городе мостовых и при составлении обывательской книги.

В 1837 году городской голова Н. П. Трапезников обратился с просьбой к генерал-губернатору Восточной Сибири об освобождении иркутского городского головы от постоянного присутствия в Приказе общественного призрения. Н. П. Трапезников объяснил это тем, что он и без того имеет весьма обширный круг занятий по Градской думе и Сиротскому суду, как то: «принимает и рассматривает все поступающие в сии места бумаги, даёт им должное движение, рассматривает приготовляемые по ним постановления, исполнения и отчёты, имеет личное наблюдение за точным выполнением обязанностей гласными думы, старостами обществ, сборщиками податей и повинностей, за исправным содержанием общественных зданий, благотворительных общественных заведений, производит ежемесячное свидетельств сумм Градской думы, Сиротского суда, Земских дел и Ремесленной управы, равно сумм у сборщиков, старост; поверяет им действия, свидетельствует каждомесячно городские пожарные инструменты и проч., как установлено в 881, 882, 883 и 1299 ст. 2 тома Свода Зак. Учреждений Губернских»[2]. В результате иркутский городской голова был освобождён от постоянного присутствия в Приказе общественного призрения.

Необходимо отметить, что гласные Иркутской думы действительно были загружены служебными обязанностями, которые требовали их постоянного присутствия. В губернском Красноярске также с развитием городского самоуправления возникла необходимость в дополнительном гласном. Здесь избиралось двое гласных и двое к ним кандидатов. В 1847 году Красноярская дума попросила избрать из мещанского и купеческого общества ещё одного гласного с кандидатом[3]. Дума отметила, что один гласный исправляет должность казначея, другой по хозяйственному управлению делает покупки, управляет маклерской и нотариусной частями, и оба они должны быть «безотлучны» из присутствия Думы. Ещё один гласный нужен был для наружных хозяйственных дел: следить за перевозом через реку Енисей и за разными постройками по частям Красноярска и исправлениями[4].

По представлению енисейского гражданского губернатора предложение Красноярской градской думы было рассмотрено в Совете Главного управления Восточной Сибири и было принято решение утвердить 3-го гласного и к нему кандидата[5]. Таким образом, с 1847 года в Красноярске стало избираться не двое гласных и двое кандидатов к ним, а трое гласных и трое кандидатов к ним.

Автор считает, что сокращение количества гласных в сибирских думах по реформе М. М. Сперанского оказалось не совсем правильным решением. Изначально Иркутской, и впоследствии Красноярской думам не хватало людей для эффективного управления городским хозяйством. На наш взгляд, М. М. Сперанский при принятии решения о сокращении количества гласных руководствовался просмотром документов дум и количеством подписей, стоявших под этими документами. Обычно рапорты дум подписывало трое или четверо гласных. Кроме этого, сокращение количества гласных в думах привело к тому, что они стали купеческими органами городского самоуправления. В Восточной Сибири исключение составила Красноярская дума и то только потому, что в городе было мало купцов.

[1] ГАИО. – Ф. 70. – Оп. 1. – Д. 2387. – Л. 13–13 об.

[2] РГИА. – Ф. 1264. – Оп. 1. – Д. 219. – Л. 2–2 об.

[3] ГАКК. – Ф. 173. – Оп. 1. – Д. 805. – Л. 123.

[4] Там же. – Л. 123–123 об.

[5] Там же. – Л. 128.

В середине XIX века административно-территориальные реформы в Восточной Сибири продолжились благодаря генерал-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьёву. Н. Н. Муравьёв считал, что значительный разброс населённых пунктов друг от друга, плохие пути сообщения и быстрые темпы роста населения увеличивали трудности управления этими округами [7, с. 165].

В 1851 году по предложению генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьёва из Иркутской губернии была выделена Забайкальская область, с двумя округами – Верхнеудинским и Нерчинским. Один из лучших уездных городов Иркутской губернии Верхнеудинск превратился в окружной город Забайкальской области. Также в 1851 году на основании «Положения об управлении Якутской областью» Якутская область была отделена от Иркутской губернии. Ранее в 1849 году в состав Якутской области вошёл Охотский край. В результате Иркутская губерния перестала простираться до Тихого океана и приблизилась к границам современной Иркутской области.

В 1856 году Иркутская губерния была разделена 5 округов. В Иркутской губернии стали состоять города Иркутск, Нижнеудинск, Киренск, Балаганск и Верхоленск, в котором в отличие от других городов губернии городское управление не было образовано. В этом же, 1856 году, Главное управление Восточной Сибири предписало переименовать Якутскую городскую ратушу в Якутскую городскую думу. Бургомистра переименовали в городского голову. Уголовные и гражданские исковые дела передали в ведение Якутского окружного суда. Одновременно якутский губернатор полицейскую частную управу трансформировал в общую городскую управу [9, с. 12]. В Якутскую городскую думу были избраны двое гласных и кандидат по гласным [6, с. 89].

Барнаульские исследователи Ю. М. Гончаров и А. Р. Ивонин отмечают, что «в последней четверти XVIII в. в управлении городами произошли заметные изменения, связанные с проведением административных реформ 1775–1785 гг.» [4, с. 96]. Автор статьи считает, что изменения в управлении сибирских городов были связаны не только с проведением административных реформ, но и с территориальным развитием Сибири в целом. После сибирской реформы М. М. Сперанского Иркутск стал многолюдным городом, Верхнеудинск, Якутск – средними городами, Нижнеудинск, Киренск – малолюдными городами Иркутской губернии, а Красноярск и Енисейск вошли в состав новой Енисейской губернии, Красноярск как губернский центр, а Енисейск как многолюдный уездный город. К середине XIX в. Верхнеудинск и Якутск стали областными центрами и вышли из состава Иркутской губернии.

Выводы. Таким образом, для Восточной Сибири реформы городского самоуправления были связаны с административно-территориальными реформами. Если менялось административно-территориальное деление восточной окраины империи, составлялись штаты для новых губерний, то в соответствии с ним менялось и городское самоуправление. Поэтому в 1804 году после образования Томской губернии была открыта Красноярская градская дума и в 1851 г. была образована Якутская область, а в 1856 г. Якутская ратуша была переименована в Якутскую городскую думу. Сибирская реформа М. М. Сперанского изменила городское самоуправление сибирских городов, сформированное в соответствии с Городовым положением 1785 г. Была отменена общая дума и оптимизировано количество гласных, которое стало зависеть от размера города.

Список литературы

1. Буланков В. В. Позднефеодальный сибирский город (население и хозяйство Енисейска 1724–1822 гг.): дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. Красноярск, 1998. 277 с.
2. Быконя Г. Ф. Красноярск в первой половине XIX в. // Город у Красного яра. Документы и материалы. Первая половина XIX века. Красноярск, 1986. С. 5–22.
3. Гергилев Д. Н. Административное управление Сибирью в XVIII – первой трети XIX века. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. 172 с.
4. Гончаров Ю. М., Ивонин А. Р. Очерки истории города Тары конца XVI – начала XX вв. Барнаул: Аз Бука, 2006. 188 с.
5. Дамешек Л. М., Плотникова М. М. Модели городского самоуправления в Восточной Сибири в конце XVIII – первой четверти XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 394. С. 114–120.
6. Ефремов А. Н. Руководящий состав Якутской городской думы (1856–1917 гг.) // Вестник СВФУ. Сер. История. Политология. Право. 2017. № 4. С. 85–95.
7. Иркутский край. Четыре века. История Иркутской губернии (области) XVII – XXI вв. / А. В. Гимельштейн [и др.]; гл. ред. Л. М. Дамешек. Иркутск: Восткнига, 2012. 800 с.

8. Кытманов А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии. 1594–1893 годы. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. 850 с.
9. Петров П. П. Город Якутск: представительные органы управления (1632–2012 гг.). Якутск: Якутская городская дума, 2012. 112 с.
10. Писарькова Л. Ф. Городские реформы в России и Московская дума. М.: Новый хронограф: АИРО-XXI, 2010. 752 с.
11. Плотникова М. М. Составы городских дум Восточной Сибири в конце XVIII – начале XIX вв. // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. Т. 24, № 4. С. 21–27.
12. Плотникова М. М. Реализация сибирской реформы М. М. Сперанского на практике в губернском Иркутске // Сибирский юридический вестник. 2017. № 2. Апр.–июнь. С. 20–25.
13. Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск, 1995. 236 с.
14. Рабцевич В. В. Сибирский город в дореформенной системе управления. Новосибирск: Наука, 1984. 197 с.
15. Степанов А. С. Енисейская губерния СПб.: Тип. Конрада Вингевера, 1835. Ч. 2. 139 с.
16. Хильдельмаер М. Российский «долгий XIX век»: «особый путь» европейской модернизации? // Ab Imperio. 2002. № 1. С. 85–101.
17. Laakmann H. Das Bürgerbuch von Pernau 1787–1889. J. G. Kruger. Tartu, 1939. 122 p.
18. Tuchtenhagen R. Zwischen Aufklärung und Absolutismus. Staatliche Reformen in den Ostseeprovinzen unter Katharina II // Aufklärer im Baltikum. Europäischer Kontext und regionale Besonderheiten / Hrsg. Kronauer. Ulrich: Heidelberg, 2011. Pp. 241–263.

Статья поступила в редакцию 24.03.2018; принята к публикации 20.05.2018

Библиографическое описание статьи

Плотникова М. М. Развитие городского самоуправления в Восточной Сибири в первой половине XIX века // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 4. С. 85–94. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-85-94.

Maria M. Plotnikova,
Candidate of History, Associate Professor,
Irkutsk State University
(1 Karla Marksa st., Irkutsk, 664003, Russia),
e-mail: someforme@yandex.ru

Development of Municipal Self-Government in Eastern Siberia in the First Half of the XIXth century

The relevance of this work is due to the fact that modern historians have ignored the development of municipal self-government in the East Siberian cities in the first half of the XIXth century and the fact that it was at that time that the peculiarities of the regional policy of the Russian Empire began to form. The method of historicism and comparative approach allowed us to trace the dynamics of development and regional specificity. A distinctive feature of the development of municipal self-government at that time in Eastern Siberia was the fact that it took place not only in the Municipal regulations of 1785, but also in accordance with the administrative and territorial reforms implemented in the region. In 1804, Krasnoyarsk became the County town of Tomsk province and the Krasnoyarsk city Duma was opened. In 1851, the Yakutsk region was separated from the Irkutsk province, and in 1856, the General Directorate of Eastern Siberia renamed the Yakutsk city hall into the Yakutsk city Duma. The purpose of the Siberian reform of M. M. Speransky in 1822 was to change the governance of Siberia as a whole. However, this led to the reformation of the municipal self-government of Siberian cities formed in accordance with the Municipal regulations of 1785. The General city Duma was abolished and it optimized the number of deputies that were dependent on the city size. According to the State, populous cities should have elected the city Duma of 4 deputies and the mayor's office in medium-sized cities remained in the town hall in sparsely populated cities, the starosta managed the city's affairs. The author highlights that by the mid-nineteenth century there was a regional approach to municipal self-government in the Russian Empire.

Keywords: municipal self-government, Eastern Siberia, administrative-territorial development, "Siberian" reforms by M. M. Speransky, the first half of the XIXth century

References

1. Bulankov, V. V. Late feudal Siberian city (population and economy Yeniseisk 1724–1822). Cand. hist. sci. diss. Krasnoyarsk, 1998. (In Rus.)

2. Bykonya, G. F. Krasnoyarsk in the first half of the 19th century. The City at Krasny Yar. Documents and materials. The first half of the 19th century. Krasnoyarsk, 1986: 5–22. (In Rus.)
3. Dameshek, L. M., Plotnikova, M. M. Local Government Models in Eastern Siberia (late 18th – early 19th centuries). Tomsk State University Journal, no. 394, pp.114–120, 2015. (In Rus.)
4. Efremov, A. The Leadership of the Yakutsk City Council (1856–1917). Vestnik of North-Eastern Federal University. "History. Political Science. Law" Series, no. 4 (08), pp. 85–95, 2017. (In Rus.)
5. Gergilev, D. N. The administrative government of Siberia in the 18th – first quarter of the 19th century. Krasnoyarsk: SFU, 2016. (In Rus.)
6. Goncharov, Yu. M., Ivonin, A. R. Essays on the history of the city Tara at the end of the 16th – beginning of the 20th century. Barnaul: Az Buka, 2006. (In Rus.)
7. Hildermeier, M. Russian "Long 19th Century": A "Special Path" of European Modernization? Ab Imperio, no. 1, pp.85–101, 2002. (In Rus.)
8. Irkutsk region. Four centuries. History of the Irkutsk Province (Oblast) in the 17th – 21st centuries. Irkutsk: Vostkniga, 2012. (In Rus.)
9. Kytmanov, A. I. A brief chronical of the Yenisei district and Turukhansk area of the Yenisei province. 1594–1893. Krasnoyarsk: SFU, 2016. (In Rus.)
10. Laakmann, H. Das Bürgerbuch von Pernau 1787–1889. Tartu, 1939.
11. Petrov, P. P. City Yakutsk: legislative elections (1632–2012). Yakutsk: Yakutskaya gorodskaya duma, 2012. (In Rus.)
12. Pisarkova, L. F. Urban reform in Russia and the Moscow Duma. Moscow: Novyy khronograf: AIRO–XXI, 2010. (In Rus.)
13. Plotnikova, M. M. The composition of the city Dumas of Eastern Siberia in the late 18th – early 19th centuries. Humanitarian sciences in Siberia, no. 4, pp.21–27, 2017. (In Rus.)
14. Plotnikova, M. M. Practical Realization of Siberian Reforms by M. M. Speransky in Irkutsk. Siberian Law Herald, no. 2, pp.20–25, 2017. (In Rus.).
15. Remnev, A. V. Autocracy and Siberia. Administrative policy in the first half of the 19th century. Omsk, 1995. (In Rus.)
16. Rabtsevich, V. V. The Siberian city in the pre-reform system management. Novosibirsk: Nauka, 1984. (In Rus.)
17. Stepanov, A. S. The Yenisei province. Ch. 2. Sankt-Peterburg: v tipografii Konrada Vingevera, 1835. (In Rus.)
18. Tuchtenhagen, R. Zwischen Aufklärung und Absolutismus. Staatliche Reformen in den Ostseeprovinzen unter Katharina II. Aufklärer im Baltikum. Europäischer Kontext und regionale Besonderheiten / Hrsg. Kronauer, Ulrich: Heidelberg 2011 (Akademiekonferenzen; 12), pp.241–263. (In Engl.)

Received: March 24, 2018; accepted for publication May 20, 2018

Reference to the article

Plotnikova M. M. Development of Municipal Self-Government in Eastern Siberia in the First Half of the XIXth century // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 4. PP. 85–94. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-85-94.

http://www.zabvektor.com ISSN 2542-0038 (Online) ISSN 1996-7853

УДК 640.4(571.55)+94(57)
DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-95-101

Евгений Владимирович Семёнов,
кандидат исторических наук, доцент,
Восточно-Сибирский государственный
институт культуры
(670031, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 1),
e-mail: sew11@mail.ru

Участие польских ссыльных в развитии гостиничного дела в Восточном Забайкалье во второй половине XIX века

В статье рассматриваются вопросы вовлечения польских политических ссыльных в развитие гостиничного дела Восточного Забайкалья. Участие польских ссыльных в хозяйственной жизни Восточного Забайкалья не нашло своего отражения в самостоятельном исследовании, в связи с чем данная тема видится нам актуальной. На базе широкого круга исторических источников автор иллюстрирует деятельность польских ссыльных в крупных городах Забайкалья по содержанию постоялых дворов и гостиниц. Были проанализированы дневники и воспоминания как польских ссыльных, так и иностранных путешественников, пользовавшихся услугами гостиниц, которые содержали поляки. Развитие гостиничного дела в Забайкалье в XIX веке находилось на низком уровне развития. Отсутствие объективных условий для формирования гостиничной сферы приводило к тому, что данная сфера экономики не получала своего развития во второй половине XIX века. Выход на поселение польских политических ссыльных в 70–80-е годы XIX века и поиск ими способов заработка привели к тому, что некоторая часть польских ссыльных занялась содержанием гостиниц и постоялых дворов. Польские ссыльные внесли определённый вклад в развитие гостиничного дела, привнеся в Забайкалье некоторые элементы, присущие западным регионам Российской империи.

Ключевые слова: польские политические ссыльные, Восточное Забайкалье, гостиничное дело, хозяйственная деятельность, гостиницы, постоялые дворы

Введение. Развитие гостиничного дела в Сибири во второй половине XIX века находилось на очень низком уровне. Малая населённость городов и деревень, а также слабая мобильность местного населения приводили к тому, что востребованность в гостиницах была незначительная. Во время ярмарок, проходивших в ряде сибирских городов, приезжие проживали либо в домах мещан, сдававших на это время часть своих помещений, либо на постоялых дворах. Чиновники, путешествовавшие по Сибири, останавливались на так называемых земских квартирах, предоставляемых им местной администрацией. Состоятельные путешественники, как правило, останавливались по рекомендательным письмам в частных домах зажиточных горожан и богатых купцов.

Если в центральной части Российской империи формирование гостиничной сети происходило поступательно, то в Забайкалье значительно отставало. Города Забайкалья ещё в середине XIX века являлись немногочисленными и малонаселёнными. На территории Забайкалья во второй половине XIX века было несколько крупных городов – Чита, Верхнеудинск, Нерчинск, Троицкосавск, Баргузин. Во второй половине XIX века в Забайкалье замечается значительный рост городов и увеличение числа городских жителей.

В 1863 году забайкальские города насчитывали: Верхнеудинск – 4032 чел.; Нерчинск – 3774 чел.; Троицкосавск – 5431 чел.; Чита – 3019 чел.; Селенгинск – 999 чел.; Баргузин – 981 чел. [5, с. 475]. С 1858 по 1897 год городское население Сибири увеличилось более чем в два раза [19, с. 166]. Посетивший Читу в 60-е гг. Б. И. Дыбовский, отбывавший каторжные работы в Сивяковском тюремном помещении, отозвался о городе следующим образом: «Улицы немощёные, и точно так же, как рыночная площадь – грязные, неубранные, нигде не видно ни деревца – любое дуновение ветра поднимает клубы пыли, грустный город» [26, с. 99].

Методология и методы исследования. Данная работа строится на анализе источников мемуарного наследия польских политических ссыльных и иностранных путешественников, посещавших Забайкалье во второй половине XIX века [8–10; 23; 26][1], содержащих основной объём фактического материала по участию польских ссыльных в хозяйственной жизни, в частности, в развитии гостиничного дела Восточного Забайкалья. Основные трудности при изучении данного вопроса заключаются в незначительном содержании информации относительно участия польских

[1] Чехов А. П. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 12. Письма. – М.: Правда, 1950. – 448 с.

© Семёнов Е. В., 2018

политических ссыльных в хозяйственной жизни Забайкалья после выхода их на поселение, поскольку именно в этот период они не подлежали надзору, и сведения об их деятельности уже не отражались в материалах статистической отчётности полицейского ведомства.

Результаты исследования и их обсуждение. Для характеристики степени участия польских политических ссыльных в хозяйственной жизни региона следует более подробно рассмотреть уровень развития гостиничного дела в основных городах Восточного Забайкалья в XIX веке.

На территории Восточного Забайкалья существовало несколько крупных городов, имевших важное торговое, хозяйственное и административное значение. До создания Забайкальской области и утверждения статуса областной столицы в Чите все административные функции были сосредоточены в Нерчинском Заводе.

Нерчинский Завод был создан как сереброплавильный завод в 1704 году. На протяжении XVIII – первой половины XIX века являлся крупным центром российской металлургической промышленности на Востоке. Административно объединял Нерчинский горный округ, но фактически являлся административным, экономическим и культурным центром всего Восточного Забайкалья. Здесь были сосредоточены все административные учреждения по управлению горными заводами и рудниками [20, с. 331–332].

Нерчинский Завод утратил своё значение в середине XIX века, когда была образована Забайкальская область и функции административного центра переместились в Читу. Дополнительным фактором, поспособствовавшим ослаблению позиций Нерчинского Завода, явилось истощение запасов добываемой серебряной и оловянной руды. Были закрыты практически все горные заводы.

Мы на настоящий момент не располагаем информацией о существовавших в Нерчинском Заводе постоялых дворах и гостиницах в рассматриваемый нами период. Агатон Гиллер в своей работе «Описание Забайкальского края в Сибири» упоминает о существовании «Литовского» отеля, который содержали польские ссыльные Владислав и Екатерина Рабцевичи [23, с. 251], но в полной мере назвать их дом гостиницей не представляется возможным, поскольку, на наш взгляд, он мог служить лишь местом встречи польских ссыльных Нерчинского Завода. Семейный очаг мог им напоминать о тепле родного дома и давать силы для дальнейшей жизни вдали от близких.

Вопросами выявления месторасположения здания гостиницы в Нерчинском Заводе заинтересовался Е. Д. Петряев, известный исследователь истории и культуры Забайкалья. В своём письме И. В. Чижову от 24 апреля 1984 года он пишет: «Удалось ли обследовать дом Багашевых, составить план усадьбы, найти “гостиницу”?» [4]. Скорее всего, здание гостиницы так и не было выявлено, поскольку большая часть исторических зданий Нерчинского Завода не сохранилась до нашего времени.

Старейшим городом Восточного Забайкалья, продолжавшим играть роль важного торгового и экономического центра, являлся Нерчинск, основанный в 1653 году [13, с. 11; 16, с. 3]. На протяжении трёх веков Нерчинск успешно конкурировал с другими городами Забайкалья и лишь с созданием Забайкальской области в 1851 году и учреждением столицей небольшого поселения Читы он постепенно утратил своё положение. С переводом основных административных учреждений в Читу город перестаёт быть центром края [13, с. 44].

Хозяйственная и культурная жизнь в Нерчинске в 60-е – начале 80-х годов XIX века оживлялась благодаря активной деятельности братьев М. Д. и Н. Д. Бутиных [17, с. 8]. С банкротством Торгового дома братьев Бутиных в начале 80-х годов XIX века и обошедшей стороной Нерчинск Транссибирской железнодорожной магистралью город окончательно утратил почти все свои позиции. Несмотря на замедление экономической деятельности в городе активно проводилась деятельность в области культуры. В 1886 году в городе был создан первый в Забайкалье музей [21, с. 291–292].

Гостиничное дело Нерчинска во второй половине XIX века, как и в других городах Забайкалья, оставалось на крайне низком уровне развития. Практически не имеется данных по гостиницам и постоялым дворам Нерчинска в рассматриваемый нами период. Возможно, единственной является работа Дж. Кеннана «Сибирь и ссылка». В конце ноября 1886 года Дж. Кеннан прибыл в Нерчинск. Здесь он остановился в единственной гостинице в городе, принадлежавшей польскому ссыльному. Сам путешественник следующим нелицеприятным образом описывает эту гостиницу. На наш взгляд, следует привести его полное описание: «В Нерчинске в первый раз за целый месяц мы останови-

лись в гостинице, однако с точки зрения чистоты и удобств она значительно уступала земским квартирам, в которых мы ночевали во время поездки на рудники. Пожалуй, это была худшая гостиница из виденных нами в Сибири. …Усталые, продрогшие и голодные и уже привыкшие к грязи, неопрятности и неудобствам, мы почувствовали себя неуютно, оказавшись в этой мрачной, запущенной гостинице, однако, поскольку другой гостиницы в городе не было, нам пришлось покориться своей участи.

Хозяином её был ссыльный поляк по фамилии Клементович, и я невольно подумал о том, что если бы он держал в Польше такую же гостиницу, как та, что он имел в Нерчинске, то было бы достаточно оснований, продиктованных заботой об общественной нравственности и всеобщем благополучии, чтобы оправдать его высылку административным порядком в самую отдалённую часть Сибири, независимо от его политических взглядов» [8, с. 222].

В июне 1890 года в Нерчинске на некоторое время останавливался следовавший на Сахалин А. П. Чехов. По свидетельствам местных краеведов, он провёл время в гостинице «Даурия» [17, с. 283–284]. Нерчинск он охарактеризовал следующим образом: «Вчера (19 июня) был в Нерчинске. Городок не ахти, но жить можно»[1]. Какой-либо подробной характеристики гостиничных номеров он в своих письмах не даёт. Здание гостиницы сохранилось до наших дней, и сейчас на нём размещена памятная доска, указывающая, что в нём останавливался А. П. Чехов.

Очередное упоминание о гостинице Клементовича мы встречаем в воспоминаниях майора японской армии Фукусимы Ясумасы (1852–1919), посетившего Нерчинск по возвращении в Японию 26 января 1893 года. В своём дневнике он сделал следующую запись: «Прибыл в Нерчинск, где остановился в гостинице поляка Клементовича» [3, с. 6]. Более подробного описания состояния гостиничных номеров, к сожалению, он не даёт. Но поскольку нет крайне негативной оценки, можно предположить, что к тому времени состояние гостиницы Клементовича улучшилось.

Ещё одно упоминание о поляке – владельце гостиницы в Сретенске – мы находим в описании французского путешественника Эдмона Котто, который посетил Сретенск в июле 1881 года. Единственным местом, где путешественники могли провести время, ожидая парохода, являлась небольшая гостиница “Vaux-hall”, автор подчёркивает, что содержал эту небольшую гостиницу с громким названием «как всегда, ссыльный поляк» [10, с. 144–145]. Нелицеприятно характеризует деятельность и поведение владельца гостиницы тот факт, что он обманул Э. Котто при продаже его дорожного тарантаса и насчитал лишние деньги за незначительные услуги, хотя автор пообещал торговцу увековечить его имя и поступок в своей книге, тем не менее, имя он его так и не указал, о чем сам впоследствии сожалел [Там же, с. 147].

Административным, хозяйственным и культурным центром Забайкалья с середины XIX века становится небольшое поселение Чита. В 1851 году восточносибирский генерал-губернатор Н. Н. Муравьёв, проводивший политику расширения восточных территорий России, инициировал создание новой административной единицы – Забайкальской области.

В Чите были размещены все основные административные и государственные учреждения области. Находясь в выгодном географическом месторасположении, Чита в скором времени из небольшого поселения превратилась в крупный центр Забайкалья. Значительно возросло количество жителей города, и если в 50-е годы XIX века преобладающим контингентом являлись военные и чиновники, то в 60–70-е годы XIX века значительный процент составляли мещане [12, с. 38–50].

Летом 1855 года в Чите несколько недель провёл А. Гиллер. В своей работе он не упоминает ни об одной гостинице, пишет лишь о дороговизне найма жилья [23, с. 56], что неудивительно, ведь город только начинал строиться.

М. И. Орфанов (1847–1884), прослуживший в Чите 10 лет на должности следователя, очень хорошо познакомился с жизнью этого города. По его свидетельству, единственная гостиница в 70-е годы XX века в Чите содержалась компанией ссыльных поляков, сосланных в Сибирь за участие в польском восстании 1863–1864 годов, некими Б., Ч. и Г. [15, с. 202]. К сожалению, автор не расшифровывает фамилии этих людей, может быть, и потому, что не хотел на них навлечь гнев местной администрации, поскольку с ними была связана громкая история, произошедшая в Чите в середине 70-х годов XX века.

В середине 70-х годов в окрестностях Читы активизировалась банда беглых каторж-

[1] Чехов А. П. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 12. Письма. – М.: Правда, 1950. – С. 182.

ников, возглавляемая неким Лопаницыным. Акцию по поимке главаря банды возглавил вновь назначенный читинский полицмейстер, фамилию которого автор также не упоминает. Именно с ним и была связана эта громкая история. После очередной акции компания молодых участников, злоупотребив алкоголем, разъехалась по домам. Полицмейстеру же вздумалось заехать в гостиницу, которая содержалась польскими ссыльными. В гостинице он продолжил распивать спиртные напитки, требуя от владельцев шампанское. После того как ему было отказано, полицмейстер устроил дебош, ломая посуду и мебель. Хозяева были вынуждены вызвать полицию, чтобы утихомирить разбушевавшегося гостя.

Дальнейший поворот событий развивался очень быстро и мог привести к трагическим результатам. Прибывшая на место происшествия полиция была принуждена полицмейстером к аресту владельцев гостиницы, которые были им обвинены в мятеже и убийстве русских во время восстания в Польше.

Арестованные были доставлены в полицейский участок, где полицмейстер приказал казнить несчастных. Первым пытались повесить Б., но в пьяной суете ему не связали руки, что позволило ему вырваться. Тогда было решено его застрелить. Один из казаков, испугавшись такого развития ситуации сообщил о происходящем прокурору, проживавшему неподалеку [Там же, с. 204].

Возбуждённое следствие, продолжавшееся два года, не привело ни к чему. Полицмейстер был признан «неисправимым пьяницей» и оставлен на службе под ответственность губернатора. Какова была дальнейшая судьба владельцев гостиницы, автор не сообщает.

В начале июля 1881 года Читу посетил упоминавшийся выше французский путешественник Эдмон Котто. Давая описание Читы, он также дал характеристику состояния гостиничного дела. По его свидетельству, в городе было всего 2 гостиницы: «Чита» и «Май». Он отдал предпочтение второй гостинице, которую ему рекомендовали как лучшую. Э. Котто также отмечает, что владельцем гостиницы «Май» был польский ссыльный Маевский. Автор отмечает, что комната в гостинице была очень хорошо снабжена, имелся даже письменный стол, подчёркивая, что «для Сибири это люкс» [9, с. 99].

Спустя пять лет в Чите дважды останавливался Дж. Кеннан, первый раз в октябре 1886 года, по пути на Карийскую каторгу, и второй раз в декабре этого же года, возвращаясь в центральную Россию. Он в своих воспоминаниях ничего не говорит о гостинице «Май».

В октябре он останавливался в «Петербургской гостинице», которую, по его словам, содержал ссыльный поляк, правда, фамилия владельца гостиницы, автором не указывается [8, с. 94]. В декабре, возвращаясь из Кары, он повторно задержался в Чите, в этот раз на более продолжительное время [2; 9, с. 228]. В этот раз путешественник остановился в небольшой одноэтажной деревянной гостинице «Владивосток», которую содержал некто Бячинский [8, с. 228].

Развитие гостиничной сферы Читы приходится на конец XIX – начало XX века. Этот период связан со строительством через Читу Транссибирской магистрали, соединившей Забайкалье с центральной Россией, Сибирью и Дальним Востоком. Чита становится крупным экономическим центром Забайкалья, значительно опережая в своём развитии другие города региона [1].

В. Г. Лобанов в своей работе даёт краткий обзор гостиниц и ресторанов Читы на рубеже XIX–XX веков, но ни одна из рассматриваемых им гостиниц не принадлежала полякам [11, с. 91, 92, 176, 177]. Хотя в городе функционировало несколько кофеен и кондитерских, которые могли им принадлежать, поскольку носили названия: «Первая Варшавская кондитерская», «Варшавская кондитерская», «Варшавская кухмистерская». Данный аспект ещё требует своей детальной разработки на основе материалов Государственного архива Забайкальского края.

Многие поляки Читы во второй половине XIX века проявили себя в ремесленном производстве, строительстве, торговле [18; 23, с. 263–277].

Выходившие на поселение после отбывания каторжных работ в рудниках Нерчинского горного округа польские политические ссыльные стремились осесть в крупных городах Восточного Забайкалья. Город предоставлял ссыльным ряд возможностей для безбедного существования для специалистов ряда профессий, не развитых в сибирских городах в рассматриваемый период. Предприимчивые ссыльные легко ориентировались в наиболее востребованных отраслях и находили достойное применение своим знаниям и умениям. Одной из таких сфер стало гостиничное дело, практически не развитое в Восточном Забайкалье. Земские квартиры и почтовые станции не удовлетворяли всё возрастающего спроса путешеству-

ющих по Сибири в личных, торговых и служебных целях. В связи с этим находившиеся на поселении в Нерчинске и Чите польские политические ссыльные постарались заполнить этот сегмент экономики.

Заключение. Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что развитие гостиничного дела в Восточном Забайкалье в XIX веке находилось на низком уровне развития. Даже существовавшие постоялые дворы и гостиницы не всегда отвечали необходимым условиям проживания. Развитие гостиничного дела активно начинается лишь после постройки Транссибирской железнодорожной магистрали, что дало толчок общему развитию экономики Забайкалья.

Следует отметить, что польские политические ссыльные, выходившие на поселение после отбывания каторжных работ, сравнительно быстро адаптировались в условиях сибирского города и старались приложить свои знания и умения в некоторых отраслях экономики. Одним из таких направлений стало гостиничное дело.

В заключение необходимо подчеркнуть, что вклад польских политических ссыльных в развитие гостиничного дела Восточного Забайкалья несомненно высок. И хотя в некоторых случаях сервис в таких гостиницах был далёк от совершенства, тем не менее, их деятельность способствовала развитию данного направления экономики.

Список литературы

1. Боярышникова И. А. Чита как экономический центр Забайкалья начала XX века // Чита историческая. Чита, 2009. С. 85–89.
2. Восточное обозрение. 1886. № 1. С. 5.
3. Галкин С., Литвинцев А. Японские гости в Нерчинске // Нерчинская звезда. 2005. 9 сент.
4. «И памятники заговорят»: из переписки И. В. Чижова с Е. Д. Петряевым // Нерчинские заводы. Чита: Экспресс-изд-во, 2004. С. 31.
5. История Сибири с древнейших времён до наших дней: в 5 т. Т. 2. Сибирь в составе феодальной России. Л.: Наука, 1968. 538 с.
6. История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. Т. 3. Сибирь в эпоху капитализма. Л.: Наука, 1968. 530 с.
7. Казакова Т. П. «Младший из русских городов» // Чита историческая. Чита: Экспресс-изд-во, 2009. С. 47–48.
8. Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. Путевые заметки (1885–1886 гг.). СПб.: БЛИЦ, 1999. Т. 2. 396 с.
9. Котто Э. Из Парижа в Японию через Сибирь. Глава XIII. Из Читы в Сретенск (6–12 июля 1881 г.) // Переводчик: науч.-художественный журнал. 2003. № 4. С. 97–102.
10. Котто Э. Из Парижа в Японию через Сибирь. Глава XIV. Из Сретенска в Благовещенск (12–17 июля 1881 г.) // Переводчик. Научно-худож. журн. 2006. № 6. С. 144–149.
11. Лобанов В. Г. Старая Чита. Чита: Степанов М. А., 2001. 336 с.
12. Мерцалов В. И. Город Чита: возникновение и развитие (1851–1895 гг.) // Развитие городских поселений Байкальской Азии: материалы III Межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. 345-летию г. Улан-Удэ (г. Улан-Удэ, 15–16 дек. 2011 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. С. 38–50.
13. Музгин Н. Д. Родная земля – Забайкалье. Страницы истории города Нерчинска. Чита: Тип. Богданова Г. Г., 2003. 129 с.
14. Немеров В. Ф. Прогулки по старой Чите. Чита: Экспресс-изд-во, 2010. 332 с.
15. Орфанов М. И. В дали (из прошлого). Рассказы из вольной и невольной жизни Мишла (М. И. Орфанова). М.: И. Н. Кушнерев и К., 1883. 420 с.
16. Пуляевский Л. А. Очерк по истории г. Нерчинска (к 275-летию города в ноябре 1928 года). Нерчинск, 2003. 16 с.
17. Ушакова О. В. Михаил Дмитриевич Бутин. Предприниматель и меценат Забайкалья (60-е гг. XIX – начало XX в.). Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 2006. 300 с.
18. Швец Е. Г. Поляки-предприниматели в Забайкальской области // Сибирско-польская история и современность: актуальные вопросы: сб. материалов междунар. науч. конф. Иркутск, 2000. С. 256–259.
19. Энциклопедия Забайкалья. Читинская область. Новосибирск: Наука, 2002. Т. 1. Общий очерк. 302 с.
20. Энциклопедия Забайкалья. Читинская область. Новосибирск: Наука, 2004. Т. 2. 420 с.
21. Энциклопедия Забайкалья. Читинская область. Новосибирск: Наука, 2006. Т. 3. 541 с.
22. Batujewa I. B., Gołosowska T. W. Zajęcia polskiej diaspory na Zabajkalu w drugiej połowie XIX i na początku XX wieku / / Polacy w nauce, gospodarce i administracji na Syberii w XIX i na początku XX wieku. Wrocław, 2007. Pp. 263–277.
23. Giller A. Opisanie Zabajkalskiej krainy w Syberii. Lipsk: F. A. Brockhaus, 1867. T. 1. 294 p.
24. Librowicz Z. Polacy w Syberii. Kraków: G. Gebethner i Spółka, 1884. 380 p.
25. Nowiński F. Polacy na Syberii Wschodniej. Zesłańcy polityczni w okresie międzypowstaniowym. Gdańsk, 1995. 434 p.

26. Pamiętnik dra Benedykta Dybowskiego od roku 1862 zacząwszy do roku 1878. Lwów: Wydawnictwo Zakładu Narodowego imienia Ossolińskich, 1930. 627 p.

Статья поступила в редакцию 10.03.2018; принята к публикации 15.04.2018

Библиографическое описание статьи

Семёнов Е. В. Участие польских ссыльных в развитии гостиничного дела в Восточном Забайкалье во второй половине XIX века // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 4. С. 95–101. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-95-101.

Evgeniy V. Semenov,
Candidate of History, Associate Professor,
East-Siberian State Institute of Culture
(1 Tereshkovoi st., Ulan-Ude, 670031, Russia),
e-mail: sew11@mail.ru

Participation of the Polish Political Exiles in Development of Hotel Business in the Eastern Transbaikalia in the Second Half of the 19th Century

The article deals with the involvement of Polish political exiles in the development of hotel business in Eastern Transbaikal region. The participation of Polish exiles in the economic life of the Eastern Transbaikalia has not been reflected in an independent research; thereby this topic seems to be significant for us. Based on a wide range of historical sources, the author illustrates the activities of Polish exiles in the major cities of the Transbaikal region regarding the maintenance of inns and hotels. The author analyzed diaries and memoirs of Polish exiles and foreign travelers who stayed in the hotels that were run by the Poles. The hotel business in Transbaikalia in the 19th century was at a low level of development. Lack of objective conditions for the formation of the hotel sphere led to the fact that this sphere of the economy did not receive its development in the second half of the 19th century. After Polish political exiles had been permitted to live in settlements in the 1870–1880s, they searched for ways to earn money. Thus, some of the Polish exiles were engaged in the maintenance of hotels and inns. The Polish exiles made a definite contribution to the development of the hotel business in Transbaikalia by introducing some elements inherent in the western regions of the Russian Empire.

Keywords: Polish political exiles, Eastern Transbaikalia, hotel business, economic activity, hotels, inns

References

1. Boyaryshnikova, I. A. Chita as an economical center of Transbaikalia at the beginning of the XXth century. Chita istoricheskaja. Chita, 2009: 85–89. (In Rus.)
2. Vostochnoe obozrenie, пою 1, p. 5, 1886. (In Rus.)
3. Galkin, S., Litvintsev, A. Japanese guests in Nerchinsk. Nerchinskaya Zvezda. 2005. 9 Sept. (In Rus.)
4. “And monuments will speak”. From the correspondence of I.V Chizhov and E. D. Petryaev. Nerchinskie zavody. Chita, 2004. (In Rus.)
5. History of Siberia from ancient times to the present day: in 5 v. L: Nauka, 1968. V. 2: Siberia as part of feudal Russia. (In Rus.)
6. History of Siberia from ancient times to the present day: in 5 v. L: Nauka, 1968. V. 3: Siberia in the epoch of capitalism. (In Rus.)
7. Kazakova, T. P. “The youngest of Russian cities”. Chita istoricheskaja. Chita, 2009: 39–52. (In Rus.)
8. Kennan, G. Siberia and the exile system. Travel notes (1885–1886). Sankt-Peterburg: Russko-Baltijskij inform. centr BLIC, 1999. T. 2. (In Rus.)
9. Kotto, E. From Paris to Japan across Siberia. Chapter XIII. From Chita to Sretensk (6–12 July, 1881). Perevodchik. Nauchno-chudozhestvennyi zhurnal, no. 4, pp. 97–102, 2003. (In Rus.)
10. Kotto, E. From Paris to Japan across Siberia. Chapter XIV. From Sretensk to Blagoveshchensk (12–17 July 1881). Perevodchik. Nauchno-chudozhestvennyi zhurnal, no. 6, pp. 144–149, 2006. (In Rus.)
11. Lobanov, V. G. The old Chita. Chita: Stepanov M. A., 2001. (In Rus.)
12. Mertsalov, V. I. Chita city: emergence and development (1851–1895). Development of cities of the Baikal Asia: Proceeding of the 3rd International Scientific and Practical Conference dedicated to the 345th anniversary of Ulan-Ude city (Ulan-Ude, 15–16 December, 2011). Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 2012: 38–50. (In Rus.)
13. Muzgin, N. D. Native land – Transbaikalia. Pages of the history of Nerchinsk. Chita, 2003. (In Rus.)
14. Nemerov, V. F. Walks in old Chita. Chita: Ekspress-izdatelstvo, 2010. (In Rus.)
15. Orfanov, M. I. Far away. (From the past). Stories of free and involuntary life of Mishla (M. I. Orfanova). M: Tipo-lit. I. N. Kushnerev i K., 1883. (In Rus.)

16. Pulaevskiy, L. A. Essay of the history of Nerchinsk (to the 275th anniversary of the city in November of 1928). Nerchinsk, 2003. (In Rus.)
17. Ushakova, O. V. Mikhail Dmitrievich Butin. Entrepreneur and philanthropist of Transbaikalia (the 1860s – the beginning of the 20th century). Novosibirsk : Novosib. kn. izd-vo, 2006. (In Rus.)
18. Shvets, Ye. G. Polish entrepreneurs in Transbaikal region. Siberian-Polish history and modernity: topical issues: Proceeding of the International Scientific Conference. Irkutsk, 2001: 256–259. (In Rus.)
19. Encyclopedia of Transbaikalia. Chita region. Novosibirsk: Nauka, 2002. V. 1: General essay. (In Rus.)
20. Encyclopedia of Transbaikalia. Chita region. Novosibirsk: Nauka, 2004. V. 2. (In Rus.)
21. Encyclopedia of Transbaikalia. Chita region. Novosibirsk: Nauka, 2006. V. 3. (In Rus.)
22. Batujewa, I. B., Gołosowska, T. W. Zajęcia polskiej diaspory na Zabajkalu w drugiej połowie XIX i na początku XX wieku // Polacy w nauce, gospodarce i administracji na Syberii w XIX i na początku XX wieku. Wrocław, 2007: 263–277. (In Polish)
23. Giller, A. Opisanie Zabajkalskiej krainy w Syberii. Lipsk : F. A. Brockhaus, 1867. T. 1. 294. (In Polish)
24. Librowicz, Z. Polacy w Syberii. Kraków : G. Gebethner i Spółka, 1884. (In Polish)
25. Nowiński, F. Polacy na Syberii Wschodniej. Zesłańcy polityczni w okresie międzypowstaniowym. Gdańsk, 1995. (In Polish)
26. Pamiętnik dra Benedykta Dybowskiego od roku 1862 zacząwszy do roku 1878. Lwów : Wydawnictwo Zakładu Narodowego imienia Ossolińskich, 1930. (In Polish)

Received: March 10, 2018; accepted for publication April 15, 2018

Reference to the article

Semenov E. V. Participation of the Polish Political Exiles in Development of Hotel Business in the Eastern Transbaikalia in the Second Half of the 19th Century // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 4. PP. 95–101. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-95-101.

ИСТОРИЯ РЕЛИГИИ

HISTORY OF RELIGION

УДК 322(571.56)
DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-102-109

Инна Игоревна Юрганова,
доктор исторических наук,
Институт гуманитарных исследований и
проблем малочисленных народов Севера
СО РАН
(677008, Россия, г. Якутск, ул. Петровского, 1),
e-mail: inna.yurganova@mail.ru

«До царя далеко, до бога высоко…» (из истории взаимоотношений светской власти и духовенства в Якутском крае)

В статье рассматриваются отношения светской власти в лице воевод, губернаторов и духовенства в одной из наиболее отдаленных окраин Русского государства – Якутском крае. В контексте теории имперского регионализма на основе цивилизационной парадигмы выявлены имеющие место конфликты, возникавшие как в условиях реформирования, так и в связи с межличностными отношениями. Показано, что бесконтрольность и злоупотребления воевод на этапе военно-административного освоения края сменяются попытками гражданской власти области ограничить передвижения приходских причтов и сократить количество церковно-приходских школ. Установлено участие в разрешении конфликтов высших должностных лиц империи XIX – начала XX века. Обоснована ведущая роль государства во всех основных мероприятиях церкви и подчинение её задач государственной политике с учётом территориально-климатических особенностей проживания в условиях Крайнего Севера. Сделан вывод о необходимости организации на местах институтов-проводников имперской политики и идеологии, главной целью которых было утверждение государственного единства. Очевидно, что распространение православного христианства на вновь приобретённых территориях являлось, прежде всего, частью государственной политики Российской империи и элементом инкорпорации в русскую государственность.

Ключевые слова: Якутский уезд, церковное управление, якутское духовное правление, объезды приходов священниками

Введение. Взаимоотношения государства и церкви – сложный и важный вопрос, решение которого во многом определяло ход развития исторического процесса. Государственно-церковные отношения трактуются как «совокупность всех форм взаимосвязей государства и религиозных институтов в различных сферах деятельности» [5, с. 5]. Человечество имеет тысячелетний опыт отношений «государство – церковь», и инициатива их изменений в большинстве случаев принадлежала государству. Особо значимо религиозное начало в деятельности монархических государств, и одной из задач монархии является оформление отношений с церковью [11, с. 70].

Пришедшая вслед за государством на просторы Сибири Русская православная церковь являлась выразителем его интересов, и вступление иноверцев в православие было тождественно принятию русского подданства. Неофиты охотно принимались на «государеву службу». В связи с этим представляется интересным рассмотрение взаимоотношений светской власти и духовенства в одном из наиболее отдалённых регионов – Якутском крае.

Методология и методы исследования. Методология исследования основана на цивилизационной парадигме, когда интеграция в состав русского государства рассматривается в контексте теории имперского регионализма. Использованы методы анализа, обоб-

© Юрганова И. И., 2018

щения, сопоставительной типологии, рассмотрения вопросов в хронологически-проблемном плане с учётом определённости места и времени, системности, состоявшей во взаимосвязи церковно-государственного управления в регионе с законодательством империи. В научный оборот вводятся новые, не опубликованные ранее архивные документы.

Результаты исследования и их обсуждение. Вопросы взаимодействия государства и церкви привлекали внимание как светских, так и церковных исследователей. Отечественная историография представлена сочинениями митрополита Макария (Булгакова) и Е. Е. Голубинского, где, кроме прочего определено место церкви как общественного института в истории страны [1; 3]. Системное описание истории Русской православной церкви в XVIII–XX веках подготовлено протоиереем В. Цыпиным, в котором с позиции официальной церкви рассмотрены взаимоотношения церкви и государства, в том числе и на его восточных окраинах [12]. Взаимодействию Церкви, общества и государства в Восточной Сибири в XVII–XVIII веках посвящены монография А. П. Санникова и статьи И. И. Юргановой [8; 14; 15]. Заметим, что в трудах зарубежных авторов по истории Русской церкви не рассматривались история и специфика православия на территории Якутии.

Включение территории Сибири в состав Русского государства происходило на протяжении нескольких столетий. Закрепление населения осуществлялось путём строительства острогов и зимовий, становившихся затем административными центрами. Вслед за казачьими отрядами и гулящими людьми на новые, неизвестные земли переселялись крестьяне, торговые и промышленные люди. К концу XVII века в Восточной Сибири насчитывалось около 60 тысяч представителей русского и других несибирских народов при численности коренных народов в 100 тыс. душ, пришлые составляли уже более 1/3 всего населения [8, с. 15]. Территория Якутского края становится одним из промысловых регионов, ежегодно с промыслов и на промыслы через якутскую таможню проходило до тысячи человек [9, с. 35]. Вместе с тем основная часть пришлого населения оседала в южных, более комфортных для проживания районах, тогда как регион Крайнего Севера оставался национальным анклавом, и к концу XVIII века в Якутии проживало только 2700 русских или 1,2 % населения [10, с.15].

В 1638 году был учреждён пограничный Якутский уезд. Во главе уезда находились воеводы, и к июню 1641 года исследователи относят начало функционирования уездной администрации[1]. С 1708 года Якутский уезд подчинялся тобольскому губернатору, затем иркутскому провинциальному воеводе. В 1765 году была создана Иркутская губерния. Во главе Якутской провинции Иркутской губернии находился провинциальный воевода, затем его должность была заменена комендантами, с 1796 года – городничими. С 1805 года, после образования Якутской области, начало функционировать областное правление, сосредоточившее полицейскую, судебную и финансовую функции управления. В 1851 году императорским указом Якутская область была приравнена по правам к губернии[2].

Территориально-административное деление области состояло из округов (во главе с начальниками), улусов (инородная управа с головой), наслегов (родовое управление) и родов (старшины или старосты). Оседлое сельское население области было объединено в деревни (десятский), составлявшие волости (волостной староста).

Параллельно с территориально-административным оформлением происходило становление церковно-административной структуры. В 1620 году была создана Тобольская епархия (архиепископия). Распространение православия в Восточной Сибири обусловило возможность создания самостоятельной Иркутской епархии (1727). Якутия находилась в церковном подчинении тобольских, иркутских и камчатского архиереев, затем в с 1870 года была учреждена самостоятельная Якутская и Вилюйская епархии.

К середине XVII века государственная власть начинает вырабатывать и применять на практике методы взаимодействия с местным населением, отражённые в инструкциях сибирским воеводам [2, с. 33–42]. Служилые люди были должны «иноземцам никакие тяготы не чинить… объявить им государево милостивое слово» о их защите и сборе ясака, после этого «лутчих иноземческих князцов» требовалось привести по их вере к присяге-шерти и взять аманатов.

Местная власть должна была также обеспечивать распространение христианства, о чём неоднократно напоминалось сибирским воеводам. Функции воеводы заключались «в заботе, чтобы духовенство исполняло свои

[1] История Якутии и фонды ГАИО // Фонды Государственного архива Иркутской области о Якутии: справочник / сост. П. Л. Казарян. – Якутск, 2006. – С. 11.

[2] Полное Собрание законов Российской империи. – Т. 26, № 25395. – 2-е отд-ние. – С. 480–482.

обязанности», а прихожане посещали храмы и «говели своевременно»[1]. В наказах предписывалось проявлять заботу о храмах и оказывать содействие крещению населения. В царском наказе первым якутским воеводам П. П. Головину и М. Б. Глебову содержалось указание на необходимость строительства храма в остроге[2]. Известно, что воевода Головин приглашал в церковь «многих якутских людей, а дверей церковных велел отворять, …велел церковь смотреть и кланяться, не крестясь» [13, с. 27]. Воеводы неоднократно выделяли земельные угодья Якутскому Спасскому мужскому монастырю, являвшемуся в XVII–XVIII веках крупным хозяйствующим субъектом Восточной Сибири.

Всем направляемым в Сибирь священникам выдавалось жалование (до 8 р.) и продукты (мука, крупа и толокно), что являлось существенной помощью [4, с. 9–10]. Духовенство было немногочисленным, оно обслуживало духовные нужды русского населения, сосредоточенного по острогам, острожкам и крестьянским слободам [9, с. 80]. Пребывающие на служение в Якутский уезд представители духовного сословия получали все виды государева жалования (денежное, хлебное и соляное) и ведомостях на его выдачу значились как служилые – «государевы люди». Помимо строительства храмов и совершения христианских треб им надлежало крестить языческое население, причём крестить «беспрепятственно» в случае желания или просьбы.

Вместе с тем главной задачей местной власти являлось сохранение ясачного населения. В связи с этим правительственные акты были направлены на взаимодействие государственного административного управления с традиционными органами управления населением, в результате которого власть стремилась включить нерусское население как составную часть российской цивилизации, и баланс в этом взаимодействии достигался политикой сотрудничества власти с элитой якутского общества.

Именно этим объясняется «осторожность» якутских воевод в вопросах крещения, когда каждый конкретный случай оценивался воеводской администрацией без учёта пожеланий духовенства. Желающие креститься или их ходатаи подавали челобитные воеводам, в наказе которым (1644) разъяснялось: «А будет кто изъ ясачных людей похочет самовольно креститься, и тех людей велеть крестить, сыскать объ нихъ допряма, что свою-ли волею они хотятъ креститься, а крестя устраивать их в государеву службу…». В наказе воеводе И. Большому Голенищеву-Кутузову (1658) отмечалось: «Никаких иноземцев и жен их и детей во двор не имати и засылкою самими ни у кого не покупати и не крестити… и служилым и всяким людем крестить не велеть же, чтоб Сибирская Ленская Земля пространялась, а не пустела; …а будет кто из женского полу жонки или девки похотят креститься, и тех жонок и девок потому ж велеть крестить и выдавать замуж за новокрещенов же и за русских служилых людей»[3]. Таким образом, темпы христианизации восточно-сибирских территорий были обусловлены, прежде всего, политикой государства.

Установлены факты произвола первых якутских воевод, протест против которого длительное время рассматривался с точки зрения противостояния «трудящихся» и «эксплуататоров». Известны случаи, когда «местам» удавалось «достучаться» до высшего представителя власти в государстве – монарха. Так, в 1658 году бурятские ясачные князья «челом били» царю Алексею Михайловичу на воеводу Похабова с просьбой остановить насилие и заменить воеводу [6, с. 117].

Взаимоотношения воевод и духовенства в Якутском остроге также не были мирными. Так, воевода П. Головин заключил в тюрьму своего духовника монаха Симеона, и по его приказу был подвергнут пыткам иеромонах Порфирий. Известно, что самоуправство воеводы привело к прекращению на некоторое время церковных служб в остроге. Показательным является арест другого якутского воеводы И. Приклонского, «выданного» тобольскому митрополиту Павлу и заключённого в тюрьму «за поношение архиерея», затем раскаявшегося и возвращённого в должность. В 1644 году поп Стефан принимал участие «в заговоре» против воеводы Головина, который, в свою очередь, доносил Тобольскому архиепископу о возмущении якутских служилых людей «чрезмерной строгостью» присланных в Якутск священнослужителей[4]. В 1650 году дъякон Якутской соборной церкви С. Васильев был наказан батогами за «не-

[1] Дополнение к актам историческим, собранным и изданным археографической комиссией. – СПб., 1867. – Т. 10, № 78. – С. 353.

[2] Якутские епархиальные ведомости. – 1900. – № 2. – С. 32−33.

[3] Якутские епархиальные ведомости. – 1900. – № 3. – С. 32–33.

[4] РГАДА. – Ф.1177. – Оп. 3. – Ч. 1. – Д. 498. – Л. 1; Д. 703. – Л. 69−70.

вежливый» разговор с воеводой Д. Ф. Францбековым[1].

Воеводы выплачивали жалование духовенству, что приводило к злоупотреблениям, находившим выражение, как в неполных выплатах, так и в его задержке, свидетельством чего являлись поступавшие в Сибирский приказ жалобы о «плохой выдаче и недодаче им, стольником и воеводой хлебного и денежного жалования»[2].

Веком позже, в 1737–1738 годах архимандритом Спасского монастыря был составлен список лиц, не посещавших исповедь, включающий как жителей города, так и проживающих за его пределами, переданный воеводе с просьбой о доставке их в Якутск для исполнения христианских обязанностей. Но воевода не только не оказал никакого содействия, он даже отказался принять бумаги к рассмотрению.

Очевидно, что отдалённость от светской и церковной администрации, бесконтрольность и произвол воевод приводили к конфликтам и возможности участия представителей якутского духовенства в различного рода заговорах. Тем не менее, в целом воеводы и духовенство действовали совместно, их взаимоотношения были различными, обусловленные, прежде всего, личностными факторами. Это было распространённой для Восточной Сибири практикой, когда, например, у первых иркутских архиереев не сложилось понимания с гражданской администрацией Иркутска, ограничивающейся формальным исполнением указов и распоряжений высшей власти по отношению к РПЦ, что, безусловно, осложняло положение представителей духовного сословия [8, с. 227].

Со второй половины XIX столетия противостояние гражданской и духовной власти сменяется стремлением к совместным действиям и взаимной поддержке, что во многом было связано с деятельностью Святого Иннокентия (Вениаминова).

В конце XVIII века у якутского духовенства появляется орган территориального управления – духовное правление, подчинённое иркутской духовной консистории. Показательно, что деятельность правления контролировалась не только церковными органами (консисторией и архиерейским домом), но и светскими[3]. Так, совместно с гражданской властью было организовано упорядочение кладбищ в якутских селениях, и в 1826 году Якутские областное и духовное правления утвердили, «чтобы при каждом якутском наслеге было учреждено… одно или два места [*кладбища – И. С.*] в приличном отдалении»[4].

К началу XIX столетия по завершении процесса политико-административного освоения новых территорий и перехода к их хозяйственному освоению государство переходит к интеграционным мероприятиям, РПЦ должна была обеспечивать их реализацию. Но камнем преткновения в этот период стал вопрос о поездках приходского духовенства для исполнения служебных обязанностей в отношении обеспечения его транспортом – подводами. Конфликты возникали как между представителями духовенства и населением, отказывающим в бесплатном предоставлении подвод, так и с местным чиновничеством в масштабе всей Сибири. Не достигнув взаимопонимания в данном вопросе, архиепископ Тобольский и Сибирский был вынужден обратиться за помощью к сибирскому генерал-губернатору М. М. Сперанскому, указав, что ранее духовенство пользовалось обывательскими подводами «а ныне обыватели от дачи сих подвод отрекаются, под тем предлогом, что сие запрещено от земского начальства», отметив, что никакого финансирования данных поездок из государственной казны не предусмотрено, а «из церковных денег употреблять запрещено»[5].

Заметим, что для податного населения Сибири земская повинность была одной из наиболее тяжёлой, и иркутский гражданский губернатор Н. И. Трескин отмечал, что содержание подвод на почтовых трактах было «крайне тягостно по чрезвычайной обширности и ненаселённости губернии»[6]. В северо-восточной части Якутской области, где кочевое население было не в состоянии исполнять данную повинность, оно должно было вносить от 12 до 15 рублей в год (подушно).

Будучи автором «Правил о содержании обывательских и почтовых подвод», включённых в Устав о земских повинностях (1822), в ответ на обращение архиепископа Сперанский указал на недопустимость запрета выдачи подвод и пояснил, что если население отказывается предоставлять подводы, то земское начальство обязано обеспечивать духовенство транспортом (благочинных и священников 2 раза год по 1-й параконной подводе; священников, проводивших след-

[1] Там же. – Ч. 2. – Д. 930. – Л. 13−16; Д. 980. – Л. 13−17; Ч. 3. – Д. 1561. – Л. 7−9; Д. 1616. – Л. 1.

[2] Там же. – Оп.1. – Д.14. – Л. 809–810; Д. 78.

[3] Там же. – Д. 1175.

[4] НА РС (Я). – Ф. 225-и. – Оп. 1. – Д. 399.

[5] Якутские епархиальные ведомости. – 1904. – 16 февр. – № 4. – С. 53.

[6] Там же. – 16 марта. – № 6. – С. 87.

ствия по делам духовного судопроизводства и в случае чрезвычайных происшествий).

Казалось, вопрос решён. Но, в 1824 году, в связи с введением в Сибири нового устава о земских повинностях, было предложено изменить существующий порядок о проездах духовенства, и якутский областной начальник Мягков сообщил духовному правлению, что теперь священники обязаны платить прогоны (оплата проезда) и брать подводы из тех селений, куда они направляются. Таким образом, священник должен был заблаговременно поставить в известность о намечающейся поездке земский суд, который в свою очередь, должен дать распоряжение прихожанам для доставки в город необходимых подвод. Предлагаемые нововведения были неприменимы на огромных просторах Якутии, приходы которой охватывали сотни, а порой и тысячи вёрст и состояли из десятка-двух наслегов, родоначальники которых должны были теперь собирать население на сход и общим приговором принимать решение о выделении подвод и затем отправлять их за священником.

Якутское духовное правление негативно отнеслось к подобным изменениям и обратилось к епархиальному архиерею с просьбой оставить всё как прежде, т. е. чтобы священно- и церковнослужители могли по разрешению земского суда пользоваться обывательскими подводами до ближайшего приходского храма, а затем совершать поездки на наслежных лошадях. Вопрос был передан на рассмотрение иркутского губернатора, отменившего в итоге распоряжение областного начальника.

Но конфликт вновь не завершился, а перешёл на местный уровень. В 1827 году вилюйский окружной исправник Федоров сделал распоряжение не пропускать сунтарских[1] священнослужителей в «иноверческие стойбища» и не давать им подвод без его письменного разрешения. Подобные факты встречались и ранее. Так, осенью 1826 года областной начальник запретил олёкминскому священнику выезд на ярмарку на р. Бача, где собирались тунгусские племена и роды. Более того, местная гражданская власть предпринимала попытки вмешательства и в непосредственную деятельность церкви. Так, Жиганская инородная управа в 1828 году обратилась к руководству области с предложением сократить причт Жиганской Николаевской церкви до одноклирного (священник и причетник) с целью уменьшения расходов на их поездки. В ответ духовное правление вновь обратилось за помощью к архиерею «для разрешения вопроса, должны ли священники подчиняться распоряжению светского начальства?»[2].

Очевидно, что территориально-климатические условия проживания в Якутии характеризовались дополнительными трудностями в служении духовенства, одной из обязанностей которого был объезд своей паствы, и местная гражданская власть предпринимала попытки сокращения расходов за счёт ограничения поездок приходских священников, что представляется региональной спецификой взаимоотношений светской и духовной власти.

Следующее обострение взаимоотношений светской и духовной власти области связано с деятельностью якутского губернатора И. И. Крафта (1907–1913). Будучи решительным государственным деятелем и умелым администратором, Крафт начал преобразования в системе народного образования Якутской области: были построены каменные здания реального училища и женской гимназии, создан специальный фонд имени Петра Великого для выдачи пособий бедным учащимся, учреждены именные стипендии, открыты двухгодичные педагогические курсы. В 1911 году в Якутске распахнула свои двери учительская семинария. Церковно-приходские школы стали вытесняться учебными заселениями Министерства просвещения, а губернатор вступил в противостояние с епархиальной властью, объявив о незначительном значении церковных школ в системе образования Якутии. Вовлечёнными в конфликт стали генерал-губернатор Иркутской области А. Н. Селиванов и председатель Совета министров П. А. Столыпин, одна из ключевых политических фигур империи начала XX столетия. В письме к Столыпину Крафт пояснял: «Мною лично доложено Вашему Высокопревосходительству, что я всячески содействовал увеличению ЦПШ, привлечению жертвователей на это дело, но никакое моё содействие не может иметь успеха при наличности поразительного равнодушия и, скажу прямо непростительного небрежения к этому делу со стороны местной епархиальной власти»[3].

Полемика губернатора и епископа была направлена на решение одних и тех же задач. Губернатор стремился к расширению сети

[1] Сунтарский улус находился в составе Вилюйского округа Якутской области Иркутской губернии.

[2] Якутские епархиальные ведомости. – 1904. – № 7. – 1 сент. – С. 267–268.

[3] ГАИО. – Ф. 25. – Оп. 6. – Д. 3704. – Л. 12, 32, 37–38.

светских школ, обеспечению области образованными кадрам и пополнению численности якутского чиновничества, и его деятельность совпала с массовым открытием сети министерских школ в России. Епархиальная власть выступала проводником церковного образования как основы христианской нравственности и приверженности монархизму.

Пока светские и церковные власти полемизировали о развитии школьного образования, жизнь предлагала различные варианты. В 1909 году при Олом-Кельской Васильевской церкви Якутского округа была открыта школа грамоты (епархиальная) с пансионом Министерства просвещения, на территории Намского прихода действовала школа Министерства просвещения, в которой преподавал и был уважаем священник местной церкви [16, с. 181]. Финансирование министерских школ из государственной казны делало их более привлекательными для сельских обществ Якутии, когда же их открытие не предусматривалось, общество содержало на свои средства церковные школы.

До начала XX столетия управленческие структуры Восточной Сибири отличались от соответствующих структур центральных регионов империи и имели черты особости, и эта особость увеличивалась по мере движения на восток [7, с. 25]. Необозримые просторы Якутского края в силу региональной вариативности природно-климатических условий обусловили замедленные темпы интеграции, осложнённой малочисленностью населения, неразвитостью коммуникаций, этнокультурным разнообразием. В этих условиях возрастало значение административно-управленческого фактора, являвшегося решающим на этапе присоединения и первоначального освоения территорий. Государственная власть должна была привести местное население в подданство «белому царю», обеспечив бесперебойное поступление налогов. Одним из элементов данного процесса являлась христианизация, контроль за проведением которой осуществлялся светской властью в лице воевод и предусматривал добровольное крещение без рисков сокращения численности ясакоплательщиков. Отдалённость уезда и злоупотребления в деятельности воевод приводили к конфликтам с представителями духовенства.

После создания в Якутии органа духовного управления одной из его функций стало взаимодействие с местной гражданской властью. В этот период государство, завершив политико-административное взаимодействие, переходит к хозяйственному освоению новых территорий, и взаимоотношения с церковью характеризуются попытками светской власти в ограничении расходов, выделяемых на объезды священников и даже приходских причтов. Интересно, что возникающие противостояния между светской и духовными властями в далёкой Якутии решались на высшем уровне и становились предметом рассмотрения М. М. Сперанского и П. А. Столыпина, которые в итоге поддерживали просьбы церковного руководства края, так как задачей РПЦ было обеспечение интеграции нерусских народов в российскую государственную и общественную систему.

Выводы. Изучение взаимоотношений светских духовных властей на территории одного из наиболее отдалённых регионов государства даёт возможность установить, что РПЦ была проводником его политики, подчиняясь интересам административной власти. Для освоения окраин необходима была организация на местах институтов-проводников имперской политики и идеологии, главной целью которых было утверждение государственного единства.

Очевидно, что распространение православного христианства на вновь приобретённых территориях являлось, прежде всего, частью государственной политики Российской империи и элементом инкорпорации в русскую государственность.

Список литературы

1. Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. 2-е изд., испр. и доп. Т. 2. Период второй. Московский. От нашествия монголов до митрополита Макария включительно. М.: Имп. Общество истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1917. 616 с.

2. Иванов В. Ф. Русские письменные источники по истории Якутии. XVII в. Новосибирск: Наука, 1991. 212 с.

3. Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Т. 10. Период самостоятельности Русской Церкви, 1589−1881 гг. СПб.: Тип. Голике, 1881. Вып. XVI, кн. 1. 500 с.; СПб.: Тип. Добродеева, 1882. Т. 1; вып. 16, кн. 2. 629 с.; СПб.: Тип. Голике, 1883. Т. 12, вып. 26, кн. 3. 729 с.

4. Нестор (Анисимов), митрополит. Православие в Сибири: исторический очерк. Мои воспоминания / сост. А. Астафьев, иерей. Ленск: Компания Дани-Алмаз, 2016. 356 с.

5. Овсиенко Ф. Г., Трофимчук Н. А. Место и роль государственно-церковных отношений в политике государства // Государственно-церковные отношения в России. М.: РАГС, 1995. 150 с.
6. Окладников А. П. Очерки по истории западных бурят-монголов. Л.: Соцэкгиз, 1937. 431 с.
7. Побережников И. В. Административный фактор в рамках фронтирной модернизации Сибири (XVIII – начало XX в.) // Проблемы государственного управления и местного самоуправления в Сибири в конце XVI – начале XXI в.): материалы VII Всерос. науч. конф. Новосибирск: Нонпарель, 2011. С. 25–26.
8. Санников А. П. Церковь, общество и государство на восточных окраинах Российской империи в XVII−XVIII вв. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2016. 311 с.
9. Сафронов Ф. Г. Русские крестьяне в Якутии в XVII − начале XX в. Якутск: Якуткнигоиздат, 1961. 496 с.
10. Сафронов Ф. Г. Русские на Северо-Востоке Азии в XVII − середине XIX в. М.: Наука, 1978. 256 с.
11. Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. М.: Айрис Пресс, 2006. 486 с.
12. Цыпин В., протоиерей. История Русской православной церкви. Синодальный и новейший периоды. 1700−2005. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2010. 816 с.
13. Шишигин Е. С. Распространение христианства в Якутии. Якутск: Якут. гос. объединённый музей истории и культуры народов Севера им. Е. Ярославского, 1991. 115 с.
14. Юрганова И. И. Распространение государственного православия в Якутском крае (сер. XVII − нач. XX вв.) // Известия Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. 2014. Т. 8. С. 256–263.
15. Юрганова И. И. «Тобольский период» деятельности Русской православной церкви в Якутии: начало межцивилизационного диалога // Вестник Томск. гос. ун-та. Сер. История. 2016. № 2. С. 5–13.
16. Юрганова И. И. Православие в Якутском крае. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2016. 299 с.

Статья поступила в редакцию 10.04.2018; принята к публикации 29.04.2018

Библиографическое описание статьи

Юрганова И. И. «До царя далеко, до бога высоко…» (из истории взаимоотношений светской власти и духовенства в Якутском крае) // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 4. С. 102–109. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-102-109.

Inna I. Yurganova,
Doctor of History,
Institute of the Humanities and Indigenous Peoples of the North,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
(1 Petrovskogo st., Yakutsk, 677007, Russia),
e-mail.ru: inna.yurganova@mail.ru

"The Tsar Is Far Away, and God Is High Above…" (from the History of Interrelations of Secular Power and the Clergy in the Yakutsk Region)

The article examines the relationship of secular power represented by voyevodas and governors and the clergy in one of the most remote outskirts of the Russian state – the Yakut region. In the context of the theory of imperial regionalism, on the basis of the civilizational paradigm, conflicts were identified that took place both under reforms and in connection with interpersonal relations. It is shown that lack of control and abuses by voyevodas at the stage of military and administrative development of the province are replaced by attempts of the regional civil authorities to restrict the movement of parochial clergy members and to reduce the number of church parochial schools. Participation in the resolution of conflicts of the highest officials of the empire of the 19th – early 20th centuries was established. The leading role of the state in all the main activities of the church and the subordination of the church tasks to state policy are substantiated, taking into account the territorial and climatic features of living in the conditions of the Far North. A conclusion is drawn that it was necessary to organize on-site institutes as conductors of imperial policy and ideology, the main purpose of which was the assertion of state unity. Evidently, the spread of Orthodox Christianity on the newly acquired territories primarily represented part of the state policy of the Russian Empire and an element of incorporation into the Russian statehood.

Keywords: Yakut district, church administration, ecclesiastical government, visitations of parishes by priests

References

1. Golubinskiy, E. E. The History of the Russian Church. 2nd ed., vol. 2: The second Period. Muscovite. From the Mongol invasion to the Metropolitan Macarius, inclusive. M: Imp. Obshchestvo istorii i drevnostei rossiiskikh. pri Mosk. un-te, 1917. (In Rus.)
2. Ivanov, V. F. Russian written sources on the history of Yakutia. XVII. Novosibirsk: Nauka, 1991. (In Rus.)

3. Makarii (Bulgakov), mitropolit. The History of the Russian Church. Vol. 10. The Period of independence of the Russian Church, 1589 – 1881. B.1. SPb: Tipografiya Golike. 1881. XVI. 500 p; V. 1. kn. 2. Tipografiya Dobrodeeva, 1882. XVI. 629 p.; V. 12: B. 3. Tipografiya Golike, 1883. XXVI. (In Rus.)

4. Nestor (Anisimov), mitropolit. Orthodoxy in Siberia: a historical sketch. My memoirs / ed. by A. Astaf'ev, ierey. Lensk. Kompaniya Dani-Almaz, 2016. (In Rus.)

5. Ovsienko, F. G., Trofimchuk, N. A. The place and role of Church-state relations in state policy. Church-state relations in Russia. M: Izd-vo RAGS, 1995. (In Rus.)

6. Okladnikov, A. P. Essays on the history of Western Buryats-Mongols. Leningrad: Izd-vo "Sotsekgiz", 1937. (In Rus.)

7. Poberezhnikov, I. V. Administrative factor in the framework of the frontier modernization of Siberia (XVIIIth – early XXth century). Problems of public administration and local self-government in Siberia in the late XVIth – early XXIst centuries). Proceedings of the VIIth all-Russian scientific conference. Novosibirsk. Nonparel', 2011: 25–26. (In Rus.)

8. Sannikov, A. P. Church, state and society on the Eastern outskirts of the Russian Empire in the XVIIth − XVIIIth centuries. Irkutsk. Izd-vo IGU, 2016. (In Rus.)

9. Safronov, F. G. Russian peasants in Yakutia in the XVIIth − beginning of the XXth centuries. Yakutsk. Yakutknigoizdat, 1961. (In Rus.)

10. Safronov, F. G. Russian in northeast Asia in the XVII − mid XIX century. M: Nauka, 1978. (In Rus.)

11. Tikhomirov, L. A. Monarchical statehood. M: "Ayris Pres", 2006. (In Rus.)

12. Tsypin, V., protoierei. History of the Russian Orthodox Church. Synodal and modern times. 1700−2005. M: Izd-vo Sretenskogo monastyrya, 2010. 2006. (In Rus.)

13. Shishigin, E. S. The spread of Christianity in Yakutia. Yakutsk, Yakut. Gos. Ob'edin. muzey istorii i kul'tury narodov Severa im. E.Yaroslavskogo, 1991. (In Rus.)

14. Yurganova, I. I. Dissemination of state Orthodoxy in the Yakutsk region (middle of the XVIIth − beginning of XXth centuries.). Izvestiya Irkut. gos. un-ta. Ser. Politologiya. Religiovedenie, v.8, pp. 256–263, 2014. (In Rus.)

15. Yurganova, I. I. "Tobolsk period" of the Russian Orthodox Church in Yakutia: the beginning of the intercivilizational dialogue. Vestnik Tomsk. gos. un-ta. Ser. Istoriya, no. 2 (40), pp. 5–13, 2016. (In Rus.)

16. Yurganova, I. I. Orthodoxy in the Yakut region. Irkutsk. Izd-vo IGU, 2016. (In Rus.)

Received: April 10, 2018; accepted for publication April 29, 2018

Reference to the article

Yurganova I. I. "The Tsar Is Far Away, and God Is High Above…" (from the History of Interrelations of Secular Power and the Clergy in the Yakutsk Region) // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 4. PP. 102–109. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-102-109.

http://www.zabvektor.com ISSN 2542-0038 (Online) ISSN 1996-7853

УДК 94(571.55)
DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-110-118

Ирина Юрьевна Смирнова,
кандидат исторических наук,
Институт российской истории Российской академии наук
(117292, Россия, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19),
e-mail: irinasmirnowa@mail.ru

Британский миссионерский проект в Забайкалье (1817–1840)

В статье на новом архивном материале показана роль британского миссионерского движения в XIX веке как важного внешнеполитического инструмента, когда работа религиозных миссий в разных регионах была подчинена единой стратегии британской колониальной политики. Для реконструкции объективной картины британского миссионерского присутствия в Восточной Сибири использовались методы сравнительно-исторического и системного анализа, что позволило глубже раскрыть роль России и Русской православной церкви в противодействии политического и духовного проникновения Великобритании в Дальневосточный регион. Британский прозелитизм преследовал целью образование протестантских общих в качестве надёжных каналов влияния в регионах, представлявших для Великобритании геополитический интерес. Одним из миссионерских центров, задуманных стратегами британской политики в качестве базовой платформы для проникновения в цинский Китай, была британская миссия в Забайкалье (1817–1840). На её примере в статье рассматриваются принципы, практика и задачи отделений Лондонского миссионерского общества, а также других протестантских миссий, действовавших в России в первой половине XIX века. Прослежены попытки руководства Лондонского общества по распространению Евангелия к возобновлению деятельности протестантских миссий после Крымской войны на территории России и ответные меры российского правительства и Русской православной церкви. Итоги деятельности первых британских миссионеров в Забайкалье позволяют признать проект Лондонского миссионерского общества, рассчитанный на длительную перспективу, хотя и не состоявшимся в полной мере, но не утратившим своего значения и впоследствии, несмотря на закрытие миссии. Подходы и методы представителей западных держав в их церковной политике требуют серьёзного научного анализа, необходимого для понимания развития межцивилизационных и межкультурных тенденций в современном мире.

Ключевые слова: миссионерство, протестантизм, Лондонское миссионерское общество, Святейший Синод, британская духовная миссия в Забайкалье

Введение. История протестантского присутствия в России в первой половине XIX века неоднократно оказывалась в центре внимания исследователей — заметный интерес вызывают такие его аспекты, как деятельность протестантских миссий на Кавказе [4; 5; 11], межконфессиональные контакты или роль миссионеров в Российском библейском обществе [1; 10; 13; 24; 26; 30]. Многие работы посвящены истории *протестант*ской духовной миссии в Забайкалье [3; 7–9; 12; 14; 20; 22], среди которых особого внимания заслуживает, на наш взгляд, монографическое исследование А. В. Тиваненко[1], где *на* широком архивном материале прослеживается деятельность британских миссионеров на русско-китайской границе. При этом вне внимания историка осталась роль миссии в общем контексте британской миссионерской работы. Между тем, британская миссионерская политика являлась важным фактором внешней политики Великобритании, что с особой очевидностью проявилось в первой половине XIX века, когда миссионеры активно участвовали в торгово-политическом проникновении великих держав в тот или иной регион [17; 18].

Методология и методы исследования. В предлагаемой вниманию читателей статье в качестве методологической основы использовались методы сравнительно-исторического и системного анализа, а также микроисторический подход, позволившие реконструировать историческую картину деятельности британской духовной миссии в Забайкалье, определить направление протестантской работы в Восточной Сибири, выявить принципы британской дипломатии. На основе комплексного изучения методов и приёмов протестантских миссий, принципов и подходов российской и европейской дипломатии во второй трети XIX века выделены основные этапы развития миссионерского и дипломатического присутствия Великобритании и ответные меры российского правительства в отношении британской духовной миссии в Забайкалье [17]. Осуществлённый

[1] Научно-исследовательский проект А. В. Тиваненко осуществлён по заказу и при финансовой поддержке Ассоциации Христианских Церквей «Союз христиан» в Республике Бурятия [23, с. 13].

© Смирнова И. Ю., 2018

комплексный подход как наиболее эффективный при изучении многофакторных исторических процессов позволяет проследить эволюцию церковно-дипломатических отношений России и западных великих держав, выявить закономерности взаимодействия церковных и дипломатических структур России в их работе за рубежом, оценить тенденции и проблематику современных международных отношений.

Результаты исследования и их обсуждение. О политических намерениях англичан в Китае, закрытом для иностранных держав до 1842 года, свидетельствует масштабный проект Лондонского миссионерского общества, заключавшийся в создании «трамплина для деятельности миссий в Китае, когда он будет открыт для протестантских миссионеров» [28]. Известный под названием «Ультра Гангз Миссия» (“Ultra Ganges Mission”) проект предполагал создание широкой сети миссий и миссионерских станций Лондонского миссионерского общества в Юго-Восточной Азии – на территории Малайзии (Малакка и Пинанг) и Индонезии (Амбон, Ява и Батавия) для проповеди среди китайских экспатриантов и матросов, проживавших на этих территориях с тем, чтобы впоследствии они могли служить миссионерами на материковой части Китая.

В значительной степени это относилось и к британской миссии в Забайкалье, учреждённой в непосредственной близости от русско-китайской границы в качестве форпоста для проникновения в Китай со стороны его северной границы. На эту миссию возлагались особые надежды – как отмечает Тиваненко, ей предстояло стать «одним из наиболее крупных и важных миссионерских центров Великобритании в мире», в задачи которого входило «не столько распространять евангельское учение среди бурят-монголов и других сибирских народов путём перевода богодуховной литературы, сколько служить опорным торговым пунктом ввоза английских товаров в Китайскую империю через Кяхтинский пограничный пост» [23, с. 16].

Обращает внимание тот факт, что инициаторами миссионерского отделения в Забайкалье выступили члены Лондонского миссионерского общества пастор Джон Паттерсон, глава Шотландской миссии на Кавказе, и бывший член той же миссии пастор Роберт Пинкертон [29], при содействии которых в декабре 1813 года было учреждено Библейское общество в Санкт-Петербурге [16].

Уже в 1812 году Пинкертон, собрав по запросу Лондонского миссионерского общества информацию о Восточной Сибири, Иркутске, а также о численности и конфессиональной принадлежности населения региона, сообщил о готовности бурят к обращению в христианство [5]. К письму Пинкертона от 7 ноября 1814 года приложен список потенциальных кандидатов и благотворителей будущей миссии, среди которых были бурятские князья, ламы и шаманисты, в том числе те, кто материально содействовал делу перевода Библии на бурятский язык.

26 декабря 1814 года на заседании Лондонского миссионерского общества было принято решение открыть представительство в Восточной Сибири, местом для которого был выбран Селенгинск как наиболее подходящий и близкий к китайской границе город (Иркутск, где большинство населения было православным и сказывалось влияние правящего архиерея был менее удобен для миссионерской работы).

Уже 5 декабря 1817 года из Англии в Иркутск отправились пасторы Корнелий Рамн и Эдуард Сталибрас (1795–1884) со своими семьями. В январе 1818 года состоялось их представление Александру I, обещавшему «содействовать их богоугодным начинаниям». Наряду с изданием императорского указа об открытии протестантской миссии последовало Высочайшее повеление «об усилении деятельности православной миссии в Иркутско-Забайкальской епархии» [23, с. 24].

Весной, 26 марта 1818 года, первые протестантские миссионеры прибыли в Иркутск, где задержались на несколько месяцев для изучения монгольского языка. Там их встретил доброжелательный приём иркутского гражданского губернатора Н. И. Трескина, которому поручалось обеспечить англичанам «особое покровительство», а также М. М. Сперанского, бывшего в то время иркутским генерал-губернатором. В ноябре 1819 года бывший статс-секретарь писал: «Я вошёл в переписку с английскими миссионерами, здесь, то есть еще 600 вёрст далее Иркутска, пребывающими. Один из них называется Stallybrass. Нельзя не подивиться, что люди сии решились с жёнами их водвориться здесь, в такой отдалённости, среди бурят и монгол, не зная ни слова не только по-монгольски, но и по-русски. ...Они учатся по-монгольски и разумеют уже довольно» [19, с. 119].

В письмах Сперанского к дочери отразились традиционные принципы и методы британского прозелитизма – изучение местных языков, за которым следовали переводы

Библии и христианской литературы на язык туземцев, налаживание контактов с первыми лицами на местах с тем, чтобы, заручившись влиятельной поддержкой, обеспечить беспрепятственную деятельность миссии. Так, добравшись до Селенгинска в июле 1819 года, Сталибрас первым делом имел аудиенцию у главы российских буддистов хамбо-ламы Данзан-Гавана Ешижамсуева (1770–1834).

При участии миссионеров в конце 1819 года было открыто Иркутское отделение Санкт-Петербургского Библейского общества, директорами которого стали епископ Михаил (Бурдуков) и сибирский генерал-губернатор М. М. Сперанский. Когда же Корнелиус Рамн вынужден был вернуться в Англию из-за болезни супруги, Лондонское миссионерское общество отправило в Селенгинск Вильяма Свана (1791–1866), прибывшего в Иркутск в конце января 1820 года вместе с Робертом и Мартой Юиллем. Сван произвёл самое благоприятное впечатление на Сперанского, как можно видеть из письма последнего от 4 февраля 1820 г.: «Странное дело! Один из сих миссионеров есть молодой человек лет 23 или 25. Прекрасной фигуры, открытое лицо, образ ангельской чистоты и невинности. Ангел-обвинитель да изгладит слезою всякую мысль подозрения, чтобы люди сии имели какую-нибудь другую цель в их путешествии» [19, с. 136–137].

Как утверждает Тиваненко, Сперанскому были известны подозрения Кяхтинского пограничного начальства и властей Восточной Сибири «об истинных целях появления группы английских миссионеров за Байкалом», мотивом к которым послужила «опрометчивая попытка Сталибраса и Рамна проникнуть в Китай», совершённая вскоре после прибытия в Селенгинск. Тем не менее, поддавшись обаянию миссионеров, Сперанский не желал верить «распространяющимся слухам об их “шпионском” предназначении» [23, с. 118].

Не исключено, что на отношении Сперанского, а вместе с ним и других представителей сибирской элиты, сказывалось благожелательное отношение к миссионерам императора Александра I и князя А. Н. Голицына. Тем не менее, не имеется оснований не доверять и мнению пограничного начальства.

Пограничный Селенгинск, избранный миссионерами для устройства миссии, был основан в 1665 году как острог для защиты южной границы России и считался главным административным, торговым и военным центром всего Забайкалья. Оказавшись после основания в 1727 году города Кяхты в 100 км от китайской границы, он постепенно утратил своё значение, получив в 1822 году статус «заштатного города».

Нельзя не вспомнить подобное же отношение к выбору месторасположения и других протестантских миссий. Так, Шотландская духовная миссия, учреждённая в 1802 году в Каррасе, находилась вблизи Пятигорска и Георгиевска – уездного города Кавказского наместничества (с 1786 г.), основанного на месте одной из четырёх крепостей Азовско-Моздокской оборонительной линии, названной в честь Святого Георгия Победоносца. В 1802–1822 годах Георгиевск был административным и военным центром Кавказской губернии. Правда, после 1824 года центром становится Ставрополь, а Георгиевску был возвращён статус уездного города, но, являясь транспортным узлом, он сохранил значение «ворот» Кавказских Минеральных Вод, постепенно утрачивая его во второй четверти XIX века.

Миссионеры швейцарской Базельской миссии, прибывшие в Астрахань в 1821 году с целью «удовлетворения религиозных нужд швейцарцев и немцев – жителей Поволжья» [2], через год переместились в Шушу, столицу Карабахского ханства (1755–1822), преобразованного в ноябре 1822 года в провинцию. Находясь на границе с Ираном, Шуша являлась резиденцией военно-окружного начальника мусульманских провинций. Известно о поездках базельских миссионеров в Багдад и Тебриз. В этой связи попытки селенгинских миссионеров проникнуть в Китай отнюдь не были «опрометчивыми», а изначально входили в планы Лондонского миссионерского общества, отмеченные выше.

Как известно из практики британских миссионеров «по ту сторону Китая», некоторые из них были связаны не только с коммерцией, но и с контрабандной торговлей. В. Г. Дацышен приводит в своей книге выдержку из издания Пресс-канцелярии Госсовета КНР за 1997 год, где отмечается негативная роль первых протестантских миссионеров: «Немало священников-миссионеров, приехавших из западных стран, сыграли неприглядную роль, способствуя закабалению Китая. Они участвовали в торговле опиумом и подготовке к опиумной войне 1840 года, развязанной Англией против Китая. Так, например, в торговле опиумом принимали участие английский миссионер Роберт Моррисон, немецкий миссионер Карл Фридрих Август Гютцлафф» [6, с. 65].

Сын и преемник Роберта Моррисона Джон Роберт Моррисон (1814–1843) успешно совмещал в своём лице дипломатические и миссионерские функции. По окончании англо-китайского колледжа в Малакке он служил переводчиком для английских дипломатов и торговцев в Кантоне. Продолжая начатую Моррисоном-старшим работу по созданию английской Протестантской Церкви в Кантоне, Д. Р. Моррисон был одним из главных действующих лиц британской дипломатии на Дальнем Востоке и в Южной Азии. Нельзя исключить того, что, создавая Забайкальскую духовную миссию как крупнейший впоследствии миссионерский центр, лидеры Лондонского миссионерского общества ожидали от неё аналогичной деятельности.

Как и их коллеги в Юго-Восточной Азии, забайкальские миссионеры уделяли большое внимание переводам христианских книг на «монголо-бурятский язык», распространяя изданные типографским способом переводы среди бурят. Основав три стана с жилыми домами, школами и типографией, они оказывали кочевникам Забайкалья врачебную помощь, изучали монгольский, тибетский, маньчжурский языки, бурятские наречия.

Запрет в 1824 году Российского библейского общества с его региональными отделениями, отставка князя Голицына и последовавшая вскоре кончина императора не замедлили сказаться на положении Забайкальской миссии. В 1826 году в Петербург поступили материалы для рассмотрения вопроса о её закрытии, однако первая попытка свернуть деятельность миссии успеха не имела – британцев взял под своё покровительство комиссар Шотландского миссионерского общества в Санкт-Петербурге пастор Ричард Книлль.

Иркутские архиереи, считая христианизацию бурят делом православного духовенства, предпринимали усилия для противодействия инославным миссионерам. Епископ Михаил (Бурдуков)[1], информируя Синод о пагубном влиянии протестантских пасторов, внушавших бурятам, что «русские, как почитатели икон, равны идолопоклонникам», указывал на необходимость учреждения за Байкалом православной миссии [23, с. 115]. Его преемник, епископ Ириней (Нестерович), в 1830 году отметил возникшее среди бурят, подпавших под влияние англичан, предубеждение против православия. Поэтому, когда в начале 1830 года миссионеры обратились в Министерство внутренних дел и Святейший Синод за разрешением крестить бурят по протестантскому обряду, им было объявлено, что они могут продолжать свою деятельность лишь при условии, что будут отсылать желавших крещения бурят к православному духовенству.

Ответ из Петербурга поступил лишь в 1833 году, после чего миссионеры сосредоточились на обучении бурятских детей грамоте, ремёслам, основам вероучения, но в 1835 году, когда были закрыты Шотландская и Базельская миссии в России, последовало решительное запрещение миссионерам крестить бурят. Сознавая, что дни Забайкальской миссии сочтены, селенгинские миссионеры стали прибегать к мерам предосторожности: они «отказались от публичных высказываний с критикой гражданских и церковных властей, ограничили переписку с Англией, боясь, что их письма могут быть перехвачены и прочитаны, а если и писали, то прибегали к шифровке текстов, но чаще всего вели разговоры на другие темы, не связанные с политикой» [23, с. 119].

Миссионеры сосредоточили основные усилия на проповеди среди бурят и монголов. Нуждаясь в книгах Нового Завета на местном языке, миссионеры обратились в 1836 году в Российское библейское общество и, ссылаясь на «значительный запрос между монголо-бурятами Святого Евангелия на их языке», просили ходатайствовать перед Св. Синодом об уступке Лондонскому библейскому обществу «через покупку всех напечатанных иждивением бывшего Российского библейского общества изданий Нового Завета, переведённого под надзором академика Шмидта на монгольский язык одним учёным монголо-бурятом [Татуровым]»[2]. Однако на просьбу миссионеров последовал отказ. Определением Св. Синода от 11 ноября 1836 года предписывалось «уведомить господина министра внутренних дел, что Святейший Синод не может передать из своего ведомства напечатанные на монгольско-бурятском языке экземпляров Нового Завета, потому что они могут быть нужны для греко-российского духовного начальства, так в особенности потому, что они не получили ещё одобрения»[3].

Генерал-губернатор Восточной Сибири В. Я. Руперт[4] в рапорте на имя Николая I,

[1] Архиепископ Михаил (в миру Матвей Иванович Бурдуков, 1770–1830), с 27.08.1814 г. епископ Иркутский и Нерчинский, с 19.05.1816 г. стал именоваться епископом Иркутским, Нерчинским и Якутским, с 22.08.1826 г. – архиепископ.

[2] РГИА. – Ф. 796. – Оп. 445. – Ед. хр. 41. – Л. 3 об.

[3] Там же. Л. 4-5 об.

[4] Руперт Вильгельм Яковлевич (1787–1849) – иркутский и енисейский генерал-губернатор и командующий войсками Восточной Сибири (с 29.07.1837 г.).

поданном в 1838 году, выдвинул предположение о политической неблагонадёжности британских миссионеров, заподозрив их в том, что вместо христианской проповеди они занимаются «“противорусской” политикой среди инородцев и даже шпионажем на востоке страны в пользу своей Великобритании» [23, с. 118]. Но не все готовы были согласиться с мнением генерал-губернатора, так, например, гражданский губернатор А. В. Пятницкий[1] и начальник Верхнеудинского округа В. С. Шапошников[2] отвечали на запрос Руперта, что миссионеры не были замечены в противоправных действиях [Там же].

Заметную роль в прекращении деятельности Забайкальской английской миссии сыграл и назначенный на Иркутскую кафедру в апреле 1838 г. преосвященный Нил (Исакович)[3], имевший большой опыт миссионерской работы среди старообрядцев Вятской епархии. Сам факт перемещения в Иркутск епископа-миссионера говорит о том, что правительство и синодальные власти рассматривали православную христианизацию народов Восточной Сибири как вопрос государственного значения, и в этой связи, как справедливо отметил профессор К. Саймон, одной из главных задач преосвященного Нила на Иркутской кафедре стало «обращение и просвещение народов Сибири» [15, с. 79].

Архиепископ Нил направил в Синод рапорт с предложением упразднить Забайкальскую английскую миссию как способствующую «распространению старообрядчества и сектантства во вверенной ему епархии» [23, с. 119]. После настойчивых возражений против присутствия в Забайкалье английских миссионеров из опасений, что бурятское население Восточной Сибири окажется под их влиянием, Св. Синод постановил «воспретить поселившимся в Сибири англичанам всякие миссионерские действия и именования себя миссионерами по примеру прекращения Шотландской и Базельской миссий, хотя в действиях сих последних и не усматривалось столько зла, сколько от Английской миссии в Сибири». В том же определении ставился вопрос о «надлежащем устройстве православной миссии для бурят», составление проекта поручалось архиепископу Иркутскому Нилу, духовно-учебное управление, со своей стороны, обязывалось обеспечить православную миссию «всеми нужными для сего изданиями на монголо-бурятском языке» [Там же]; 7 июля 1840 года синодальное определение получило Высочайшее утверждение.

Главные причины того, что Забайкальская миссия была признана неугодной, заключались в следующем: 1) миссионеры постоянно обвинялись в том, что прививают туземцам антиправославные понятия; 2) высшее гражданское правительство признало неправомерным «распространение иноверного христианского исповедания в православных епархиях»; 3) Св. Синод, опасавшийся столкновений между православным духовенством и иноверной пропагандой, старался прекратить деятельность иноверческих миссий и 4) гражданские власти признавали необходимым «иметь бдительный надзор за отклонением миссионеров от предприятий посторонних и чуждых объявленной ими цели»[4].

На окончательное решение о депортации британских миссионеров из пограничного с Китаем региона не могло не повлиять и начало (в апреле, а фактически в июле 1840 г., после получения приказа из метрополии) первой опиумной войны Великобритании против Цинской империи. Высказанное императором «недовольство в политическом отношении» в связи с присутствием вблизи границы с Китаем британских подданных [21] было вызвано нежеланием подавать повод к росту напряжённости в русско-китайских отношениях. Сталибрас, Сван и присоединившийся к миссии в 1835 году Аберкромби выехали в Петербург в январе 1841 года (Р. Юилль с сыном оставались в Селенгинске до 1846 г.). Уже 10 июня 1841 года, в ответ на письменное обращение миссионеров к государю, в котором они просили назначить особое расследование и снять с них незаслуженное обвинение, Николай I повелел объявить им, что причина закрытия английской миссии заключается в «изменившихся политических обстоятельствах и представившейся возможности учредить миссию из православного духовенства» [23, с. 122].

Вопрос о британской миссии в Забайкалье был поднят снова в конце 1850-х годов,

[1] Андрей Васильевич Пятницкий (1795–1856) – иркутский гражданский губернатор в 1839–1848 гг.

[2] Владимир Сергеевич Шапошников занимал должность Верхнеудинского окружного начальника в 1835–1845 гг.

[3] Архиепископ Нил (Исакович, 1799–1874). Образование получил в Могилевской Духовной семинарии и СПбДА, по окончании которой в 1825 г. со степенью магистра пострижен в монашество (25.08.1825); 27.08.1825 рукоположен в иеродиакона, 01.09.1825 – в иеромонаха. С 23.04.1838 г. епископ Иркутский, Нерчинский и Якутский; с 13.04.1840 г. – архиепископ; с 24.12.1853 г. – архиепископ Ярославский.

[4] Отношение обер-прокурора Св. Синода графа А. П. Толстого к статс-секретарю А. В. Головнину. Санкт-Петербург, 19 сентября 1859 г. // РГА ВМФ. – Ф. 410. – Оп. 2. – Ед. хр. 1764. – Л. 4–5.

когда в новых политических обстоятельствах после Парижского мира изменились международные отношения между великими державами и стали возможными переговоры между представителями Великобритании и России.

В мае 1859 года, во время визита великого князя Константина Николаевича в Иерусалим, на его имя было подано прошение главы англо-прусской епископии в Иерусалиме епископа Самуила Гобата о разрешении членам Лондонского миссионерского общества проповедовать среди евреев Российской империи.

Гобат, который в 1847 году был официально признан «английским протестантским епископом в Иерусалиме», в письме называет себя «англиканским епископом», то есть официальным представителем Церкви Англии на Ближнем Востоке. Дело в том, что в границы иерусалимского диоцеза, по замыслу его создателей, должны были войти Сирия, Палестина, Египет и другие территории вплоть до Персидского залива, а потому Гобат, который был также вице-президентом Лондонского общества по распространению христианства среди евреев, а до этого был миссионером Базельского общества и в течение двадцати лет возглавлял Лондонское библейское общество в Египте и Абиссинии, в миссионерском отношении чувствовал себя ответственным за весь регион Ближнего Востока и Центральной Азии и имел в виду самую широкую деятельность своих миссионеров.

Обращение иерусалимского епископа к брату русского императора свидетельствовало о попытке возобновить деятельность британских миссий в Российской империи, учреждённых с лёгкой руки Александра I в первые десятилетия XIX века по всей евразийской границе России (в Забайкалье, Новороссии, на Кавказе, в Царстве Польском). При этом Гобат отрицал «какие-либо политические виды», ссылаясь на то, что «вмешательство в политику строго запрещено всем его агентам и ...до сих пор не было ни одного примера такого вмешательства или какого-либо поведения со стороны миссионеров или других сотрудников Общества, что вызвало бы неудовольствие императорского правительства»[1]. Тем не менее, как было показано выше, нельзя отрицать «неудовольствия правительства» и лично императора Николая I, о чём свидетельствуют Высочайшие указы о запрете в России иностранных миссий.

Совершенно очевидно, что своим обращением к великому князю Константину Николаевичу Гобат предпринял попытку создания обширной зоны британского, или, если говорить в целом, протестантского, влияния по всей южной границе России, что вполне соответствовало практике британских проектов, рассчитанных на реализацию через несколько поколений. Однако тогда, в 1859 году, ходатайству Гобата не было дано хода.

После изучения материалов дела о британских миссиях в Забайкалье, Царстве Польском и на Кавказе министр внутренних дел в резолюции по поднятому вопросу справедливо заметил, что «с ним легко могли бы соединяться другие политические цели и виды»[2]. В результате великий князь Константин Николаевич принял решение «оставить это дело без последствий»[3].

При ответе на вопрос, была ли эффективной и насколько деятельность британской миссии в Забайкалье, примем во внимание следующее.

Несмотря на многолетние усилия миссионеров и значительные средства, выделяемые на содержание Забайкальской миссии из фондов Лондонского библейского общества, их влияние на бурят не было значительным, что объясняется кочевым образом жизни бурят, их равнодушием к Евангелию и неграмотностью, а также бдительным контролем со стороны лам, которые отбирали и уничтожали раздаваемые миссионерами Библии на монгольском языке.

Выводы. Несмотря на кажущуюся безрезультативность, труды миссионеров не пропали напрасно. Прежде всего нельзя не отметить значительные успехи миссионеров в переводческой деятельности. Освоив в совершенстве бурят-монгольский язык, они обучали бурят на их родном языке, составив для них первые словари и учебники. Переведённая на монгольский язык Библия была напечатана в устроенной миссионерами типографии, и в 1841 году один экземпляр был преподнесён императору, который передал его в библиотеку Эрмитажа, а потрудившихся в деле перевода бурятов удостоил аудиенции и наградил медалями. Как и те англичане, которые своими трудами над переводами Священного Писания и составлением словарей и грамматик

[1] Письмо епископа англо-прусской епископии в Иерусалиме Самуила Гобата на имя великого князя Константина Николаевича. Иерусалим, 8/20 мая 1859 г. // РГА ВМФ. – Ф. 410. Оп. 2. – Ед. хр. 1764. – Л. 2 об.

[2] Отношение обер-прокурора Св. Синода графа А. П. Толстого к статс-секретарю А. В. Головнину. Санкт-Петербург, 19 сентября 1859 г. // РГА ВМФ. – Ф. 410. – Оп. 2. – Ед. хр. 1764. – Л. 5.

[3] Письмо великого князя Константина Николаевича к министру внутренних дел С. С. Ланскому. Санкт-Петербург, 24 сентября 1859 г. // РГА ВМФ. – Ф. 410. – Оп. 2. – Ед. хр. 1764. – Л. 16.

в Юго-Восточной Азии осуществили прорыв в синологии, британские миссионеры в Забайкалье оставили заметный след в создании школы востоковедения и монголоведения[1].

Не осталась без последствий и собственно миссионерская деятельность англичан в Восточной Сибири. За два десятилетия, проведённые вдали от Британского миссионерского общества, миссионерам удалось создать «стабильную общину в 30–40 человек, среди которых уже были и “обращённые”», что видно, в частности, из доклада Вильяма Свана Лондонскому миссионерскому обществу за 1839 год. Среди членов протестантской общины, получивших образование в школах миссии, были люди «устойчивых христианских убеждений» [23, с. 68] – одни трудились в качестве переводчиков, другие остались преподавать в Селенгинске после отъезда миссионеров, продолжая труды своих наставников и способствуя развитию протестантизма в Бурятии.

Сын Р. Юилля Самуил, шотландец по происхождению, родившийся и выросший в Забайкалье, в совершенстве владел русским и бурятским языками, а также хорошо понимал маньчжурский и тибетский языки, впоследствии (в 1860-е гг.) он имел возможность применить свои познания в поездках по Китаю. Опыт забайкальских миссионеров лёг в основу учрежденной в 1870 году британской миссии в Монголии, использовавшей перевод Библии на монгольский язык, осуществлённый в Селенгинске в 1830-е годы.

Дальнейшая история развития протестантизма в Бурятии позволяет говорить о том, что проект Лондонского миссионерского общества, задуманный два столетия назад в рамках долгосрочной – «с учётом на будущие времена» [Там же, с. 10] – работы в конфессиональной сфере, не утратил своего значения и впоследствии, спустя годы после закрытия британской миссии в Забайкалье.

Список литературы

1. Английский миссионер Роберт Пинкертон и его мемуарные заметки о Псковской губернии пушкинских времён (1818) / пер. с англ. В. В. Беляева. Псков: Ермолаевъ Игорь Никифоровичъ, 2011. 84 с.

2. Августин (Никитин), архимандрит. Россия и Базель (к 700-летию истории швейцарского государства) // Журнал Московской Патриархии. 1991. № 11. С. 62–64.

3. Вагин В. И. Английские миссионеры в Сибири // Известия Сибирского Отдела ИРГО. Иркутск, 1871. Т. 1, № 4–5. С. 69–77.

4. Васильева Е. Ю. Протестанты на Кавказе в XIX веке: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. Владикавказ, 2002. 156 с.

5. Волкова О. Н. Миссионеры в истории Бурятии [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.baigalmirny.ru/index.php (дата обращения: 15.02.2018).

6. Дацышен В. Г. Христианство в Китае: история и современность. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2007. 240 с.

7. Демин Э. В. Белый обелиск памяти // Байкал. 1989. № 4. С. 92–100.

8. Демин Э. В. Декабристы и английская миссия за Байкалом // Отчий край: сборник. Улан-Удэ, 1993. С. 5–25.

9. Демин Э. В. Английская миссия. Английские миссионеры. Английские раритеты // Байкал. 1994. № 1. С. 157–160.

10. Кондаков Ю. Е. Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России первой четверти XIX века. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2005. 334 с.

11. Краснокутская Л. И. История Шотландской миссии на Северном Кавказе, 1802–1835 годы: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. Пятигорск, 2000. 208 с.

12. Мартос А. Письма о Восточной Сибири. М.: Университетская тип., 1827. 297 с.

13. Пыпин А. Н. Религиозные движения при Александре I. СПб.: Акад. Проект, 2000. 478 с.

14. Рыбаков С. Г. Английские миссионеры в Забайкальской области // Исторический Вестник. 1905. Т. XCIX. С. 233.

15. Саймон К. Латинские цитаты в «Путевых заметках» архиепископа Нила (Исаковича) // Филаретовский альманах. 2008. Вып. 4. С. 77–92.

16. Смирнова И. Ю. Митрополит Филарет (Дроздов) и его ранние контакты с протестантскими миссионерами // Церковь в истории России. М.: ИРИ РАН, 2015. Вып. 10. С. 39–79.

17. Смирнова И. Ю. Россия и Англия в Святой Земле в канун Крымской войны. М.: Индрик, 2015. 395 с.

18. Смирнова И. Ю. Между Западом и Востоком: из истории церковно-дипломатических отношений на Ближнем и Дальнем Востоке. М.: Полит. энцикл., 2016. 591 с.

19. Сперанский М. М. Письма к дочери. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 2002. 196 с.

[1] В 1830-х гг. Юилль передал О. М. Ковалевскому таблицы глаголов и монгольско-русские разговорники, что заложило основы российского востоковедения.

20. Стуков С. Об английской миссии за Байкалом среди бурят // Прибавление к Иркутским епархиальным ведомостям. 1891. № 28. С. 4–10.

21. Терехов А. М. Борьба с религиозной экспансией католицизма и протестантизма на востоке России в XIX веке [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mion.isu.ru/filearchive/mion_publcations/power/4.html (дата обращения: 10.02.2018).

22. Тиваненко А. В. Каталог исторических документов в архивных хранилищах России о Посольском Спасо-Преображенском монастыре. XVII–XXI вв. Улан-Удэ: Байкал-пресс, 2005. 84 с.

23. Тиваненко А. В. История Английской духовной миссии в Забайкалье (начало XIX столетия). Улан-Удэ: Христианская Пресвитерианская Церковь в Улан-Удэ, 2009. 156 с.

24. Флоровский Г. В., протоиерей. Пути русского богословия / отв. ред. О. А. Платонов. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2009. 848 с.

25. Халидова О. Б. История протестантских общин на Северном Кавказе: возникновение, становление и развитие: вторая половина XIX – начало XXI в.: на примере Республики Дагестан: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. Махачкала, 2008. 180 с.

26. Benson J. Quaker pioneers in Russia. London, 1902. 120 p.

27. Corhrane J. D. Narrative of a pedestrian jorney through Russia and Siberian Tartary from the frantires of China to the Frozen and Kamtschatka. London, 1824. Vol. 1. 326 p.; Vol. 2. 340 p.

28. Guide to the Council for World Mission [Электронный ресурс] / London Missionary Society Archive. 1764–1977. The Library School of Oriental and African Studies. 2014. Режим доступа: http://www.archives.soas.ac.uk (дата обращения: 11.02.2018).

29. Pincerton R. Russia: or Miscellaneous observations on the past and present state of that country and its inhabitants. London, 1833. 486 p.

30. Scott R. C. Quakers in Russia. London, 1964. 302 p.

Статья поступила в редакцию 24.02.2018; принята к публикации 20.04.2018

Библиографическое описание статьи

Смирнова И. Ю. Британский миссионерский проект в Забайкалье (1817–1840) // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 4. С. 110–118. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-110-118.

Irina Yu. Smirnova,
Candidate of History,
Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
(19 Dmitry Ulyanov st., Moscow, 117292, Russia),
e-mail: irinasmirnowa@mail.ru

The British Missionary Project in Transbaikalia (1817–1840)

New archival materials show the role of the British missionary movement in the 19th century as an important tool of the foreign policy, when the work of religious missions in different regions was subordinated to a unified strategy of British colonial policy. British proselytism was aimed at the formation of the Protestant commons as reliable channels of influence in regions that were in the sphere of geopolitical interests of Great Britain. One of the missionary centers conceived by the strategists of British policy as the base platform for penetrating into Qing China was the British mission in Transbaikalia (1817–1840). It served as an example for studying the principles, practices and tasks of the London Missionary Society branches, as well as other Protestant missions that operated in Russia in the first half of the 19th century. There were also attempts of the leadership of the London Society to spread the Gospel to the resumption of the activities of Protestant missions after the Crimean War in Russia and the response measures of the Russian government and the Russian Orthodox Church. The results of the activities of the first British missionaries in Transbaikalia allow us to recognize the project of the London missionary society, which was designed for a long-term perspective. It was not fully realized but did not lose its value despite the closure of the mission. Approaches and methods of representatives of the western powers in their church policy demand serious scientific analysis necessary for understanding the development of intercivilization and cross-cultural tendencies in the modern world.

Keywords: missionary work, Protestantism, London missionary society, Holy Synod, British ecclesiastical mission in Transbaikalia

References

1. The English missionary Robert Pinkerton and his memoirs on the Pskov province of Pushkin times (1818). Translation from English Belyaev, V. V. Pskov: Izd-vo «Ermolaev Igor' Nikiforovich», Publishing house «Ermolaev Igor Nikiforovich», 2011. (In Rus.)

2. Avgustin (Nikitin), arhimandrit. Russia and Basel (on the 700th anniversary of the history of the Swiss state). Journal of the Moscow Patriarchate, no. 11, pp. 62–64, 1991. (In Rus.)

3. Vagin, V. I. English missionaries in Siberia. Izvestiya of the Siberian Department of the IRGO. Irkutsk, t. 1, no. 4–5, pp. 69–77, 1871. (In Rus.)

4. Vasil'eva, E. Yu. The Protestants in the Caucasus in the XIX century: candidate of historical sciences diss. Vladikavkaz, 2002. (In Rus.)

5. Volkova, O. N. Missionaries in the history of Buryatia. Web. 15.04. 2018. http://www.baigalmirny.ru/index.php (In Rus.)

6. Datsyshen, V. G. Christianity in China: History and Modernity. M.: Scientific and educational forum on international relations, 2007. (In Rus.)

7. Demin, E. V. The white obelisk of memory. Baikal, no. 4, pp. 92–100, 1989. (In Rus.)

8. Demin, E. V. The Decembrists and the British Mission behind Baikal. Otchij kraj. Sbornik – Father's Land. Collection. Ulan-Ude, 1993: 5–25. (In Rus.)

9. Demin, E. V. English mission. English missionaries. English rarities. Baikal, no. 1, pp. 157–160, 1994. (In Rus.)

10. Kondakov, Yu. E. Liberal and conservative trends in religious movements in Russia in the first quarter of the XIXth century. SPb: Izd-vo RGPU im. A. I. Gercena, 2005. (In Rus.)

11. Krasnokutskaya, L. I. History of the Scottish Mission in the North Caucasus, 1802–1835. Candidate of historical sciences diss. Pyatigorsk, 2000. (In Rus.)

12. Martos, A. Letters on Eastern Siberia. M: Universitetskaya tipografiya, 1827. (In Rus.)

13. Pypin, A. N. Religious movements under Alexander I. SPb: Academic project, 2000. (In Rus.)

14. Rybakov, S. G. English missionaries in the Trans-Baikal region. Istoricheskij Vestnik. SPb., 1905. T. XCIX. P. 233. (In Rus.)

15. Simon, K. The Latin quotations in Traveling Notes by Archbishop Nile (Isakovich). Filaretovsky almanac, no. 4, pp. 77–92, 2008. (In Rus.)

16. Smirnova, I. Yu. Metropolitan Filaret (Drozdov) and his early contacts with Protestant missionaries. The Church in the History of Russia, no. 10, pp. 39–79, 2015. (In Rus.)

17. Smirnova, I. Yu. Russia and England in the Holy Land on the eve of the Crimean War. M: Izd-vo Indrik, 2015. (In Rus.)

18. Smirnova, I. Yu. Between West and East: from the history of church-diplomatic relations in the Middle and Far East. M: Political Encyclopedia, 2016. (In Rus.)

19. Stukov, S. On the British mission for Baikal among the Buryats. Pribavlenie k Irkutskim eparhial'nym vedomostyam – Addition to the Irkutsk diocesan statements, no. 28, pp. 4–10, 1891. (In Rus.)

20. Speransky, M. M. Letters to the daughter. Novosibirsk: Izd-vo Novosibirskogo universiteta, 2002. (In Rus.)

21. Terekhov, A. M. The Fight against the religious expansion of Catholicism and Protestantism in the east of Russia in the nineteenth century. Web. 20.03. 2017. http://www.mion.isu.ru/filearchive/mion_publcations/power/4.html / (In Rus.)

22. Tivanenko, A. V. The catalog of historical documents in the archives of Russia about the Embassy of the Savior-Transfiguration Monastery. XVII–XXI centuries. Ulan-Ude: Informacionnoe-reklamnoe agentstvo Bajkal-press, 2005. (In Rus.)

23. Tivanenko, A. V. The History of the English Ecclesiastical Mission in Transbaikalia (early XIXth century). Ulan-Ude: Hristianskaya Presviterianskaya Cerkov' g. Ulan-Ude, 2009. (In Rus.)

24. Florovskiy, G. V., prot. Puti russkogo bogosloviya.The Ways of Russian Theology. Platonov, O. A., editor. M: Institut russkoj civilizacii – The Institute of Russian Civilization, 2009. (In Rus.)

25. Halidova, O. B. The History of Protestant communities in the North Caucasus: the emergence, formation and development: Tue. XIXth – early XXIst century: on the example of the Republic of Dagestan. Candidate of historical sciences diss. Mahachkala, 2008. (In Rus.)

26. Benson, J. Quaker pioneers in Russia. London, 1902. (In Rus.)

27. Corhrane, J. D.Narrative of a pedestrian jorney through Russia and Siberian Tartary from the frantires of China to the Frozen and Kamtschatka. By capt. John Dundas Corhrane. London, 1824. Vol. 1. 326 p.; Vol. 2. 340 p. (In Rus.)

28. Guide to the Council for World Mission / London Missionary Society Archive. 1764–1977. The Library School of Oriental and African Studies. 2014. Web. 21.03. 2017. http://www. archives.soas.ac.uk (In Rus.)

29. Pincerton, R. Russia: or, Miscellaneous observations on the past and present state of that country and its inhabitants. London, 1833. (In Rus.)

30. Scott, R. C. Quakers in Russia. London, 1964. (In Rus.)

Received: February 24, 2018; accepted for publication April 20, 2018

Reference to the article

Smirnova I. Yu. The British Missionary Project in Transbaikalia (1817–1840) // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 4. PP. 110–118. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-110-118.

http://www.zabvektor.com ISSN 2542-0038 (Online) ISSN 1996-7853

УДК 27 (571.55)
DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-119-124

Владимир Иванович Косых,
кандидат исторических наук,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),
e-mail: klichca85@yandex.ru

Террористические акты против духовенства Забайкальской епархии (1921–1922)

Актуальность выбранной нами темы не вызывает сомнений, поскольку до настоящего времени отсутствуют более или менее полные исследования вопроса. Период Дальневосточной республики упоминается как время, когда государство без особого уважения относилось к церкви и духовенству, однако при этом отсутствовала детализация: до каких пределов относилось неуважение представителей государства и части населения к жизни и здоровью духовенства. Подобное упоминается, например, в 1923 и 1937–1938 годах. В статье автор анализирует трудную ситуацию, которую власти Дальневосточной республики создали в 1920–1922 годах для Забайкальской епархии. Это время можно охарактеризовать как постоянно усиливающееся давление со стороны Республики по отношению к руководству, духовенству, прихожан епархии. Иного не ожидалось: правительство ДВР полностью продублировало декреты СНК РСФСР относительно религии, церкви (в нашем случае – православной) и верующих, которые старались выполнять, приспосабливая документы к местным условиям. В статье рассматриваются только случаи организации и проведения террористических актов против православного духовенства в 1920–1922 годах. Автор полагает выделить наличие психологического давления на клирика, особенно в сельских приходах: здесь более жёстко относились к членам причтов, отсутствовала правовая культура населения, клирики оказывались без должной юридической защиты со стороны государства.

Ключевые слова: епархия, духовенство, покушение, прихожане, арест, церковь, милиция

Введение. В 1921 и 1922 годах Забайкальская епархия пережила ряд шокирующих актов в виде покушений на жизнь её клириков. Не следует думать, что население Забайкальской области всё и сразу воспылало ненавистью к православной церкви и духовенству. На наш взгляд, негативизм, позже переросший в острую неприязнь, продиктовало Временное правительство, уравнявшее все конфессии России.

Свою лепту внесла ситуация после Октября 1917 года, когда последовали декреты СНК РСФСР, укрепившие позиции атеистов и им сочувствующих. Они стали своеобразным призывом к населению без особого уважения относиться, в частности, к православной религии, церкви, духовенству. Усугубила положение Гражданская война, когда среди белых и красных сражались друг против друга верующие.

В Дальневосточной республике (ДВР) после окончания Гражданской войны неприязнь властей, бывших партизан и населения определялась наличием в армии атамана Семёнова военного духовенства, в ряды которого влилась часть местного приходского, сотрудничества его с контрразведкой, участия в карательных акциях против населения. По этой причине известная часть забайкальцев, включая атеистов, представителей власти, коммунистов, считали епархию сгустком контрреволюции, пособником белоэмигрантов. Кроме того, ДВР в конце 1922 года готовилась к вхождению в РСФСР безрелигиозной территорией, поэтому руководство её не особо стремилось защищать гражданские права духовенства епархии. В 1920 году это почувствует на себе епископ Забайкальский и Нерчинский Мелетий, в 1922 году – сменивший его в Чите викарный епископ Селенгинский Софроний. Указанной проблемой в той или иной степени занимались историки и исследователи Русской православной церкви в разные годы. Ими было проанализировано положение церкви в Советской России и Дальневосточной Республике в 1921–1922 годах [1–5; 11–13; 15; 16].

Наша статья подготовлена на основе материалов фонда Р-422 (Забайкальский епархиальный совет) Государственного архива Забайкальского края, впервые вводимых в научный оборот автором, и публикаций из официального органа епархии «Забайкальский церковно-общественный вестник», выходившего в Чите в 1921 и 1922 годах (раздел «Епархиальная хроника»). В целом эти материалы в известной степени дают характеристику часто невыносимых условий службы и жизни духовенства епархии.

Методология и методы исследования. Методологическую основу исследования составили принципы историзма и объективности. Принцип историзма позволил проанализировать основные тенденции во

© Косых В. И., 2018

взаимоотношениях между властями, силовыми структурами и населением ДВР и епархией на фоне движения Республики в сторону РСФСР, атеизации известной части общества. События излагаются в хронологической последовательности. Принцип объективности заключается в сопоставлении круга источников, что позволило рассмотреть события во взаимосвязи и совокупности.

Проблемно-хронологический, сравнительно-исторический методы позволили проанализировать динамику уровня ненависти в ДВР по отношению к духовенству, что приводило к террористическим актам в 1920–1922 годах. Применение комплекса указанных методов дало возможность изучить вышеуказанный процесс в Республике в указанное время.

Результаты исследования и их обсуждение. Можно полагать, что до покушений физических сначала производились покушения психологического характера. Уместно привести следующий пример. 21 ноября 1921 года общее собрание верующих с. Шундуя в составе 140 чел. обсуждало случай об анонимном письме, подброшенном командиром 3-го эскадрона территориальных войск М. Бузунова местному священнику Н. Титову с угрозой расправиться, если последний не покинет с. Шундуя. Уместно привести это послание в оригинале: «Ой ты поп что ты ожидаеш если хочешь быть живым удирай в Гродеково [к белым – *В. К.*] забирай свои манатки что бы не было остатка. А не бросит это поп то придётся лишится жизни поп кадило забирай в Гродеково удирай и мало растиряеш марш». Священника собрание оправдало, протокол направило в епархиальный совет, прося о помощи[1].

Интересно, что и коммунистической ячейки с. Шундуя пришлось провести своё расследование по факту подложного письма М. Бузунова. На собрании последний подтвердил, что он «писал анонимную записку и напишет другую», поскольку коммунист не должен бояться правды. Ячейка постановила копию протокола «отправить в Госполитохрану через уком»[2].

Забайкальский епархиальный совет 27 декабря 1921 года направил официальное прошение в главный штаб войск ДВР о содействии «в ограждении личной безопасности священника Николая Титова», требуя к Шундунской комячейке «надлежащего уважения к законам ДВР»[3].

В ноябре 1921 года верующие г. Нерчинска пригласили для чтения лекций (их планировалось 14) читинского протоиерея К. Коронина. Мероприятие посещало большое количество верующих, лектору пришлось отвечать на множество вопросов. Правда, лекций протоиерей прочитал всего 8, и тому нашлась причина: видимо, кому-то не нравилось, что местные верующие активно их посещали.

Вечером 9 ноября группа нерчинских священников (И. Знаменский, В. Яковлев, Н. Прокопьев, Т. Силинский) провожала протоиерея К. Коронина после лекции на квартиру. По словам протоиерея, какие-то мужчина и женщина стреляли по ним «почти в упор, – в 4–5 шагах». Клирики не пострадали, хотя у священника В. Яковлева оказалась простреленной шуба.

После такого шокирующего происшествия слушатели из числа духовенства и мирян единогласно (кроме одного) высказались за скорейшее прекращение лекций, «чтобы не навлекать смертельной опасности на лектора и на других» (было высказано предположение, что террористы «могли бросить бомбу в собор во время лекции, – в том случае были бы десятки жертв»). Что касается цикла лекций, собрание отметило: главная цель лекций – «утверждение в вере братьев» – достигнута, «духовное банкротство неверия обнаружилось резко», ничего против доводов протоиерея К. Коронина «отрицатели религии» не представили. Лекции прошли «при огромном религиозном подъёме аудитории». Правда, «очень мало было учащейся молодёжи», хотя присутствовали даже «инославные христиане».

Епархиальный совет 17 ноября принял решение известить о террористическом акте в Нерчинске министра внутренних дел ДВР Е. Матвеева. Последний 30 ноября сообщил просителям, что дал распоряжение компетентным органам разобраться с происшедшим[4].

Ждать пришлось долго: только 4 февраля 1922 года секретарь министра внутренних дел А. Максимов ответил, что «по делу нападения неизвестными на группу священников во главе с протоиереем К. Корониным на улице г. Нерчинска, начальником Нерчинской уездной милиции произведено дознание, каковым виновных не обнаружено, означенное дознание направлено судебно-следственным властям на прекращение»[5]. Вероятно, МВД слишком оказалось перегружено борьбой с криминальной обстановкой в Республике, отказалось заниматься еще и разбиратель-

[1] ГАЗК. – Ф. Р-422. – Оп. 2. – Д. 549. – Л. 88, 88 об.
[2] Там же. – Л. 89.
[3] Там же. – Л. 87.
[4] Там же. – Л. 91–92 об.
[5] АЗК. – Ф. Р-422. – Оп. 2. – Д. 549. – Л. 34–35.

ством с покушением на духовенство: «все живы и слава богу!».

К сожалению, покушения на жизнь клириков продолжались. Так, 17 февраля 1922 года в с. Шахтама местный житель Белоусов тремя выстрелами из револьвера убил священника И. Чурсинова. Убийца явно выслеживал свою жертву: священник после окончания исповеди говеющих направился для напутствования к больному. К чести сотрудников милиции они арестовали Белоусова [10].

Подобный случай оказался отнюдь не последним: 20 апреля в с. Илим неизвестный расправился с местным священником Н. Прокофьевым [6]; 15 апреля в с. Александровский Завод едва не погиб благочинный 7-го округа протоиерей Г. Писарев. В рапорте епархиальному совету он отметил, что вечером накануне Пасхи возвращался из церкви домой, заметив, что за ним следуют двое. Едва протоиерей добрался до своего дома, злоумышленники «бросили в него бомбу-гранату», которая, по его словам, «разорвалась со страшной силой». Вероятно, судьба хранила протоиерея: он не пострадал, милиция приняла «все меры предосторожности и охраны» его личности [7].

Своё печальное место в этом ряду занял священник Воскресенской церкви Черновских копей (под Читой) И. Голубцов. Ещё 28 июля 1921 года его арестовали сотрудники Читинской ГПО (Госполитохраны) ДВР. Благочинному 1-го округа протоиерею В. Счастневу сразу же объявили, что во время Гражданской войны священник якобы выдал семёновцам крестьян с. Татаурово Читинского уезда. Последних тут же якобы обвинили «в политической неблагонадёжности» и часть из них расстреляли. Епархиальный совет 12 августа просил председателя народного суда ДВР рассмотреть дело священника и передать его «на поруки прихожан»[1].

Власти рассуждали по-своему, и священник И. Голубцов несколько месяцев провёл в Читинской областной тюрьме. После освобождения его душевные мытарства не закончились, поскольку он не единожды получал предупреждения, что ему «рано или поздно угрожает то, что ныне уже свершилось» [его убийство – *В. К.*]. Доброжелатели советовали священнику совершенно искренне и обоснованно сменить приход, на что он неизменно отвечал: «Если и уйду, то кто же будет в таком бедном приходе; а к опасностям он притерпелся» [14].

В первый день Пасхи 16 апреля 1922 года священник И. Голубцов к 17 часам вечера обошёл с крестом дома прихожан и зашёл к попечительнице Черновской церкви М. Грошевой. Через некоторое время сюда же «в нетрезвом виде» ввалился местный милиционер Г. Волков. По словам священника, страж порядка, «вынув револьвер, стал угрожать мне, что он имеет право лишить меня жизни, дабы я более не ходил со крестом и не опутывал людей». Хозяева вступились за священника, вывели милиционера из дома, пресекая его попытки вырваться из их рук.

Позднее, 28 апреля, милиционер Г. Волков повторил свою угрозу в адрес священника уже в присутствии псаломщика П. Пенькова. Попечительница Черновской церкви М. Грошева сообщила о действиях милиционера его начальству, которое, судя по всему, никак не прореагировало. Встревоженный епархиальный совет ходатайствовал перед руководством МВД Республики «сделать соответствующее распоряжение» по этому делу и уведомить о последствиях[2]. Последнее привело к тому, что 9 июня, когда священник И. Голубцов возвращался с кладбища на телеге в пос. Черновские копи, неизвестный трижды выстрелил в него [14].

Печальный мартиролог Забайкальской епархии на этом не закончился: 28 июля 1922 года в пос. Новоберёзовском, что находился в шести верстах от г. Верхнеудинск, неизвестные преступники задушили полотенцем настоятеля местной Спасской церкви иеромонаха Иринарха. Причина преступления оказалась весьма тривиальной: убили, чтобы ограбить. К чести милиции, убийц арестовали [10].

В конце 1921 года, 31 декабря, священник Шивиинской Христорождественской церкви Н. Поздняков направил в епархиальный совет извещение, что в приходе атеисты затаили на него злобу. Причинами этого являлось преподавание священником закона божия в местной школе, проведение приходских собраний, организации протестов против захвата местными властями приходских домов. По его словам, «враждебные церкви силы» начали уже «принимать меры к устранению меня с пути, намеченной им цели»[3].

На третий день Рождества 1922 года вечером неизвестный бросил в окно дома священника Н. Позднякова бомбу, которая, разорвавшись, ранила его дочь, мужчину и женщину, «всех не тяжело. Есть надежда на

[1] АЗК. – Ф. Р-422. – Оп. 2. – Д. 549. – Л. 6–6 об., 7–8.

[2] ГАЗК. – Ф. Р-422. – Оп. 2. – Д. 549. – Л. 95–96.

[3] Там же. – Л. 80.

выздоровление». Естественно, что «страха ради иудейска», священник Н. Поздняков, стремясь обеспечить безопасность себе и семье, просил епархиальный совет перевести его в более спокойный приход. Совет разрешил священнику с семьёй перебраться к церкви с. Богдановка, одновременно прося МВД и ГПО ДВР назначить расследование террористического акта[1].

Не оставили неизвестные террористы и монашек. Так, 18 февраля 1922 года настоятельница Читинского женского Покровского монастыря игуменья Анастасия рапортовала епархиальному начальству о террористическом акте на монастырской заимке Улутай в ночь на 12 февраля. Примерно в час ночи в общежитие сестёр «была брошена бомба, разорвавшаяся с страшной силой на расстоянии 1 арш. от кровати сестры Лидии Булгаковой». К счастью, никто из сестёр от взрыва не пострадал, хотя швейная машинка под кроватью М. Булгаковой и моток ниток под подушкой оказались повреждёнными. Кроме того, пол, стёкла окон, стены, потолок и печи «были испорчены», равно как и икона Спасителя. В ту же ночь вторая бомба влетела в кухню, где ночевал ветеринарный фельдшер. Уцелел от взрыва и он, хотя интерьер строения пострадал.

27 февраля епархиальный совет по печальной уже привычке просил МВД Республики разобраться с двойным покушением на жизнь обитателей монастырской заимки. Министерство 13 мая ответило следующим образом: «Никаких существенных данных к обнаружению злоумышленников, совершивших это преступление, не обнаружено»[2].

Поздним вечером 30 января 1922 года в окно дома священника Ботовской Успенской церкви П. Протопопова выстрелил неизвестный. Пуля попала пострадавшему в голову, фельдшер местного приёмного покоя М. И. Морозов установил следующее: «Пуля попала в область затылочной кости, поражение лёгкого характера, с повреждением кожи и верхнего слоя мышц». Неизвестный злоумышленник стрелял из засады с расстояния примерно в 15 метров на свет лампы в то время, когда священник, его жена, дочь и учитель С. Г. Литвинцев ужинали.

Члены Ботовского волостного комитета направили следователю участка Восточно-Забайкальского судебного округа и начальнику 6-го участка милиции прошение разобраться с покушением на священника[3]. Священник П. Протопопов, «из боязни дальнейших случаев покушения, покинул Ботовский приход и переехал пока к дочери в посёлок Рарково Сретенского прихода». Благочиннический совет 4-го округа предоставил ему вакантное место священника церкви в с. Суханово[4].

По полной программе нелюбовь к себе со стороны населения испытал священник церкви с. Шелопугино Н. Ракулин. Первый случай оказался едва ли не анекдотичным, хотя священнику вряд ли пришлось смеяться. Дело в том, что при крещении младенца он, согласно церковной традиции, дал ему имя из словаря христианских имён. Однако родителям это имя не понравилось, хотя священник отказался давать младенцу имя, желательное отцу и матери. Дело закончилось тем, что власти арестовали священника [8].

На этом злоключение его не закончилось: 22 марта 1922 года настоятель Шелопугинской Покровской церкви священник И. Павлов сообщал епархиальному совету о возвращении его коллеги Н. Ракулина в приход. Правда, спокойная его служба продолжалась меньше недели: неизвестный решил расправиться со священником изощрённым способом, подвесив бомбу к входной двери в дом. К счастью, взрыва не последовало. Дабы спасти клирика, епархиальный совет 19 июня 1922 года перевёл его к приписной церкви на станции Маккавеево [9].

Позже, 6 июля 1922 года, священник И. Павлов снова известил епархиальный совет, что дома – его и священника Н. Ракулина в ночь на 8 мая (день Иоанна Богослова) обстреляли. Злоумышленники стреляли с улицы из браунинга дважды по окнам дома И. Павлова, трижды – Н. Ракулина. Можно полагать, что их просто старались напугать, если считать только «отверстия в окнах и тревогу в семействах обоих квартир». Приходской совет направил в волостное правление прошение о возбуждении разбирательства по поводу покушений, однако последнее внимания на это обратить не соизволило[5].

Заключение. Как видно, духовенство Забайкальской епархии довольно трудно существовало в условиях буферной ДВР, о которой авторитетный в крае читинский священник Ф. Титов однажды заявил: «Конституция республики приемлема, однако жизнь при ней невыносима»[6]. С включением ДВР в состав РСФСР Забайкальская епархия в лице руководства, духовенства, верующих лишилась последней надежды на нормальное существование.

[1] ГАЗК. – Ф. Р-422. – Оп. 2. – Д. 549. – Л. 78–81 об.
[2] Там же. – Л. 32-32 об., 33, 97.
[3] Там же. – Л. 85–85 об.
[4] Там же. – Л. 84 об.
[5] Там же. – Л. 63–65 об., 66–66 об., 67.
[6] Там же. – Д. 689. – Л. 7.

Список литературы

1. Абросенко К. П. Религия на службе контрреволюции в Сибири. Иркутск: Иркут. обл. изд-во, 1938. 65 с.
2. Алексеев В. А. Иллюзии и догмы. М.: Изд-во полит. лит., 1991. 400 с.
3. Василевский В. И. Забайкальская белая государственность. Чита: Поиск, 2000. 140 с.
4. Васильева О. Ю. Русская православная церковь и советская власть в 1917–1927 гг. // Вопросы истории. 1993. № 8. С. 32–52.
5. Дулов А. В. Русское православие: очерк истории. Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2000. 421 с.
6. Епархиальная хроника // Забайкальский церковно-общественный вестник. 1922. 16 апр. С. 4.
7. Епархиальная хроника // Забайкальский церковно-общественный вестник. 1922. 30 апр. С. 4.
8. Епархиальная хроника // Забайкальский церковно-общественный вестник. 1922. 4 июня. С. 4.
9. Епархиальная хроника // Забайкальский церковно-общественный вестник. 1922. 25 июня. С. 4.
10. Епархиальная хроника // Забайкальский церковно-общественный вестник. 1922. 27 авг. С. 4.
11. Зыбковец В. Ф. Национализация монастырских имуществ в Советской России (1917–1921 гг.). М.: Наука, 1975. 205 с.
12. Кашеваров А. Н. Государство и церковь: из жизни взаимоотношений советской власти и Русской православной церкви. 1917–1945 гг. СПб.: СПбГТУ, 1995. 138 с.
13. Нейтман М. Л. К контрреволюционной деятельности церкви в Забайкалье // Вопросы истории Сибири. 1979. С. 129–135.
14. Очевидец. Убийство и похороны священника Черновских копей о. Иоанна Голубцова // Забайкальский церковно-общественный вестник. 1922. 9 июля. С. 4.
15. Православие в Забайкалье: история и современность. Чита: Экспресс-изд-во, 2004. 69 с.
16. Терновая И. И. Иркутская епархия в годы политических репрессий 1920–1930 гг. // Из истории Иркутской епархии: сб. науч. ст. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1998. С. 101–107.

Статья поступила в редакцию 10.02.2018; принята к публикации 15.03.2018

Библиографическое описание статьи

Косых В. И. Террористические акты против духовенства Забайкальской епархии (1921–1922) // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 4. С. 119–124. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-119-124.

Vladimir I. Kosykh,
Candidate of History,
Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
e-mail: klichca85@yandex.ru

Terrorist Acts against the Clergy of the Transbaikal Diocese (1921–1922)

The relevance of the topic chosen by us is not in doubt, since to this day there are no more or less complete studies of the issue. The period of the Far Eastern Republic is mentioned as a time when the state did not respect the church and the clergy without special respect, but there was no detail at all: to what extent was the disrespect of representatives of the state and part of the population to the life and health of the clergy. This is mentioned, for example, in 1923 and 1937–38. In the article, the author analyzes the difficult situation, which the authorities of the Far Eastern Republic created in 1920–1922 for the Transbaikal diocese. This time can be characterized as the constantly increasing pressure from the Republic towards the leadership, the clergy, the parishioners of the diocese. It was not expected otherwise: the FER government completely duplicated the decrees of the Council of People's Commissars of the RSFSR concerning religion, the church (in our case – the Orthodox Church) and believers who tried to do it adapting the documents to local conditions. The article deals only with cases of organizing and conducting terrorist acts against the Orthodox clergy in 1920–1922. The author believes that there is psychological pressure on the clergymen, especially in rural parishes: here the members of the clergy were harsher, there was no legal culture of the population, the clerics were rendered without due legal protection by the state.

Keywords: diocese, clergy, attempt, parishioners, arrest, church, police

References

1. Abrosenko, K. P. Religion in the service of counter-revolution in Siberia. Irkutsk: Irkutsk. obl. izd-vo, 1938. (In Rus.)
2. Alekseev, V. A. Illusions and dogmas. M: Izd-vo politicheskoj literatury, 1991. (In Rus.)
3. Vasilevskiy, V. I. Transbaikal white statehood. Chita: Poisk, 2000. (In Rus.)

4. Vasil'eva, O. Yu. The Russian Orthodox Church and Soviet power in 1917–1927. Question of history, no. 8, pp. 32–52, 1993. (In Rus.).
5. Dulov, A. V. Russian Orthodoxy: an essay on history. Ulan-Ude: IPK VSGAKI, 2000. (In Rus.)
6. The diocesan chronicle. Zabaikalsky church-public bulletin. 16 (3) Apr. 1922. (In Rus.).
7. The diocesan chronicle. Zabaikalsky church-public bulletin. 30 (17) Apr. 1922. (In Rus.)
8. The diocesan chronicle. Zabaikalsky church-public bulletin. 4 June (22 May). 1922. (In Rus.)
9. The diocesan chronicle. Zabaikalsky church-public bulletin. 25 (12) June. 1922. (In Rus.)
10. The diocesan chronicle. Zabaikalsky church-public bulletin. 27 (14) Aug. 1922. (In Rus.)
11. Zybkovec, V. F. The nationalisation of monastic assets in Soviet Russia (1917–1921). M. Nauka, 1975. (In Rus.).
12. Kashevarov, A. N. State and Church: from the life of the relationship between Soviet power and the Russian Orthodox Church. 1917–1945. SPb: SPbGTU, 1995. (In Rus.)
13. Nejtman, M. L. To counter-revolutionary activities of the Church in Transbaikalia. Questions of the history of Siberia. 1979: 129–135. (In Rus.)
14. Ochevidec. Murder and funeral of a priest Chernovskih kopey Ioanna Golubcova. Zabaikalsky church-public bulletin. 9 July (26 June). 1922. (In Rus.)
15. Orthodoxy in Transbaikalia: history and modernity. Chita: Ehkspress-izdatel'stvo, 2004. (In Rus.)
16. Ternovaya, I. I. Irkutsk diocese in the years of political repressions of the 1920–1930s. From the history of Irkutsk diocese. Irkutsk: Izd-vo IGU, 1998: 101–107. (In Rus.)

Received: February 10, 2018; accepted for publication March 15, 2018

Reference to the article

Kosykh V. I. Terrorist Acts against the Clergy of the Transbaikal Diocese (1921–1922) // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 4. PP. 119–124. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-119-124.

ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ

HISTORY OF EDUCATION AND SCIENCE

УДК 930
DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-125-131

***Марина Васильевна Аюшеева*[1],**
кандидат исторических наук,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
(670047, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6),
e-mail: ayagma@yandex.ru

***Цымжит Пурбуевна Ванчикова*[2],**
доктор исторических наук, профессор,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
(670047, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6),
e-mail: vanchikova_ts@mail.ru

***Оюуна Санжимитуповна Ринчинова*[3],**
кандидат исторических наук,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
(670047, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6),
e-mail: rinchinova.o@gmail.com

Архивные документы по истории Бурят-Монгольского учёного комитета (1922–1929)

Целью данного исследования является выявление архивных материалов по истории становления академической науки в Бурятии, хранящихся в архивном фонде его первого научного учреждения, основанного в 1922 году, и их источниковедческий анализ, как архивных документов, освещающих историю Бурят-Монгольского учёного комитета, ставшего основателем Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук и всех современных академических институтов Бурятского научного центра СО РАН и многих образовательных и культурных учреждений Бурятии. При выявлении и анализе репрезентативности материалов нами были использованы основные методы работы с историческими источниками, представляющими собой сложный комплекс разных по сохранности, содержанию и по хронологии документов, которые были нами атрибутированы, классифицированы и проанализированы. Основные документы по теме исследования хранятся в Фонде Буручкома, в котором отложились документы за период его существования (1922–1929), начиная со времени образования БМ АССР, в них ярко отражена общественно-политическая жизнь региона, они являются ценными источниками по истории становления бурятской государственности, в чём заключается их актуальность, учитывая предстоящий 95-летний юбилей Республики Бурятия в 2018 году.

Ключевые слова: архивные документы, Центр восточных рукописей и ксилографов, Бурятский учёный комитет, история Буручкома, буряты, научная организация, история науки

Введение. Институту монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН в 2017 году исполнилось 95 лет, он берёт начало с момента организации Бурят-Монгольского учёного комитета, первого научного учреждения Бурятии. О необходимости его учреждения было заявлено на объединённой конференции по культурным делам представителей Бурят-Монгольских автономных областей РСФСР и ДВР с участием монгольских делегатов в конце июня – начале июля 1922 года в с. Додо-Анинское Хоринского аймака (быв-

[1] М. В. Аюшеева осуществляла работу с архивными источниками, систематизировала материал исследования.
[2] Ц. П. Ванчикова – анализ материла, определение методологии работы.
[3] О. С. Ринчинова – сбор и систематизация материала исследования.

© Аюшеева М. В., Ванчикова Ц. П., Ринчинова О. С., 2018

шей Хоринской степной думы). Именно на этой конференции были избраны первые члены учёного комитета, определены цели и задачи будущей организации, её местонахождение.

В Центре восточных рукописей и ксилографов хранится уникальный архивный фонд Буручкома (ЦВРК ИМБТ. Ф. 1Б) по истории Бурят-Монгольского учёного комитета, позволяющий раскрыть круг проблем, стоявших перед первой научной организацией, охарактеризовать способы и меры, предпринятые для формирования и развития научно-исследовательской и учебной базы молодой республики.

В архивном фонде Буручкома собраны документы за период существования данной организации (1922–1929), который пришёлся на сложные годы становления Республики Бурятия и детально освещает процессы зарождения и становления общественно-политической, научной, образовательной и культурной жизни региона.

Источниками формирования фонда послужили юридические документы организации, докладные записки, доклады, научно-организационные планы, письма, протоколы собраний, годовые отчёты секций комитета, а также финансовые и делопроизводственные документы. История создания, содержание и состав данного фонда не достаточно освещены в научной литературе, не опубликованы его каталог и описание, хотя некоторые дела использовались историками при исследовании истории разных аспектов истории Бурятии: в публикациях за последние годы Б. В. Базарова, Е. Т. Протасова о становлении национальной государственной политики и общественно-политической жизни Республики Бурятия; В. В. Базаровой по истории языковой политики; М. Н. Балдано, А. М. Плехановой, О. В. Бураевой, Е. В. Игумновым, Е. В. Номогоевой, Г. Д. Базаровой, М. В. Амгалановой по истории научно-исследовательских организаций и по проблемам образовательных учреждений и др. Проблемам здравоохранения посвящены статьи Ц. П. Ванчиковой, О. С. Ринчиновой; первым экспедициям – статья М. В. Аюшеевой, С. С. Цыпиловой, дела по агитационно-художественной деятельности комитета легли в основу исследования С. А. Батурина.

Методология и методы исследования. В данной статье дан краткий обзор документов архива Буручкома, выполненный на основе анализа содержания его документов. При её написании были использованы общие методы исторического источниковедения, объективизм и историзм, которые позволили критически отнестись к их анализу, к учёту времени их написания, составления и происхождения. При анализе ветхих документов для определения авторства или датировки, правильности прочтения текста документа нами применялись методы текстологического и палеографического анализа. Все применённые методы позволили проанализировать большой корпус документов, разнообразный по содержанию, тематике и временным рамкам, установить, что они в комплексе являются ценными и надёжными историческими источниками, которые дадут исследователям возможность реконструировать сложный период отечественной истории первой четверти XX века.

Материалы по истории Бурят-Монгольского учёного комитета, представленные в Центре восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН, сосредоточены, главным образом, в двух фондах – общем архивном фонде и фонде 1Б (Буручком, ГИК, ГИЯЛИ). В личных фондах Ц. Жамцарано (1881–1942), Б. Барадина (1878–1938), Г. Цыбикова (1873–1930) – первых членов Бурят-Монгольского учёного комитета – также содержится ряд ценных сведений не только биографического характера, но и материалы по истории науки в целом и Буручкома в частности.

Общий архивный фонд ЦВРК располагает богатым собранием документов и материалов по результатам творческой и научной деятельности сотрудников Буручкома (1922–1929) и его правопреемников – Бурят-Монгольского государственного института культуры (БМГИК, 1929–1936); Государственного института языка, литературы и искусства (ГИЯЛИ, 1936–1944); Бурят-Монгольского научно-исследовательского института культуры и экономики (БМКНИИКЭ, 1944–1949); Бурят-Монгольского научно-исследовательского института культуры (БМНИИК, 1949–1958); Бурятского комплексного научно-исследовательского института СО АН СССР (БКНИИ СО АН СССР, 1958–1966); Бурятского филиала СО АН СССР, Бурятского института общественных наук (БИОН, 1966–1997); Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ИМБТ, 1997 – по н. в.).

Фонд Буручкома (ЦВРК ИМБТ. Ф. 1Б), изначально сформированный при Центральном государственном архиве БурАССР под номером Р-471, состоит из 5 описей и 533 ед. хр. Дела в фонде сформированы по хронологическому принципу и охватывают период с 1923 по 1958 год.

Все документы можно разделить по основным направлениям деятельности организации. В начале формирования Бурятский учёный комитет работал по трём секциям, таким как научно-исследовательская секция, учебная и издательская, позже появилась художественная секция, в составе данных подразделений работали различные комиссии (библиотечная, терминологическая и др.).

Главным образом, в фонде представлены: протоколы, планы, отчёты, переписка, а также объяснительные, докладные записки. Содержащиеся в фонде делопроизводственные документы имеют огромное значение для определения и уточнения кадрового состава Буручкома, позволяют конкретизировать деятельность учёных, стоявших у истоков первого научного учреждения Бурятии, а также проследить за изменениями во внутренней структуре Буручкома, регулярное реформирование которого было призвано улучшить работы секций, конкретизировать цели и задачи учреждения в целом. В период организационного становления Буручкома в 1922–1924 годах много усилий было затрачено на составление проектов положений с объяснительными записками как самого Бурят-Монгольского учёного комитета, так и всех культурно-образовательных учреждений.

В Положении Учёного комитета констатируется, что он, являясь высшим научным учреждением Бурятии, объединяющим все научные и культурные силы бурят-монголов, призван проводить «научно-теоретические работы в деле проведения в жизнь всех культурно-просветительных задач бурят-монгольского народа».

Протоколы научной секции содержат материалы обсуждений экспедиционных исследований и научных докладов по насущным проблемам молодой бурятской науки: составление терминологических словарей и учебников, изучение фольклора, истории и культуры. Важным этапом в истории Буручкома было установление научных связей как внутри страны, так и за её пределами, прежде всего с Монгольским учёным комитетом. Материалы по организации совместных экспедиционных работ, издательских проектов, книгообмена с центральными научными организациями находятся в делах № 14, 15 и др. По данным делам можно отследить создание научно-исследовательской базы Республики Бурятия. Большое количество документов касается проведения первых археологических, этнографических экспедиций сотрудников Учкома в совместных проектах с центральными научными организациями, это дела № 2, 13, 23, 31, 35, 40, 41, 85.

Значительным по объёму является собрание документов Буручкома по истории становления и развития образования в Республике Бурятия. В образовательном процессе центральное место должна была занять школьно-просветительская сеть, становление которой способствовало бы поиску и определению лучших типов программ национальной школы. Дела за 1925–1929 годы, содержащие переписку сотрудников Буручкома с Народным комиссариатом просвещения, партийными и правительственными органами, нормативные документы и инструкции отражают процесс организации учебных заведений, формирования их структуры, кадрового состава. Главной задачей для сотрудников Буручкома стала выработка системы, методики и образовательных программ учебных заведений всех уровней, определение общих программ школьной и внешкольной литературы на бурят-монгольском языке, а также переводы учебников и школьных пособий, которые они же сами и выполняли. В фонде представлены многочисленные протоколы собраний, объяснительные записки и проекты положений о создании Бурят-Монгольского педагогического техникума с учебными планами, училищ и школ, музея и архива.

Особое внимание уделялось разработке нового литературного языка, составлению единой монгольской терминологии. При Буручкоме была создана терминологическая комиссия, для работы в которой был специально приглашён монгольский учёный, а для согласования ряда терминов научные сотрудники Г. Ринчинэ, Г. Цыбиков и другие выезжали в г. Улан-Батор. Не прекращающиеся с начала 1900-х гг. споры о выборе графической системы записи (кириллица, латиница, монгольское письмо) продолжались вплоть до 1939-х годов, когда официально был принят кириллический алфавит. Вопрос о выборе письменности затруднял издательскую деятельность, негативно отражался на развитии художественной литературы. Подобные острые вопросы нашли отражение в документах Буручкома: протоколах, отчётах, переписке, которые собраны в делах № 44, 45, 60, 139, 144 и др.

Отчёты по работе издательской секции отражают редакционно-издательскую политику в области бурят-монгольского книгоиздания. Как свидетельствуют архивные материалы, такие как № 36, 78, 93, 123 и др., в первые годы существования Буручкома

острая нехватка квалифицированных кадров и слабая материально-техническая оснащённость отражались на качестве изданий. Тем не менее, к 1929 году сотрудниками Бурят-Монгольского учёного комитета было издано свыше 120 наименований книг на бурятском языке в монгольской графике. Среди них следует выделить орфографический словарь, художественный альманах «Уран угэсун чимэг» («Украшения изящных слов»), крестьянские календари за 1927–1929 годы, пьесы, учебники. Много внимания уделялось изданию переводов общественно-политической литературы с русского на бурятский язык, призванной популяризировать коммунистические идеи среди широких слоёв населения. Появились новые журналы, такие как «Путь социализма», «Наука и религия», в которых критиковались «феодальные пережитки», издавались статьи, пропагандирующие новый образ жизни и воспитание советского человека, внедряющие новые культурные ценности, ставились задачи для молодых бурятских культработников.

Вопросы становления системы здравоохранения в целом и интеграции тибетской медицины в советскую медицину отражены в докладных записках председателя Буручкома Б. Б. Барадина. В разработанном им проекте «Положения о тибетской медицине в Бурят-Монгольской АССР» были подняты вопросы о легализации лам-лекарей, обретении ими официального статуса, предложены проекты создания контролирующих органов и ведения документации.

Кроме этого, Буручком проводил большую работу по изданию агитационно-художественных материалов, санитарно-просветительских листовок и плакатов по заказу тех или иных учреждений.

В 1927 году при непосредственном участии Буручкома было подготовлено и проведено первое национально-культурное совещание, на котором были подведены итоги пятилетней деятельности Учёного комитета, заслушаны доклады о перспективах и проблемах национально-культурного строительства, создании нового литературного языка. Стоит указать, что решением данного совещания старомонгольская письменность была рекомендована для записи текстов. Документы по подготовке мероприятия, резолюции и опубликованные материалы совещания представляют собой отдельный комплекс документов по истории бурятского народа.

В 2017 году к юбилею Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН была издана первая, из серии публикации архивных документов, книга «Бурят-Монгольский учёный комитет (1922–1929)», целью которой стало выборочное введение в научный оборот архивных документов по истории Буручкома, раскрывающих внутреннюю жизнь организации и культурно-политические процессы, порой драматические, как в Бурятии, так и страны в целом. В данной книге впервые были опубликованы материалы объединённой конференции, протоколы временного Учёного комитета, располагавшегося при Агинском дацане и подчинённого Бурмонсовкуду – Бурят-Монгольскому совету по культурным делам. Также в книге представлены научно-организационные документы и отчёты по деятельности Ученого комитета, с 1923 года расположенного в г. Верхнеудинск (ныне г. Улан-Удэ) и входившего в систему Народного комиссариата просвещения Бурят-Монгольской республики. Формат и объём издания не позволили осветить всю многогранную деятельность Учёного комитета, в истории функционирования которого отразился процесс формирования новых культурных идеалов и ценностей, равно как и история страны в 20-е годы XX века.

Заключение. Таким образом, фонд Буручкома является богатым по содержанию и составу важнейшим источником для изучения многих сфер жизни формирующейся молодой республики, таких как просвещение населения, ликвидация безграмотности, создание инфраструктурной сети здравоохранения, создание сети дошкольных, школьных и образовательных учреждений всех уровней, организация заведений, развёртывание полноценной сети научно-исследовательских организаций, становление многих государственных учреждений и служб, таких как музеи, театры, архивы, издательство, типография.

Современные задачи по сохранению этнической культуры, стоящие перед бурятским народом, во многом схожи с теми, что ставили перед собой члены Бурятского учёного комитета, и без изучения архивных документов по данной проблематике невозможно найти решения для дальнейшего развития общества.

Список литературы

1. Амгаланова М. В. Национальная государственная политика Бурятии 1920-х годов в области образовательной и культурно-просветительской деятельности // Байкальские встречи-IX: этничность в контексте

социально-культурного и экономического развития региона: материалы междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Е. Ю. Перова. Улан-Удэ: Вост.-Сиб. гос. ин-т культуры, 2016. С. 335–342.

2. Ангаева С. П. Формирование бурятской государственности (конец XIX – первая треть XX в.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. М., 2002. 46 с.

3. Аюшеева М. В., Ринчинова О. С., Цыпилова С. С. Экспедиционная деятельность Бурят-Монгольского учёного комитета // Культура Центральной Азии: письменные источники. 2017. № 10. С. 135–154.

4. Базаров Б. В. Общественно-политическая жизнь 1920–1950-х годов и развитие литературы и искусства Бурятии / отв. ред. Н. Н. Щербаков. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. 193 с.

5. Базарова В. В. Об образовании Бурят-Монгольского учёного комитета // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2005. № 3–2. С. 35–37.

6. Базарова Г. Д., Базаров О. Д. Научная интеллигенция и культурно-национальное строительство в республике в 1920–1930-е гг. // Проблемы истории и культурно-национального строительства в Республике Бурятия: материалы респ. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию образов. РБ / отв. ред. Ю. Б. Рандалов. Улан-Удэ, 1998. С. 118–123.

7. Балдано М. Н. Бурятская историческая наука: от Буручкома до Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2012. № 3. С. 65–83.

8. Батурин С. А. Роль Бурят-Монгольского учёного комитета в создании визуальных агитационных материалов // Культура Центральной Азии: письменные источники. 2017. № 10. С. 155–168.

9. Бураева О. В. Становление и развитие академической этнографической науки в Институте монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН // Вестник БНЦ СО РАН. 2012. № 3. С. 83–99.

10. Бурят-Монгольский учёный комитет (1922–1929) / авт.-сост. Ц. П. Ванчикова, М. В. Аюшеева, О. С. Ринчинова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. 248 с.

11. Ванчикова Ц. П., Ринчинова О. С. Проект Буручкома по реформированию тибетской медицины в БМАССР в 1920-е годы // Гуманитарный вектор. 2016. Т. 11, № 4. С. 155–162.

12. Игумнов Е. В. Формирование научных учреждений Бурятии и их деятельность в области исторической науки (конец XIX – 50-е гг. XX века): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Улан-Удэ, 2000. 22 с.

13. Номогоева В. В. Организация бурятской науки в 1920–1930-е гг. // Образование и наука в Байкальской Азии. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2012. С. 45–51.

14. Плеханова А. М. Достоверность как критерий научной критики источников по истории экономического развития Бурят-Монгольской АССР в 1920-е годы (на материалах Государственного архива Республики Бурятия) // European social science journal. 2014. № 6–1. С. 486–493.

15. Протасов Е. Т. Архивные источники по истории становления государственного аппарата Бурятии в 1920–1990-е гг. // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 7–1. С. 82–85.

Статья поступила в редакцию 14.04.2018; принята к публикации 29.04.2018

Библиографическое описание статьи

Аюшеева М. В., Ванчикова Ц. П., Ринчинова О. С. Архивные документы по истории Бурят-Монгольского учёного комитета (1922–1929) // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 4. С. 125–131. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-125-131.

Marina V. Ayusheeva[1],
Candidate of History,
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
(6 Sakhyanovoi st., Ulan-Ude, 670047, Russia),
e-mail: ayagma@yandex.ru

Tsymzhit P. Vanchikova[2],
Doctor of History, Professor,
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
(6 Sakhyanovoi st., Ulan-Ude, 670047, Russia),
email: vanchikova_ts@mail.ru

Oyuna S. Rinchinova[3],
Candidate of History,
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
(6 Sakhyanovoi st., Ulan-Ude, 670047, Russia),
e-mail: rinchinova.o@gmail.com

The Archival Documents on the History of Buryat-Mongolian Scientific Committee (1922–1929)

The aim of this article is to reveal archival materials on history of formation of academic science in Buryatia stored in the archival Fund of its first scientific institution founded in 1922 and to analyze them as archival source documents on the history of the Buryat-Mongolian scientific Committee. Buruchkom was the direct forerunner and founder of the Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan studies of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences and almost of all contemporary academic, educational and cultural institutions of the Buryat Republic. While identifying and analyzing the representativeness of the documents, we used the basic methods of working with historical sources, which are a complex of documents differing in terms of safety, content and chronology, which has been attributed, classified and analyzed. The main documents on the research topic are stored in the collection of Buruchkom (Buryat scientific committee), in which the documents for the period of its existence (1922–1929) have been deposited since the formation of the Buryat-Mongolian Autonomous Republic. They vividly reflect the social and political life of the region. They are valuable sources on the history of formation of Buryat statehood and their importance becomes more actual and significant taking into consideration the upcoming 95th anniversary of the Republic of Buryatia in 2018.

Keywords: archival, Centre of Oriental manuscripts and xylographs, Buryat scientific committee, history of Buruchkom, Buryats, scientific institution, history of science

References

1. Amgalanova, M. V. National state policy of Buryatia in the 1920s in the field of educational and cultural and educational activity. The Baikal meetings IX: ethnicity in the context of welfare and economic development of the region. Ulan-Ude: Izd-vo Vostochno-Sibirskiy gosudarstvennyy institut kul'tury, 2016: 335–342. (In Rus.)

2. Angaeva, S. P. Formation of the Buryat statehood (the end of the 19th – the first third of the 20th century). Dr. sci. diss. abstr. M., 2002: 46. (In Rus.)

3. Ayusheeva, M. V., Rinchinova, O. S., Tsypilova, S. S. Field studies of the Buryat-Mongolian Scientific Committee (1922–1929). Culture of Central Asia: written sources. 2017, no. 10: 135–154. (In Rus.)

4. Bazarov, B. V. Social and political life in the 1920s-1950s and development of literature and art of Buryatia. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN, 1995. 193 p. (In Rus.)

5. Bazarova, V. V. About formation of Buryat Mongolian Scientific Committee. Bulletin of the Irkutsk State Technical University. 2005. No. 3–2 (23): 35–37. (In Rus.)

6. Bazarova, G. D., Bazarov, O. D. The scientific intellectuals and cultural-national construction in the republic in the 1920s-1930s / Problems of history and cultural-national construction of the Buryat Republic. Ulan-Ude, 1998: 118–123. (In Rus.)

7. Baldano, M. N. Historical science in Buryatia: from Buryat Scientific Committee to the Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of SB RAS.]. In: Bulletin of BNTs SB RAS. 2012. No. 3(7): 65–83. (In Rus.)

8. Baturin S. A. The role of the Buryat-Mongolian Scientific Committee in the creation of visual propaganda materials. Culture of Central Asia: written sources. 2017. No. 10. pp. 155–168.

[1] M. V. Ayusheeva – work with archival sources, systematization of research material.
[2] Ts. P. Vanchikova – the analysis of the material, the methodology of work.
[3] O. S. Rinchinova – material collection, systematization of research material.

9. Buraeva, O. V. Formation and development of the academic ethnographic science in the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Bulletin of BNTs SB RAS. 2012. No. 3(7): 83–99. (In Rus.)

10. Buryat-Mongolian Scientific Committee (1922–1929). Vanchikova, Ts. P., Ayusheeva, M. V., Rinchinova, O. S. Ulan-Ude, 2017. (In Rus.)

11. Vanchikova, Ts.P., Rinchinova, O. S. Project of Buryat Scientific Committee on reforming Tibetan medicine in the BMASR in the 1920s. // Humanitarian vector. 2016. v. 11. no. 4. pp. 155–162.

12. Igumnov, E. V. Formation of scientific institutions of Buryatia and their activity in the historical science (the end of the 19th century – the 1950s). Cand. sci. diss. abstr. Ulan-Ude, 2000. (In Rus.)

13. Nomogoyeva, V. V. The organization of the Buryat science in the 1920s-1930s. Science and education in the Baikal Asia. Ulan-Ude: Izd-vo Buryatskiy gosudarstvennyy universitet, 2012: 45–51. (In Rus.)

14. Plekhanova, A. M. Reliability as criterion of scientific criticism of sources on history of economic development Buryat-Mongolian ASSR in the 1920s (on materials of the State archive of the Republic of Buryatia). European social science journal. 2014. № 6–1: 486–493. (In Rus.)

15. Protasov, E. T. Archival sources on stories of formation of government of Buryatia in the 1920s – 1990s. Bulletin of the Buryat State University. 2014. No. 7–1: 82–85. (In Rus.)

Received: April 14, 2018; accepted for publication April 29, 2018

Reference to the article

Ayusheeva M. V., Vanchikova Ts. P., Rinchinova O. S. The Archival Documents on the History of Buryat-Mongolian Scientific Committee (1922–1929) // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 4. PP. 125–131. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-125-131.

http://www.zabvektor.com ISSN 2542-0038 (Online) ISSN 1996-7853

УДК 93
DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-132-139

Инна Николаевна Мамкина,
доктор исторических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),
e-mail: inna-mamkina@yandex.ru

Деятельность добровольной общественной организации учителей Забайкальской области в начале XX века

В данной статье рассматривается проблема формирования профессионального учительского сообщества в Забайкальской области в начале XX века. Демократизация современной российской системы образования способствовала вовлечению широкого круга общественности в образовательное пространство, что привело к росту различных общественных и педагогических организаций и формированию зрелого педагогического сообщества. Подобные обстоятельства актуализировали изучение исторического опыта общественных организаций дореволюционного периода, что позволит выявить наиболее эффективные механизмы взаимодействия общества, школы и государства и использовать позитивный опыт. Историографический анализ свидетельствует о фрагментарном изучении проблемы. Целью статьи является изучение опыта организации и деятельности первого добровольного объединения учителей Забайкальской области. Методологической базой исследования является социокультурный подход. Статья посвящена исследованию истории формирования общественных организаций в области народного просвещения в Российской империи в целом и Восточной Сибири в частности. На основе архивных материалов, впервые вводимых в научный оборот, в статье определены порядок формирования общественной организации учителей в Забайкалье, её цель, направления деятельности. Автор обосновала мысль о том, что в годы Первой русской революции деятельность организации была направлена на повышение профессионального уровня местных учителей. Исследование показало, что накануне Революции 1917 года деятельность общества приобрела политизированный характер. В статье сделан вывод о том, что общественная организация учителей Забайкальской области являлась инструментом реализации материальных, профессиональных и политических интересов учителей и способствовала формированию педагогического сообщества.

Ключевые слова: Забайкальская область, образование, учитель, профессиональное сообщество, общественная организация

Введение. Современной тенденцией общественного развития является всё возрастающее значение развития образования и науки в условиях социально-экономической модернизации. Приоритетное развитие образования становится ключевым фактором национальной безопасности и благосостояния страны и общества. Реформы российской системы образования обусловили её демократизацию. Значительно сократилась роль государства в образовательной сфере. Появившиеся общественные и педагогические организации заняли особое место в обновлённой системе. Тем не менее, произошедшие изменения привели к неоднозначным результатам. Демократизация системы образования сопровождалась её обнищанием, депопуляризацией учительской профессии, недостатком кадрового обеспечения. Полноценный диалог всех субъектов образовательного пространства затрудняет отсутствие развитых институтов гражданского общества, в том числе зрелого профессионального сообщества. По мнению социологов, современное учительское сообщество имеет низкую самооценку возможностей учительской профессии. Слабо выражена самоорганизация, профессиональная автономия и возможность отстаивать профессиональные интересы. При динамичном росте числа общественных профессиональных организаций многие исследователи сомневаются в их эффективности [11]. Принимая во внимание усиление влияния общественности в современной российской системе образования, изучение исторического опыта деятельности добровольных общественных организаций в сфере народного образования позволит выявить наиболее эффективные формы и механизмы взаимодействия общества, школы, государства.

Система педагогического образования с 1980-х годов становится предметом научного интереса в контексте мультидисциплинарного подхода. Внимание авторов сосредоточилось на организации профессионального образования, социально-правовом статусе учителей, учебных программах и др. Политические интересы учительского сообщества стали предметом изучения Ф. Г. Паначина, В. Р. Веселова [2; 13]. На основе социологи-

© Мамкина И. Н., 2018

ческого подхода советские историки Н. М. Пирумова и В. Г. Лейкина-Свирская исследовали формирование и деятельность различных профессиональных групп интеллигенции, в том числе и учительства [10; 11; 14]. Правовое положение учителя как государственного служащего определила Т. И. Еремина. Автор пришла к выводу о зависимости чинопроизводства учителя от его социального происхождения [4–7]. Труды Т. И. Ереминой дают представление о законодательном регулировании государственной службы учителя в общероссийском масштабе, однако они лишены исторического содержания. За рамками исследования остались вопросы реализации норм в практике, степень их эффективности и востребованность в обществе. В работах отсутствуют статистические данные о количестве учителей, получивших чин, медали и ордена, конкретные заслуги и т. п.

Современная тенденция отечественной исторической науки проявилась в изучении педагогического сообщества в целом. Роли сибирских общественных организаций в развитии системы образования посвящены работы М. П. Войтеховской, Е. Е. Ермаковой, И. Е. Камышевой [3; 8; 15]. Омский историк Н. И. Чуркина отметила, что специфические условия общественной жизни в Западной Сибири способствовали тому, что региональное педагогическое сообщество становилось ключевым инструментом социокультурной модернизации общества [15, с. 1410]. Отметим, что исследования сибирского профессионального сообщества учителей представлены единичными работами. В основном они написаны по материалам Западной Сибири. Учительское сообщество Восточной Сибири осталось за рамками исследований. Учитывая существующий пробел по указанной проблематике, целью данной работы является исследование процесса организации и деятельности первого добровольного объединения учителей Забайкальской области в начале XX века.

Методология и методы исследования. Методологической базой исследования является социокультурный подход. Применение этого подхода позволяет актуализировать предмет исследования. Учительские профессиональные сообщества долгое время изучались с позиции социально-политических и экономических характеристик развития, типичной для формационного подхода. Результатом исследований становились выводы о политической борьбе народного учительства и непринятии революции профессорско-педагогическим сообществом высшей и средней школы. Социокультурный подход даёт возможность исследовать проблемы культурного развития профессорско-преподавательского сообщества с учётом его специфики. В таком случае организация добровольных профессиональных сообществ может рассматриваться как потребность и культурно-познавательный запрос определённой социальной группы. Результаты исследования позволят составить суждение о зрелости учительского сообщества в регионе, его потребности, перспективе развития. Теоретической базой исследования являются работы Б. Н. Миронова, Ю. Ю. Бочаровой, И. В. Мерсияновой и др. [1; 11; 12]. Совокупность историко-ретроспективного, историко-хронологического, источникового методов позволит наиболее эффективно решить поставленные задачи исследования.

Результаты исследования и их обсуждение. Первые добровольные общественные организации в России появились в конце XVIII века. Формами объединения стали клубы, салоны, ложи, общества. Однако численность объединений была незначительной, что объяснялось невысокой активностью граждан и сложной процедурой открытия, связанной с разрешением императора. Преобразования Александра II создали благоприятные условия для развития общественного движения. В 1860-е годы уставные документы организаций поступали на подпись министра, в конце XIX века – губернатора. Упрощённая процедура способствовала увеличению числа различных общественных организаций. С апреля 1917 года регистрация и закрытие обществ проводилась в судебном порядке. Известный историк Б. Н. Миронов выделяет семь видов добровольных обществ – ассоциации, связанные с церковью, общества взаимопомощи и экономические ассоциации, благотворительные и попечительские общества, общества в сфере искусства и культуры, научные, культурно-просветительские, краеведческие и ассоциации профессионального совершенствования, клубы и общества по проведению семейного досуга, тайные политические и религиозные ассоциации [12, с. 162].

Первые профессиональные организации учителей появились в 1860-х годах в Москве, Одессе, Рязани. Они имели свои программы и уставы, в 1894 году шесть обществ зарегистрировало Министерство народного просвещения, девять – Министерство внутренних дел. В 1894 году МНП разработало типовой устав для общественных организаций учителей, с ограничением сферы деятельности ис-

ключительно материальной помощью. Тем не менее, эта мера существенно не повлияла на открытие новых объединений учительства.

Новации столичной общественной жизни появлялись в регионах Российской империи с некоторым опозданием. В Восточной Сибири первые общества «вспомоществования учащимся и учившим» появились в 1897 году в Иркутске, в 1902 году – в Енисейске. Учителями Забайкальской области открыто в Чите «Общество учащих и учивших в учебных заведениях, подведомственных Забайкальской дирекции народных училищ» (далее – Общество). Уставные документы общества были подписаны заместителем министра народного просвещения, тайным советником Иваном Карловичем Ренаром 7 ноября 1903 года.

Общество было организовано по инициативе директора училищ П. Н. Рябинина с целью материальной поддержки нуждающимся учителям Забайкальской дирекции народных училищ. В Обществе состояли действительные члены, почётные и члены-соревнователи. Действительными членами могли быть все учителя Забайкальской дирекции, вступившие в общество по заявлению с обязанностью ежегодных взносов в размере трёх рублей. Отказ от ежегодных взносов приводил к исключению из Общества по решению правления, восстановиться можно было лишь по решению общего собрания. Почётные избирались в Общество на собрании действительных членов по предложению правления. Почётными членами становились лица содействующие деятельности Общества посредствам крупных пожертвований или оказания значимых услуг. При внесении в кассу единовременно более 35 рублей благотворитель становился пожизненным членом Общества и освобождался от дальнейших выплат. Лица, содействующие развитию образования без значительных пожертвований, становились членами-соревнователями. При нарушении членских обязанностей соревнователи исключались, но имели право восстановления по собственному желанию. При добросовестном выполнении своих обязанностей в течение 15 лет действительные члены и соревнователи приобретали право пожизненного члена и освобождались от дальнейших взносов[1].

За организацию деятельности Общества отвечало правление. Оно состояло из председателя и шести членов, избираемых на общем собрании сроком на три года. Кроме того, в состав правления на постоянной основе входил представитель от дирекции народных училищ. По истечении года одна треть правления, переизбиралась на общем собрании. В первый год два члена правления подлежащих переизбранию, определялись жребием. Кроме постоянных членов правления избирали четырёх кандидатов. Они замещали должность в случае выбытия членов правления до истечения срока полномочий. Правление собиралось по решению председателя или по заявлению двух членов правления ежемесячно для организации деятельности Общества, контроля финансовых поступлений и расходов, управления имуществом, назначения единовременных пособий, ежегодной отчётности.

Общие собрания проводились по решению правления из числа действительных членов, проживающих в Чите. В Уставе предусматривались экстренные собрания, организуемые по инициативе правления или десяти членов Общества, проживающих в Чите. Собрание считалось состоявшим при наличии четверти членов, проживающих в Чите. На общих собраниях избирались члены правления, заслушивались отчёты, определялись суммы постоянных пособий. Решения принимались простым большинством голосов присутствующих, за исключением вопросов, касающихся изменения Устава или закрытия общества, где требовалось две трети голосов.

Средства Общества формировались из членских взносов, пожертвований, благотворительных акций. В первые годы существования Общества формировался основной капитал, который считался неприкосновенным и помещался на банковский счёт. Сумма основного капитала определялась на общем собрании и формировалась из процентов с членских взносов и половины всех остальных поступлений. По истечении десяти лет в основной фонд по решению общества поступали проценты со всех собранных сумм. Капитал формировался из членских взносов, пожертвований частных лиц и платы за проживание в общежитии, которым владело Общество. Общежитие располагалась на Николаевской улице напротив церкви мужской гимназии. Крупное пожертвование в размере 1000 рублей сделал читинский купец Г. Шишмаков. Основной капитал правление положило в банк под проценты. Материальная помощь учителям выражалась в получении ими единовременного, постоянного пособия или ссуды, только в случае крайней нужды. Пособие также могли получить близкие родственники, оставшиеся без средств в связи

[1] ГАЗК. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 236. – Л. 230.

со смертью учителя. Постоянные пособия выдавались по решению общего собрания на определённый срок и представляли собой ежемесячные выплаты. Ссуда выдавалась при условии поручительства двух действительных членов сроком на один год. Размер ссуды не превышал суммы двухмесячного оклада под 6 % в год. По решению общего собрания общества ссуда могла быть выдана без назначения процентов. В первые годы деятельности Общество занималось в основном благотворительной деятельностью, оказывая поддержку нуждающимся учителям.

Революционные события 1905–1907 годов отразились на деятельности учительских организаций. Учительские общества значительно активизировались. Благотворительность дополняется деятельностью, направленной на повышение профессионального уровня. В 1910-х годах открылись учительские дома в Вологде, Вятке, Нижнем Новгороде, Рязани, Ярославле, Чердыне, Москве. Деятельность домов была направлена на организацию просветительских мероприятий.

Изменения не обошли стороной и Забайкальское общество учителей. В 1905 году в Устав были внесены изменения, предусматривающие создание библиотеки. Библиотека находилась под наблюдением директора Общества и приглашённого библиотекаря. В 1906 году при участии учительского сообщества в Чите открыли Педагогический музей. На создание музея из средств Министерства народного просвещения выдели 600 руб., местное население откликнулась пожертвованиями. Музей располагался в здании 5-го приходского училища[1]. К 1913 году члены Общества выступали с публичными лекциями по наиболее актуальным вопросам преподавания. В январе 1913 года организованы лекции А. Н. Бек «Педагогическая система Монтессори», А. Н. Гончарова «Грамматика в начальной школе», О. В. Рогалевой «Арифметика в начальной школе». В августе 1914 года Общество планировало провести учительский съезд, но в связи с началом войны организацию съезда отложили.

В 1914 году в состав Общества входили 181 чел.: один – пожизненный член (Г. Шишмаков), один – соревнователь, 147 – действительных, из которых 32 – городских. Регулярно платили взносы не более 20 чел., в 1914 году – 18 чел. На фоне деятельности направленной на повышение квалификации учителей, роль благотворительного направления несколько уменьшилась. За 1914 год Общество выдало лишь одну ссуду в размере 20 р. учителю Фелюшину. В связи с недостатком средств правление отказало в ссуде учителям Очирову, Черьякову, И. М. Бородину. Значительная часть средств расходовалась на повышение профессионального уровня. Так, в 1914 году учитель С. А. Денисенко принимал участие в работе I Всероссийского учительского съезда. Средства на поездку были выделены Обществом в размере 30 р.

В 1915 году в Устав Общества вновь изменили. Проект нового Устава разрабатывал Пётр Иванович Маульвурф. Помимо материальной помощи Устав предусматривал организацию специальных мероприятий, направленных на развитие культурных и профессиональных качеств учителя, а также на работу по оказанию учебно-методической помощи.

Деятельность Общества выражалась в организации специальных курсов, лекций, экскурсий, организации концертов, спектаклей, музыкальных вечеров, открытии музеев, библиотек, книжных магазинов, издании специальной литературы. Планировалось строительство учительского дома, санатория для учителей, общежитий для учащихся, детей педработников. В Уставе также закреплялось положение об оказании нравственной поддержки учителям, в случае необходимости члены Общества заботились «о приискании своим членам мест и занятий».

В организации материальной поддержки изменений не произошло, за исключением пониженной до 4 % ставки за ссуду. Изменения предусматривали открытие отделений на местах. Определён порядок работы экстренных и очередных собраний. В систему управления введена ревизионная комиссия для проверки денежных средств, документооборота и смет. Комиссия формировалась из числа членов Общества, не входящих в состав правления. Состояла из шести человек, трое из которых избирались на постоянной основе, трое считались кандидатами, на случай выбытия постоянного члена. Ещё одним нововведением в Обществе стала организация суда чести для решения спорных ситуаций, возникших между членами Общества. По решению общего собрания в состав суда определялось нечётное число членов сроком на один год. Суд рассматривал спорную ситуацию на основании письменного согласия участников спора. Решения суда были окончательными и обжалованию не подлежали. Неподчинение решению суда чести влекло исключение из Общества без права восстановления. Измененный проект устава под-

[1] ГАЗК. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 119. – Л. 229.

писали председатель правления Елизавета Никитична Войт, члены правления – Пётр Васильевич Васильев, Иннокентий Николаевич Тяжелов, Александра Григорьевна Малкова, Ольга Васильевна Рогалева, Михаил Петрович Малышев, секретарь – Мария Станиславовна Мрачевская.

Отметим, что в 1916 году в Обществе состояло более 90 учителей Забайкальской области. Годовой доход составил 3430 р., из них членских взносов – на 274 р., плата за общежитие – 2016 р., доход от продажи билетов на благотворительный спектакль – 105 р., мелкие поступления от частных лиц, возвращённые ссуды[1]. Помимо ежегодного дохода Общество располагало недвижимостью (здание общежития). На его ремонт в 1915 году была потрачена тысяча рублей, пожертвованная ранее купцом Г. Шишмаковым.

Положения нового Устава содействовали расширению сферы деятельности, предусматривали новые формы взаимодействия, а самое главное – открытие новых отделений на местах. Обратим внимание, что автором нового Устава являлся известный революционер Иван Ансьевич Таубе, принимавший участие в революционных событиях 1905–1907 годах в Латвии, в 1909 году сосланный в Сибирь. В иту И. А. Таубе прибыл в 1914 году Несмотря на строгие запреты не допускать политических ссыльных к учебному делу, И. А. Таубе работал учителем 1-го Читинского высшего начального училища, в 1914–1915 годах являлся председателем экзаменационной комиссии в Читинском 6-м городском приходском училище.

Учитывая революционный опыт, очевидно, что новые положения Устава содействовали распространению революционной пропаганды и вовлечению новых членов Общества в политическую деятельность. В руках И. А. Таубе сосредоточился колоссальный ресурс. Политизация деятельности проявилась в критических выступления членов учительского Общества. На общих собраниях обсуждались вопросы воспитания, качества и методики преподавания в школе. О. В. Рогалева выступала с докладом о внедрении сочинений в начальной школе, считая сочинение одним из средств развития творческих задатков учащихся. Критически высказывался об организации школьного дела С. А. Денисенко, считавший, что старая школа тормозит развитие творческих способностей детей. Она «натаскивает учеников на экзамен, вместо всестороннего развития их. В мире педагогическом, подобно медицинскому, наблюдается знахарство и примитивизм. Старая школа заботиться лишь о внешней дисциплине путём страха, новая – о внутренней – через любовь и уважение к личности учителя. Общество… должно выступить в защиту различных педагогических начал»[2]. По мнению членов Общества, начальная школа значительно уступала средней – и в качестве подготовки учеников, и в профессиональной подготовке учителей. В начальной школе обучение строилось на зубрёжке, ученики лишались возможности самостоятельно мыслить, развивать свои творческие способности. На общем собрании Общества в декабре 1916 года была инициирована организация учительских курсов с целью обновления начальной школы «…на принципах творчества и самодеятельности»[3].

Безусловно, власти не могли не контролировать деятельность учительского Общества. Все мероприятия, публичные лекции предварительно согласовывались с директором народных училищ Забайкальской области. Так, в материалах ГАЗК хранится обращение П. Васильева к директору училищ, где он просит разрешить «прочесть… на общем собрании членов общества взаимопомощи учителей» доклад М. П. Малышева на тему о школьных сочинениях. Разрешение было получено на следующий день с пометкой «разрешено прочесть доклад на тему “О школьных сочинениях” …по представленному мне конспекту». Нередко тематика докладов отклонялась учебным начальством. Реакция со стороны властей на активную деятельность Общества выражалась в отчасти оправданном ограничении их деятельности. «Тенденциозной и угрожающей общественной безопасности» признана местными властями деятельность Иркутского общества, закрытого в 1908 году[4]. И хотя в 1910 году Сенат отменил постановление о закрытии, главный инспектор народных училищ Восточной Сибири Г. П. Василенко приостановил деятельность общества на неопределённое время. Со стороны директора народных училищ «встречены были препятствия» в организации публичного доклада делегата Всероссийского учительского съезда от Забайкальского учительского общества[5]. Однако это не мешало распространению революционной пропаганды. Из воспоминаний участников Гражданской войны в Забайкалье известно,

[1] ГАЗК. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 236. – Л. 22.

[2] Там же. – Л. 5–5 об.

[3] Там же. – Л. 5 об.

[4] ГАЗК. – Ф. 13. – Оп. 2. – Д. 91. – Л. 34.

[5] ГАИО. – Ф. 63. – Оп. 1. – Д. 172. – Л. 17.

что нередко под видом публичных лекций революционеры проводили нелегальные политические собрания среди сельских учителей. Наличие собственного общежития, источников финансирования давало возможность не только для встреч, но и для распространения нелегальной литературы в отдалённые уголки Забайкалья с приезжими учителями[1].

В 1917 году «Общество учащих и учивших в учебных заведениях подведомственных Забайкальской дирекции народных училищ» преобразовано в Забайкальский учительский союз с собственным печатным изданием под названием «Думы забайкальского учителя». Деятельность Союза прекратилась в связи с последовавшими политическими событиями после Революции 1917 года. С установлением советской власти организация общественных объединений в системе образования была запрещена. Государство заняло доминирующее положение в сфере народного образования.

Выводы. В первое десятилетие XX века в Забайкальской области по инициативе педагогической общественности сформировалось добровольное общество, объединяющее учителей Забайкальской дирекции училищ. В последние годы деятельности Общество учителей Забайкальской области трансформировалось из Общества взаимопомощи в Общество профессионального совершенствования. Созданное для улучшения материального положения учителей, Общество за короткий срок переросло в организацию, способствующую удовлетворению профессиональных интересов забайкальских учителей. Имея собственную материальную базу, члены Общества сумели организовать отделения в отдалённых районах Забайкальской области и наладить с ними работу. Организация публичных лекций, участие в работе I Всероссийского учительского съезда способствовала консолидации учителей и формированию в области профессионального учительского сообщества. Под влиянием революционных идей деятельность Общества политизировалась. По сути, И. А. Таубе под прикрытием учительского Общества создал разветвлённую революционную организацию, состоявшую преимущественно из сельских учителей. Не случайно значительная часть учительства Забайкалья приняла активное участие в Революции 1917 года и Гражданской войне. Таким образом, «Общества учащих и учивших в учебных заведениях подведомственных Забайкальской дирекции народных училищ» являлось механизмом материальных, профессиональных и политических интересов местного педагогического сообщества.

Список литературы

1. Бочарова Ю. Ю. Профессиональное сообщество как субъект высшего образования // Сибирский педагогический журнал. 2014. № 1. С. 70–76.

2. Веселов В. Р. Великий Октябрь и становление народного образования // Новое в жизни, науке и технике. Сер. История и политика КПСС. М.: Знание, 1987. № 5. 64 с.

3. Войтеховская М. П. Общества содействия распространению образования в Западно-Сибирском учебном округе // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. 2011. Вып. 18, № 7. С. 158–167.

4. Еремина Т. И. Законодательное регулирование гражданского чинопроизводства учителей в XIX – начале XX в. // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. № 87. С. 139–148.

5. Еремина Т. И. Законодательное регулирование гражданской службы преподавателей университетов Российской империи в XIX – начале XX века // Научные труды РАЮН: в 2 т. Т. 2. М.: Юрист, 2013. Вып. 13. С. 871–875.

6. Еремина Т. И. Награждения и поощрения учителей на государственной службе в начале XX века [Электронный ресурс] // Научно-педагогический журнал. 2006. Режим доступа: http://www.emmissia.org (дата обращения: 05.03.2018).

7. Еремина Т. И. Статус педагогических работников: историко-правовой контекст проблемы. Страницы истории // Вестник Герценовского университета. 2010. № 7. С. 71–75.

8. Ермакова Е. Е., Камышева Е. И. Общественные организации Сибири как институты зарождающегося гражданского общества в дореволюционный период. // Проблемы социально-экономического развития Сибири. История. 2016. № 2. С. 77–84.

9. Лейкина-Свирская В. Г. Интеллигенция в России во второй половине XIX в. М.: Мысль, 1971. 152 с.

10. Лейкина-Свирская В. Г. Русская интеллигенция в 1900–1917 гг. М.: Мысль, 1981. 285 с.

11. Мерсиянова И. В., Краснопольская И. И., Чешкова А. Ф. Учительские сообщества: самоорганизация и влияние // Журнал исследований социальной политики. 2013. Т. 11, № 3. С. 321–337.

12. Миронов Б. Н. Добровольные ассоциации и гражданское общество в позднеимперской России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Т. 11, № 3. С. 164–176.

[1] Красногвардейцы и партизаны: сборник воспоминаний участников Гражданской войны в Забайкалье. – Чита: Читин. кн. изд-во, 1957. – 140 с.

13. Паначин Ф. Г. Учительство и революционное движение в России (XIX – начало XX в.): историко-педагогические очерки. М.: Педагогика, 1986. 213 с.

14. Пирумова Н. М. Земская интеллигенция и её роль в общественной борьбе до начала XX в. М.: Наука, 1986. 270 с.

15. Чуркина Н. И. Педагогическое сообщество Западной Сибири: состав и формы влияния на социокультурное развитие региона // Вестник Башкирского университета. Сер. Педагогика и психология. 2015. Т. 20, № 4. С. 1408–1411.

Статья поступила в редакцию 30.04.2018; принята к публикации 25.05.2018

Библиографическое описание статьи

Мамкина И. Н. Деятельность добровольной общественной организации учителей Забайкальской области в начале XX века // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 4. С. 132–139. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-132-139.

Inna N. Mamkina,
Doctor of History, Associate Professor,
Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
e-mail: inna-mamkina@yandex.ru

Activity of the Teachers' Voluntary Social Organization in the Transbaikal Region in the Beginning of the XXth Century

In the article, the issue of forming the professional teachers' association in the Transbaikal region in the beginning of the XXth century is presented. Democratization of the modern Russian educational system caused involving of the wide range of society in the educational field and as a result, the increase in different social pedagogical organizations and the formation of mature pedagogical society. Such circumstances actualized studying the historical experience of the social organizations before the revolution that allowed us to find out the most effective mechanisms of the social interaction, the interaction between a school and a state and to use positive experience. Historiographical analysis shows the fragmentary study of the problem. The purpose of the article is studying both the experience of the organization and the activity of the first voluntary association of the teachers in the Transbaikal region. The methodological base of the investigation is the sociocultural approach. In the article, the author paid attention to the history of forming social organizations in the field of the public education in the Russian Empire as a whole and in Eastern Siberia in particular. On the basis of the archival documents firstly used for the scientific purposes, the author defined the order, the aim and the direction of the activity of the forming of social teachers' association in the Transbaikal region. It was marked that during the first years of the Russian revolution, the activity of the organization was directed to the increase in the professional level of local teachers. It was defined that on the eve of the 1917 revolution, the social activity had its political character. The author concluded that social teachers' association in the Transbaikal region was the instrument of realization of teachers' material, professional and political interests.

Keywords: Transbaikal region, education, teacher, professional community, social organization

References

1. Bocharova, Yu.Yu. Professional community as a subject of higher education. Sibirskij pedagogicheskij zhurnal, no.1, pp. 70–76, 2014. (In Rus.)

2. Veselov, V. R. The Great October revolution and the formation of national education. Novoe v zhizni, nauke i tekhnike. Ser. Istoriya i politika KPSS. M: Znanie, 1987. no. 5. (In Rus.)

3. Voitekhovskaya, M. P. Society for the promotion of education in the West Siberian educational district. Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika, no. 7(102), vypusk 18, pp. 158–167, 2011. (In Rus.)

4. Eremina, T. I. Legislative regulation of civil kinoproizvodstva teachers in the XIXth – early XXth century. Izvestiya RGPU im. A. I. Gercena, no. 87, pp. 139–148, 2009. (In Rus.)

5. Eremina, T. I. Legislative regulation of civil service teachers of the universities of the Russian Empire in XIXth – early XXth century. Nauchnye trudy RAYUN, issue 13, v. 2, pp. 871–875, 2013. (In Rus.)

6. Eremina, T. I. Incentives and rewards of teachers in the public service in the early twentieth century. Nauch.-ped. zhurn., 2006. Web. 05.07.2016. (In Rus.)

7. Eremina, T. I. Status of teachers: historical and legal context of the problem. Pages of history. Vestn. Gercenovskogo un-ta, no. 7, pp. 71–75, 2010. (In Rus.)

8. Ermakova, E. E., Kamysheva, E. I. Public organizations of Siberia as institutes of emerging civil society in the pre-revolutionary period. Problemy social'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri. Istoriya, no. 2 (24), pp. 77–84, 2016. (In Rus.)

9. Leykina-Svirskaya, V. G. Intellectuals in Russia in the second half of the XIXth century. M: Mysl', 1971. (In Rus.)

10. Leykina-Svirskaya V. G. Russian intelligentsia in 1900–1917. M.: Mysl', 1981. (In Rus.)

11. Mersiyanova, I. V., Krasnopol'skaya, I. I., Cheshkova, A. F. Teacher communities: self-organization and influence. Zhurnal issledovanij social'noj politiki, t. 11, no. 3, pp. 321–337, 2013. (In Rus.)

12. Mironov, B. N. Voluntary associations and civil society in late Imperial Russia. Zhurnal sociologii i social'noj antropologii, v. XI, no. 3, pp. 164 – 176, 2008. (In Rus.)

13. Panachin, F. G. Teaching and revolutionary movement in Russia (the XIXth – beginning of the XXth century): historical and pedagogical essays. M: Pedagogika, 1986. (In Rus.)

14. Pirumova, N. M. Zemstvo intelligentsia and its role in the social struggle to the beginning of the XXth century. M: Nauka, 1986. (In Rus.)

15. Churkina, N. I. Pedagogical community of Western Siberia: composition and forms of influence on the socio-cultural development of the region. Vestnik Bashkirskogo universiteta. Pedagogika i psihologiya, v. 20, no. 4, pp.1408–1411, 2015. (In Rus.)

Received: April 30, 2018; accepted for publication May 25, 2018

Reference to the article

Mamkina I. N. Activity of the Teachers' Voluntary Social Organization in the Transbaikal Region in the Beginning of the XXth Century // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 4. PP. 132–139. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-132-139.

УДК 373(09)(571.55)
DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-140-148

Ольга Анатольевна Яремчук,
кандидат исторических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),
e-mail: oyaremchuk@yandex.ru

Организация внеучебной деятельности школьников г. Читы в конце 1930-х – начале 1940-х годов

Современные требования, предъявляемые к учебно-воспитательному процессу, предусматривают обеспечение условий для многогранного развития и социализации молодого поколения, что должно быть реализовано в рамках внеучебной деятельности. Данное обстоятельство определило актуальность обращения к историческому опыту становления и функционирования системы внешкольного образования учащихся города Читы в конце 1930-х – начале 1940-х годов. Предвоенные годы явились весьма важным этапом для развития различных форм внеурочной деятельности в нашей стране, определившим изменения в содержании воспитательного и образовательного процессов. Источниками для исследования послужили опубликованные партийно-правительственные документы и делопроизводственные материалы из фондов Государственного архива Забайкальского края, вводимые в научный оборот впервые. Методологическую базу работы составил комплекс общенаучных и специальных методов, а также принципов исторической науки, важное место среди которых заняли принципы историзма и объективности. В статье использован микроисторический подход, позволивший на основе отдельно взятого региона проследить общие тенденции предвоенной системы внешкольного образования. Особое внимание уделяется особенностям организации кружковой работы и становлению различных внешкольных учреждений Читы (Дом пионеров, станция юннатов, станция юных техников и др.). В работе отражены механизмы реализации задач, стоящих перед учебными заведениями и внешкольными учреждениями по организации внеучебной работы и закреплённых в нормативных документах рассматриваемого времени. Отмечается, что в силу отдалённости Читы от центра их решение объективно шло медленнее. Однако, несмотря на имеющиеся недочёты, усилия ГорОНО, руководства школ, учителей и работников внешкольных учреждений города постепенно способствовали приведению системы внешкольной и внеурочной деятельности в соответствие с действующими нормативными требованиями.

Ключевые слова: внеучебная деятельность, внешкольное образование, школьники, Чита, Великая Отечественная война, внешкольные учреждения, кружок

Введение. В современной нормативно-правовой базе России, касающейся системы общего образования, обозначен ряд приоритетных направлений, среди которых важное место занимает внеурочная (внеучебная) деятельность, являющаяся одним из обязательных требований для создания так называемой «воспитывающей среды» школьников. В первую очередь данная позиция зафиксирована в требованиях ФГОС ООО (утв. приказом Минобрнауки России от 17.12.2010 г. № 1897, ред. от 31.12.2015 г.) и предполагает создание условий для достижения учащимися необходимого для жизни в обществе социального опыта и формирования принимаемой обществом системы ценностей, обеспечение условий для многогранного их развития и социализации, призванных активизировать социальные и интеллектуальные интересы молодого поколения. Внеучебная деятельность обучающихся в настоящее время «организуется по направлениям развития личности (спортивно-оздоровительное, духовно-нравственное, социальное, общеинтеллектуальное, общекультурное) в таких формах, как художественные, культурологические, филологические, хоровые студии, сетевые сообщества, школьные спортивные клубы и секции, юношеские организации, научно-практические конференции, школьные научные общества, олимпиады, поисковые и научные исследования, общественно полезные практики, военно-патриотические объединения и другие формы, отличные от урочной, на добровольной основе в соответствии с выбором участников образовательных отношений»[1].

Подобные целевые установки (однако с учётом иной социально-культурной обстановки и идеологической составляющей) были уже реализованы в истории нашего государства в конце 1930-х – начале 1940-х годов.

[1] Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования [Электронный ресурс]: приказ Минобрнауки России от 17.12.2010 г. №1897 (ред. от 31.12.2015 г.). – Режим доступа: https://www.минобрнауки.рф (дата обращения: 05.02.2018).

© Яремчук О. А., 2018

Постановления партии и правительства указанного времени свидетельствуют о широко развёрнутой в СССР работе по организации внеучебной деятельности детей и подростков. К числу таких документов относятся, например, постановление ЦК ВКП(б) от 21.04.1932 г. «О работе пионерской организации (к 10-летию пионерорганизации)»[1], постановление СНК РСФСР от 26.12.1932 г. «О мероприятиях по развёртыванию внешкольной работы среди детей в 1933 г.», постановление СНК РСФСР от 29.01.1933 г. «О мерах борьбы с детской безнадзорностью и ликвидации уличной беспризорности детей»[2], которые определили характер и направления деятельности государства по созданию сети внешкольных образовательных и досуговых учреждений. В них подчёркивалась необходимость «организовать при городских отделах народного образования советы по внешкольной работе среди детей с привлечением в их состав представителей общественных организаций (профсоюзов, комсомола, пионерорганизаций, добровольных обществ), а также органов здравоохранения»[3]. В соответствии с указанными документами необходимо было «в кратчайшие сроки обеспечить развёртывание среди детей спорта и различных форм массовой оздоровительной и военно-физкультурной работы», «максимально расширить все формы и средства культурно-массовой работы среди пионеров и всех детей, борясь за правильную организацию их отдыха и досуга»[4]. Помимо этого, обращалось внимание на создание детских технических станций и экскурсионно-туристических баз, строительство специальных детских клубов, кино и театров, домов художественного воспитания, детских парков культуры и отдыха. Особо отмечалось о необходимости «обеспечить охват детей организованным досугом, используя в этих целях школьную сеть и добиваясь того, чтобы школа обратила максимальное внимание на развёртывание целого ряда детских внешкольных мероприятий»[5]. Внешкольному образованию и воспитанию придавалось большое значение и в деле обеспечения борьбы с детской безнадзорностью[6].

После принятия всех перечисленных выше документов начался настоящий бум открытия детских внешкольных учреждений, в первую очередь домов и дворцов пионеров, которые осуществляли работу с большим контингентом учащихся [3, с. 23]. В этих организациях активно проводилась преимущественно кружковая и студийная работа. Тогда же были учреждены станции юных натуралистов, юных техников, детские парки, дома культуры, городские и загородные лагеря, детские железные дороги и др. Появление большого количества внешкольных учреждений было призвано содействовать развитию у школьников интереса к получению дополнительных знаний, умений и навыков. В школах велась активная работа кружков по отдельным предметам, выполнявшая те же целевые установки. Таким образом, в 1930-х – начале 1940-х годов в СССР была создана система внешкольной и внеурочной подготовки школьников, способствовавшая формированию условий для социализации учащихся, активизации их научных, творческих и интеллектуальных интересов, развитию у них практических навыков, включению детей в социалистическое строительство, участию их в мероприятиях партии и советской власти.

Заложенные в документах передовые для указанного периода идеи важны для реализации современной образовательной практики, в которой ключевое место занимает представление о здоровой, творчески растущей личности с сформированной гражданской ответственностью и правовым самосознанием, подготовленной к жизнедеятельности в новых условиях, способной на социально значимую практическую деятельность.

Отметим слабую изученность в научной литературе обозначенных в работе вопросов истории организации внеучебной деятельности учащихся Читинской области (в частности, столицы этого региона – Читы) накануне Великой Отечественной войны. Эти аспекты

[1] О работе пионерской организации (к 10-летию пионерорганизации): постановление ЦК ВКП(б) от 21.04.1932 г. // Директивы и документы по вопросам пионерского движения / сост. В. С. Ханчин. – М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1959. – С. 49–56.

[2] О мерах борьбы с детской безнадзорностью и ликвидации уличной беспризорности детей: постановление СНК РСФСР от 29.01.1933 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lawru.info/dok/1933/01/29/n1197294.htm (дата обращения: 05.02.2018).

[3] Там же.

[4] О работе пионерской организации (к 10-летию пионерорганизации): постановление ЦК ВКП(б) от 21.04.1932 г. // Директивы и документы по вопросам пионерского движения. Сост. В. С. Ханчин. – М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1959. – С. 52.

[5] О работе пионерской организации (к 10-летию пионерорганизации): постановление ЦК ВКП(б) от 21.04.1932 г. // Директивы и документы по вопросам пионерского движения / сост. В. С. Ханчин. – М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1959. – С. 54.

[6] О мерах борьбы с детской безнадзорностью и ликвидации уличной беспризорности детей: постановление СНК РСФСР от 29.01.1933 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lawru.info/dok/1933/01/29/n1197294.htm (дата обращения: 05.02.2018).

обсуждались в общем контексте истории образования Забайкалья в рассматриваемое время. К числу таких работ относятся публикации М. И. Гантимуровой, Т. П. Казаковой, А. В. Константинова, Т. А. Константиновой, В. И. Мерцалова, М. В. Пряженниковой и др. [2; 5–7; 10; 14–16].

Целью данной статьи является изучение исторического опыта организации внеучебной деятельности школьников г. Читы в конце 1930-х – начале 1940-х годов. В качестве источников послужили материалы Государственного архива Забайкальского края из фондов П-6521 (Первичная организация КПСС средней школы № 5, Центральный район, г. Чита) и Р-2241 (Отдел народного образования исполнительного комитета Читинского городского Совета народных депутатов, 1923–1991). Основу их составили делопроизводственные документы (отчёты средних, неполных средних и начальных школ Читы, Городского отдела народного образования и т. п.), позволившие представить комплекс мероприятий, осуществлённых в столице, образованной в 1937 году Читинской области по созданию сети внешкольных учреждений и организации внеучебной деятельности детей и подростков в школах.

Методология и методы исследования. Специфика обозначенной выше источниковой базы определила необходимость использования комплекса принципов и методов, характерных для исторических исследований. К их числу могут быть отнесены принципы историзма и объективности, позволившие довольно детально представить характеристику внеучебной деятельности в Чите в предвоенные годы, основанную на конкретных примерах из архивных документов. Автором были применены общенаучные методы, такие как анализ, синтез, обобщение. Метод теоретического анализа опубликованных и ранее не известных делопроизводственных материалов, а также научной литературы способствовал выявлению особенностей становления городских внешкольных учреждений для детей и подростков, определению специфики работы школьных кружков различной направленности (военно-физической, естественнонаучной, творческой и др.). Помимо этого, в статье был реализован и микроисторический подход, позволивший зафиксировать основные тенденции в решении вопроса организации внеучебной работы на примере учебных заведений одного города – Читы.

Результаты исследования и их обсуждение. Во второй половине 1930-х – начале 1940-х годов по всей стране складывается система внешкольных учреждений. Происходит сокращение такой формы внеучебной работы с детьми и подростками, как клубная деятельность. Постепенно она трансформируется, с одной стороны, в работу учреждений внешкольного образования, предусматривающих развитие творческих способностей и интересов детей в области искусства, живописи, техники, туризма, физкультуры и спорта; с другой – в деятельность по освоению сложных дисциплин школьной программы.

В рассматриваемое время в СССР довольно активно протекает процесс индустриализации, что не могло не сказаться на организации внеучебной работы с детьми. Поэтому одной из её приоритетных задач стало развитие детского технического творчества. Большое значение государство придаёт созданию сети детских технических станций, что объяснялось необходимостью подготовки большого количества квалифицированных специалистов для всех отраслей народного хозяйства. Помимо этих станций, где были предусмотрены возможности для многопрофильного развития интересов школьников, создавались и отдельные технические кружки в школах.

В эти же годы в нашей стране сложилась система образования и воспитания, имеющая явный социальный заказ. Проблема по воспитанию человека нового общества в школах была выведена на уровень государственной задачи и соответственно определила необходимость реализации военно-физической подготовки учащихся, всеобуча, борьбы с беспризорностью, разработку основных вопросов кадрового обеспечения образовательных организаций и т. п. Именно в образовательных учреждениях формировались такие качества, как патриотизм и героизм тех, кто затем с убеждённостью в справедливости своего дела сражался на фронтах Великой Отечественной войны.

Большая часть внешкольных учреждений в Чите начала функционировать незадолго до начала Великой Отечественной войны. Например, в отчёте ГорОНО за первое полугодие 1939–1940 учебного года было указано, что внешкольных учреждений в городе нет[1]. Однако уже в апреле 1940 года «с целью развития натуралистической работы со школьниками в учреждениях образования» была создана станция юных натуралистов, в которой занимались до 350 учеников по четырём

[1] ГАЗК. – Ф. Р-2241. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 7 об.

направлениям (овощеводство, садоводство, цветоводство и зоология) [1].

Наряду со станцией юных натуралистов перед войной в городе начали работать такие внешкольные учреждения, как музыкальная и спортивная школы. В спортивной школе действовали гимнастическая секция, боксёров, лёгкой атлетики [2, с. 345].

По некоторым данным, в 1941 году из 9000 учащихся 350 были охвачены кружковой работой. Для улучшения внеучебной работы Городским отделом народного образования в 1944 году был открыт Дом пионеров [Там же]. Однако в литературе имеются и другие даты открытия этого учреждения. В «Энциклопедии Забайкалья», например, сообщается, что его открытие состоялось в 1940 году [13, с. 259]. Эта же дата фигурирует и в многочисленных интервью известного актёра, художественного руководителя Государственного академического Малого театра России Юрия Мефодьевича Соломина, в которых содержится упоминание о действующем в Чите Дворце пионеров накануне Великой Отечественной войны [11, с. 39]. В работе краеведов Г. П. и В. Г. Лобановых отмечается, что указанное учреждение было открыто в 1935 году в здании бывшей второй женской гимназии по улице Ленина, д. 85 [9].

Немаловажное значение в обретении дополнительных навыков подрастающим поколением принадлежало также и аэроклубу, где занимались преимущественно старшеклассники (9–10-е классы). Аэроклуб был открыт 5 мая 1934 года в Чите с филиалами в Шилке и Черновских копях. В мае 1935 года состоялся первый выпуск его моторного отделения из 13 чел., а в мае 1936 года – выпуск группы лётчиков-инструкторов. До начала Великой Отечественной войны в аэроклубе было подготовлено 627 лётчиков и 30 авиационных мотористов [8]. Как правило, практические занятия участников аэроклуба проводились на аэродроме 4 раза в неделю с 5 часов утра, по окончании которых ученики сдавали зачёты. Это была довольно большая физическая нагрузка, которая зачастую приводила к срыву учащимися уроков в школе. Данный факт потребовал, например, от руководства школы № 1 поставить вопрос в Горсовете об освобождении их от занятий в аэроклубе на время весенних экзаменационных испытаний в школе[1].

Открытие детской технической станции в Чите произошло только после Великой Отечественной войны, в июле 1946 года. В архивном документе по этому поводу сохранилась следующая запись: «Читинский горисполком отмечает, что имеющийся в г. Чите Дом пионеров не может обеспечить нормальную постановку внеклассных мероприятий с детьми школьного возраста, в силу чего учащиеся школ города не имеют возможности провести организованно свой досуг во внеурочное время. Исполнительный комитет Читинского горисполкома решил: открыть в Чите детскую техническую станцию» [17, с. 363]. Из-за отсутствия помещения в течение 3 лет здесь её не могли открыть, хотя средства на эти цели отпускались ежегодно [11, с. 39].

В конце 1930-х – начале 1940-х годов в связи с начавшейся Второй мировой войной и милитаризацией всего жизненного уклада в СССР значительное внимание стало уделяться оборонным вопросам. Большую роль в военной подготовке молодого поколения в рассматриваемый период сыграли как внешкольные учреждения, так и организованные в учебных заведениях оборонные кружки. Не исключением стали и образовательные организации города Читы, где в соответствии с общими тенденциями были созданы кружки ВС, ПВХО, ГТО и другие, воспитанники которых принимали активное участие в соревнованиях по стрельбе, прыжкам с парашютом, стремились к выполнению нормативов на получение соответствующих знаков отличия.

В программу начальной военной подготовки школьников города входили различные мероприятия, среди которых важное место занимала не только организация кружков военного дела и первой медицинской помощи, но и проведение военных походов и сборов, ознакомление с огнестрельным оружием, анализ международной обстановки, проведение конкурсов рисунков и сочинений на военную тему, мероприятий, посвящённых великим вождям, и т. п. К числу последних, например, относились беседы о жизни и деятельности И. В. Сталина, проводимые по классам и отрядам[2]. Довольно часто для старшеклассников проводились лектории, в рамках которых большое внимание уделялось характеристике современного международного положения СССР[3]. В 1939–1940 учебном году они прошли в ряде школ Читы: № 1–4, 6 и 7. В школе № 3 была организована встреча с участниками – героями боёв на р. Халхин-Гол[4].

Эти же годы характеризовались пропагандой здорового образа жизни и массовой

[1] ГАЗК. – Ф. П-6521. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 14.

[2] ГАЗК. – Ф. Р-2241. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 7.

[3] Там же. – Л. 6 об.

[4] Там же. – Л. 17-17 об.

увлечённостью молодёжи физкультурой и спортом. Данное направление охватило и детскую среду. Незадолго до начала Великой Отечественной войны в Чите открылись аэроклуб, детская спортивная школа и др.

Состояние оборонной работы по средним и неполным средним школам города Читы в 1939–1940 учебном году выглядело следующим образом: 16 кружков ПВХО (570 чел.), 6 кружков ВС (131 чел.), 5 кружков ЮВС (172 чел.), 3 пулемётных кружка (75 чел.), 2 кружка инструктажа по ПВХО (26 чел.), 9 кружков ГСО (355 чел.), 2 физкультурных кружка (32 чел.). Всего насчитывалось 43 кружка с общей численностью 1361 школьник[1]. В ходе их работы были подготовлены значкисты на «ГТО», «БГТО», «ГСО», «БГСО», «ВС», «ЮВС» и «ПВХО»[2].

Большую работу по военной и физической подготовке молодого поколения проводили две городские школы (№ 2 и 3). В них имелись физкультурные кружки различного профиля (например, в школе № 2 работал волейбольный кружок (50 чел.), 2 гимнастических кружка (32 чел.) и др.), охватывающие значительное число учащихся[3]. В школе № 2 количество участников кружков состояло 98 чел., в школе № 3 – 150 чел. В рамках их работы в 1939–1940 учебном году были проведены лыжные походы (в школе № 2 было осуществлено 15 таких походов, в школе № 3–4). Среди учеников этих школ отмечалось массовое членство в городских физкультобществах, было подготовлено несколько команд на легкоатлетические соревнования, проходившие в различных регионах, одни из которых состоялись в Иркутске. В указанных учебных заведениях осуществлялась подготовка и сдача норм на значки ГТО и БГТО. Например, в 1939–1940 учебном году в школе № 3 сдачей нормативов на эти знаки было охвачено 70 чел., из них 10 чел. сдали 8 из 11 норм на БГТО; 20 чел. – 6 норм; 15 чел. – меньше 6 норм; 5 чел. сдали 9 норм из 14 на ГТО 1-й ступени; 10 чел. – 7 норм; 10 чел. – меньше 7 норм[4]. По школе № 2 охват учащихся был следующим: в сдаче норм на БГТО было задействовано 54 чел., ГТО – 33 чел.[5]

В отчётной документации неоднократно приводились примеры проведения оборонно-физкультурной работы и в начальных школах города Читы. Судя по всему, в этих учебных заведениях уделялось не менее серьёзное внимание военно-физической подготовке учащихся (по сравнению со средними и неполными средними школами). Так, в школе № 10 работало 4 кружка ПВХО с охватом 96 чел., 1 стрелковый – 15 чел., 1 физкультурный – 30 чел.[6] В школе № 11 были организованы кружки ПВХО и стрелковый; в школе № 12 действовал кружок ПВХО с охватом 35 чел. (руководитель – Трофимов); в школе № 13 из четырёх кружков, работавших в ней, два были оборонные (ПВХО и ГТО), один – физкультурный. Значкистов в последней школе насчитывалось 67 чел.[7] В физкультурном кружке состояло 30 чел., в ПВХО – 30 чел., в ГТО – 37 чел.[8] В школе № 20 был организован кружок ПВХО[9]. Так, в школе № 24 работал стрелковый кружок, занятия в котором проводили комсомольцы, определённые местной комсомольской организацией. Значкистов в этом образовательном учреждении не было ни одного[10]. В других школах города Читы военная и физическая подготовка учащихся велась значительно слабее.

В качестве руководителей оборонных кружков зачастую выступали не только школьные учителя, но и представители вооружённых сил и правоохранительных органов. Это стало обычной практикой, обеспечивавшей тесную связь практики с учебным процессом. Например, в начальной школе № 10 двумя кружками ПВХО руководил Соловьев из воинской части, двумя другими кружками ПВХО – Зыков и Пузков из областной милиции, стрелковым – Щербаков из воинской части. На протяжении 1939–1940 учебного года особенно добросовестно работал Соловьев, выпустивший 58 значкистов[11]. Им были проведены 4 похода в противогазах. Он сумел заинтересовать ребят посещать свои занятия даже на выходных днях[12]. В начальной школе № 11 руководителями оборонных кружков были: Патруков из 3-го отделения милиции (ПВХО), Дробышев из 3-го отделения милиции (ГСО). Занятия каждого кружка проводились ими один раз в пятидневку[13].

[1] ГАЗК. – Ф. Р-2241. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 7.

[2] ГТО – «Готов к труду и обороне», БГТО – «Будь готов к труду и обороне», ГСО – «Готов к санитарной обороне», БГСО – «Будь готов к санитарной обороне», ВС – «Ворошиловский стрелок», ЮВС – «Юный ворошиловский стрелок», ПВХО – «Противовоздушная и химическая оборона».

[3] ГАЗК. – Ф. Р-2241. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 7.

[4] Там же. – Л. 17 об.

[5] Там же. – Л. 18.

[6] ГАЗК. – Ф. Р-2241. – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 62 об.

[7] Там же. – Л. 33.

[8] Там же. – Л. 33 об.

[9] Там же. – Л. 55.

[10] Там же. – Л. 23.

[11] Там же. – Л. 62 об.

[12] Там же. – Л. 63.

[13] Там же.– Л. 79 об.

В школах г. Читы активная деятельность учащихся была развёрнута и в кружках естественнонаучного направления (химия, биология, география и др.). В этом отношении наилучшим образом отличилась школа № 3. В отчётах ГорОНО за предвоенные годы неоднократно встречается информация о проводимых учителями мероприятиях во внеучебное время в этом и других образовательных учреждениях.

Например, в школе № 3 преподаватель химии Е. Ф. Мосенкова организовала большую внеклассную работу по химии. В этом учебном заведении действовало три химических кружка, в которых занималось 70 чел. В них учащимися были разработаны доклады на темы «История химии как науки», «Чудеса» и другие, проанализированы дополнительные вопросы, выпущено 4 номера «Химбюллетеня», знакомящего с новостями в области химии и иллюстрирующего значение этой отрасли в хозяйстве страны[1].

В этой же школе преподаватель Зорина организовала два географических кружка. Их участниками вёлся географический журнал, был выпущен географический бюллетень. В кружках самими учащимися были подготовлены доклады на темы: «Дрейф ледокола “Георгий Седов”», «Историко-экономическое прошлое Германии», «Историко-экономическое прошлое Финляндии», «История развития географии и картографии», «Жизнь Колумба», «Об Украине», был подготовлен географический вечер, посвящённый Украине, но провести его не удалось из-за отсутствия света[2].

Другой пример – преподаватель биологии Мацкевич (школа № 4), отпуская учащихся на летние каникулы, дала им задание – провести сбор раздаточного материала. Её ученики широко использовали дополнительную литературу для углублённого изучения отдельных разделов биологии, выполняли задания исследовательского и наблюдательного характера над животными и растениями, воспитывали дома белых крыс, голубей, выращивали растения, записывали свои наблюдения и отчитывались перед кружком юннатов[3].

Ещё одним направлением деятельности кружков являлось художественное творчество учащихся. В отчёте ГорОНО было указано, что состояние художественного воспитания в 1939–1940 учебном году качественно было поставлено лучше, чем в прошлом году. Показательным в этом отношении является факт, что практически во всех школах Читы имелись хоровые, драматические и литературные кружки. А в школе № 4 имелся свой кукольный театр, ансамбль песни и пляски. Охват кружками художественного воспитания по городу выглядел следующим образом: 16 литературных (количество учащихся в них насчитывалось 713 чел.); 12 драматических (241 чел.); 2 музыкальных (25 чел.); 6 хоровых (20 чел.). Вышеуказанный кукольный театр посещало 40 чел., а ансамбль песни и пляски – 20 чел. Таким образом, общее количество кружков в школах Читы составляло 38 чел., занимались в них 1079 учеников[4].

Руководство кружками творческой направленности осуществляли чаще всего школьные учителя, однако в отчётах имеется информация о проведении внеучебных занятий родителями учащихся. Опыт участия последних был реализован в школе № 12, где драматический и хоровой кружок, включавший 120 чел., вела родительница ученика 1 «а» класса Фролова. Отмечалось, что работа в нём была организована лучше, чем в других кружках этой школы[5]. Подобный пример руководства литературным кружком родителем Кутузовым был отмечен в начальной школе № 10[6].

Тематика художественных номеров в этих кружках отвечала требованиям времени, полностью соответствовала задачам формирования так называемого «человека новой формации». Довольно часто учащиеся, занимающиеся в художественных кружках, готовили постановки, посвящённые жизни и деятельности И. В. Сталина, и на школьных вечерах их представляли[7]. Часть номеров, которые были хорошо отрепетированы в кружках, в дальнейшем представлялись на олимпиаде детского творчества. Например, в 1939–1940 учебном году в начальной школе № 11 примерно 67 чел. готовилось к этой олимпиаде. Лучших 3 номера были взяты на районную олимпиаду[8], а кроме этого 6 экспонатов были рекомендованы для участия на областной олимпиаде[9].

В период подготовки к олимпиаде детского творчества работа хоровых и музыкальных кружков заметно улучшилась. Всего по образовательным учреждениям Читы (кроме школ № 10 и 15) в 1939–1940 учебном году во внутришкольных олимпиадах приняли

[1] ГАЗК. – Ф. Р-2241. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 15.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Там же. – Л. 6 об.

[5] Там же. – Д. 5. – Л. 51 об.

[6] Там же. – Л. 62 об.

[7] Там же. – Д. 4. – Л. 7.

[8] Там же. – Д. 5. – Л. 78.

[9] Там же. – Л. 78 об.

участие 1192 учащихся. По качеству художественных номеров на этом мероприятии особенно отличилась школа № 2. Надо сказать, что проведение олимпиады детского творчества было тесно связано с работой администрации образовательных организаций по повышению успеваемости: учащиеся с плохими отметками не допускались к участию в ней. Это создавало серьёзную мотивацию у школьников по исправлению ситуации по тем или иным учебным дисциплинам. Так, «в школе № 2 несколько учеников сумели с помощью товарищей и усиленной подготовки к урокам ликвидировать пробелы в знаниях по отдельным предметам»[1].

В газете «Забайкальский рабочий» (№ 77) была опубликована статья о районной олимпиаде детской художественной самодеятельности, состоявшейся в апреле 1939 года [12]. В ней приняло участие около 1200 учеников. Среди участников наивысшую оценку получили выступления ансамбля пионерской песни и пляски под управлением Хвощевского и шумового оркестра клуба «Красный Октябрь». Интерес также вызвала постановка пьесы И. Е. Всеволжского «Детство маршала», представленная драматическим кружком школы № 1, в котором участвовало 90 учащихся. Под руководством артистки театра музыкальной комедии Долинской этот кружок поставил также пьесу «Тайна Синей горы», а кружок школы № 2 под руководством ученицы Леры Нагорновой на олимпиаде представил оперу Н. А. Римского-Корсакова «Снегурочка» [15, с. 186].

Из делопроизводственных документов следует, что кружковая работа в конце 1930-х – начале 1940-х годов была организована почти во всех школах города Читы. Исключение составила школа № 17, где никаких кружков не было. Это связывалось отчасти и с неэффективной работой пионерской организации в этом образовательном учреждении, где было всего 22 пионера, а за 1939–1940 учебный год было проведено только 2 пионерских сбора[2].

Единого расписания работы кружков в школах города Читы не было. Чаще всего занятия для учащихся в них проводились один раз в пятидневку, однако такой регламент был определён не везде. Так, в школе № 5 члены шахматного кружка собирались без чёткой периодичности, что отражалось на учёбе его участников[1].

В целом работа кружков в школах города Читы была выстроена на должном уровне. Можно сказать, что вовлечённость в кружковую работу учеников была большой. Они стали основной формой внеучебной деятельности учащихся, способствовавшей формированию у молодого поколения необходимых качеств, отвечающих требованиям предвоенного времени, и обеспечившей тесную связь содержания учебных программ и реальной жизни.

Заключение. На современном этапе в свете реализации нормативно-правовых документов, определяющих необходимость обеспечения пристального внимания к созданию условий воспитывающей среды, важным компонентом которого является внеучебная деятельность, руководству образовательных организаций важно учитывать накопленный опыт становления и деятельности внешкольных учреждений и школьных кружков в СССР в конце 1930-х – начале 1940-х гг. Этот опыт, представленный в статье на примере образовательных учреждений города Читы, может быть транслирован и сейчас для обеспечения эффективного взаимодействия средних школ и учебных заведений дополнительного образования по вопросам внеучебной деятельности. Важно отметить, что работа по созданию и обеспечению эффективного функционирования системы внешкольных учреждений накануне Великой Отечественной войны в силу отдалённости Читы от центра объективно шла медленнее. Однако, несмотря на имеющиеся недочёты, усилия Городского отдела народного образования, руководства школ учителей и работников внешкольных учреждений города постепенно способствовали приведению системы внешкольной и внеурочной деятельности в соответствие с действующими нормативными требованиями.

Список литературы

1. Блохина Г. И. Станция юных натуралистов областная // Малая энциклопедия Забайкалья. Наука и образование: в 2 ч. Ч. 2. Н-Я / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2011. С. 255.

2. Гантимурова М. И. «Воспитать патриотов…» (система образования Читы) // Чита в годы Великой Отечественной войны: сб. ст., док. и фотодок. / под ред. В. И. Мерцалова. Чита: Экспресс-изд-во, 2015. С. 344–346.

[1] ГАЗК. – Ф. Р-2241. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 17 об.
[2] Там же. – Д. 5. – Л. 68 об.
[3] Там же. – Д. 1. – Л. 3 об.

3. Дополнительное образование детей: история и современность / отв. ред. А. В. Золотарева. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2016. 353 с.

4. Иванова Т. А., Скрипальщиков А. В. Станция юных техников областная // Малая энциклопедия Забайкалья. Наука и образование: в 2 ч. Ч. 2. Н-Я / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2011. С. 255–256.

5. Казакова Т. П. Чита в годы войны // Читинская область в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945: сб. док. и материалов / под ред. В. И. Мерцалова. Чита: Экспресс-изд-во, 2005. С. 14–17.

6. Константинов А. В. Среднее образование (общее) // Малая энциклопедия Забайкалья. Наука и образование: в 2 ч. Ч. 2. Н-Я / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2011. С. 245–247.

7. Константинова Т. А. Из истории народного образования Читинской области в 1937–1945 гг. // Читинская область в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945: сб. док. и материалов / под ред. В. И. Мерцалова. Чита: Экспресс-изд-во, 2005. С. 530–536.

8. Крапивкина К. Влюблённые в небо [Электронный ресурс] // Забайкальский рабочий. 2016. Вып. 140–141. 27 июля. Режим доступа: http://www.забрабочий.рф/article/108909 (дата обращения: 05.02.2018).

9. Лобанова Г. П., Лобанов В. Г. Дворцы пионеров: энциклопедия города // Эффект. 2009. 22 марта. С. 4.

10. Мерцалов В. И. Город Чита накануне и в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Чита в годы Великой Отечественной войны: сб. ст., док. и фотодок. / под ред. В. И. Мерцалова. Чита: Экспресс-изд-во, 2015. С. 7–12.

11. Нагачеева А. Ю. Из истории Дворца пионеров в Чите // Студенческие чтения: сб. ст. / отв. ред. Е. В. Дроботушенко. Чита: ЗабГУ, 2017. Вып. 9. С. 37–40.

12. Олимпиада детской художественной самодеятельности // Забайкальский рабочий. 1939. № 77. 4 апр. С. 4.

13. Онучина О. М., Никулина Л. Г. Дворец детского (юношеского) творчества // Малая энциклопедия Забайкалья. Наука и образование: в 2 ч. Ч. 1. А-М / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2010. С. 259–260.

14. Очерки истории Восточного Забайкалья. Читинская область / под ред. Н. В. Гордеева. Чита: Экспресс-изд-во, 2007. Т. 2. 240 с.

15. Пряженникова М. В. Организация культурно-досуговой деятельности школьников в Восточном Забайкалье в 1920–1930-е годы // Учёные записки Забайкальского государственного университета. 2017. Т. 12, № 6. С. 181–186.

16. Розенберг Е. Г. Среднее (общее) образование // Энциклопедия Забайкалья. Чита / гл. ред. К. К. Ильковский, А. Д. Михалёв. Новосибирск: Наука, 2014. С. 485–487.

17. Чита в годы Великой Отечественной войны: сб. ст., док. и фотодок. / под ред. В. И. Мерцалова. Чита: Экспресс-изд-во, 2015. 520 с.

Статья поступила в редакцию 12.04.2018; принята к публикации 29.04.2018

Библиографическое описание статьи

Яремчук О. А. Организация внеучебной деятельности школьников г. Читы в конце 1930-х – начале 1940-х годов // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 4. С. 140–148. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-140-148.

Olga A. Yaremchuk,
Candidate of History, Associate Professor,
Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
e-mail: oyaremchuk@yandex.ru

Organization of Extracurricular Activities of Schoolchildren in Chita in the Late 1930s – Early 1940s

Modern requirements for the educational process provide conditions for the multifaceted development and socialization of the younger generation, which should be implemented in the framework of extracurricular activities. This fact determined the relevance of the appeal to the historical experience of the formation and functioning of the system of out-of-school education of schoolchildren in Chita in the late 1930s – early 1940s. The prewar years were a very important stage for the development of various forms of extracurricular activities in our country, which determined the changes in the content of the educational process. Sources for the study were party and government documents and office materials published, taken from the funds of the State archives of Zabaikalsky krai, which were introduced into scientific circulation for the first time. The methodological basis of the work was a complex of general scientific and special methods, as well as the principles of historical science, an important place among which were the principles of historicism and objectivity. This article uses micro-historical approach, allowing to track the general trends of the prewar system of out-of-school education on the basis of a separately taken region. Special attention is paid to the peculiarities of the organization of group work and the formation of various out-of-

school institutions of Chita (the Palace of pioneers, Station of young naturalists, Station of young technicians, etc.). The work reflects the mechanisms of implementation of the tasks facing educational institutions and out-of-school institutions for the organization of extracurricular activities and enshrined in the normative documents of the time. It is noted that due to the remoteness of Chita from the center of their decision objectively went slower. However, despite the shortcomings, the efforts of the city Department of public education, school authorities, teachers and employees of out-of-school institutions of the city gradually contributed to bringing the system of out-of-school and extracurricular activities in line with the existing regulatory requirements.

Keywords: extracurricular activities, out-of-school education, schoolchildren, Chita, the Great Patriotic War, out-of-school institutions, club

References

1. Blokhina, G. I. Station of young naturalists of the region // Small encyclopedia of Transbaikalia: Science and education: in 2 parts. Part 2: N-Ya. Novosibirsk: Nauka, 2011: 255. (In Rus.)

2. Gantimurova, M. I. “Bring up the patriots...” (the education system of Chita). Chita during the Great Patriotic War. Chita: Express, 2015: 344–346. (In Rus.)

3. Additional education of children: history and modernity. Moskva: Yurayt, 2016. (In Rus.)

4. Ivanova, T. A., Skripal’shchikov, A. V. Station of young technicians of the region. // Small encyclopedia of Trabsbaikalia: Science and education: in 2 parts. Part 2: N-Ya. Novosibirsk: Nauka, 2011: 255–256. (In Rus.)

5. Kazakova, T. P. Chita during the war. Chita oblast during the Great Patriotic War: 1941–1945. Chita: Express, 2005: 14–17. (In Rus.)

6. Konstantinov, A. V. Secondary education (General). // Small encyclopedia of Transbaikalia: Science and education: in 2 parts. Part 2: N-Ya. Novosibirsk: Nauka, 2011: 245–247. (In Rus.)

7. Konstantinova, T. A. From the history of national education of the Chita region in 1937–1945. Chita oblast during the Great Patriotic War: 1941–1945. Chita: Express, 2005: 530–536. (In Rus.)

8. Krapivkina, K. Lovers in the sky. Zabaykalskiy rabochiy. 27 July, 2016. Web. 05.02.2018. http://www.забрабочий.рф/article/108909/. (In Rus.)

9. Lobanova, G. P., Lobanov V. G. Palaces of pioneers: an encyclopedia of the city. Effect. 22 March, 2009. (In Rus.)

10. Mertsalov, V. I. The City of Chita on the eve and during the great Patriotic war (1941–1945). Chita during the Great Patriotic War: Chita: Express, 2015: 7–12. (In Rus.)

11. Nagacheeva, A. Yu. From the history of the Palace of pioneers in Chita. Student readings, vol. 9. Chita: ZabGU, 2017: 37–40. (In Rus.)

12. Olympiad of children amateurs. Zabaikalskiy rabochiy. 4 Apr., 1939. (In Rus.)

13. Onuchina, O. M., Nikulina, L. G. Palace of children’s creativity // Small encyclopedia of Transbaikalia: Science and education. in 2 parts, Part 1: A-M. Novosibirsk: Nauka, 2010: 259–260. (In Rus.)

14. Essays on the history of Eastern Transbaikalia. Chita region. Vol. 2. Chita: Express, 2007. (In Rus.)

15. Pryazhennikova, M. V. Organization of cultural and leisure activities of schoolchildren in Eastern Transbaikalia in the 1920–1930s Scholarly Notes. Vol. 12, no. 6, pp. 181–186, 2017. (In Rus.)

16. Rozenberg, E. G. Secondary (General) education. // Encyclopedia of Transbaikalia: Chita. Novosibirsk: Nauka, 2014: 485–487. (In Rus.)

17. Chita during the Great Patriotic War. Chita: Express, 2015. (In Rus.)

Received: April 12, 2018; accepted for publication April 29, 2018

Reference to the article

Yaremchuk O. A. Organization of Extracurricular Activities of Schoolchildren in Chita in the Late 1930s – Eearly 1940s // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 4. PP. 140–148. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-140-148.

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

ORIENTAL STUDIES

УДК 294.321
DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-149-157

Цымжит Пурбуевна Ванчикова[1],
доктор исторических наук, профессор,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
(670047, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6),
e-mail: vanchikova_ts@mail.ru

Марина Васильевна Аюшеева[2],
кандидат исторических наук,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
(670047, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6),
e-mail: ayagma@yandex.ru

К истории монастыря Бадгар

В статье впервые рассмотрена история одного из крупнейших монастырских комплексов Внутренней Монголии – монастыря Бадгар, в учебных факультетах которого прошли обучение по буддийским наукам многие священнослужители Монголии и Бурятии. Изучение истории и функционирования монастыря Бадгар раскрывает взаимосвязи между буддийскими центрами Монголии и Тибета. Данный монастырь сыграл большую роль в развитии и становлении философского образования среди монгольских народов, он был важным связующим звеном в распространении тибетской буддийской культуры. Внутренняя организация монастыря, начиная с проведения богослужений, обустройства монастырской жизни и заканчивая архитектурным обликом храмов и зданий, была заложена по примеру тибетского монастыря Брайбун. Монументальность зданий и внутреннее убранство комплекса, а также история гэгэнов данного монастыря свидетельствуют о значительной поддержке милостынедателями его жизнедеятельности, что является показателем значимости буддийских идей для монгольского мира и роли данного монастыря в жизни региона. На основе изучения биографии основателя монастыря хутухты Дуйнхор-пандиты, ученика долоннорского Ганчжурвы-гэгэна, рассмотрены взаимоотношения учитель – ученик, а также показана роль личности в распространении буддизма. В статье также кратко описаны современное положение дел в Бадгаре и работы по восстановлению как монастырского комплекса, так и по возрождению религиозной практики в стенах Бадгара.

Ключевые слова: Внутренняя Монголия, буддизм, монастырь Бадгар, ламы, реинкарнация, система образования, внутреннее устройство

Введение. История буддизма и буддийской церкви во Внутренней Монголии мало известна в российской историографии, поэтому становится актуальной каждая работа, вносящая свой вклад в раскрытие «белых пятен» в данной проблеме. Монастырь Бадгар *(pad dkar chos gling)* представляет собой величественный комплекс, расположенный на склонах горы Жибхуланту[3]. Это один из крупнейших религиозных центров Внутренней Монголии, расположенный в уратском хойт хошуне, в 60 км к северо-востоку от города Баотоу. Он известен под несколькими именами, прежде всего, это Бадгар (или Бадгарчойлин) – дословный перевод с тибетского «Белый лотос». Данное имя присвоил своему монастырю основатель – Дуйнхор-пандита Агванчойдом. В 1754 году монастырю было

[1] Ц. П. Ванчикова – основной автор, разрабатывает проблематику статьи, методы исследования и проводит анализ источников.

[2] М. В. Аюшеева проводит выборочный перевод и анализирует источники на монгольском языке.

[3] Жабхуланту гору называли ещё Будангту, или Мананту [5, с. 9].

© Ванчикова Ц. П., Аюшеева М. В., 2018

пожаловано официальное имя “aqui yeke onoltu süm-e” (тиб. *rgya chen rtogs ldan gling* – «Монастырь обширных постижений»). В простонародье его чаще называют *Удын сумэ*, от монгольского слова *уд* – «ива», поскольку вокруг монастыря имеются густые заросли ивняка. Китайское название данного монастыря *Wudang zhao*.

С момента основания монастырь развивался как центр буддийского образования, в годы наивысшего расцвета в его стенах проживало около 1200 монахов.

Начало монастырскому комплексу положил Дуйнхор-пандита в 1749 году при поддержке Ганчжурвы-гэгэна и Чжанчжа-хутухты. Образцом для Бадгара послужил тибетский монастырь Брайбун, где долгое время обучался Дуйнхор-пандита. Из тибетского монастыря первый Дуйнхор-пандита Агванчойдом перенял и внешний архитектурный облик храмов, и внутреннюю организацию монастыря. Тибетский стиль преобладал в архитектурном облике не только храмов Бадгара, но и в служебных зданиях, жилых домах лам. Дома для лам были построены в 2 этажа, при этом на каждом этаже могли проживать по 2–4 монаха. Такой тип общежития позволял соблюдать строгую монашескую дисциплину. Стены домов были почти метровой толщины, что обеспечивало определённый микроклимат зимой и летом. За величественные храмовые постройки, расположенные на склонах горы, Бадгар называют «восточным дворцом Поталы».

Монастырский комплекс

В храмовый комплекс входило 6 дуганов: цогчен дуган, чойра дуган, дуйнхор дуган, догшидский дуган, ламрим дуган, ахуй дуган (тарнийн дуган), медитативный центр – гемпийн дуган, 3 жилых здания, в которых проживали перерожденцы (Дуйнхор-гэгэн, Ганчжурва-гэгэн, Чжанчжа-гэгэн), субурганы с прахом прежних гэгэнов и другие многочисленные служебные помещения, а также дома для проживания лам.

Строительство монастырского комплекса Бадгар началось с возведения Дуйнхор дугана в 1749–1750 годах. Это было двухэтажное здание, примерно в 20 м ширины на 25 м длины с 24 опорами. В данном дацане изучалась Калачакра, распространившаяся в Тибете с XI века из Индии, также такие дисциплины, как арифметика и зурхай. Стены дугана были искусно украшены буддийской росписью. Здесь хранился комплект Ганджура.

Перед храмом имеется площадка для собрания лам и проведения диспутов. В буддийском мире высоко чтилась степень цорджи, защищаемая в этом дацане. На двери дугана имеется табличка с четырёхъязычным названием храма, пожалованная императором Цянлуном.

Справа от Дуйнхор дугана находится Догшид дуган, построенный в 1750 году. В храме почитают гневных защитников учения – Ямандаки, Охин тэнгри, Дэмчога, Чойчжала и др. Догшид дуган также называют «Жёлтый дуган», так как его стены были выкрашены в жёлтый цвет.

В 1757 году был построен самый большой дуган в три этажа – Цогчен, общая площадь которого составила 1500 м^2, своды монастыря поддерживает 81 опора. На первом этаже располагается зал для проведения хуралов, в котором размещены 14 рядов скамеек. На каждой скамейке могут уместиться по 30–40 чел. Во главе – места для Дуйнхор-гэгэна, засаг ламы и других высших духовных лиц по иерархии. Большие размеры здания позволяют вместить почти тысячу лам. Внутренние стены Цогчен дугана были расписаны на религиозные темы: жизнеописания Будды, настенная фреска «Девять религиозных буддийских центров», изображающая девять известных монастырей, таких как сам Бадгар, а также Утай, Гандан, Потала и др.

На иконостасе установлены скульптуры Майтреи, Манджушри, Авалокитешвары и др. В зале же хранились полные комплекты Ганджура и Данджура и другие сутры. Главной святыней данного храма являлась статуя Майтреи, Будды грядущего. Здесь регулярно проводился чойра хурал. На втором этаже почитался Шакьямуни и 16 архатов, потому данный этаж называли этажом Джу. Третий этаж называли Отоши ордон, поскольку там почитался Отоши, будда врачевания.

Справа от Цогчен дугана расположен построенный в 1835 году дуган Чойра. Здесь находилась школа философии. Главным почитаемым объектом в храме является 10-метровая медная статуя Будды Майтрея. На втором этаже хранились бары – деревянные клише для печатания религиозной литературы. До возведения специального дугана хуралы чойра проводились в Цогчен дугане, по завершении строительства стали проводиться в дугане Чойра. За этим дуганом находился дом для цаннит ламы.

В 1800 году был построен двухэтажный Ахуй (Агпа) дуган, предназначенный для проведения служб, посвящённых Будде медицины, и практики тантры. Инициатором возведения данного дугана явился второй

гэгэн Дашинима при финансовой поддержке чиновника тусалагчи Дашипунцога из восточно-уратского хошуна. Внутри хранились статуи 8 архатов и 4 махарандз, в центре располагалась скульптура Будды Шакьямуни с 2 учениками. На 2-м этаже имелась небольшая комната почитания божеств, в ней были установлены большое и малое хурдэ.

В 1892 году был построен Ламрим дуган, где наряду с изучением трудов Цзонхавы изучались обеты духовных лиц. Внутри установили 9-метровую медную статую Цзонхавы с учениками. По стенам дугана протянулись стеллажи с небольшими полками для «тысячи будд», на каждую из которых поместили скульптуры Цхонхавы долоннорской работы. Одной из особенностей Ламрим дугана является окно, расположенное согласно тибетской планировке на крыше.

Слева от Ламрим дугана сосредоточены дворы трёх перерожденцев. В центре расположен самый крупный дворец Дуйнхор-гэгэна. Он был построен в 1784 году во время второго перерожденца Дуйнхор-гэгэна Дашинимы. Справа и слева от него построены резиденции для приглашённых гэгэнов: Ганчжурва-гэгэна из Долоннорского *Хухэ сумэ* – учителя первого Дуйнхор-пандиты и Чжанчжа-гэгэна, родным монастырём которого являлся монастырь *Гонлин* в Кукуноре. Монастырь Бадгар, построенный во времена второго Чжанчжа-хутухты Ролбийдоржи (1717–1786), относился к монастырям, подчинённым линии преемственности Чжанчжа-хутухт. Однако ни один из пяти перерожденцев данной линии не жил в Бадгаре.

В трёх километрах от Бадгар сумэ на горе построен Гэмпи дуган для медитаций и летнего отдыха гэгэнов. По словам старых лам, этот дуган строился сразу после строительства догшидского дугана и до начала строительства Цогчен дугана, в период между 1750 и 1757 годами Точной даты начала строительства не сохранилось. Данный дуган был полностью разрушен в годы культурной революции, в 1991 году – восстановлен.

Дацанские школы и буддийское образование

В этих дуганах монастыря были сосредоточены пять дацанских школ. Образовательная система монастыря Бадгар включала обучение чойре – в Чойра дугане, изучение Ламрима проходило в Ламрим дугане, в докшидском дугане находился Ахуй онолын дацан, занятия тарни-ийн дацана проходили в Агпа дугане. Главный упор в монастыре делали на изучение чойры, из ста хувараков восемьдесят изучали данную дисциплину. Окончившие школу Дуйнхор могли поступать в Чойра дацан на второй курс обучения. Полный курс обучения в Чойра дацане включал прохождение 13 зинда – классов, 5 шата – ступеней. Весь цикл занимал 24 года. После каждого класса проводился экзамен. На первой ступени, включавшей 4 зинда, изучали дуйра. Вторая ступень включала 5 зинда и длилась 5 лет. В основную программу входило изучение Парамиты и комментариев к ней. Третья ступень длилась 2 года. На четвёртой ступени изучалась Абидарма на протяжении 6 лет. После прохождения 4-й ступени присуждали учёную степень гэбши. Следующая учёная степень – рабжамба – присуждалась после 6 лет обучения. На пятой ступени изучались тексты Винаи и комментарий к Винае 1 Далай-ламы Гендундагбы (Винайн тайлбури).

Об уровне обучения, образовательных программах свидетельствует каталог книг, хранившихся в лабране монастыря. Данный каталог, составленный в 1718 году, был опубликован профессором Чойжи в 6-м томе серии «Монгольские источники по истории из Хухэ-хото». Среди многочисленной разрозненной обрядовой литературы в нём значатся более 15 сумбумов – собраний сочинений известных монгольских и тибетских авторов [4]. Среди них стоит перечислить сумбумы Панчен лам: Лубсанчойжижалцана в 5 томах, Лубсанйеши в четырёх и Лубсанбалданйеши в 8 томах, сумбум Далай-ламы Галсанжамцо в 8 томах, сумбум Чжанчжа-хутухты Ролбийдоржи в 8 томах, Чжанчжа-хутухты Агванчойдома в 7 томах, сумбум Сумба-хамбо в 7 томах и сумбумы некоторых других известных лам. Есть упоминание биографии Будды, Далай-лам и Панчен-лам и др. В лабран входили сочинения по Парчину – философскому разделу по логике (9 томов), отдельные тома из Ганджура (раздел Винаи в 6 томах, 7 томов по мадхъямике). Особо отмечено наличие монгольского намтара тибетского отшельника Миларайпы, также имелся том его гурбума – собрания песнопений. Хранилось также 6 томов разных сочинений по медицине.

Внутренняя организация монастыря Бадгар: религиозные службы и управление монастырём

Хуралы монастыря Бадгар не отличались от всех установленных, традиционных богослужений буддийских монастырей. Из числа больших хуралов следует назвать Мани хурал, читаемый в Цогчен дугане на протяжении семи дней с 25-го числа *(если месяц малый, то 24-го числа)* 7-го месяца по

1-е число 8-го месяца по лунному календарю. В Белый месяц читается Ганджур хурал с 8-го по 15-е число, в 7-м месяце проводится Чойра хурал, который подразделялся на два вида – хурал и диспут, Сожон хурал проводится 2 раза в месяц, т. е. 24 раза в год, а также Хайлан хурал (Ярнай хурал). В каждом дугане были свои установленные хуралы, так, в Чойра дацане семь раз в год проводили «Чойра-ийн Чойдаг». В Дуйнхор дацане читали Дулсун чога с 12-го по 15-е число 3-го месяца, проводили догшид хурал на протяжении 9 суток, начиная с 16-го числа 7-го месяца до начала хурала Мани. В дугане Агпа ежемесячно читали 10 хуралов: Найдан – 8-го исла; 9-го – Сундуй; 10-го – Дэмчог; 12-го – Гунриг; 13-го, 14-го – Догшид; 15-го – Найдан; 16-го – Оточи; 25-го – Дэмчог; 29-го – Догшид.

При основании монастыря, как уже говорилось выше, многое было перенято из традиций тибетского монастыря Брайбун. Монастырская иерархия и внутренняя жизнь монастыря также следовала образцу Брайбуна. Управление монастырём осуществлялось через сугунды, высший церковный орган. В состав которого входят гэгэн, засаг лама, дэмчи, цогчен гэбкуй, цогчен умзад, старший нирба большой казны, старший нирба казны Чойра дугана, ценнит лама (его также называли хамбо Чойра дацана), хамбо Дуйнхор дацана, хамбо Агпа дацана, хамбо Ламрим дацана, гэбкуи и умзады всех дацанов. Сугунды возглавлял гэгэн. В период династии Цин было установлено, что сугунды созывался каждый месяц, помимо этого собирались дважды в квартал для решения важных дел. Большое собрание лам проходило ежегодно в 7-м месяце во время большого хурала. Со временем периодичность не стала соблюдаться, сугунды созывался по мере необходимости.

В 1933 году по велению времени был введён гражданский орган «Бадгар сумын онц нутгийн албан газар» (Отделение по делам монастыря Бадгар), который потеснил сугунды в полномочиях по управлению монастырём. В 1950 году был создан новый орган «Шашний явдлын хамиаралтын зублэл» (Совет по религиозным делам) который заменил сугунды.

Утверждение на высшие монастырские должности проводил сугунды. Хотя и были оговорены сроки по замещению тех или иных должностей, например засаг лама и дэмчи назначались на 3–5 лет, но не было строгого соблюдения. Такие должности, как гонир, отвечающего за порядок и чистоту, или чабир, ответственного за проведение хурала, не требовали утверждения сугунды и назначались гэбкуем, который следил за монашеской дисциплиной.

За монастырскими доходами и расходами, за имуществом монастыря, за вопросы, связанные с албату, следил и отвечал дэмчи, который подчинялся непосредственно гэгэну и сугунды. В ведении старшего нирба находилась казна-жиб, в Бадгаре было 8 жиб.

Важную роль в жизни и управлении монастыря играл засаг лама. Он отвечал за все религиозные дела в монастыре, также подчинялся гэгэну и сугунды. Помимо этого, засаг лама занимался организацией поисков нового гэгэна. А в период отсутствия гэгэна или его малолетства засаг лама исполнял его функции по управлению монастырём.

Линия перерождений Дуйнхор-гэгэна

Монастырь Бадгар знаменит не только сложившейся системой философского обучения, монументальным храмовым комплексом, но и своими линиями перерожденцев-гэгэнов. Как отмечалось выше, храмовый комплекс включал три лабрана-дома гэгэнов – Чжанчжа-хутухты, Ганчжурвы-гэгэна и Дуйнхор-пандиты. Эти линии перерождений имели тесные духовные связи и отношения учитель – ученик. Но местом постоянного пребывания монастырь Бадгар был только для Дуйнхор-пандит.

Первый Дуйнхор-гэгэн Агванчойдом (1696–1763), зачинатель линии преемственности Эрдэнэ мэргэн Дуйнхор-пандит, родился в местности Баян жирукэ, в тумэтских кочевьях близ Хухэ-хото в семье халхасца Дамбы. Он был третьим сыном. При рождении получил имя Соднамжамцо. В пятилетнем возрасте Соднамжамцо отвезли в ученики к созерцателю Чойжабу в крупный тумэтский монастырь (ныне *Бичээчийн сум*, по кит. – *Ла ма дунг*). Получив начальное образование и проявив незаурядные способности к обучению, в 1704 году он был направлен в долоннорский монастырь Хухэ-сумэ к Ганчжурва-гэгэну Лубсанцультиму (приб. 1680–1755). Здесь Соднамжамцо получил духовное имя Агванчойдом. Ганчжурва-гэгэн в свою очередь отправил его для дальнейшего обучения в амдоский (кукунорский) монастырь Сэригун. На протяжении 10 лет Агванчойдом занимался изучением чойры. После обучения он сопровождал своего учителя Ганчжурва-гэгэна по туметским и уратским хошунам, где они занимались проповедью учения.

В возрасте 28 лет, в 1723 году, Агванчойдом по рекомендации учителя отправился

для продолжения образования в Лхасу. После поклонения VII Далай-ламе был определён в крупный тибетский монастырь Брайбун. Однако изучение чойры в Брайбуне пришлось прервать на несколько лет из-за военных беспорядков, происходивших в Тибете. На это время Агванчойдом переехал в монастырь Дашилхумпо, где V Панчен-лама дал ему имя Лубсанжалсансамбуу [5, с. 20]. Монастырь Брайбун сыграл большую роль в становлении личности Дуйнхор-гэгэна. По окончании обучения в Брайбуне Агванчойдом победил в философском диспуте, получил звание рабжамба и прославился своей учёностью. К этому времени относится поднесение ему титула Дуйнхор-пандита VII Далай-ламой.

В 1728 году он вернулся в Долоннор к своему учителю Ганчжурва-гэгэну и занял должность хамбо ламы монастыря Хухэ-сумэ. Как пишет Цэнгэлжаб, китайский исследователь истории монастыря Бадгар и биографий Дуйнхор-пандит, уже в этот период у Агванчойдома была мысль построить отдельный дацан для изучения чойра – Дуйнхор дацан. Однако на это предложение его старый учитель посоветовал построить данный дацан в другом месте.

Согласно сохранившимся сведениям, до возведения собственного монастыря Агванчойдом некоторое время пребывал в горах Далан хара, в мумингатском засаг сумэ.

При помощи милостынедателей, князей джунгарского хошуна из Ордоса, им были возведены Дуйнхор дуган и догшидский. Также джунгарский ван подарил первому Дуйнхор-пандите Агванчойдому несколько семей аратов в качестве шабинаров. Они находились в ведении *их дэмчи* и обеспечивали монастырь едой и топливом, пасли скот и выполняли другую хозяйственную работу. Этот ван также поселил в Бадгаре мастеровых людей для изготовления предметов культа и построил дома для проживания в западной части монастыря.

Это был период интенсивного распространения учения, буддизм пользовался императорской поддержкой. Повсеместно возводились монастыри, переводились буддийские сочинения и издавалась литература. Большое влияние на этот процесс оказал Чжанчжа-хутухта Ролбийдоржи (1716–1786). При его поддержке и помощи Ганчжурвы-гэгэна было определено место для возведения первого Дуйнхор дугана монастыря Бадгар на горе Будангту, которой Чжанчжа-гэгэн Ролбийдоржи присвоил имя Жибхуланту. На её вершине было сооружено обо, как место пребывания горного сабдака Марцанг Бумбара, хранителя дацана [5, с. 23].

В 1727–1729 годах в Пекине работала комиссия по переводу буддийского канона Ганджур на монгольский язык. Для осуществления данной задачи были привлечены известные монахи, учёные, в том числе и Ганчжурва-гэгэн со своими учениками, среди которых заметную роль сыграл Дуйнхор-пандита Агванчойдом. Главным образом, Агванчойдом отвечал за перевод текстов раздела «тантра». По окончании работ император присвоил ему расширенный титул «Эрдэни мэргэн Дуйнхор пандита».

Первый Дуйнхор-пандита скончался в 1763 году. После его смерти было решено искать новое перерождение. Комиссию по определению перерожденца возглавил засаг лама Агванпунцог. Собрание лам решило обратиться с этим вопросом к Далай-ламе, так как VII Далай-лама Галсанжамцо (1708–1757) присвоил ему учёный титул Дуйнхор-пандита. Но ввиду малолетства VIII Далай-ламы Жамбалжамцо (1758–1804), новое перерождение Дуйнхор-пандиты определил VI Панчен-лама Лубсанбалданйеши (1738–1780). По указаниям Панчен-ламы в 1774 году был обнаружен одиннадцатилетний Дашинима (1764–1836), третий ребёнок в семье Мунхэжанжа из туметского хошуна. В 1775 году он был возведён на престол хутухты. С 1782 года II Дуйнхор-гэгэн продолжил образование в Тибете, где он на протяжении 10 лет совершенствовал свои знания по чойре. В 28 лет Дашинима вернулся в Бадгар. Перед возвращением VIII Далай-лама Жамбалжамцо подтвердил его титул «Эрдэни мэргэн Дуйнхор пандита».

Во время второго Дуйнхор-пандиты монастырь Бадгар активно застраивался. В этот период был построен Агпа дуган, строительство которого было начато в 1800 году. На протяжении 18 лет засаг лама Агванпунцог помогал молодому гэгэну в управлении монастырём. Дуйнхор-пандита Дашинима неоднократно посещал Пекин для участия в предписанных богослужениях при императорском дворе. Второй Дуйнхор-пандита умер в 1836 году, в возрасте 72 лет.

Имя третьего перерожденца Дуйнхор-гэгэна было определено через ритуал «Золотой бумбы» в пекинском Юнхэгуне. Им стал Данзандаши (1837–1854), сын сул тайджи Цэбэга из аймака Тушету хана в Халхе. В 1844 году он был приглашён в Бадгар. При посвящении получил духовное имя Ешилубсандамбижалцан. После 10 лет обучения в Бадгаре было решено отправить молодого

гэгэна для продолжения образования в Тибет. Однако третий Дуйнхор-гэгэн умер по дороге в Тибет. С тех пор прекратилась традиция обучения гэгэнов в Тибете, все последующие перерожденцы изучали чойру у ендзон-лам – наставников в Бадгаре.

Конец XIX – начало XX века – время потрясений в Цинской империи, опиумные войны, общее ухудшение экономической и социальной жизни общества отразились и на состоянии монастыря Бадгар. Ко второй половине XIX века относятся споры о ложном и об истинном гэгэне. В 1863 году объявился некий Шара лама из монастыря Цаган гол из хошуна уратского среднего гуна. Он заявил, что является истинным III перерожденцем Данзандаши, которого хотели убить ламы, сопровождавшие его по дороге в Тибет. Но он выжил, был на родине в халхаском хошуне Тушету цзюнвана, откуда прибыл в монастырь Цаган гол и получил имя Шара лама. В урегулирование данного спора вмешались светские власти, чжанчжунем из Сюйюаня была подтверждена лживость слов Шара ламы.

После смерти третьего гэгэна новый перерожденец был определён в 1858 г. Четвёртый Дуйнхор-пандита Намхайдоржи (1855–1886) был родом из хошуна Дурбэн хухэн Уланцабского сейма. Спустя два года его статус был подтверждён через процедуру определения имени претендента из золотой бумбы. Ему было дано духовное имя – Галсандобдонжигмэджамцо. В 1873 году четвёртый гэгэн был в Пекине на аудиенции у императора Му цзуна (1856–1875). Умер в 1886 году в возрасте 33 лет.

Пятого гэгэна Агванданзинпринлэйнамжила (1887–1918) указал XIII Далай-лама Тубдэнжамцо. Отца звали Сумья мэйрэн. Детское имя Цэдэнжаб. В 1894 году восьмилетний гэгэн был приглашён в монастырь. Умер в возрасте 32 лет. Этот гэгэн получил печать хутухты в 1914 году во время встречи с Юань Шикаем.

В 1921 году были инициированы поиски следующего шестого гэгэна. Старший нирба и другие ламы с именами претендентов отправились к Далай-ламе, который указал на Санджайодзера (1918–1943), приёмного сына захирагчи Болота из хошуна дархан бэйлэ. Родным отцом являлся простой скотовод Бандагадоржи, проживавший возле гучидского монастыря Цаган хада. В 1925 году семилетнего Санджайодзера возвели на престол. В 1943 году в возрасте 25 лет он скончался [5, с. 114–142].

В «Монгольских источниках по истории Хухэ-хото» шестым перерождением Дуйнхор-пандиты назван Тубдэнгалсанданзин. В 1925 году тусалагчи тайджи из Уланцабского сейма обратился в вышестоящие органы с просьбой указать новое перерождение Дуйнхор-пандиты из монастыря Ахуй онолту сумэ, так как проведённые поиски нового гэгэна определили двух: Тубдэнгалсанданзина, сына Санжижаба и Туденгалсанданзина, сына Санжайчинжибу. Обоим претендентам на тот период было по 7 лет. Поскольку на процедуре опознания оба мальчика «узнали» вещи покойного Дуйнхор гэгэна, то было решено обратиться к процедуре вытягивания имени из «золотой урны» [10].

VII гэгэн Лубсанпринлайдамбижалсан (1943–1955) также был определён в семье захирагчи Болота, но он умер в младенчестве. Поиски нового гэгэна, предпринятые в те годы, не были завершены, и вновь были начаты в 2001–2002 годах.

Считается, что линия перерождений Дуйнхор-гэгэна началась не в Бадгаре. В сочинении Лубсанчойживанчуга «Дуйнхор пандита гэгэн-у турул-и үзүгүлэгсэн намтар» (Намтар-житие перерождений святого Дуйнхор-пандиты), составленном на тибетском языке, описано 12 реинкарнаций Дуйнхор-пандит, начиная с индийских. Согласно данному намтару, Агванчойдом, т. е. Лубсандамбижалцан, является 12-м рождением в данной линии реинкарнаций, начиная с перерождения бодхисатвы Дуйнхор арилгагчи [5, с. 209–212].

Наличие собственной линии реинкарнации, высокообразованные ламы, эффективная система обучения способствовали притяжению в Бадгар как духовных лиц, так и милостынедателей, что, в конечном счёте, увеличивало славу и мощь монастыря.

Современное положение монастыря Бадгар

В годы культурной революции Бадгар подвергся разграблению и разрушению, хотя он не был полностью разрушен. В монастыре Бадгар остались лишь несколько старых лам. Зимой 1972 года монастырь Бадгар был признан памятником историко-культурного наследия. В городе Баотоу был создан совет по защите и охране монастыря, начались восстановительные работы.

В монастырь было разрешено вернуться всем ламам рангом выше рабжамбы. В дуганах начали ежедневно проводить богослужения. Благодаря усилиям старых лам Дабхайжамцо, Ешинимы, Сухэ, Санджайя было вос-

становлено проведение основных хуралов: 1) Молон Ганджур хурал (в белый месяц с 8-го по 15-е число); 2) Мани-йин хурал (24–25-го числа 7-го месяца по 1-е число 8-го месяца по лунному календарю, со 2-го числа читают сочинения из Ганджура); 3) Зула-йин хурал (25-го числа 10-го месяца). Стали также проводиться ежедневные службы.

С 1984 года было возобновлено проведение Хайлан хурала. Из Гумбума был приобретён комплект Ганджура и Данджура, который поместили в Дуйнхор дугане. В 2000 году были проведены работы по восстановлению Гемпи дугана. В этот же год провели чествование матери последних двух гэгэнов – Тамжид, которой исполнилось 85 лет.

Восьмой перерожденец Дуйнхор-пандиты был определён 12 апреля 2006 года. Всего для «опознания» было подобрано 54 кандидата. Настоятель Пекинского монастыря Найралту Найрамдаху (Юнхэгуна) лама Жамьянтубдэн определил перерожденцем 15-летнего мальчика по имени Алмас из Мандал сомона Дархан мумингатского хошуна. 29 сентября 2006 года он принял монашеские обеты от ламы Жамьянтубдэна и получил имя Галсантубдэнчойживанчуг, а 24 октября был возведён на престол хутухты в монастыре Бадгар. С 2007 по 2016 год VIII Дуйнхор-хутухта обучался в Гансу в монастыре Лабран, где защитил степень гэбши. В январе 2017 года краткосрочно посетил Бадгар и вернулся в Лабран для продолжения образования.

В настоящее время в Бадгаре насчитывается 36 лам и хувараков. Послушники проходят обучение у местных лам, поскольку нет возможностей для отправления учеников в другие места. Ведутся подготовительные мероприятия по восстановлению ранее существовавшей образовательной системы подготовки и обучения лам[1].

Заключение. С распространением буддизма среди монголоязычных народов дацаны Дуйнхор (Калачакры) возводились во многих монастырях Внутренней Монголии, Монголии и Бурятии, но только в Бадгаре появилась линия перерожденцев Дуйнхор-гэгэнов. Безусловно, выдающейся личностью явился первый Эрдэни мэргэн Дуйнхор-пандита Агванчойдом, внёсший значительный вклад в развитие буддизма и буддийской культуры среди монголоязычных народов. Влиятельный некогда монастырский комплекс восстанавливает свою историю и духовные практики, развиваясь не только как знаковый объект на туристической карте Китая.

Список литературы

1. Осорова Т. И. Буддийская традиция Внутренней Монголии (историографический обзор) // Вестник Международного центра азиатских исследований. 2004. Вып. 12, кн. 1. С. 151–157.
2. Чимитдоржин Д. Г. Хуухэн-хутухта и Ганчжурва-гэгэн // История и культура народов Центральной Азии: наследие и современность. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. Ч. 2. Этнография, религиоведение, язык, фольклор и литература. С. 73–76.
3. Успенский В. Л. Тибетский буддизм в Пекине. СПб., 2011. 367 с.
4. Badgar süme-yin labrung-du qadaγalaγdaju bayiγsan nom sudur-un γarčaγ // Köke qota-yin teüke mongγol surbulji bičig. Köke qota: Öbür mongγol-un soyol-un keblel-ün qoriy-a, 1989. B. 6. Q. 38–43.
5. Cenggeljab. Badgar süm-e-yin γurban jaγun jil. Köke qota: Öbür mongγol-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 2003. 292 qu.
6. Ceringsodnam D. Mongγol-un burqan-u šasin-u uran jokiyal. Köke qota: öbür mongγol-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 2001. 595 qu.
7. Elverskog J. Our Great Qing. The Mongols, Buddhism, and the State in Late Imperial China. Honolulu: University of Hawaii Press, 2006. 264 p.
8. Hyer P. The Dalai Lamas and the Mongols // The Tibet Journal. 1981. Vol. 6, No. 4. Pp. 3–12.
9. Hyer P., Sechin J. A Mongolian Living Buddha: Biography of the Kanjurwa Khutughtu. New York: State University New York Press, 1983. 203 p.
10. Jerryson M. K. Mongolian Buddhism: The Rise and Fall of the Sangha. Chiang Mai: Silkworm Books, 2007. 240 p.
11. Jiayu Wu, Yong Fang. Study on the Protection of the Lama Temple Heritage in Inner Mongolia as a Cultural Landscape // Journal of Asian architecture and building engineering. 2016. N.. 15. Vol. 1. Pp. 9–16.
12. Kökeqota-yin teüke mongγol surbulji bičig // Altanorγil. Kökeqota: Öbür mongγol-un soyol-un keblel-ün qoriy-a, 1989. Vol. 6. 488 p.
13. Miller R. J. Monasteries and cultural change in Inner Mongolia. Wiesbaden, 1959.

Статья поступила в редакцию 10.03.2018; принята к публикации 27.03.2018

[1] Данная информация получена от Ван Хуа, руководителя комитета по делам монастыря Бадгар, а интервью было проведено Уртнасаном, которым авторы статьи выражают искреннюю благодарность.

Библиографическое описание статьи

Ванчикова Ц. П., Аюшеева М. В. К истории монастыря Бадгар // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 4. С. 149–157. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-149-157.

Tsymzhit P. Vanchikova[1],
Doctor of History, Professor,
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
(6 Sakhyanovoi st., Ulan-Ude, 670047, Russia),
email: vanchikova_ts@mail.ru

Marina V. Ayusheeva[2],
Candidate of History,
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
(6 Sakhyanovoi st., Ulan-Ude, 670047, Russia),
e-mail: ayagma@yandex.ru

To the History of the Badgar Monastery

In the paper, history of one of the largest monastic complexes of Inner Mongolia – monastery Badgar is examined for the first time. Many priests – Buddhist monks of Mongolia and Buryatia studied and were trained on Buddhist Sciences in educational faculties of this monastery. Studying of the history and functioning of this monastery reveals the fact of existence of close relationship between the Buddhist centers of Tibet, Mongolia and Buryatia. This monastery played an important role in the development and formation of philosophical education in Mongolian Buddhism; it has been an important link in the dissemination of Tibetan Buddhist culture. The internal organization of the monastery, starting with religious services and sermons, arrangement of the monastic life and finishing with the architecture of the temples and buildings were founded according to the model of the Tibetan Braibung monastery. The magnificence of the buildings and of the interior of the complex, as well as the history of reincarnations of the monastery demonstrate the fact that it was considerably supported by benefactors and donators, that is a vivid indicator of the importance of the Buddhist ideas for the Mongolian world and of a role of this monastery in the life of the people. On the basis of studying of the biography of the founder of the monastery of a Duinkhor khutukhta, the pupil of Dolonnor Ganjurva gegen, relationship between the teacher and pupil is considered, and the role of a personality in distribution of Buddhism is shown. The article also briefly describes the current situation in Badgar, the restoration processes of the monastic complex and the revival of religious practices within the walls of Badgar.

Keywords: Inner Mongolia, Buddhism, Badgar monastery, lamas, reincarnation, Buddhist education system, inner arrangement

References

1. Osorova, T. I. Buddhist tradition of the Inner Mongolia (historiographic review). Bulletin of the International center of Asian researches, v. 12, b. 1, pp. 151–15, 2004. (In Rus.)
2. Chimitdorzhin, D. G. Khuukhen-khutukhta and Ganzhurva-gegen. In History and culture of the peoples of Central Asia: heritage and present. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN, 2008. Ch. 2: 73–76 (In Rus.)
3. Uspenskiy, V. L. Tibetan Buddhism in Beijing. Sankt-Peterburg, 2011. (In Rus.)
4. The list of the books stored in the labran of the Badgar monastery. The Mongolian historical sources from Köke qota. Köke qota: Öbür mongγol-un soyol-un keblel-ün qoriy-a, b. 6, Q, 1989: 38–43. (In Mong.)
5. Cenggeljab. 300 years of the Badgar monastery. Köke qota: Öbür mongγol-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 2003. (In Mong.)
6. Ceringsodnam, D. Mongolian Buddhist literature. Köke qota: öbür mongγol-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 2001. (In Mong.)
7. Elverskog Johan. Our Great Qing. The Mongols, Buddhism, and the State in Late Imperial China. University of Hawaii Press, 2006. (In Engl.)
8. Hyer Paul. The Dalai Lamas and the Mongols. The Tibet Journal, vol. 6, no. 4, pp. 3–12, 1981. (In Engl.)
9. Hyer, Paul, Sechin Jagchid. A Mongolian Living Buddha: Biography of the Kanjurwa Khutughtu. State University New York press, 1983. (In Engl.)
10. Jerryson, Michael K. Mongolian Buddhism: The Rise and Fall of the Sangha. Chiang Mai: Silkworm Books, 2007. (In Engl.)

[1] Ts. P. Vanchikova is the primary author, she has developed an article topics, research methods and the analysis of the sources.

[2] M. V. Ayusheeva conducted a selective translation and analysis of sources in Mongolian.

11. Jiayu Wu, Yong Fang. Study on the Protection of the Lama Temple Heritage in Inner Mongolia as a Cultural Landscape. Journal of Asian architecture and building engineering, b. 15, v. 1, pp. 9–16, 2016. (In Engl.)
12. Mongolian historical sources from Huhe-hoto / Altanorγil. Kökeqota: Öbür mongγol-un soyol-un keblel-ün qoriy-a, vol. 6, 1989. (In Mong.)
13. Miller R. J. Monasteries and cultural change in Inner Mongolia. Wiesbaden, 1959. (In Engl.)

Received: March 10, 2018; accepted for publication March 27, 2018

Reference to the article

Vanchikova Ts. P., Ayusheeva M. V. To the History of the Badgar Monastery // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 4. PP. 149–157. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-149-157.

http://www.zabvektor.com ISSN 2542-0038 (Online) ISSN 1996-7853

УДК 94 (510). 08+572.9
DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-158-165

Саяна Баировна Намсараева,
кандидат исторических наук, доцент,
научный сотрудник,
Центр изучения Монголии и Внутренней Азии
Кэмбриджского университета
(CB2 3RF, Великобритания, Кэмбридж, Здание Монд, Фри Скул Лэйн),
e-mail: sn444@cam.ac.uk

«Договор мира и родства»: о типах альянсных брачных союзов Цинского двора с монголами и китайцами[1]

Среди разнообразных брачных отношений, в частности браков по договорённости, особое место занимают браки по «договору мира и родства» (альянсные браки), широко практиковавшиеся между государственными образованиями Центральной Азии и во внешнеполитической практике императорского Китая в отношениях со степными народами. Данная статья не только описывает альянсные браки, заключавшиеся между правящим маньчжурским домом династии Цин (1644–1911) с монголами и китайцами, но и представляет первые прецеденты браков *хэцин*, их типологию и социально-политические условия, под влиянием которых они заключались.

Методы исторической антропологии позволяют проанализировать обширный исторический материал под призмой классических теорий социальной антропологии о принадлежности к родовой группе по мужской или женской линии *(descent theory)* и теории брачных альянсов *(alliance theory)* Леви-Стросса, чтобы объяснить возникший дисбаланс между двумя типами брачных союзов, когда в отношениях со степными народами правящие династии Китая чаще выступали стороной, дающей невест (тип брака «уход из дворца»), нежели стороной, берущей невест (тип брака «приход во дворец»). По мнению автора, этот дисбаланс был обусловлен разными традициями престолонаследия в рамках патрилинейного родства у китайцев и народов Центральной Азии и отражает сложное переплетение влияний различных норм китайского, монгольского и тунгусо-маньчжурского родства в подобных альянсных браках.

Ключевые слова: хэцинь, договор мира и родства, Цинская империя, маньчжуро-монгольские и маньчжуро-китайские брачные альянсы, теория альянса Леви-Стросса

Введение. Междисциплинарный характер современных гуманитарных исследований, в частности возникновение исторической антропологии как нового научного направления, дают дополнительные возможности для новых интерпретаций обширного исторического материала под углом антропологических теорий. Это позволяет предпринять реконструкции жизни разных исторических сообществ, обращая внимание на их родственные и соседские связи, на особенности принципов их межэтнических коммуникаций. Пожалуй, одной из наиболее успешных попыток подобных историко-этнографических интерпретаций стало создание нового направления в изучении истории Цинской империи, известного как «новая Цинская история» (“The New Qing History”) Гарвардской школы, которая вместо привычной «китаецентристской» модели описания династии Цин предлагает альтернативную «полицентричную» модель изучения Цинской империи с основным упором на этническую историю маньчжуров и монголов и особенности управления многочисленными народами империи. В частности, «этнический» взгляд на историю Цинской империи даёт возможность выявить особенности маньчжуро-монгольского военного альянса и роль альянсных браков маньчжуров с другими народами при построении империи.

Методология и методы исследования. Представленная статья не только описывает альянсные браки, заключавшиеся между правящим маньчжурским домом династии Цин (1644–1911) с монголами и китайцами, но и предпринимает попытку объяснить альянсные браки с точки зрения классических теорий социальной антропологии о принадлежности к родовой группе по мужской или женской линии *(descent theory)* и теории брачных альянсов *(alliance theory)* Леви-Стросса. В рамках данной статьи автор также приводит доводы в пользу центральноазиатской версии происхождения альянсных брачных союзов, что ставит под сомнение доминирующую версию

[1] Статья подготовлена в рамках государственного задания ФАНО России, проект № XII.191.1.2 «Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии» № АААА-А17-117021310264-4 (“Intercultural relationships, ethnic and sociopolitical processes in Central Asia”).

© Намсараева С. Б., 2018

в отечественном и зарубежном востоковедении о китайском происхождении этой политической практики.

Результаты исследования и их обсуждение. Знакомство с отечественными публикациями, посвящёнными взаимоотношениям кочевого мира с оседлым земледельческим Китаем (Кычанов, 1997; Крадин, 1996; Крюков и др., 1983; Таскин,1980; Гумилёв, 1960 и др.) оставляет впечатление, что *хэцинь* (договор мира и родства) стал новаторской стратагемой именно китайского двора в отношениях с кочевыми народами. Этому мнению способствует и то, что основные сведения об альянсных браках между китайским двором и кочевыми народами по большей части представлены китайскими источниками, которые, естественно, представляют «прокитайскую» версию событий. Однако анализ этих браков по их типам («во дворец» и «из дворца») выявляет иные аспекты альянсных браков благодаря существовавшей разнице в правилах престолонаследия у кочевых народов и китайцев. Поэтому представляется более верной версия о большем распространении альянсных браков именно среди кочевых народов Центральной Азии, тем более что этнографический материал о кочевых народах Ближнего Востока и Африки проанализирован в социальной антропологии в виде «теории альянсов» Леви Стросса 1949 года в его работе «Элементарные структуры родства» [17], также подтверждает это предположение.

Договоры мира и родства в практике центрально-азиатских народов. Исторически в политической практике народов Центральной Азии между соседскими территориальными группами или государственными образованиями широко применялась практика закрепления мирного договора или военно-политического союза путём заключения так называемого альянсного брака, когда обе стороны, представленные правящими семьями, заключали брак между своими отпрысками. Таким образом, действенность политического договора дополнительно укреплялась узами кровно-родственных отношений, и мирный договор переходил из сферы политических отношений в сферу иерархии семейно-родственных отношений. В этом смысле альянсные браки как способ регулирования властных отношений был индикативен: и частота, и количество заключённых «договоров мира и родства» свидетельствовали о сложных социально-политических процессах и изменении баланса сил, происходивших в тот или иной отрезок времени, на той или иной территории.

Благодаря прежде всего китайским письменным источникам можно судить о наиболее ранних политически значимых прецедентах альянсных браков, скрепивших мир между противоборствующими сторонами. Так, в истории раннего Китая альянсные браки, начиная с династии Хань, назывались *хэцинь* (和亲), что обычно в русскоязычной синологической литературе переводят как «договор мира и родства»[1], хотя китайские историки также называют подобного рода политические браки как *хэфань* (和番) – «договор мира с варварами», где под ролью «варваров» согласно китаецентристской модели мироустройства подразумевались все народы периферийных земель, окружавших Срединное государство [8]. Так, первым альянсным браком в династийной истории считается брачный союз основателя династии Хань, первого императора Лю Бана (девиз правления Гаоцзу 202–195 гг. до н. э.), заключённый в 198 году до н. э. с хуннами, когда Лю Бан выдал свою старшую дочь замуж за хунского *шанюя* (вождя) Модэ после серии неудачных попыток отразить атаки хуннов [13]. По преданию, этот спасительный выход был предложен Лю Бану его советником Люй Цзином (娄敬) как способ выйти из военного кризиса, используя универсальные нормы породнения и родства. Сделав Модэ зятем, китайский император превращался в представителя старшего поколения отцов, а именно – тестя, которому зять по всем законам родства должен оказывать знаки уважения и не проявлять агрессию. Расчёт также заключался в том, что по патрилинейным правилам родства сын Модэ, рождённый в этом браке, как будущий правитель хуннов одновременно являлся внуком китайского императора и входил бы в иерархию кровных родственников по второстепенной женской линии, считавшейся «внешней» линией (外)[2], переместившись в родственной субординации в поколение внуков, несмотря на свой царственный статус[3].

[1] См.: Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос на пороге средних веков. – М.: Наука, 1979. – 328 с.

[2] Китайская терминология родства как раз отражает «отчуждение» детей дочери как уже принадлежащих другому роду – роду зятя. Эти внуки называются «внешние внуки» (外孫女).

[3] Сыма Цянь в Исторических записках (Ши цзи) описал эту ситуацию подобным образом: «Пока Модэ жив, он, разумеется, будет вашим зятем, а после его смерти *шаньюем* станет сын вашей дочери. А разве когда-нибудь было видано, чтобы внук относился к деду как к равному? [Так] можно без войны постепенно превратить [сюнну] в своих слуг» [9, с. 72].

По представлению китайцев, этот брак означал превращение Модэ из равного политического áктора и более сильного военного соперника[1] в подчинённого младшего родственника в соответствии с универсальной системой родовой иерархии, сформулированной в Китае в виде конфуцианского культа предков. В последующие десятилетия императорский двор активно манипулировал альянсными браками, например, отдавая китайских принцесс усуням – соперникам хуннов, чтобы ослабить влияние хунских жён правителей усуней, сбалансировав их «прокитайской» партией внутри двора, чтобы усуни не вступали в коалицию с хуннами против династии Хань.

Важно заметить, что изначально подобные союзы между китайским двором и соседними правителями заключались по следующей модели: девушка из императорской семьи (как правило, родственницу из младшей ветви императорской семьи или фиктивную специально «удочерённую» для этой цели из числа семей придворных[2]) выдавали замуж за «варварского» владыку, тем самым превратив политического оппонента в породнённого союзника. Типологически этот брак в китайской историографии назывался «уход из дворца» (出朝廷). Богатое приданое невесты, впрочем, как и саму девушку, можно было считать либо выплатой дани-приданого, компенсацией за «фиктивность» невесты, либо «даром» семье жениха, если принять во внимание высокородный статус невесты. С точки зрения китайской стратегии эта политическая практика чаще всего применялась под давлением обстоятельств, когда одна из сторон во избежание военного разрешения конфликта предпочитала заключить прагматичное примирение. Последовавшие китайские и некитайские династии Китая с разной периодичностью также прибегали к альянсным бракам со своими соседями: начиная с династии Хань по конец правления династии Тан всего было заключено более шестидесяти подобных союзов [19]. При этом, по подсчётам авторитетной исследовательницы Дженнифер Холмгрен, некитайские династии[3] чаще прибегали к заключению альянсных браков со своими соседями, делая важный вывод, что «договоры мира и родства» были больше характерны для отношений между кочевым народами Центральной Азии, нежели китайцами, и что китайцы лишь адаптировали практику центрально азиатских народов для своих целей [16]. Пан Ихун также согласен с центральноазиатским происхождением практики «договора мира и родства», уточняя, что китайцы взяли её на вооружение, подметив одну особенность социального устройства хуннов, а именно – более самостоятельную роль женщины в семейных отношениях и право жён/вдов их правителей участвовать в выборе наследника [19, с. 124]. Китайская принцесса в роли супруги/одной из супруг степного правителя становилась не только источником китайского влияния при его дворе, а также «глазами и ушами» империи.

Тип брака «во дворец», или привод невестки в императорскую семью. Браки второго типа, связанные с «приходом во дворец» (进朝廷) родовитой невестки из числа влиятельных/правящих семей соседних народов в императорскую семью, встречаются в династийной истории Китая гораздо реже, чем альянсные браки первого типа. Пан Ихун приводит в пример первый подобный брак между Танской династией и Уйгурским каганатом в 750 году, когда принц из правящего дома Ли взял в жёны родственницу уйгурского кагана, специально удочерённую для этой цели. Политическая необходимость в заключении подобного альянса диктовалась задачей создания военного альянса танского двора с уйгурами для подавления восстания Ань Лушана, угрожавшего правлению династию Тан.

В истории маньчжурской династии Цин также были широко распространены альянсные браки с монголами и китайцами, особенно в период активных завоевательных кампаний, однако среди более чем шести ста альянсных браков лишь 163 являлись браками второго типа с приводом монгольской невестки (чаще всего из южномонгольских княжеств) в жёны мужчинам правящего рода Айсингиоро [8]. Такое большое количество альянсных браков второго типа (во дворец) объясняется тем, что у маньчжурских пра-

[1] Хуннский Модэ в последующие годы получил в жёны ещё две китайские принцессы (в 192 г. до н. э. и в 176 г. до н. э.) от последующих ханьских императоров. Всего было заключено более десяти браков с хунскими правителями и их соседями усунями [19].

[2] Тайваньский историк Пан Ихун, ссылаясь на династийную историю Ханьшу, считает, что первая китайская принцесса, выданная замуж за Модэ, на самом деле была фиктивной, так как император Лю Бан «не захотел» огорчить свою императрицу Люй, отдав свою родную дочь варварам [19, с. 97].

[3] Некитайские династии Китая: Северная Вэй (династия сяньби, 386–534 гг.), поздняя Тан (государство тюрков-шато, 923–936 гг.), Ляо (государство киданей, 907–1125 гг.), династия Цзинь (государство чжурчженей, 1115–1234 гг.), династия Си Ся (государство тангутов, 990–1227) и династия Юань (государство монголов, 1260–1368 гг.).

вителей, впрочем как и у кочевой аристократии центральноазиатских народов, была распространена полигиния (многожёнство), когда все жёны имели практически равный статус. Набор жён маньчжурских правителей отражал широкий круг союзников, в альянсе с которыми на определённых этапах нуждались маньчжуры. Так, на этапе объединения чжурчженских племён у Нурхаци из 14 жён – 12 было из числа различных чжурчженских родов, 5 – из хорчинских родов южных монголов, как соседствующей территориальной группы [11]. У Абахая (Хунтайчжи девизы правления Тяньцун с 1626–1636 гг. и Чундэ – с 1636–1643 гг.) на этапе основания маньчжурской государственности из 9 жён – 6 были монголки, что отражало широкий военный альянс с южными монголами на этапе первых завоеваний на территории собственно Китая.

С началом военных действий с армией династии Мин и ростом китайских солдат в знаменной армии маньчжуров, объединённых в специальные «зелёные» знамёна, император Фулинь (девиз правления Шуньчжи 1643–1661 гг.) велит разрешить браки между маньчжурками и знаменными китайцами, равно как и браки знаменных маньчжуров с китаянками из числа китайских знаменных войск [22]. Следуя своему указу, Фулинь, сам, будучи рождённым от монгольской матери, к имеющимся 32 жёнам (из которых девять были монголки) взял в жёны ещё двух китаянок из семей высокопоставленных китайских генералов, перешедших на сторону маньчжуров. На этапе административного обустройства империи, нуждаясь в поддержке китайской бюрократической элиты, император Сюанье (девиз правления Канси 1661–1722 гг.) взял к себе в покои дочь высокопоставленного китайского чиновника Ван Гуочжена в дополнение к маньчжурским и монгольским жёнам, коих у него было две из рода хорчин. Впрочем, время широких альянсных браков вскоре подошло к концу, и с середины XVIII века император Хунли (девиз правления Цянлун) запретил вначале браки с приводом китайской невестки в род Айсингиоро, а затем и браки маньчжурок с китайскими знаменными военнослужащими во избежание «разбавления» маньчжурской крови, пытаясь сохранить свой народ в «исконном маньчжурском образе жизни», – Марк Элиот назвал эту этнозащитную политику “The Old Manchu Way”. Однако среди эндогамных браков – внутри своей группы близких маньчжурских родов – браки с монголками как народа, похожего по образу жизни на «исконный маньчжурский образ жизни» всё ещё практиковались, но их стало гораздо меньше. Начиная с императора Хунли, у всех последующих императоров было лишь по одной монгольской жене[1].

Дискуссия о родстве, многожёнстве и престолонаследии. Явная диспропорция между количеством альянсных браков первого и второго типа в отношениях степных народов с императорским двором, когда императоры на китайском троне избегали брать «степных» жён, предпочитая отдавать своих родственниц замуж за степных правителей, пожалуй, можно объяснить разными представлениями о родстве и престолонаследии у китайцев и у степных народов. И кочевые народы, и китайцы в целом придерживались патрилинейной системы родства, когда счёт родства вёлся от отца к сыну по нисходящей линии *(patrilineal descent line*[2]*)*, однако в патрилинейной преемственности существовали свои особенности. К примеру, в Китае по патрилинейному первородству основным наследником становился старший сын, рождённый в моногамном браке. Другие женщины семьи из числа наложниц и служанок не имели статуса законной жены и были лишены многих имущественных и наследных прав. Императорская семья также придерживалась моногамной модели семьи, когда императрица могла быть только одна. Вторая императрица могла появиться только в случае бесплодия первой жены, однако второй брак не умалял статуса первой жены. Все дети, рождённые от других женщин императора, должны были почитать императрицу как свою мать. По этой системе только первый сын от императрицы мог претендовать на престол, а сыновья от наложниц и служанок имели меньше прав на наследование, а порой и просто исключались из списка кандидатов на престол ввиду низкого статуса матери. Поэтому китайские правители, как правило, не могли брать в жёны дочерей степных правителей, так как были уже женаты и не могли представить в роли законного наследника сына, рождённого от смешанного брака. Тот, практически единственный случай, когда принц из правящего дома Ли династии Тан взял в жёны родственницу уйгурского кагана в 750 году, был допустим, так как этот принц не был из числа

[1] Бао Юйчжу [7, с. 138].

[2] Patrilineal descent line прослеживает принадлежность к родовой группе по отцовской линии, когда членство в родовой группе передаётся через родовые связи по мужской линии. В социальной антропологии теория десцента стала одним из методов изучения структур родства у разных народов и правил поселения, правил наследования имущества и преемственности наследственного статуса и титута – вождя, короля и т. д.

претендентов на престол и был практически «фиктивным» принцем, равно как и его уйгурская невеста была «фиктивной» принцессой.

У степных народов при той же патрилинейной системе наследования от отца к сыну существовала одна особенность – наследный титул правителя (хана, кагана и т. д.) передавался не обязательно старшему сыну, но самому способному из сыновей, невзирая на старшинство по рождению и статус матери потенциального наследника – была ли она женой, наложницей или служанкой при дворе. Поэтому разница в статусах женщин гарема была минимальной, и эти отношения можно назвать как полигамные. Сын каждой из этих женщин, невзирая на их статус (жены, наложницы или служанки), мог стать правителем и возвеличить свою мать. Например, престолонаследником Нурхаци по его выбору стал его восьмой сын Абахай. Такая форма престолонаследия хотя и порождала соперничество между сыновьями, доводившее порой до братоубийства, но она обеспечивала переход власти в руки самого сильного и деятельного претендента, способного быть харизматичным вождём, порой даже в обход мнения отца. К примеру, у императора Сюанье было 25 сыновей от жён, наложниц и служанок, и при жизни он выбрал семерых из них в качестве потенциальных преемников. В конце концов, он сделал выбор в пользу четвёртого сына Инчжена (девиз правления Юнчжен 1678–1735 гг.), который практически всё время провёл в военных походах, был далёк от дворцовых интриг между наследниками и даже не считался любимым сыном [20].

По системе родства многих кочевых народов Внутренней Азии представители одной родовой группы регулярно обмениваются женщинами в качестве дара с другими группами. Это могли быть родственные, соседствующие территориальные группы или политические союзники, а обмен женщинами мог носить временный характер или постоянный характер, когда одна родовая группа/народ становилась «родом, дающим невест», а другая родовая группа «родом женихов», как у тунгусов Маньчжурии, судя по описанию Сергея Широкогорова [21]. Французский антрополог Леви Стросс назвал эту систему родства теорией альянсов *(alliance theory)*, когда мужчины одной родовой группы во избежание инцеста (женитьба на сестре) обменивают женщин своей родовой группы на женщин другого рода, тем самым вступая в реципрокные *(reciprocal)* взаимообменные связи с другим родом. Леви Стросс заметил, что «обменным союзам» сопутствует иерархия в статусах, когда группа, «дающая жён», оказывается выше тех, кто жён принимает, или наоборот [17]. Так, у некоторых народов, практикующих передачу калыма, зачастую зять вступал в долговые отношения и должен был отработать калым родителям невесты, перейдя к ним в услужение[1].

В случае с альянсными браками маньчжуров и монголов, когда монголы чаще становились «зятьями», подобные браки фиксировали их зависимое положение от маньчжуров [12; 15]. Новая социальная группа «зятьёв» из числа монгольской военной знаменной элиты женатых на знатных маньчжурках на службе маньчжурского императора получила название *тавнан*, или *эфу* (额驸). Несмотря на то, что маньчжурки выходили замуж (из дворца) и покидали императорский двор, они всё равно пожизненно оставались членами семьи Айсингиоро с сохранением высокого титула и, пожалуй, самого главного – прежнего денежного довольствия, выплачиваемого Дворцовым управлением. Мало того, дети, рождённые от подобного брака, также становились членами императорской семьи – родственников по линии матери. Это приводило к усилению рода матери и большому влиянию мужчин рода матери (монг.-маньчж. *нагасанар*), связанному с обязательствами и привилегиями дяди с материнской стороны и его высоким статусом по отношению к сестриным детям, что в социальной антропологии получило название «авункулатные отношения» [6; 18]. Это в целом не противоречило законам маньчжурского и монгольского патрилинейного родства, так как обычно счёт родства ведётся билатерально (родство по линии матери и отца), но отпрыски *тавнанов* испытывали чрезмерно большое влияние и покровительство своих *нагасанар* – мужчин рода своих маньчжурских матерей.

По всей видимости, именно разные нормы престолонаследия в патрилинейном родстве стали причиной дисбаланса в альянсных браках между браками типа «приход во дворец» и «уход из дворца» между китайским двором и степными правителями. Китайцы обращали внимание в родстве на патрили-

[1] Классическим примером подобного рода статусной иерархии в альянсном браке считаются бирманские горные качины, которых изучал Эдмунд Лич. Их брачная система подразумевала, что родовая группа, предоставлявшая жену (mayu), была выше статусом, чем родовые группы, получавшие жену (dama). И эта связь подтверждалась тем, что калым нужно было «выплачивать» в течение многих лет. Мужчина, следовательно, имел более низкий статус, чем его тесть и тёща, что выражалось в продолжительных долговых отношениях [18].

нейную преемственность и иерархию родства, а степные народы видели брак как один из методов построения широких горизонтальных связей и коалиций в дополнение к практике ритуального родства – «побратимства» (*аньда*). Поэтому, видимо, хунны и другие степные народы не придавали особого значения тому, являлась ли китайская принцесса настоящей или фиктивной, для них факт обмена женщинами состоялся, в результате которого китайский император стал породнённым побратимом и вступил в реципрокные *(reciprocal)* взаимообменные отношения. Однако, когда хунну хотели продолжить обмен женами и предложить своих женщин китайскому двору, китайский двор, как правило, отказывал. Джанет Холмгерн даёт много примеров из истории раннего Китая в отношениях не только с хуннами, но и Вьетнамом и Кореей, когда брак «привода невестки во дворец» обсуждался дипломатически, но никогда не свершался [16].

Заключение. Китайцы адаптировали практику альянсных браков центрально азиатских народов для нейтрализации кочевников на северных границах своей империи, однако они использовали альянсный брак лишь в случаях, когда это не противоречило китайскому праву первородного наследства по патриархальной линии. Степные народы, напротив, использовали брачные альянсы для построения широких коалиций и военно-политических союзов. Именно поэтому китайские источники зафиксировали наибольшее количество альянсных браков первого и второго типа именно в периоды правления некитайских «варварских» династий на китайском престоле. Альянсные браки, получившие наибольшее распространение в период правления последней династии Цин, широко использовались маньчжурами для построения империи как полиэтничного государства и стабилизации маньчжурского господства в империи с помощью военной и бюрократической элиты монголов и китайцев. Маньчжурские императоры создали и управляли полиэтническим государством, огромной империей с протяжёнными окраинными землями и пограничными территориями и не могли бы справиться с этой задачей без опоры на местные народы, ради сотрудничества с которыми и заключались и брачные союзы.

Список литературы

1. Гумилёв Л. Н. Хунны в Китае: три века войны Китая со степными народами. М.: Наука, 1974. 260 с.
2. Их цааз (Великое уложение). Памятник монгольского феодального права XVII в. / транслит., пер., введ. и коммент. С. Д. Дылыкова. М.: Наука, 1981. 148 с.
3. Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос на пороге средних веков. М.: Наука, 1979. 328 с.
4. Кычанов Е. И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М.: Вост. лит., 1997. 321 с.
5. Материалы по истории кочевых народов в Китае III–V вв. Вып. 1. Сюнну / пер., предисл. и коммент. В. С. Таскина. М.: Наука, 1989. 297 с.
6. Намсараева С. Б. Кто такие «Русский нагаса» и «монгольский зээ»: аванкулат как метафора для выражения социального родства и неравенства у бурят // Tartaria Magna. 2012. № 2. С. 98–127.
7. Бао Юйчжу (монг. Хасыбагэнь). Циндай мэнгуцзу шэхуэй чжуаньсин цзи юйянь цзяоюй.寶玉柱。清代蒙古族社會轉型及語言教育。= Изменения в монгольском обществе в период правления династии Цин и языковая политика по отношению к монгольскому языку. Пекин: Миньцзу, 2003. 517 с.
8. Ду Цзяцзи. Цинчао Мань-Мэн ляньинь янцзю. 杜家骥。清朝满蒙联姻研究。Маньчжуро-Монгольские брачные альянсы периода правления династии Цин. Пекин: Жэньмин, 2000. 702 с.
9. Сыма Цянь. Ши цзи. Исторические записки [Электронный ресурс] / пер. В. С.Таскина // Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). М.: Наука, 1968. Вып. 1. 177 с. Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/I/Syma_Tsjan/Mat_sunnu_1/pril3.phtml (дата обращения: 10.02.2018).
10. Хэ Бэньфан. Чжунго гунтин чжиши цидянь. 何 本方。 中国 宫廷 知识 词典。= Энциклопедия дворцовой жизни Китая. Пекин: Чжунго гоцзи гуанбо, 1989. 1186 с.
11. Цюй Миндэ. Чжунго гудай хэцинь ши. 崔明德. 中国古代和亲史。= История браков хэцинь в древнем Китае. Пекин: Жэньминь, 2005. 782 с.
12. Bulag U. The Mongols at China's Edge: History and the Politics of National Unity. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2002. 320 p.
13. Cosmo N. Ancient China and Its Enemies: The Rise of Nomadic Power in East Asian History. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 380 p.
14. Cosmo N. & Dalizhabu B. Manchu-Mongol Relations on the Eve of the Qing Conquest: A Documentary History. Brill, 2003. 246 p.
15. Jagchid S. Mongolian Manchu Intermarriage in the Ch'ing Period // Zentralasiatische Studien des Seminars für Sprach- und Kulturwissenschaft Zentralasiens der Universität Bonn. 1986. No. 19. Pp. 68–87.

16. Holmgren J. Imperial Marriage in the Native Chinese and Non-Han State, Han to Ming/ Rubie Watson & Patricia Buckley Ebrey [eds]. Marriage and Inequality in Chinese Society. Berkeley: University of California Press, 1991. Pp. 58–96.

17. Lévi-Strauss C. The Elementary Structures of Kinship / ed. R. Needham; transl. J. H. Bell, J. R. von Sturmer & R. Needham. Boston: Beacon Press, 1949 [1969]. 586 p.

18. Lich E. Concerning Trobriand Clans and the Kinship Category 'Tabu'. 1958 [2004] / Parkin & Stone [eds.] // Kinship and family. Oxford: Blackwell, 2004. Pp. 158–75.

19. Pan Yihong. Marriage Alliances and Chinese Princesses in International Politics from Han through T'ang // Asia Major. 1997. 3rd Series. Vol. 10, No. 1/2. Pp. 95–131.

20. Rawsky E. S. Qing Imperial marriage and Problems of Rulership/ Rubie Watson & Patricia Buckley Ebrey [eds] // Marriage and Inequality in Chinese Society. California: University of California Press, 1991. Pp. 170–203.

21. Shirokogoroff S. Psychomental complex of the Tungus. Berlin: Schletzer, 1935 [1999].

22. Wang Sh. Qing Imperial Women: Empresses, Concubines and Asin Gioro Daughters / Anne Walthall [eds.] // Servants of The Dynasty: Palace Women in World History. University of California Press. Berkley; Los Angeles; London, 2008. Pp. 137–158.

23. Yue Du, Legal Justice in Eighteenth-Century Mongolia: Gender, Ethnicity, and Politics in the Manchu-Mongol Marriage Alliance // Late Imperial China. 2016. Vol. 37. Pp. 1–40.

Статья поступила в редакцию 24.02.2018; принята к публикации 20.03.2018

Библиографическое описание статьи

Намсараева С. Б. «Договор мира и родства»: о типах альянсных брачных союзов Цинского двора с монголами и китайцами // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 4. С. 158–165. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-158-165.

Sayana B. Namsaraeva,
Candidate of History, Associate Professor,
Mongolia & Inner Asia Studies Unit,
Department of Social Anthropology
(The Mond Building, Free School Lane
Cambridge, CB2 3RF, UK),
e-mail: sn444@cam.ac.uk

Typology of *Heqin* Marriage Alliances: Manchu-Chinese and Manchu-Mongol Marriages during the Qing Dynasty

Marriage relations involve various types of arranged marriages, among which the so-called heqin marriage alliances refer to historical practice of building peaceful relations between China and neighboring Inner Asian states through the marriage. My contribution considers not only marriage alliances between the ruling of Manchu's Qing Dynasty (1644–1911) with the Mongols and the Chinese, but also suggests an analytical frame to systematize these marriages into two groups as "brides giving" and "brides receiving" marriage alliances to show a vivid unbalance in numbers between these types of marriages. To explain this unbalance, I use research methods developed by social anthropology, namely descent theory and alliance theory, to show ambiguity of kin relatedness, kinship hierarchy and inheritance rights in Chinese, Mongolian and Manchu-Tungus kinship. This analysis undermines a widespread view of Chinese origin of the *heqin* marriages in favor of Inner Asian origin of marriage alliances strategy.

Keywords: *heqin* marriage alliances, Qing Dynasty, Manchu-Mongol and Manchu-Chinese marriages, anthropology of kinship, alliance theory by Claude Lévi-Strauss

References

1. Gumilev, L. N. The Huns in China: The Three Centuries of China's Wars with the Huns. Moscow: Nauka, 1974. (In Rus.)

2. Ikh Tsaaz (The Great Code). Literature monument of the Mongol Feudal Law of the 17th century / S. D. Dylykov (transliteration, translation, introduction and comments) Moscow: Nauka, 1981. (In Rus.)

3. Kryukov, M. B., Malyavin, Sofronov, M. V. The Chinese on the edge of the Middle Ages. Moscow: Nauka, 1979. (In Rus.)

4. Kychanov, E. I. Nomadic states from the Huns to the Manchus. Moscow: Oriental Literature, 1997. (In Rus.)

5. Documental History of Nomadic peoples in China from the 3rd–5th centuries. Issue 1. The Huns / V. S. Taskin (ed., translation and comments). Moscow: Nauka, 1989. (In Rus.)

6. Namsaraeva, S. B. Who are a ‘Russian nagasa’ and a “Mongol zee’?: Metaphorical use of avancular terminology among Buryats to express social inequality and relatedness. Tartaria Magna, no. 2, pp. 98–127, 2012. (In Rus.)

7. 寶玉柱。清代蒙古族社會轉型及語言教育。Bao Yuzhu. Research on changes in Mongolian society and language teaching during the Qing. Beijing: Minzu chubanshe, 2003. (In Chin.)

8. 杜家骥。清朝满蒙联姻研究。Manchu-Mongol alliance marriages. Beijing: Renmin chubanshe, 2000. (In Chin.)

9. Sima Qian. Shi ji. [Historical Records]. In V.S.Taskin (ed., translation). Documental History of the Huns based on Chinese sources. Issue 1. Moscow: Nauka, 1968. Web. 10.04.2018. http:// www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/I/Syma_Tsjan/Mat_sunnu_1/pril3.phtml on. (In Chin.)

10. 何 本方。 中国 宫廷 知识 词典. He Benfang. Encyclopedia of the Imperial Palace Life. Beijing: Zhungguo guoji guangbo chubanshe, 1989. (In Chin.)

11. 崔明德. 中国古代和亲史. Qui Minde. History of hegin marriages in Ancient China. Beijing: Renmin chubanshe, 2005. (In Chin.)

12. Bulag, U. The Mongols at China’s Edge: History and the Politics of National Unity. Rowman & Littlefield Publishers, 2002. (In Engl.)

13. Cosmo, N. Ancient China and Its Enemies: The Rise of Nomadic Power in East Asian History. Cambridge University Press, 2004. (In Engl.)

14. Cosmo, Nicola & Dalizhabu Bao. Manchu-Mongol Relations on the Eve of the Qing Conquest: A Documentary History. Brill, 2003. (In Engl.)

15. Jagchid, Sechin. Mongolian Manchu Intermarriage in the Ch’ing Period. Zentralasiatische Studien des Seminars für Sprach- und Kulturwissenschaft Zentralasiens der Universität Bonn 19, pp. 68–87, 1986. (In Engl.)

16. Holmgren, Jennifer. Imperial Marriage in the Native Chinese and Non-Han State, Han to Ming in Rubie Watson & Patricia Buckley Ebrey (eds). Marriage and Inequality in Chinese Society. Berkeley: University of California Press, 1991: 58–96. (In Engl.)

17. Lévi-Strauss, Claude. The Elementary Structures of Kinship. (Ed. R. Needham, transl. J. H. Bell, J. R. von Sturmer & R. Needham.) Boston (MA): Beacon Press. 1949 [1969]. (In Engl.)

18. Lich, E. Concerning Trobriand Clans and the Kinship Category ‘Tabu’. 1958 [2004] In Parkin & Stone (eds.) Kinship and family/ Parkin & Stone (eds.). Oxford: Blackwell, 2004:158–75. (In Engl.)

19. Pan Yihong. Marriage Alliances and Chinese Princesses in International Politics from Han through T’ang. Asia Major, 3rd Series, vol. 10, no.1/2, pp. 95–131, 1997. (In Engl.)

20. Rawsky, Evelyn S. Qing Imperial marriage and Problems of Rulership in Rubie Watson & Patricia Buckley Ebrey (eds). Marriage and Inequality in Chinese Society. University of California Press, 1991: 170 – 203. (In Engl.)

21. Shirokogoroff S. Psychomental complex of the Tungus. Berlin: Schletzer, 1935 [1999]. (In Engl.)

22. Wang, Shuo. Qing Imperial Women: Empresses, Concubines and Asin Gioro Daughters in Anne Walthall (ed.) Servants of The Dynasty: Palace Women in World History. University of California Press: Berkley, Los Angeles, London, 2008: 137- 158. (In Engl.)

23. Yue Du. Legal Justice in Eighteenth-Century Mongolia: Gender, Ethnicity, and Politics in the Manchu-Mongol Marriage Alliance. Late Imperial China, Volume 37 (2), 2016: 1–40. (In Engl.)

Received: February 24, 2018; accepted for publication March 20, 2018

Reference to the article

Namsaraeva S. B. Typology of Heqin Marriage Alliances: Manchu-Chinese and Manchu-Mongol Marriages during the Qing Dynasty // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 4. PP. 158–165. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-158-165.

http://www.zabvektor.com ISSN 2542-0038 (Online) ISSN 1996-7853

УДК 930.85(571.540+73/76 (571.54)
DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-166-170

Елена Гармажаповна Санжиева,
кандидат исторических наук,
Восточно-Сибирский государственный
институт культуры
(670031, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 1),
e-mail:elena_sanzhieva@mail.ru

Изобразительное искусство в культуре Бурятии второй половины 1940-х и 1950-х годов

В статье рассматривается развитие изобразительного и декоративно-прикладного искусства Бурятии во второй половине 1940-х и в 1950-е годы. В последние годы появился ряд работ историков, искусствоведов, культурологов, позволивших раскрыть данную тему с позиций междисциплинарного подхода. Кроме того, прошедшие юбилейные выставки художников и скульпторов дали возможность ввести в научный оборот новые факты их деятельности. Изобразительное искусство национальной республики в послевоенные и 1950-е годы динамично развивалось и отражало духовное содержание советской эпохи с насущными задачами и проблемами общества в целом и индивидуальные особенности отдельно взятого человека. В рассматриваемый период шёл процесс становления бурятской советской культуры как культуры нации на собственно социалистической основе (формирование её происходило в предшествующий период). В условиях «оттепели» сложились более благоприятные условия для творчества, ставшего многогранным и плодотворным. Профессиональное изобразительное искусство к концу 1950-х годов достигло уровня зрелости, стало неотъемлемой составляющей национальной культуры, одним из факторов её дальнейшего развития, а в настоящее время произведения изобразительного искусства приобрели ещё и документально-информационную, историческую ценность.

Ключевые слова: история культуры, изобразительное искусство, Бурят-Монгольская АССР, факторы развития, темы войны и труда

Введение. Нарастающие тенденции глобализации создают реальную угрозу стирания локальных культурных особенностей. Научная проблематика рассмотрения изобразительного искусства национальных республик, творчества отдельных художников в контексте истории региональной культуры в настоящее время весьма актуальна.

В означенный период для изобразительного искусства Бурятии стало характерным развитие видового и жанрового многообразия (в графике: книжная иллюстрация, плакат, карикатура; в скульптуре: монументальная, декоративная, скульптура малых форм; в живописи: портрет, пейзаж, натюрморт и др.), повышение творческой активности мастеров, рост их профессионального уровня. Большую роль в организации их деятельности и приобщении населения к культурным ценностям играли Союз художников БМ АССР и государственный художественный музей в Улан-Удэ, открытие которого для посетителей состоялось в январе 1946 года. Музейная коллекция к 15 июня 1945 года насчитывала более 500 произведений живописи, графики, скульптуры, изделий из фарфора, керамики, художественного литья и др. Основу фондов музея составили произведения бурятских художников и другие экспонаты, находившиеся на хранении и в фондах Историко-краеведческого, Антирелигиозного, а также Кяхтинского музеев и в Доме народного творчества. Через Всесоюзный комитет по делам искусств при СНК СССР они были безвозмездно переданы новому музею.

Методология и методы исследования. В статье применён междисциплинарный подход к рассмотрению истории изобразительного искусства и творчества бурятских живописцев, скульпторов в советский период. Использованы нарративный и историко-культурный методы. В основу исследования легли основополагающие принципы исторической науки: объективизм и историзм.

Результаты исследования и их обсуждение. Изобразительное и декоративно-прикладное искусство Бурятии второй половины 1940-х и 1950-х годов и творчество художников и скульпторов республики представляют в настоящее время региональное культурное наследие советского периода. В 1950 году в Улан-Удэ на межобластном совещании работников изобразительного искусства было оценено его состояние в регионе и задачи дальнейшего развития. Тогда же была организована выставка работ художников Восточной Сибири и Дальнего Востока. Союз художников БМ АССР и музей изобразительных

© Санжиева Е. Г., 2018

искусств ежегодно практиковали отчётные выставки работ художников, проводили передвижные выставки в районах [6]. Итоги проделанной работы подводились на пленумах Союза художников БМ АССР. В частности, была выявлена тенденция к приукрашиванию жизни, проявление инертности и поверхностности в художественном мышлении, подчёркивалась необходимость нового восприятия и отражения жизненных явлений, событий и фактов, перемен в творческой деятельности. Надо отметить, что на протяжении всего советского периода в целом и рассмотренного в частности, как организаторская, так и исполнительская сферы деятельности были пронизаны идеологической направленностью.

Конечно же, в центре внимания художников находилась современная жизнь Бурятии с её ценностными установками на мирное созидание, повышение общественно-политической активности трудящихся. Будням колхозников посвящены картины М. Шестаковой «Хлебоуборка», Е. Неволиной «Сеноуборка» и «Песня мира», Г. Павлова «Заседание айкома ВКП(б)» и «В день выборов»; труд отважных первопроходцев отобразили Н. Голованов («Там, где была тайга») и В. Гончар («Приехали на целину» и «Сквозь тайгу»). Рыбакам Байкала и знатному шахтёру Унтонову посвящены полотна А. Тимина. С середины 50-х годов в живописи наметился поиск путей отображения связей с повседневной жизнью человека. Это видно в картинах К. Сергеева «В степях Бурятии», Г. Рудя «Байкальская новь», М. Воробьева «Весна в Селенгинске». Аксиология художественного творчества послевоенных лет и 1950-х годов прежде всего базировалась на ставших традиционными в советский период нравственно-эстетических категориях.

Широкое развитие получил портретный жанр. Примечательно, что большое количество портретов посвящено деятелям искусства и литературы: А. Канину, Г. Цыдынжапову, Б. Балдакову, Х. Намсараеву, (работы А. Тимина), Ц. Сампилову (работа Г. Павлова), и теперь они имеют особую ценность [6, с. 62].

Большое место в творчестве художников занимал пейзаж. В картинах Ц. Сампилова «Серый день», «В долине Жаргалантуя», Р. Мэрдыгеева «Шум в Саянах», «Огни Байкала», «На Гусином озере», «Баян-тала», «Колхоз», А. Окладникова «Буран», К. Сергеева «Мунко Саридак», «Байкал. У Святого носа» и «В степях Бурятии» проявились новые грани их развивавшегося таланта. Оригинальным изображением пейзажа запоминаются работы молодых в то время художников Г. Баженова «Родные мелодии» и Э. Аюшеева «Былое», а также «Проводы невесты» Д. Дугарова [7, с. 90–91]. По мнению искусствоведа И. И. Соктоевой, «в художественных произведениях получают своё воплощение как значительные события современности и истории, так и неповторимая красота природы и своеобразие быта народов, издавна населяющих обширную территорию Прибайкалья и Забайкалья» [8, с. 121].

Иллюстрации Г. Москалева к роману Г. Маркова «Строговы» и «Повести о директоре МТС» примыкают к традиционному жанрово-повествовательному направлению. Диапазон творчества А. Сахаровской был весьма широк и разнообразен: от портретных набросков в акварели и туши до книжных иллюстраций и плакатов. Особенно были отмечены современниками и специалистами иллюстрации А. Сахаровской к роману Х. Намсараева «На утренней заре». Следует отметить графические рисунки Ц. Сампилова, Г. Павлова, А. Окладникова, Ф. Балдаева к изданию героического эпоса бурят «Гэсэр» [2, с. 63].

Одной из главных в послевоенные и 1950-е годы была тема войны. А. Тимин посвятил полотна подвигу Героя Советского Союза Г. А. Гармаева и выступлению артистов на фронте, примечательна работа Шестаковой «Рассказ фронтовика». Мастерски исполнена картина Е. Неволиной «Концерт в госпитале». Большие многофигурные композиции использовали в своих картинах, посвящённых разгрому Квантунской армии Японии, А. Окладников («Переход через хребет Большой Хинган») и Г. Павлов («Вступление советских войск в Чифын»)[1].

Создание новых произведений, отражающих тему зарождения дружеских отношений бурят и русских, было приурочено к празднованию 300-летия присоединения Бурятии к России. Таковы картины А. Тимина «У истоков дружбы», В. Гончара «Впервые», К. Дульбеева «Доржи Банзаров у Бестужева» и др.

Большое значение для развития изобразительного искусства имело появление интересных скульптурных произведений, в том числе малых форм, Л. Е. Гергесова, Д. К. Никорова, которые работали с местными породами камня. Л. Е. Гергесов в 1958–1961 годах

[1] Из справки Правления Союза советских художников БМ АССР о работе за 1948–1952 гг. // Культурное строительство в Бурятской АССР (1917–1981): документы и материалы. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1983. – С. 291–292.

учился на художника-прикладника по камню, металлу и литью на Каслинском заводе художественного чугунного литья, в Уральской камнерезной артели, на заводе художественной обработки камня в г. Кунгур и на Сведловском заводе «Русские самоцветы». Им созданы первые произведения из камня и металла (литьё) в Советской Бурятии. К их числу относится «Хурист». Эта небольшая статуэтка изображает бурятского музыканта и певца, играющего на национальном смычковом инструменте – хуре. Она вырезана из камня. Музыкант сидит, поджав ноги. На нём длинный халат. Левая рука лежит на грифе, в правой он держит смычок. Статуэтка очень выразительно передаёт образ старого музыканта. Л. С. Давыдов вырезал из тёмного камня скульптуру «Як», а Л. Е. Гергесов – фигуру «Сакманщица» (светлый камень). Обе статуэтки были экспонированы на выставке 1959 года в Москве. С. Бадеев вырезал из дерева две статуэтки: одна изображает бурята, вторая – бурятку, они запечатлены в старинной национальной одежде» [4, с. 23–24].

Со второй половины 1950-х годов Министерством культуры были приняты меры к возрождению народных художественных промыслов. Особенно интенсивной стала работа в связи с подготовкой к предстоящей в 1959 году второй Декаде искусства и литературы Бурятии в Москве. Поскольку к этому времени многие мастера, участвовавшие в I декаде, ушли из жизни, в районах республики собирались сведения о народных умельцах и о тех, кто продолжает дело прежних мастеров. Им была предоставлена возможность работать при Союзе художников, получать советы профессионалов. В результате творческого содружества удалось создать целый ряд прекрасных работ: деревянные сосуды и шкатулки с накладными узорными пластинками из металла, ювелирные изделия, смоделированные по форме и в соответствии с характером декора. Мы разделяем выводы П. С. Гуляева о том, что «декоративно-прикладное искусство наглядно демонстрирует эстетические ценности народной культуры и обладает такими свойствами, как целесообразность, функциональность, востребованность, структурность» [3].

Замечательным мастером резьбы по дереву Г. Ленхобоевым была создана типичная для того периода ваза с гравированными костяными вставками по бокам. Он вырезал немало сосудов из капо-корня, выразительных по силуэту, красивых по текстуре материала. Г. Ленхобоев в течение тридцати пяти лет трудился на локомотиво-вагоноремонтном заводе в качестве рабочего-модельщика и умело сочетал мастерство современного рабочего-рационализатора с народным искусством. Народные мастера из Закамны Д. Логинова и Д. Бадмаев, которым были созданы условия для работы в мастерских Улан-Удэ, сделали большую декоративную вазу «Изобилие» из дерева с гравированными сюжетными вставками. Авторству Долгор Логиновой принадлежат продолговатые бурятские серьги с тонкими серебряными цепочками, завершающимися на концах коническими фигурками – колокольчиками. Д. Бадмаев – автор ряда традиционных изделий: ножей, трубок, хонтулов, гуу [8, с. 119].

Во время второй декады бурятского искусства и литературы в Москве в ноябре 1959 года были подведены итоги развития культуры Бурятии за полтора десятилетия, прошедших после окончания Великой Отечественной войны. В числе художественных достижений продемонстрированы около 400 наиболее интересных и характерных произведений живописи и изделий народных мастеров республики. Специалистами отмечалось, что успех выставки во многом связан с сочетанием опыта художников старшего поколения и интересных начинаний молодёжи, самобытного национального начала и профессиональных достоинств, а также с тематическим и жанровым разнообразием представленных работ.

Е. М. Торонова в своей статье справедливо отмечает: «Богатое содержание художественно-выразительных средств, определяющее сущность творчества мастеров изобразительного искусства Бурятии в разное время, формирует важный структурный компонент в системном познании национальных ценностей бурятского культурного наследия во всём разнообразии его материальных и духовных сторон» [9, с. 145].

Выводы. Таким образом, изобразительное искусство Бурятии второй половины 1940-х и 1950-х годов стало неотъемлемой, важной составляющей истории культуры Бурятии. Несмотря на социальный заказ, отчасти сдерживавший творческие порывы мастеров, Министерство культуры республики, руководство союза художников добивались создания условий для профессионального роста его членов (учёба в ведущих вузах, стажировки, обмен опытом во время выставок), предоставляли творческие мастерские. Значительно вырос к концу рассматриваемого периода творческий диапазон живописцев, выполняв-

ших работы в историческом, батальном, мифологическом, бытовом жанрах, скульпторов (монументальная, декоративная, скульптура малых форм), мастеров декоративно-прикладного искусства. Кроме вышеперечисленных особенностей, изобразительное и декоративно-прикладное искусство Бурятии послевоенных и 1950-х годов отмечено творческим сотрудничеством бурятских и русских деятелей. Многие местные русские художники активно участвовали в создании произведений бурятского национального искусства. Они сумели почувствовать и выразить национальные особенности, душу бурятского народа. Бурятские же художники с самого начала профессиональной деятельности учились у представителей русского искусства, глубоко воспринимали его традиции, затем достижения советской культуры и успешно осваивали метод социалистического реализма. Следует отметить интенсивность и разнообразие проявлений художественного творчества в рассматриваемый период, его эволюцию и влияние на процесс бытования культуры, а историко-культурного контекста – на творческую деятельность.

Список литературы

1. Балдано С. В. Формирование национальной интеллигенции и становление художественной культуры Бурятии (XVIII – начало XX века) // Власть. 2011. № 6. С. 157–160.

2. Бороноева Т. А. Графика Бурятии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. 127 с.

3. Гуляев П. С. Корреляция народной культуры и творчества в декоративно-прикладном искусстве [Электронный ресурс] // Культура: теория и практика: электрон. науч. журн. 2017. Вып. 4. Режим доступа: http://www.theoryofculture.ru (дата обращения: 20.02.2018).

4. Иванов С. В. Современное искусство народов Сибири (скульптура) (краткий очерк) // Советская этнография. 1961. № 1. С. 9–29.

5. Из справки Правления Союза советских художников БМ АССР о работе за 1948–1952 гг. // Культурное строительство в Бурятской АССР (1917–1981): документы и материалы. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1983. С. 291–292.

6. Раднаева Т. Х. Бурятский живописный портрет XX в. в фондах республиканского художественного музея им. Ц. Сампилова // Вестник БГУ. 2009. № 10. С. 61–64.

7. Санжиева Е. Г. Формирование и развитие культуры Бурятии в советский период. Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2008. 214 с.

8. Соктоева И. И. Изобразительное и декоративное искусство Бурятии. Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1988. 160 с.

9. Торонова Е. М. Культурные национальные ценности в изобразительном искусстве бурят // Вестник ВСГУТУ. 2014. № 1. С. 141–145.

10. Цыденова С. Э. Художественный музей как музеефикатор советской культуры (на материале художественного музея им. Ц. Сампилова): автореф. дис. … канд. культурологии: 24.00.03. Улан-Удэ, 2006. 23 с.

11. Цыреннимаева Л. И. Эволюция развития темы Гэсэриады в бурятской графике // Вестник БГУ. 2009. № 10. С. 64–67.

12. Цыренова З. Е. Традиционная культура коренных народов Восточной Сибири в советский период: опыт сохранения и развития: дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02. Улан-Удэ, 2007. 478 с.

13. Широкова А. В. Философское осмысление художественного творчества // Вестник Оренбургского государственного университета. 2008. № 7. С. 97–102.

14. Panofsky E. Meaning in the Visual Arts: Views from the Outside. Princeton, 1995. 394 p.

15. Wallas G. The Art of Thought. New York, 1926. Pp.15–20.

Статья поступила в редакцию 14.04.2018; принята к публикации 10.05.2018

Библиографическое описание статьи

Санжиева Е. Г. Изобразительное искусство в культуре Бурятии второй половины 1940-х и 1950-х годов // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 4. С. 166–170. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-166-170.

Elena G. Sanzhieva,
Candidate of History,
East-Siberian State Institute of Culture
(1 Tereshkovoi st., Ulan-Ude, 670031, Russia),
e-mail: elena_sanzhieva@mail.ru

Fine Art in Culture of Buryatia of the Second Half of the 1940s and the 1950s

The article considers the development of fine, decorative and applied art in Buryatia in the second half of the 1940s-1950s. In recent years, a number of works by historians, art historians, cultural scientists have appeared, which allowed us to reveal this topic from the standpoint of an interdisciplinary approach. In addition, the past jubilee exhibitions of artists and sculptors made it possible to introduce new facts from their activities into scientific circulation. The fine arts of the national republic in the postwar and the 1950s dynamically developed and reflected the spiritual content of the Soviet era with the pressing tasks and problems of society as a whole and the individual characteristics of an individual. During the period under review, the process of formation of Buryat Soviet culture as a culture of the nation on its own socialist basis (its formation occurred in the previous period) was under way. In the time of the "thaw" period, there were more favorable conditions for creativity which was multifaceted and productive. Professional fine art by the end of the 1950s reached the level of maturity and became an integral part of the national culture, one of the factors of its further development, and at present, works of fine art have acquired documentary, information and historical value.

Keywords: history of culture, fine arts, development factors, Buryat-Mongolian ASSR, themes of war and labor, nation's culture

References

1. Baldano, S. V. The formation of national intelligence and establishment of Buryat culture (XVIIIth – beginning of the XXth century). Vlast', no. 6, pp. 157–160, 2011. (In Rus.)
2. Boronoeva, T. A. The graphite of Buryatia. Ulan-Ude, BNTS SO RAN Publ., 1997. (In Rus.)
3. Gulyaev, P. S. Correlation of folk culture and creativity in decorative and applied arts. Culture: theory and practice: electronic journal. Issue: 4 (19) Web. 20.12.2017: http://www.theoryofculture.ru (In Rus.)
4. Ivanov, S. V. Modern art of the peoples of Siberia (sculpture) (Short essay). Soviet Ethnography, no. 1, pp. 9–29, 1961. (In Rus.).
5. From the reference of the Board of the union of Soviet Artists 1948–1952rr. Cultural construction in the Buryat ASSR (1917–1981). Documents and proceedings. Ulan-Ude: publ, 1983. (In Rus.)
6. Radnaeva, T. H. Buryat art portrait of the XXth century in the funds of the republic art museum Ts. Sampilova. Vestnik BGU, no.10, pp. 61–64, 2009. (In Rus.)
7. Sanzhieva, E. G. The formation and development of Buryat culture of the Soviet period. Ulan-Ude, VSGAKI Publ., 2008. (In Rus.)
8. Soktoeva, I. I. Fine and decorative art of Buryatia. Novosibirsk: Nauka, Publ. Sib. Det., 1988. (In Rus.)
9. Toronova, E. M. Cultural national values in the visual arts of the Buryats. Vestnik ESSTU, no. 1, pp. 141–145, 2014. (In Rus.)
10. Tsedenova, S. E. Art museum as a museum of Soviet culture (on the material of the Art muzeum Ts. Sampilova). Cand. cul't. sci.diss. abstr. Ulan-Ude, 2006. (In Rus.)
12. Tsyrenova, Z. E. Traditional culture of indigenous peoples of eastern Siberia in the Soviet period: the preservation of the experience and development. Dr. ist. sci diss. Ulan-Ude, 2007. (In Rus.)
13. Shirokova, A. V. Philosophical comprehension of artistic creativity. Vestnik OGU, no. 7, pp. 97–102, 2008. (In Rus.)
14. Panofsky, E. Meaning in the Visual Arts: Views from the Outside: Princeton, 1995. (In Engl.)
15. Wallas, G. The Art of Thought. N. Y., 1926. (In Engl.)

Received: April 14, 2018; accepted for publication May 10, 2018

Reference to the article
Sanzhieva E. G. Fine Art in Culture of Buryatia of the Second Half of the 1940s and the 1950s // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 4. PP. 166–170. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-166-170.

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ВРЕМЯ

PEOPLE. EVENTS. TIME

УДК 94 (=512.36)
DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-171-176

Оксана Николаевна Полянская,
кандидат исторических наук, доцент,
Бурятский государственный университет
(670000, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина 24а),
e-mail: PolGrab@mail.ru

История и культура монгольских народов в трудах востоковеда В. П. Васильева (1818–1900)[1]

Статья посвящена одному из выдающихся российских учёных-энциклопедистов, стоявших у истоков научной школы востоковедения Василию Павловичу Васильеву, которому, как и его поколению исследователей Востока, был свойственен широкий диапазон изучаемых вопросов: язык восточных народов, история, культура, этнография, религия. 2018 год является юбилейным не только в биографии учёного (200 лет со дня рождения), но и в истории становления научной школы востоковедения в России: в 1818 году был основан Азиатский музей в Санкт-Петербурге, ставший сокровищницей культурного наследия восточных народов. Василий Павлович в большей степени известен как синолог, однако свою научную работу он начал на поприще монголоведения, что не было случайным. Его учителем на долгие годы стал основоположник научного монголоведения О. М. Ковалевский, под его руководством В. П. Васильев изучал монгольский язык, переводил источники с китайского, маньчжурского, которые легли в основу его первых работ по буддизму. В представленной публикации отражены исторические взгляды В. П. Васильева, показана его позиция в отношении народов Востока в XIX веке, в подтверждении которой приведены выдержки из малоизвестных трудов учёного, интересные факты по истории монголов из дневников востоковеда, анализ которых доказывает преемственность традиций научного монголоведения в России, а также позволяет очертить круг основных направлений дальнейшего развития монголоведения.

Ключевые слова: монголоведение, монголы, буддизм, В. П. Васильев, О. М. Ковалевский

Введение. Василий Павлович Васильев является ярким представителем российской научной школы востоковедения, причём его научная деятельность была тесным образом связана с двумя ведущими центрами по изучению Востока – Казанским и Санкт-Петербургским университетами. В Казанском университете он обучался с 1834 по 1839 год по разряду монгольской и татарской словесности. Таким образом, он стал одним из первых выпускников кафедры монгольской филологии, основанной в университете в 1833 году монголоведом Осип Михайловичем Ковалевским (1801–1878), ставшим главным наставником студента В. Васильева. О. М. Ковалевский возглавил кафедру по возвращении из длительной командировки (1828–1833) по кочевьям забайкальских бурят, Монголии и Китаю в составе XI Российской духовной миссии [8]. За время научной командировки, основной целью которой было изучение монгольского языка, он не только блестяще выполнил поставленную перед ним задачу, но и приобрёл бесценную и масштабную коллекцию книг на восточных языках, изучил бытовую и духовную культуру монгольских народов, познакомился с буддизмом [12], сформировал свои основные позиции в отношении восточных народов, базирующиеся на принципах гуманизма. Всё это в дальнейшем станет основополагающими принципами развития монголоведения в России в целом и будет прослеживаться в трудах его учеников, в том числе и В. П. Васильева.

[1] Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 17-01-00209-ОГН «Научное наследие российских востоковедов XIX века: О. М. Ковалевский и В. П. Васильев».

© Полянская О. Н., 2018

Василий Павлович Васильев

Vasily P. Vasiliev

Методология исследования. Объектом нашего исследования является история научной школы монголоведения в России, становление и развитие которой тесным образом связано с исследованиями учёных востоковедческого направления, в частности, для изучения истории монгольских народов многое сделали китаеведы. Изучая язык, они перевели китайские источники, сделав их доступными для историков. Однако многие из них не ограничились только переводами, а создали свои работы по истории и культуре монголов, среди них и синолог В. П. Васильев. Цель нашей работы – проанализировать работы В. П. Васильева в контексте общего развития научного монголоведения.

Результаты исследования. За годы учёбы в Казанском университете В. Васильев под руководством О. М. Ковалевского в соОвершенстве изучил монгольский язык и приобрёл основательные знания по буддийской литературе. Всё это позволило ему подготовить выпускную работу – исследование, входящее в буддийскую каноническую энциклопедию Ганджур, «Дух буддийского сочинения Хутухту Дэгэду Алтан Гэрэлту Судур» («Сутра Золотого блеска»). Так был сделан первый шаг к изучению буддизма. В дальнейшем он продолжил изучение буддийской философии и в 1839 г. защитил магистерскую диссертацию «Об основаниях буддийской философии» [15, с. 97]. «…Работы Василия Павловича были такие, что если бы тогда же были напечатаны, то изучение буддизма двинулось бы сразу по крайней мере на тридцать лет», – написал впоследствии, вспоминая своего учителя, С. Ф. Ольденбург [9]. Первыми научными исследованиями стали работы Васильева, посвящённые буддийской философии, что не было случайностью. О. М. Ковалевский целенаправленно подводил своего студента к изучению буддийских догм, учитывая его способности читать и понимать религию, основываясь на монгольских, тибетских и китайских источниках. Изучение религиозного мировоззрения народов О. М. Ковалевский рассматривал как приоритетное направление в монголоведении, и сам одним из первых стал заниматься философией буддизма, создав первую в Европе работу «Буддийская космология» (1835). Понимание важности изучения религии О. М. Ковалевский передал и своему ученику. В. П. Васильев в предисловии к работе «Религии Востока» [2, с. 1–2] особенно подчёркивал: «Ничто не может так познакомить нас с человеком, как его религия… От неё зависят законодательный, политический и общественный строй, она поселяется в сердце, направляет ум. Точно то же самое мы должны сказать и о религиях крайнего востока… Знакомство с этими религиями до сих пор едва ли выходило из круга лиц, специально изучавших их…» [Там же]. «Кроме того, изучение востока, а, следовательно, и его религии, имеет для нас, русских, особенный интерес; оно возбуждается не простым дилетантством в науке, но и существенною для нас потребностью. Фраза “Призвание России – просвещать восток” не есть пустое выражение. Мы просвещаем его, расширяясь в нём, и нельзя ещё определить границ, где мы остановимся. Нас толкает в Азию неизбежный ход исторических событий, даже против собственной воли» [Там же, с. 3]. Таким образом, и В. П. Васильев вслед за организаторами науки о Востоке в России – М. Н. Мусиным-Пушкиным, Н. И. Лобачевским, О. М. Ковалевским и другими – обозначил практическую направленность развития востоковедения, его непосредственную связь с внешнеполитическими задачами российского государства.

Интересовали В. П. Васильева и такие вопросы, как причины быстрого распространения буддизма среди бурят, роли института ламства в жизни монгольских народов. Вслед за О. М. Ковалевским, который в начале 30-х годов XIX века опубликовал свои наблюдения и ответы на эти вопросы в «Казанском Вестнике» [5], Василий Павлович существенно

расширил представления на этот счёт, с учётом прошедшего времени. «Уже после заключения Кяхтинского трактата, в 1727 г., Саввою Владиславовичем Рагузинским, к бурятам перешли из Монголии 12 лам, и они начали дело обращения инородцев под русским владычеством. Ламы сначала действовали кроткими мерами: они учили калек, людей, считавшихся неспособными у кочевого народа, и, разумеется, было достаточно небольшой грамотности, которая развивает язык, делает краснобаем всякого в среде невежественной толпы, чтобы показать, что буддийская религия способна творить чудеса, сделать из никуда негодных людей – людей достойных» [2, с. 4] – именно это, по мнению востоковеда, являлось одной из главных причин быстрого распространения буддизма. Религия давала знание, появлялись грамотные среди кочевников люди, пусть, возможно, даже и с физическими ограничениями, что ущемляло при кочевом образе жизни, когда физическая сила была приоритетной, такие жёсткие условия кочевой жизни диктовали и жёсткие правила, выполнение которых давало право на жизнь. Ещё одна причина – это последовательная, дальновидная политика лам. «Утвердившись, – далее рассуждал В. П. Васиильев, – ламы приняли другую политику, приобретения влияния между значительными лицами, они начали преследовать шаманов и их приверженцев – грабили, убивали и даже жгли. И это под русским владычеством, против которого все, между тем, кричат, что оно насильно обращает в христианскую веру…» [Там же, с. 4–5]. И как следствие этого – распространение и усиление влияния института лам на бурят, не всегда благотворного. «Известно, что ламайство …всё безбрачное; что чем больше лам, тем, по буддийским понятиям, более процветает религия, то есть народ изнуряется содержанием, развивается безнравственность» [Там же, с. 5]. И здесь монголовед выделяет ещё одну причину быстрого распространения религии: «…наши администраторы, не имея ни малейшего понятия об этой вере, не потрудившись изучить предшествовавшего положения края, дали буддизму такую силу, какою он не пользуется и в своей родине» [2, с. 6].

Актуальным стал вопрос об урегулировании численности буддийского духовенства. В. П. Васильев констатировал, «что начавшее ужасать наше правительство известное ему количество лам собственно было ещё очень мало в сравнении с действительностью; кочевым легко укрываться от счёта». «А между тем, после того как правительство стало принимать меры к ограничению ламства, число монастырей увеличилось» [2, с. 5]. Учёный представляет интересную зарисовку буддийского монастыря: «Что такое ламские монастыри? В Тибете, да и в Монголии – это целые города; иной монастырь содержит до 8000 лам, из которых каждый может иметь свой двор, свою прислугу, богатый – даже свой особенный храм; разумеется, при таком количестве нельзя обойтись без того, чтобы к монастырю, особливо в степях, не примкнули и светские, одни из набожности, другие – в виде купцов, мастеровых и т. п. Знаменитый в Монголии город Урга, с тысячами китайских лавок, есть собственно не что иное, как ставка одного ламы – знаменитого Чжебцзунь-дамба Хутукты» [Там же].

Как и О. М. Ковалевский [10, с. 166], Василий Павлович ратовал за всестороннее и глубокое изучение стран Востока, подчёркивая важность объективного подхода в написании их истории, выступал против противопоставления истории Европы и Азии [6], которое в большей степени формируется от незнания восточных стран. «Мы не имеем настоящего понятия о странах, лежащих на север от великой стены, и смотрим на них в очки прошлого столетия, представляя их дикими, пустынными, заселёнными только кочевыми народами. Между тем немного уже осталось мест, где не бороздит соха земледельца, – монгола ли то, или китайца» [3]. «Вся Восточная Монголия давно уже превратилась в хлебопашественную. Здесь монголы перемешаны почти наполовину с китайцами, которые всё более и более усиливаются и всякими средствами присваивают себе их земли. Здесь много уже городов, населённых ремесленниками, которые требуют туземного хлеба, да и сами монголы питаются только им одним. Излишек хлеба в Западной Монголии перевозится через великую стену, но в восточной свозится в Цзиньчжоу, большой торговый город, стоящий на берегу Жёлтого моря. Это главный рынок для восточных монголов и маньчжуров, несмотря на то, что корабли не могут подходить здесь близко к берегу. Хлеб отправляется отсюда в большом количестве на юг. Правительство не заботится собирать сведения о торговле своих подданных; в самых таможнях нельзя иметь верных сведений иначе, как частно, а в документах показывают всегда самое ограниченное количество, обращая большую часть пошлинного сбора в свой карман.

О количестве хлеба, отправляемого из портов Жёлтого моря на юг, можно судить по

докладу одного юйши, который говорит, что из одного Чжен-чэн, стоящего неподалеку от устья Ля-охэ, ныне отпускается ежегодно хлеба от трёх до четырёх милл[ионов] мешков. Итак, неизвестное почти местечко, куда свозят маньчжурский хлеб, превышает в этом отношении обыкновенный сбыт Одессы или Риги и даже Петербурга. Замечательно, что всё это создалось несмотря на все видимые усилия правительства противиться в последнее время развитию китайского земледелия в Маньчжурии. В прошлом столетии из этого же местечка отправлялось ещё лишь несколько десятков тысяч мешков, а в двадцатых годах нынешнего столетия лишь несколько сот тысяч» [3]. Представленная В. П. Васильевым информация об экономическом развитии современного ему Китая и монголов, подчинённых ему, фактически актуализировала проблему организации практического востоковедческого образования с целью подготовки специалистов, знающих не только язык, но и историю, право, экономику, политику изучаемого государства на современном этапе [13; 14]. Реализация этой задачи начала воплощаться к концу XIX века, когда обострилась внешнеполитическая ситуация в Дальневосточном регионе. В 1899 году во Владивостоке был основан Восточный институт, а затем в 1910 году была открыта Практическая восточная академия в Санкт-Петербурге.

Заключение. Василий Павлович Васильев принадлежит к «старому поколению востоковедов», «поколению, открывшему целый, дотоле неведомый мир, столь отличный от западного, что изучение его часто налагало на мышление исследователей совершенно своеобразный отпечаток. Для того чтобы хоть сколько-нибудь понять этот мир и войти в него, требовалось такое разнообразие и такая широта знаний, что нам и теперь и представить себе трудно, как отдельный человек был в состоянии овладеть таким материалом» [9]. Масштаб личности и творческого наследия В. П. Васильева, его выдающаяся роль в развитии российского китаеведения, монголоведения, маньчжуроведения привлекали внимание как его современников, так и исследователей истории науки более позднего времени [1; 4; 7; 11; 15; 16], однако по сей день нет фундаментальной монографической работы, посвящённой Учёному, Учителю и Человеку.

Список литературы

1. Валеев Р. М. Василий Павлович Васильев. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. 20 с.
2. Васильев В. П. Религии Востока: конфуцианство, буддизм и даосизм. СПб., 1873.
3. Васильев В. П. Выписки из дневника, веденного в Пекине // Русский вестник. 1857. Т. 10.
4. История отечественного востоковедения с середины XIX в. до 1917 г. / под ред. А. А. Вигасина [и др.]. М.: Вост. лит. РАН: Ин-т востоковедения, 1997. 536 с.
5. Ковалевский О. М. О забайкальских бурятах // Казанский вестник. 1829. Ч. 26, кн. 7. С. 230–245; 1830. Ч. 28, кн. 1. С. 66–68.
6. Ковалевский О. М. О знакомстве европейцев с Азией. Речь, произнесённая в торжественном собрании императорского Казанского университета, 8 день августа 1837 [Электронный ресурс]. Казань, 1837. Режим доступа: http://www.orient.rsl.ru/assets/files/food/402-kovalevsky.pdf (дата обращения: 18.02.2018).
7. Куликова А. М. Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в. – 1917 г.). СПб.: Петерб. востоковедение, 1994. 436 с.
8. Монголовед О. М. Ковалевский: биография и наследие (1801–1878) / отв. ред. И. В. Кульганек. Казань: Алма-Лит, 2004. 283 с.
9. Ольденбург С. Ф. Памяти Василия Павловича Васильева // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. СПб., 1900. Т. 12, вып. 4.
10. Полянская О. Н. Исторические взгляды профессора О. М. Ковалевского // Монголовед О. М. Ковалевский: биография и наследие (1801–1878). Казань: Алма-Лит, 2004. С. 165–177.
11. Полянская О. Н. Переписка востоковедов О. М. Ковалевского и В. П. Васильева как источник по истории монголоведения // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. История. 2015. № 7. С. 130–137.
12. Полянская О. Н. О. М. Ковалевский о роли буддизма в жизни монгольских народов первой половины XIX века // Mongolian Buddhism in Practice. 2017. P. 41.
13. Полянская О. Н. Востоковедное образование России в начале XX в.: деятельность А. М. Позднеева по подготовке монголоведов-практиков // Учёные записки ЗабГУ. 2016. Т. 11, № 6. С. 143–148.
14. Полянская О. Н. Восточный институт (Владивосток) – центр практического монголоведения в России начала XX в. // Вестник Бурятского государственного университета. 2016. Вып. 2. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. С. 4–10.
15. Улымжиев Д. Б. Страницы отечественного монголоведения. Казанская школа монголоведов. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1994. 107 с.

16. Шастина Н. П. В. П. Васильев как монголовед // Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Улан-Удэ, 1970. Вып. 4. С.12–17.

Статья поступила в редакцию 24.04.2018; принята к публикации 20.05.2018

Библиографическое описание статьи

Полянская О. Н. История и культура монгольских народов в трудах востоковеда В. П. Васильева (1818–1900) // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 4. С. 171–176. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-171-176.

Oksana N. Polyanskaya,
Candidate of History,
Associate Professor,
Buryat State University
(24a, Smolina st., Ulan-Ude, 670000, Russia),
e-mail: PolGrab@mail.ru

History and Culture of the Mongolic Peoples in the Works of the Russian Orientalist V. P. Vasilyev (1818–1900)[1]

The article is devoted to Vasiliy Pavlovich Vasilyev, one of the outstanding polymaths who stood at the origins of the school of Oriental studies. Like his generation of Oriental scholars, he studied a wide range of issues concerning the language, history, culture, ethnography, and religion of Eastern peoples. 2018 is an anniversary year not only for the scientist (200th anniversary), but also for the school of Oriental studies in Russia. In 1818, the Asian Museum was established in St. Petersburg, which became a treasure trove of the Oriental cultural heritage. Vasiliy Pavlovich is more known as a sinologist, but he began his scientific work in the field of Mongolian studies and it was not accidental. The founder of scientific Mongolian Studies O. M. Kovalevsky was his teacher for many years, under his leadership V. P. Vasilyev learned the Mongolian language, translated sources from the Chinese, Manchu and then they formed the basis of his first works on Buddhism. The publication reflects the historical views of V. P. Vasilyev, his attitude towards the Eastern peoples, in the confirmation of which we have quoted the excerpts from the scientist's little-known works, interesting facts on the history of the Mongols from his diaries. The analysis of the material proves the continuity of traditions of Mongol Studies in Russia and allows us to outline the range of basic trends for their further development.

Keywords: Mongolian Studies, Mongols, Buddhism, V. P. Vasilyev, O. M. Kovalevsky

References

1. Valeev, R. M. Vasily Pavlovich Vasilyev. Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta 2002. (In Rus.)
2. Vasilyev, V. P. Religions of the East: Confucianism, Buddhism and Taoism. St. Petersburg, 1873. (In Rus.)
3. Vasilyev, V. P. Extracts from the diary, conducted in Beijing. Russkiy vestnik, t. 10, 1857. (In Rus.)
4. History of domestic oriental studies from the middle of the XIXth century to 1917. Vigasina, A. A., editor. M: Vostochnaya literature, 1997. (In Rus.)
5. Kovalevsky, O. M. On Transbaikalian Buryats. Kazanskiy Vestnik. 1829. P. 26. B. 7, pp. 230–245; 1830. P. 28. B. 1, pp. 66–68. (In Rus.)
6. Kovalevsky, O. M. On acquaintance of Europeans with Asia. Speech delivered in the solemn meeting of the Imperial Kazan University. Kazan', 1837. (In Rus.)
7. Kulikova, A. M. Oriental studies in Russian legislative acts (the end of the 17th century-1917). SPb: Centr Peterburg. Vostokovedenie, 1994. (In Rus.)
8. Orientalist O. M. Kovalevsky: biography and heritage (1801–1878). Kul'ganek, I. V., editor. Kazan', 2004. (In Rus.)
9. Oldenburg, S. F. In memory of Vasily Pavlovich Vasilyev. Zapiski Vostochnogo otdeleniya Russkogo Arkheologicheskogo obshchestva, v. XII, i. IV, 1900. (In Rus.)
10. Polyanskaya, O. N. Historical views of Professor O. M. Kovalevsky. Orientalist O. M. Kovalevskiy: biography and legacy (1801–1878). – Kazan', Alma-Lit, 2004: 165–177. (In Rus.)
11. Polyanskaya, O. N. Correspondence of Orientalists O. M. Kovalevsky and V. P. Vasilyev as a source on the history of Mongolian studies. Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta, no.7, pp.130–137, 2015. (In Rus.)
12. Polyanskaya, O. N. O. M. Kovalevsky about the role of Buddhism in the life of the Mongolian peoples of the first part of the XIXth century. Mongolian Buddhism in Practice, p. 41, 2017. (In Rus.)

[1] The work was supported by RFBR, project no. 17-01-00209-FIRE "The Scientific heritage of the Russian Orientalists of the 19th century: O. M. Kovalevsky and V. P. Vasilyev".

13. Polyanskaya, O. N. Educational Program of Oriental studies in Russia at the beginning of the XXth century: the A. M. Pozdneev's activity in the field of preparation of Mongolian studies Scholars. Ucheniye zapiski ZabGU, v. 11, no. 6, pp. 143–148, 2016. (In Rus.)

14. Polyanskaya, O. N. Eastern Institute (Vladivostok) – the center of practical Mongol studies in Russia at the beginning of the XXth century. Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta, no. 2, pp. 4–10, 2016. (In Rus.)

15. Ulymzhiyev, D. B. Pages of domestic Mongol studies. Kazan School of Mongolian Studies. Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. gos.un-ta, 1994. (In Rus.)

16. Shastina, N. P. V. P. Vasilyev as a Mongolian Scholar. In: Materialy po istorii i filologii Tsentral'noy Azii. Vyp. 4. Ulan-Ude, 1970: 12–17. (In Rus.)

Received: April 24, 2018; accepted for publication May 20, 2018

Reference to the article

Polyanskaya O. N. History and Culture of the Mongolic Peoples in the Works of the Russian Orientalist V. P. Vasilyev (1818–1900) // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 4. PP. 171–176. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-171-176.

http://www.zabvektor.com ISSN 2542-0038 (Online) ISSN 1996-7853

УДК 378.637(571.53)(092)
DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-177-183

Лариса Викторовна Занданова[1],
доктор исторических наук, профессор,
Иркутский государственный университет
(664003, Россия, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1),
e-mail: zandanova@mail.ru

Яна Викторовна Кулакова[2],
соискатель кафедры истории и методики,
Иркутский государственный университет
(664003, Россия, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1),
e-mail: yanikk1989@mail.ru

Совершенный учитель: к 90-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора Виктора Григорьевича Тюкавкина

Статья посвящена 90-летию уроженца Забайкалья, видного учёного, доктора исторических наук, профессора Виктора Григорьевича Тюкавкина. Авторы обобщили имеющиеся исследования об учёном, ввели в научный оборот малоизвестные биографические сведения, показали основные вехи его биографии. Более подробно рассмотрен период жизни В. Г. Тюкавкина в г. Иркутске, работа в Иркутском государственном педагогическом институте (1954–1974), где происходило его становление как педагога и учёного. В это время Виктор Григорьевич осуществлял большую педагогическую и научную деятельность, развивая тесные контакты с образовательными учреждениями региона, занимался распространением исторических знаний и сохранением важных для города памятников культуры. Дальнейшая деятельность учёного была продолжена в Московском государственном педагогическом институте им. В. И. Ленина (ныне МПГУ), где В. Г. Тюкавкин в течение 26 лет возглавлял кафедру истории России досоветского периода. В. Г. Тюкавкин – автор многочисленных научных публикаций и учебников, организатор ряда научных конференций, он консолидировал российское историческое сообщество в плане изучения актуальных вопросов аграрной истории. Резюмируя статью, авторы отмечают вклад В. Г. Тюкавкина в развитие российской науки и образования, подготовку квалифицированных педагогических и научных кадров.

Виктор Григорьевич Тюкавкин
Viktor G. Tyukavkin

Введение. Виктор Григорьевич Тюкавкин – доктор исторических наук, профессор, известный российский историк-аграрник, заслуженный деятель науки РСФСР. Он является автором уникальной самобытной концепции проблем социально-экономической истории России XIX–XX веков и создателем научной школы, действующей до сих пор при историческом факультете Московского педагогического государственного университета (ранее – МГПИ им. В. И. Ленина). Виктор Григорьевич был уникальным человеком, успешно совмещавшим научную и педагогическую деятельность, он воспитал целую плеяду российских историков, которые сегодня являются продолжателями его дела.

Значимость личности В. Г. Тюкавкина и уважение со стороны учеников и коллег обусловили неподдельный интерес к его фигуре и научному наследию, что отражено в ряде научных публикаций. О нём полно и обстоятельно писали Л. В. Занданова, А. В. Лубков, А. Ф. Киселёв, В. Е. Воронин и др. [1–15], однако в некоторых изданиях допущены неточности. Так, в одной из последних статей, посвящённых сибирскому периоду работы В. Г. Тюкавкина, приведены следующие

[1] Л. В. Занданова – основной автор, является организатором исследования, формулирует выводы.
[2] Я. В. Кулакова выявляет архивные материалы, проводит обработку и обобщение материалов.

© Занданова Л. В., Кулакова Я. В., 2018

данные: «в сентябре 1947 г. стал студентом Иркутского пединститута» [9, с. 29], что противоречит архивным материалам и автобиографии учёного, из которых следует, что в этом году он поступил в Иркутский государственный университет и успешно окончил его в 1952 году. К тому же, в ряде публикаций отмечено, что Виктор Григорьевич являлся лауреатом Государственной премии СССР (РФ), однако мы не нашли подтверждения данному факту. Есть вероятность, что исследователи посчитали, что данная премия была присуждена В. Г. Тюкавкину за 5-томную «Историю Сибири», в то время как за этот труд были удостоены наград только члены АН СССР А. П. Окладников и В. И. Шунков[1].

Данную статью авторы приурочили к 90-летию замечательного педагога и учёного Виктора Григорьевича Тюкавкина, поставили своей целью обобщить имеющиеся о нём сведения и восполнить малоизвестные страницы его жизни.

Методология исследования. Изучение темы было проведено в соответствии с методологическим аппаратом исторической науки. Основополагающим стал принцип историзма, который, в совокупности с историко-генетическим методом, позволил воссоздать биографию В. Г. Тюкавкина, выделить основные этапы в его жизни и научном творчестве, дополнить биографию учёного новыми историческими фактами.

Знакомство с библиографией учёного дало возможность провести анализ его трудов, уяснить концептуальные подходы к решению многих проблем в истории России, окунуться в его творческую лабораторию, понять логику мышления, увидеть способность глубоко проникать в суть изучаемых процессов и явлений. В свою очередь, изучение работ, посвящённых профессору Тюкавкину, сопоставление различных точек зрения, осуществлённое с помощью ретроспективного метода, помогло выявить основные черты личности учёного, понять уровень его компетентности в вопросах аграрной истории, оценить его вклад в развитие отечественной исторической науки.

Результаты исследования. Судьба В. Г. Тюкавкина неразрывно связана с Сибирью, что во многом определило его характер и отношение к жизни и делу. Виктор Григорьевич родился 31 июля 1928 года в с. Александровский Завод Читинской области. Мать – Анисья Васильевна Мокроусова была родом из семьи политического ссыльного. Её прадед был сослан в Сибирь за участие в крестьянском движении на Украине в годы Польского восстания (1830–1831). Отец будущего историка – Григорий Кузьмич, был сыном крестьянина соседнего села Маньково. В 1930 году отца перевели на работу в областной военкомат, семья переехала в Читу, где Виктор учился в средней школе. Чита, где прошли детство, отрочество и юность, стала родным и одним из самых близких и дорогих сердцу мест, образ которого сохранился в его памяти [13, с. 13].

Годы Великой Отечественной войны стали испытанием для семьи Тюкавкиных: по ложному доносу отец был арестован, по этой причине мать не могла устроиться на работу, и юноше приходилось подрабатывать и помогать семье. Он начал трудиться в колхозе, где произошло знакомство с настоящей крестьянской жизнью и бытом, что вызвало неподдельный интерес к судьбе российского крестьянства и в последующем стало основой научных исследований Виктора Григорьевича.

После войны, в 1946 году, В. Г. Тюкавкин поступил в Томский политехнический институт, однако в 1947 году по состоянию здоровья перевёлся на историко-филологический факультет Иркутского государственного университета. Это событие стало отправной точкой в формировании будущего историка. Студенческая жизнь конца 1940-х – начала 1950-х годов была разнообразна и насыщена. Учебная программа исторических профилей требовала от студентов много и упорно учиться, а также активно участвовать в общественно-политической жизни. Уже в это время проявился интеллектуальный потенциал Виктора Григорьевича и его стремление к знаниям: он обучался только на «отлично», был сталинским стипендиатом, являлся секретарём факультетского бюро ВЛКСМ.

По окончании университета В. Г. Тюкавкин был приглашён на должность старшего лаборанта кафедры теории истории государства и права ИГУ. 1954 год в судьбе Виктора Григорьевича стал одним из самых значимых. Именно тогда заведующий кафедрой истории СССР Иркутского педагогического института В. И. Дулов пригласил молодого человека на свою кафедру в качестве старшего преподавателя. Педагогическая деятельность В. Г. Тюкавкина в ИГПИ началась с преподавания собственного курса по истории Украины, который

[1] Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О присуждении Государственных премий 1973 года в области науки и техники» от 05.11.1973 г. № 816 // Собрание постановлений правительства СССР. – М.: Юрид. лит., 1973. – № 24.

позже заменили на историю СССР эпохи капитализма и спецкурсы по кооперации.

Уже с 1955 года Виктор Григорьевич совмещал преподавание в вузе с административной деятельностью. Вначале он выполнял функции заместителя декана, а в 1960–1961 годах был деканом историко-филологического факультета ИГПИ. В полной мере его управленческие способности были реализованы в должности заведующего кафедрой истории, которую он принял после смерти В. И. Дулова в 1964 году и которой руководил в течение 10 лет. В одной из характеристик, данных дирекцией ИГПИ В. Г. Тюкавкину, говорилось: «Относится к работе очень добросовестно, проявил хорошие организаторские способности. На руководимой им кафедре хорошо поставлена учебно-воспитательная и научная работа, систематически обсуждаются теоретические проблемы, все сотрудники ведут научные исследования по комплексной теме, почти все члены кафедры защитили диссертации. Как заведующий кафедрой он проводит большую учебно-методическую работу, оказывает помощь молодым преподавателям и аспирантам»[1].

При Викторе Григорьевиче кафедра истории СССР тесно сотрудничала со школами Иркутской области и органами народного образования, что являлось в то время неотъемлемой частью педагогического образования. Сотрудники кафедры и сам Виктор Григорьевич периодически выезжали в районы области для организации педагогической практики студентов в школах, проведения курсов усовершенствования учителей истории и обществознания, организации набора студентов в институт. Для обмена опытом по организации педагогического образования и подготовке учительских кадров историков в 1972 году В. Г. Тюкавкин посетил Читинский государственный педагогический институт, с которым он имел тесные контакты[2]. В одном из отчётов ЧГПИ отмечено: «Кафедрой истории налажена связь с учёными сибирских городов – Новосибирска и Иркутска. Преподаватели кафедры получают необходимую консультацию. Профессора В. Г. Тюкавкин, И. И. Комогорцев, В. М. Шершевский принимали участие в обсуждении тем диссертаций преподавателей… В 1973 г. ожидается очередной приезд проф. В. Г. Тюкавкина»[3]. Эти слова ещё раз подтверждают значимость Виктора Григорьевича в сибирской исторической науке и образовании.

Плодотворная педагогическая деятельность сочеталась с не менее активной общественной работой. Виктор Григорьевич постоянно выступал с лекциями перед населением региона по линии общества «Знание», а также возглавлял Иркутское отделение «Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры». Именно благодаря настойчивости Виктора Григорьевича удалось сохранить и отреставрировать Спасскую церковь, дом Трубецкого, собор Богоявления – красивейшие архитектурные памятники центральной части г. Иркутска. В 1972 году В. Г. Тюкавкин был назначен главой комиссии, учреждённой при исполкоме горсовета г. Иркутска, которая отвечала за создание проекта музейного комплекса декабристов[4].

Путь молодого учёного в науке был осложнён арестом отца, но ему повезло: «оттепель», наступившая в общественной и политической жизни СССР в середине 1950-х годов, реабилитировала многих незаслуженно репрессированных советских граждан, в том числе и отца В. Г. Тюкавкина. В 1953 году Виктор Григорьевич поступил в аспирантуру, где избрал малоизученную на тот момент тему – переселенческую политику, осуществляемую государством в Восточной Сибири в начале XX века. Изучение данной темы, с одной стороны, было весьма актуально, так как вопросы социально-экономического развития занимали ведущее место в исторических исследованиях. С другой стороны, интерпретация и оценка исторических фактов и суждений требовала от учёного чёткого соблюдения марксистко-ленинской концепции исторического развития и не допускала выхода за её пределы. В 1959 году Виктор Григорьевич защитил кандидатскую диссертацию на тему «Переселение крестьян в Восточную Сибирь в период столыпинской аграрной реформы», а затем, в 1967 году, – докторскую диссертацию на тему «Социально-экономическое развитие сибирской деревни в эпоху империализма».

Огромную роль в становлении В. Г. Тюкавкина как учёного сыграл его учитель – В. И. Дулов. Во-первых, Всеволод Иванович имел теоретический и практический опыт как в изучении истории Сибири, так и вопросах аграрного освоения и развития региона. Многообразие научных интересов и обращение к темам, которые были слабо изучены ранее (сибирская деревня, революционное движение в Сибири, сибирская ссылка), отличало

[1] Архив Педагогического института ФГБОУ ВО «ИГУ». Личное дело В. Г. Тюкавкина. – Л. 10.

[2] Там же. – Л. 28.

[3] ГАЗК. – Ф. р-177. – Оп. 2. – Д. 582. – Л. 12.

[4] Колмаков Ю. П. Иркутская летопись 1941–1991 гг. – Иркутск, 2010. – С. 402.

его от других исследователей. Во-вторых, под его руководством в ИГПИ действовала научная школа «История народного хозяйства Восточной Сибири в XIX–XX вв.». Закономерным итогом деятельности научной школы по изучению социально-экономического развития сибирской деревни стала публикация ряда научных статей и монографий: «Крестьянство Восточной Сибири в годы первой русской революции» (В. И. Дулов, 1956), «Сибирская деревня накануне Октября» (В. Г. Тюкавкин, 1966) и др.

К началу 1970-х годов В. Г. Тюкавкиным было опубликовано более 50 научных работ, под его руководством 10 человек защитили кандидатские диссертации. В это время в научной среде имя В. Г. Тюкавкина заслуженно получило достойное признание. О том, что он пользовался авторитетом среди российских учёных, говорит его участие в редакции третьего тома «Истории Сибири», Научном Совете по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции» при Президиуме АН СССР и Научном Совете по истории Сибири СО АН СССР.

В 1974 году семья Виктора Григорьевича переехала в Москву, где он занял достойное место на кафедре истории СССР, а затем, после её разделения, – истории России досоветского периода Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина, которой впоследствии руководил в течение 26 лет (1976–2002). В. Г. Тюкавкин вёл большую научную работу, занимаясь публикацией статей и монографий. С 1976 года он был членом оргкомитета симпозиума по аграрной истории при Отделении истории Академии наук СССР. Итогом всей его научной жизни стала монография «Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа», изданная в 2001 году в Москве в серии «Памятники исторической мысли». Как пишет его коллега М. Ю. Лачаева, «Почётный ряд книг Виктора Григорьевича, его участие в коллективных монографиях, авторские статьи и выступления сохранили для нас и следующих за нами историков его видение исторического процесса и судьбы русского крестьянства.

Мало, кому из советских историков удавалось создать оригинальную самобытную концепцию. Концепцию В. Г. Тюкавкина следует изучать, так же как и его методологические подходы и методическое искусство, в полной мере использованные им при исследовании социально-экономических процессов отечественной истории. Он сочетал такие методы, как статистический и биографический, с их помощью решал поставленные проблемы. В биографический метод учёный включал и собственный жизненный опыт, в том числе и научный» [11, с. 24].

Виктор Григорьевич был истинным учителем и педагогом, особое место в его жизни занимала творческая работа по подготовке вузовских учебников и учебных пособий, что приобрело особую актуальность на рубеже 1980–1990-х годов (История СССР. 1861–1917: учебник для пед. ин-тов; Хрестоматия по истории СССР: учеб. пособие для пед. ин-тов; История России. XIX век: учебник для студ. вузов; Новейшая история Отечества. XX век: учебник для вузов). В течение многих лет он возглавлял Научно-методический совет по истории Министерства просвещения РСФСР, с 1993 года был председателем научно-методического совета по истории Учебно-методического объединения по педагогическому образованию Госкомвуза Российской Федерации. Также он был членом экспертного совета ВАК и Российского гуманитарного научного фонда.

Однако при всей своей занятости профессор не забывал Иркутск, часто приезжал в него, всегда интересовался судьбой Иркутского пединститута и своих коллег, активно содействовал им как в научном, так и в личном плане.

Виктор Григорьевич Тюкавкин скончался 29 января 2002 года после продолжительной болезни. В 2008 году при входе в учебный корпус Иркутского государственного педагогического института (ныне Педагогический институт ИГУ) была открыта мемориальная доска в память об учёном. Более чем за 50-летний период научной деятельности ему удалось оставить после себя большое научное наследие, которое сегодня мы можем найти в многочисленных публикациях, продолжателях его дела и воспоминаниях учеников и коллег. Память о замечательном педагоге и учёном продолжает храниться сотрудниками Московского педагогического государственного университета и Педагогического института Иркутского государственного университета, а его научные достижения – популяризироваться среди новых поколений студентов, о чём свидетельствует проведённая совсем недавно совместно двумя вузами Всероссийская научно-теоретическая конференция с международным участием «Сибирь в изменяющемся мире. История и современность».

Список литературы

1. Буханцов В. В., Комарова М. В. Виктор Григорьевич Тюкавкин – выдающийся историк трёх русских революций // Сибирь в изменяющемся мире. История и современность: материалы Всерос. науч.-теорет. конф. с междунар. участием (г. Иркутск, 25 апр. 2018 г.). Иркутск: Оттиск, 2018. С. 32–38.

2. Воронин В. Е. Краткая библиография научных трудов В. Г. Тюкавкина // Проблемы новой и новейшей истории России: сб. ст. к 70-летию профессора, заслуженного деятеля науки РФ Виктора Григорьевича Тюкавкина. М.: МПГУ, 1999. С. 31–48.

3. Воронин В. Е. Научная школа В. Г. Тюкавкина: социально-экономическая и политическая история России // Научные школы Московского педагогического государственного университета. М.: Прометей: МПГУ, 2008. Вып. 1. С. 303–317.

4. Занданова Л. В. Проблемы аграрной истории Сибири в трудах В. Г. Тюкавкина // Российское общество и власть в прошлом и настоящем: материалы науч. междунар. конф. памяти профессора Виктора Григорьевича Тюкавкина (12–13 февр. 2003 г.). М.: Прометей: МПГУ, 2004. С. 43–51.

5. Занданова Л. В. В. Г. Тюкавкин – ученик и продолжатель дела В. И. Дулова // Учителя, ученики…: материалы регион. науч.-теорет. конф., посвящ. 90-летию В. И. Дулова: в 2 кн. Кн. 1. Иркутск: ИГПУ, 2003. С. 16–20.

6. Занданова Л. В. В. И. Дулов и В. Г. Тюкавкин – основатели исторической школы сибиреведения ИГПУ // Доклады и выступления участников I регион. науч.-практ. конф. школьников и учителей. Иркутск: ИГПУ, 2005. С. 88–93.

7. Занданова Л. В. Вопросы переселения крестьян в Сибирь в трудах В. Г. Тюкавкина // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск: ИГЭА, 2002. С. 77–80.

8. Иванцова Н. Ф. В. Г. Тюкавкин: философия, методология, итоги исследований крестьянства России конца XIX – начала XX в. // Мир Евразии. 2010. № 1. С. 16–19.

9. Кабытов П. С. Сибирский период в научной деятельности В. Г. Тюкавкина // Известия Саратовского университета. Сер. История. Международные отношения. 2015. Т. 15, вып. 1. С. 29–36.

10. Киселев А. Ф. Нравственные уроки профессора Тюкавкина // Высшее образование в России. 2003. № 3. С. 134–139.

11. Лачаева М. Ю. Виктор Григорьевич Тюкавкин: достойный вклад в советское и российское научное наследие // Сибирь в изменяющемся мире. История и современность: материалы Всерос. науч.-теорет. конф. с междунар. участием (г. Иркутск, 25 апр. 2018 г.). Иркутск: Оттиск, 2018. С. 23–32.

12. Лачаева М. Ю. Интегрирующая сущность идеи кооперации в исторической концепции В. Г. Тюкавкина // Российское общество и власть в прошлом и настоящем: материалы науч. междунар. конф. памяти профессора Виктора Григорьевича Тюкавкина (12–13 февр. 2003 г.). М.: Прометей: МПГУ, 2004. С. 51–61.

13. Лубков А. В. Слово о Викторе Григорьевиче Тюкавкине // Сибирь в изменяющемся мире. История и современность: материалы Всерос. науч.-теорет. конф. с междунар. участием (г. Иркутск, 25 апр. 2018 г.). Иркутск: Оттиск, 2018. С.12–23.

14. Лубков А. В. Слово о коллеге и учителе (вместо предисловия) // Проблемы новой и новейшей истории России: сб. ст. к 70-летию профессора, заслуженного деятеля науки РФ Виктора Григорьевича Тюкавкина. М.: МПГУ, 1999. С. 5–19.

15. Ушаков Н. М. Концепция аграрных преобразований в России начала XX в. в научном наследии профессора В. Г. Тюкавкина // Российское общество и власть в прошлом и настоящем: материалы науч. междунар. конф. памяти профессора Виктора Григорьевича Тюкавкина (12–13 февр. 2003 г.). М.: Прометей: МПГУ, 2004. С. 32–43.

Статья поступила в редакцию 30.04.2018; принята к публикации 25.05.2018

Библиографическое описание статьи

Занданова Л. В., Кулакова Я. В. Совершенный учитель: к 90-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора Виктора Григорьевича Тюкавкина // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 4. С. 177–183. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-177-183.

***Larisa V. Zandanova*[1],**
Doctor of History, Professor,
Irkutsk State University
(1 Karla Marksa st., Irkutsk, 664003, Russia),
e-mail: zandanova@mail.ru

***Yana V. Kulakova*[2],**
Postgraduate,
Irkutsk State University
(1 Karla Marksa st., Irkutsk, 664003, Russia),
e-mail: yanikk1989@mail.ru

A Perfect Teacher: to the 90th Anniversary of the Birth of Doctor of History, Professor Viktor Grigorievich Tyukavkin

The article is dedicated to the 90th anniversary of the native of Transbaikalia, a prominent scientist, Doctor of History, Professor Viktor Grigorievich Tyukavkin. The authors summarized the available research about the scientist, introduced little-known biographical information into the scientific circulation and showed the main milestones of his biography. The period of V.G Tyukavkin's life in Irkutsk is considered in more details, as he worked at the Irkutsk State Pedagogical Institute (1954–1974) and became a teacher and a scientist. At that time, Viktor Grigorievich carried out great pedagogical and scientific activities, developed close contacts with the educational institutions of the region and disseminated historical knowledge and preserving important cultural monuments for the city. The further activity of the scientist was continued at the Moscow State Pedagogical Institute named after V. I. Lenin (now MSPU), where V. G. Tyukavkin for 26 years headed the Department of History of Russia (pre-Soviet period). V. G. Tyukavkin is the author of numerous scientific publications and textbooks, the organizer of a number of scientific conferences, he consolidated the Russian historical community in terms of studying topical issues of agrarian history. Summarizing the article, the authors note the contribution of V. G. Tyukavkin to the development of Russian science and education, the preparation of qualified pedagogical and scientific personnel.

References

1. Bukhantsov, V. V., Komarova, M. V. Viktor Tyukavkin is an outstanding historian of three Russian revolutions. Siberia in a changing world. History and modernity. Materials of the all-Russian Scientific and Theoretical conference with international participation. Irkutsk, 25 April 2018: 32–38. (In Rus.)
2. Voronin, V. E. Brief bibliography of Viktor Tyukavkin's scientific works. Problems of new and modern history of Russia. Proceedings of the Conference Title. Moscow, 1999: 31–48. (In Rus.)
3. Voronin, V. E. Scientific school of V. G. Tyukavkin: socio – economic and political history of Russia. In Scientific schools of Moscow State Pedagogical University. Moscow: Prometej, 2008: 303–317. (In Rus.)
4. Zandanova, L. V. Problems of agrarian history of Siberia in Viktor Tyukavkin's works. Russian society and power in the past and present, Materials of the scientific international conference. Moscow: 2004: 43–51. (In Rus.)
5. Zandanova, L. V. Viktor Tyukavkin – pupil and successor of Vsevolod Dulov. Teachers, students. Materials of the regional Scientific and Theoretical conference. Book 1. Irkutsk, 2003: 16–20. (In Rus.)
6. Zandanova, L. V. Vsevolod Dulov and Viktor Tyukavkin – founders of the historical school of Siberia study of Irkutsk State Pedagogical University. Reports and speeches of the participants of the First Regional Scientific and Practical conference of students and teachers. Irkutsk, 2005: 88–93. (In Rus.)
7. Zandanova, L. V. Questions of resettlement of peasants in Siberia in the works of Viktor Tyukavkin. In Irkutsk historical and economic Yearbook. Irkutsk: ISEA, 2002: 77–80. (In Rus.)
8. Ivantsova, N. F. Viktor Tyukavkin: philosophy, methodology, results of research of Russian peasants of the late XIXth — early XXth centuries. The World of Eurasia, no. 1, pp. 16–19, 2010. (In Rus.)
9. Kabytov, P. S. The Siberian period in the scientific activities of Viktor Tyukavkina. News of Saratov University. New series. A Story Series. International relations, v. 15, i. 1, pp. 29–36, 2015. (In Rus.)
10. Kiselev, A. F. Moral lessons of Professor Tyukavkin. Higher education in Russia, no. 3, pp. 134–139, 2003. (In Rus.)
11. Lachaeva, M. Yu. Viktor Tyukavkin: a worthy contribution to Soviet and Russian scientific heritage. Siberia in a changing world. History and modernity. Materials of the all-Russian Scientific and Theoretical conference with international participation. Irkutsk, 25 April 2018: 23–32. (In Rus.)
12. Lachaeva, M.Yu. Integrating the essence of the idea of cooperation in the historical concept of V. G. Tyukavkin. Russian society and power in the past and present, Materials of the scientific international conference. Moscow: 2004: 51–61. (In Rus.)

[1] L. V. Zandanova – the main author, the organizer of the study, who formulates the conclusions.
[2] Ya. V. Kulakova identified archival materials, processed and summarized the materials.

13. Lubkov, A. V. Word about Viktor G. Tyukavkin. Siberia in a changing world. History and modernity. Materials of the all-Russian Scientific and Theoretical conference with international participation. Irkutsk, 25 April 2018. 12–23: (In Rus.)

14. Lubkov, A. V. Word about colleague and teacher (instead of Preface). Problems of new and modern history of Russia. Proceedings of the Conference Title. Moscow, 1999. 5–19: (In Rus.)

15. Ushakov, N. M. The concept of agrarian reforms in Russia in the early XXth century in the scientific heritage of Professor Viktor G. Tyukavkin. Russian society and power in the past and present, Materials of the scientific international conference. Moscow: 2004: 32–43. (In Rus.)

Received: April 30, 2018; accepted for publication May 25, 2018

Reference to the article

Zandanova L. V., Kulakova Ya. V. A Perfect Teacher: to the 90th Anniversary of the Birth of Doctor of History, Professor Viktor Grigorievich Tyukavkin // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 4. PP. 177–183. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-177-183.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

Редакция принимает **не опубликованные ранее** материалы объёмом до 1 п. л. (40 000 знаков с пробелами), выполненные в следующих жанрах:

Жанр	***Минимальный объём***
Статья (теоретического и эмпирического характера, содержащая основные научные результаты, полученные автором)	0, 5 п. л. (20 000 знаков)
Научные сообщения, доклады	0, 3 п. л. (12 000 знаков)
Научные обзоры, рецензии	0,2 п. л. (8 000 знаков)

В редакцию НЕОБХОДИМО ПРЕДСТАВИТЬ:

1. Электронный вариант статьи. В имени файла указываются фамилия автора(-ов) и название статьи.
2. Электронный вариант заполненного лицензионного договора.
3. Отзыв научного руководителя с указанием новизны и достоверности исследования, если автор статьи – аспирант.
4. Личную карточку автора – сведения об авторе(-ах).

СТРУКТУРА СТАТЬИ, ПРЕДСТАВЛЯЕМОЙ В РЕДКОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА

Отрасль науки. Название рубрики журнала.

Код: УДК.

Имя, отчество, фамилия автора приводятся на русском и английском языках. Количество соавторов в статье может быть не более 5. При наличии соавторов первым указывается ответственный/основной автор. На русском и английском языках даётся описание вклада в исследование каждого автора (по 1 предложению).

Город, страна – на русском и английском языках.

Место работы (постоянное и при наличии – место выполнения научного проекта) – на русском и английском языках.

Почтовый адрес – на русском и английском языках.

Источники финансирования статьи (при их наличии) – на русском и английском языках.

Название статьи – на русском и английском языках строчными буквами (не заглавными).

Аннотация: 150–200 слов на русском и английском языках. Текст аннотации должен включать основные результаты статьи: актуальность, методы, выводы исследования. Аннотация не должна содержать каких-либо ссылок.

Ключевые слова или словосочетания (5–7 терминов/понятий) отделяются друг от друга запятой. Приводятся на русском и английском языках.

Основной текст статьи, содержащий следующие блоки: введение, методология и методы исследования, результаты исследования, обсуждение результатов, заключение – выводы. **Название блоков выделяется полужирным шрифтом.**

Статья должна иметь внутритекстовые ссылки на цитируемые источники. Ссылки приводятся в квадратных скобках с указанием порядкового номера в списке литературы и страницы, например [1, с. 25]. Несколько источников отделяются друг от друга точкой с запятой, например [1; 3; 4].

Список литературы указывается в алфавитном порядке и должен включать не менее 15 источников, в том числе не менее 5 зарубежных источников. Литература на иностранных языках должна следовать за литературой на русском языке.

Учебные пособия, публицистика, архивы, справочные, словарные и законодательные материалы являются источниками, не входят в список литературы и выносятся в текст статьи в виде подстрочных ссылок (сноски внизу страницы). Маркер сноски – арабская цифра, нумерация – постраничная.

Список литературы оформляется согласно ГОСТу Р 7.0.5-2008. Для каждого источника обязательно указываются издательство, общее количество страниц.

Самоцитирование допускается в объёме не более 20 % от общего количества источников в списке литературы.

Объём цитирования в статье должен составлять не более 30 % от общего объёма статьи.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ СТАТЬИ

Рабочие языки: русский и английский.

Общие требования: формат – А4, ориентация – книжная.

Параметры страницы: верхнее и нижнее поля – 2 см; левое и правое поля – 2,5 см. Шрифт – Arial, кегль – 14, интервал – 1,5 строки. Отступ первой строки – 1,25 см. Текст – без переносов, выравнивание – по ширине.

При использовании дополнительных шрифтов при наборе статьи следует представить их в редакцию.

При наличии в статье других языков необходимо дублировать статью в формате PDF.

На последней странице статьи указывается, что «статья публикуется впервые», ставятся дата и ФИО автора(-ов).

Особенности набора слов, цифр, формул, единиц измерения.

Единицы измерения отделяются от символов и цифр, к которым они относятся.

Следует различать: О (буква) и 0 (ноль), 1 (единица) и I (римская единица или буква «и») и т. д. Необходимо отличать дефис (-) и тире (–).

Не следует заменять букву «ё» на «е».

Таблицы оформляются в формате Word, должны быть озаглавлены и иметь сквозную нумерацию в пределах статьи, обозначаемую арабскими цифрами, например, *таблица 1,* в тексте ссылки нужно писать сокращённо, например, *табл. 1*. Содержание таблиц не должно дублировать текст. Слова в таблицах следует писать полностью, переносы должны быть расставлены верно. В ячейке таблицы в конце предложения точка не ставится.

Рисунки оформляются только в чёрно-белом варианте (графики, диаграммы – формат Excel, схемы, карты, фотографии), приводятся со сквозной нумерацией (арабскими цифрами) и везде обозначаются сокращённо, например, *рис. 1*. Представляются в формате jpg (разрешение – не менее 300 т/д) отдельными файлами с указанием его порядкового номера, фамилии автора(-ов) и названия статьи. Размер рисунка – 170×240 мм. Все детали рисунка при его уменьшении должны хорошо различаться. Все **подрисуночные подписи на русском и английском языках** прилагаются отдельным списком в конце статьи.

Объём рисунков не должен превышать ¼ объёма статьи.

Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются.

Авторы несут полную ответственность за ссылочный аппарат, подбор и изложение фактов, представленных в статье.

Почтовые расходы по пересылке авторского экземпляра журнала составляют 200 р.

Пакет документов, необходимый для опубликования материалов, отсылается по электронной почте: zab-nauka@mail.ru.

Адрес редакции:
672007, Россия, г. Чита, ул. Бабушкина, 129. Забайкальский государственный университет. Редакция научных журналов (каб. 126).

Ответственный секретарь:
Седина Елена Витальевна,
Блажевская Ирина Николаевна.
Тел. +7(3022) 35-24-79, e-mail: zab-nauka@mail.ru